

Администрация Президента и Правительства Удмуртской Республики

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Удмуртский государственный университет»

Исторический факультет

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Ижевское отделение

**ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ:
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

Сборник статей и материалов
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 95-летию со дня рождения
профессора В.Е. Майера (1918–1985)

Серия «Историк и его дело». Выпуск 10

Ижевск
2013

УДК 008(075)
ББК 71р30
И 907

Печатается по решению
кафедры истории древнего мира и средних веков,
научно-методического совета исторического факультета УдГУ

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук, доцент **Н.Г. Шишкина**
канд. ист. наук, доцент **Н.Ю. Старкова**
канд. ист. наук, доцент **Д.А. Черниенко**
аспирант **А.Л. Туркевич**

И 907 История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики (Серия «Историк и его дело». Вып. 10): Сб. ст. / под ред. Н.Г. Шишкиной, Н.Ю. Старковой, Д.А. Черниенко, А.Л. Туркевича. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2013. – 282 с.

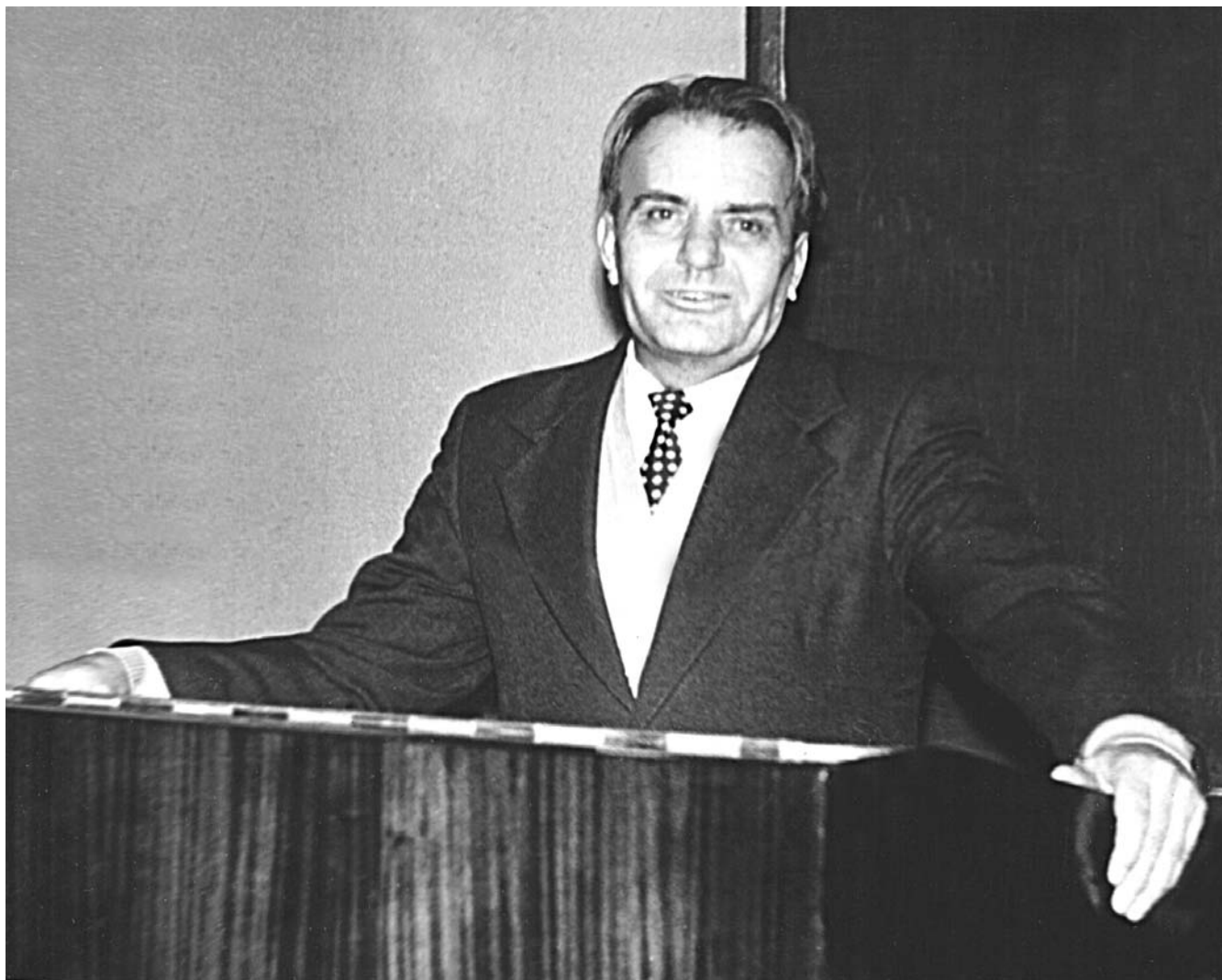
В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической конференции «История культуры в университетском образовании: педагогический опыт и современные образовательные практики», которая состоялась в г. Ижевске 6 декабря 2013 г. и была посвящена 95-летию со дня рождения профессора В.Е. Майера. Авторы статей рассматривают вопросы истории, теории и методики изучения отечественной и зарубежной культуры, особенностей преподавания культуры в высших учебных заведениях различного типа, взаимодействия образовательных учреждений и учреждений культуры, роли музеев в современном образовании.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, работников учреждений культуры.

ISBN

© Коллектив авторов, 2013
© ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», 2013

К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ПРОФЕССОР

ВИЛЬГЕЛЬМ (ВАСИЛИЙ) ЕВГЕНЬЕВИЧ МАЙЕР

(1918-1985)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	7
------------------	---

КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТРАДИЦИЯХ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА В.Е. МАЙЕРА

Н.Г. Шишкина

Теоретические и практические принципы построения спецкурса «История западноевропейской культуры XIV–XVII вв.».....	10
---	----

В.Е. Майер

«Возрождение».....	13
--------------------	----

В.Е. Майер

Программа спецкурса по всеобщей истории «История западноевропейской культуры XIV–XVII вв.».....	36
--	----

Н.Ю. Старкова

«Титан Возрождения» на историческом факультете УдГУ: профессор В.Е. Майер.....	42
---	----

Т.П. Евсеенко

Первый научный опыт: дипломная работа о Микеланджело.....	49
---	----

С.И. Ильинский

История культуры и религии в спецкурсе В.Е. Майера.....	51
---	----

А.Л. Туркевич

В.Е. Майер и методы руководства кафедрой всеобщей истории УГПИ – УдГУ (1964–1985).....	56
---	----

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

А.Н. Галямичев

О содержании, принципах построения и методике преподавания дисциплины «Культура немецкого Возрождения» (из опыта Саратовского университета).....	67
--	----

Н.А. Бондаренко

Интерактивные технологии в изучении истории культуры Средневековья.....	71
--	----

Н.Н. Елистратова
Технология создания и практического применения электронного учебника на примере преподавания дисциплины «Культурология» в военном командном вузе..... 74

Т.К. Ютина
Опыт реализации образовательной программы специализированной подготовки магистров «история и культура народов Приуралья: развитие и межкультурное взаимодействие»..... 79

В.В. Пушкарева
Роль программы международных обменов в процессе информационного влияния на студентов (из опыта участия)..... 85

Н.В. Лекомцева, И.В. Харламова
Обучаться, постигая принципы светоносности мировой культуры..... 93

ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВЕЙШЕМУ ВРЕМЕНИ

Ю.Е. Ивонин
Вормский рейхстаг 1495 г. в свете 200-летия конца Священной Римской империи..... 99

В.А. Чиркин
К вопросу о разработанности проблем аграрного развития среднегерманского региона в XV–XVI вв. 114

И.Б. Черниенко
Альбрехт Дюрер и немецкое искусство второй половины XV в.: к вопросу формирования истоков немецкого Возрождения..... 132

Е.Г. Штенникова
Хоровое искусство эпохи Возрождения: вокально-хоровые жанры..... 138

Т.В. Пантюхина
Традиции немецкой культуры на американской земле: опыт немецкой общины Чикаго XIX – начала XX в. 143

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА И НАУКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Л.Д. Макаров
Из истории изучения русской археологической культуры Вятского края..... 149

<i>Л.Б. Сукина</i> Русская иконопись XVI – XVII веков как исторический источник.....	153
<i>А.А. Зорина</i> Русская духовная миссия в Иерусалиме и ее вклад в изучение византийской культуры во второй половине XIX в.	162
<i>Е.В. Крылов</i> Историческая наука и власть в Татарской АССР в 1940-е гг.	166
<i>Н.В. Белошапка</i> Социокультурное состояние СССР во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. (на примере сценического искусства).....	176
<i>Е.А. Чуракова</i> Влияние протестантизма на этноконфессиональное пространство Удмуртии.....	183

МУЗЕИ И ЭКСКУРСИОННЫЙ ОПЫТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВЕ

<i>Т.И. Останина</i> Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда: годы становления и свершений.....	186
<i>О.А. Казанцева</i> Роль государственных и муниципальных музеев Удмуртской Республики в образовательных программах исторического факультета УдГУ.....	200
<i>Г.В. Мезрина</i> Культурно-образовательная деятельность на экспозициях Национального музея УР им. К. Герда.....	208
<i>Н.А. Зелинская</i> Роль государственных музеев Удмуртской Республики в образовательном пространстве региона.....	212
<i>Е.М. Черных</i> Научно-образовательный центр «Историко-культурное наследие»: первые четыре года работы.....	217
<i>Н.Ю. Старкова</i> О культурологическом феномене «Итальянского путешествия».....	220

<i>Д.А. Черниенко</i> Научный туризм как форма исследовательской работы: история одного путешествия (К 165-летию Аральской экспедиции А.И. Бутакова и 200-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко).....	237
--	-----

<i>А.Д. Зорин</i> Путешествия как источник знаний для профессиональной деятельности историка.....	245
---	-----

AD MEMORIAM

<i>А. Бейлис</i> Воспоминания об историческом факультете и В.Е. Майере.....	247
--	-----

<i>Г.П. Кубашев</i> Воспоминания о профессоре В.Е. Майере.....	248
---	-----

<i>Н.С. Качалина</i> Память о Василие Евгеньевиче Майере.....	251
--	-----

<i>А.Л. Туркевич</i> Презентация книги о В.Е. Майере.....	252
--	-----

<i>Е.М. Гуца</i> Слово о книге.....	255
--	-----

<i>Т.В. Сафонова</i> Мир воспоминаний о замечательном человеке.....	256
--	-----

Ответы В.Е. Майера на вопросы совета ветеранов войны исторического факультета МГУ.....	258
---	-----

Список научных трудов В.Е. Майера.....	262
--	-----

Литература о В.Е. Майере.....	271
-------------------------------	-----

Сведения об авторах.....	283
--------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник посвящен памяти ученого, педагога, специалиста по средневековой истории Германии, основателя школы средневековой германистики в Ижевске, организатора науки профессора В.Е. Майера (1918–1985). Особый интерес материалы сборника представляют в связи с 95-летним юбилеем ученого 6 декабря 2013 г.

Василий Евгеньевич Майер – один из признанных советских историков-медиевистов. По широте своих знаний и основательности исследовательского подхода В.Е. Майер является истинным представителем фундаментальной исторической науки. Его научные исследования отличаются глубиной и обстоятельностью, стремлением проникнуть в суть изучаемого предмета, а научные достижения в разработке проблем аграрной истории средневековой Германии были оценены в Советском Союзе, за рубежом и актуальны по сей день. Много сил и времени отдавал В.Е. Майер и педагогической работе, он был блестящим лектором. Чтение лекций никогда не превращалось для него в повседневную рутину. Глубокая содержательность соединялась с отточенностью форм и, что особенно важно, с внутренней заинтересованностью и влюбленностью в материал. Практически у всех выпускников исторического факультета за 40 лет работы в УГПИ – УдГУ (1945–1985) Василий Евгеньевич оставил след, многие его ученики нашли себя в научной, педагогической и просветительской деятельности.

Наука и преподавание были для него неотделимы и в лице В.Е. Майера мы имеем пример ученого, высшей целью которого является служение просветительству. Историк-медиевист В.Е. Майер – автор многочисленных статей в газетах и журналах, брошюр, глав и разделов в коллективных трудах, монографий. Принципиальная оценка научной и педагогической деятельности В.Е. Майера и его вклада в медиевистику уже неоднократно была предметом исследования. В различных российских изданиях регулярно печатаются работы о самом В.Е. Майере, методике его работы, особенностях его педагогического и исследовательского метода¹.

Авторами публикуемых в настоящем сборнике работ являются его ученики, ставшие профессиональными историками, а также ученые, занимающиеся проблемами близкими по тематике к научным интересам В.Е. Майера, кроме того, в сборник вошли исследования и воспоминания о его жизненном и творческом пути. В.Е. Майер менее всего напоминал кабинетного ученого, живущего в отрыве от жизни. Он был открыт для профессиональных контактов, для дискуссий по самым разным вопросам с коллегами и студентами, он был открыт для простого человеческого общения.

¹ Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения: библиографический указатель / сост.: Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова, Д.А. Черниенко. Ижевск, 2008. 64 с.

В.Е. Майер – педагог, с которым не расставались, закончив обучение, обращались к нему за советом. Многим впоследствии ученый помог определиться в жизни и науке. Одним поступить в аспирантуру, подобрать тему научного исследования, другим – найти научных руководителей.

Заложенные им традиции высокого профессионализма в преподавательской и научной работе сохраняются на кафедре и факультете до сих пор. Новые поколения студентов, аспирантов, молодых ученых и преподаватели кафедры продолжают изучать труды Василия Евгеньевича, анализируя методику его работы, его педагогический и исследовательский метод. Свидетельство тому – проведение ежегодных «Майеровских чтений», - научной конференции, по итогам которой издаются сборники «Историк и его дело».

9 декабря 2003 г. состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная 85-летию со дня рождения профессора В.Е. Майера. В конференции приняли участие аспиранты, преподаватели, ученые из вузов Астрахани, Вологды, Глазова, Екатеринбурга, Ижевска, Йошкар-Олы, Липецка, Москвы, Н.Новгорода, Тюмени. В научной части пленарного заседания речь шла о традициях и современном состоянии кафедры истории древнего мира и средних веков, роли В.Е. Майера в развитии археологии УдГУ, проблемах возрождения истории как науки на заре Нового времени.

3 декабря 2004 г. прошла научно-практическая конференция (с международным участием) «Российские немцы: история и современность», организованная и проведенная совместными усилиями исторического факультета УдГУ, республиканского центра российских немцев «Wiedergeburt» (Возрождение), Министерства национальной политики УР, Администрации г. Ижевска. Коллектив исторического факультета решил выйти за рамки традиционной проблематики, показать существующие направления и уровень германских исследований. Учитывая ставшие более тесными в последнее время международные связи наших стран и объявленный год Германии в России, а также плодотворные разносторонние контакты между УдГУ и германскими партнерами, акцент был сделан на обращение к феномену немецкой диаспоры в историческом контексте и на современном этапе.

В декабре 2008 г. под эгидой Российского общества интеллектуальной истории на историческом факультете проходила представительная научно-практическая конференция «Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ». Среди тех, кто выразил желание принять в ней участие, были не только представители российской науки, но и историки из Германии, Украины, Беларуси. Одна из самых крупных секций была посвящена судьбам ученых и научных школ, другая поднимала проблемы историографических традиций отечественной и зарубежной науки, третья касалась непосредственно германской истории, а четвертая обращалась к наиболее актуальным вопросам всеобщей истории и отечественного прошлого.

20 сентября 2011 г. в селе Новый Мултан Увинского района УР было проведено заседание республиканского круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», в котором приняли участие преподаватели и сотрудники УдГУ, краеведы, историки-архивисты, представители Администрации и школ Увинского района Удмуртской Республики. Основное внимание было посвящено «увинскому» периоду жизни В.Е. Майера, а также проблемам образования и культуры в Увинском районе.

7 марта 2012 г. на историческом факультете Удмуртского государственного университета состоялась презентация книги «Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах»¹. Автор-составитель книги – Борислава Петровна Сысоева, вдова ученого, нетривиально подошла к написанию воспоминаний. Отказавшись от четкого изложения в хронологической последовательности, она предложила читателям яркую мозаику, сложенную из собственных воспоминаний, писем, фотографий, газетных статей и документов, затрагивающих самые разные стороны жизни В.Е. Майера. Борислава Петровна рассказала о непростых сороковых-пятидесятых, о научных и карьерных успехах, о, казалось бы, незначительных бытовых моментах из жизни. Но все это в совокупности создало яркую, насыщенную картину из жизни В.Е. Майера. Прекрасный слог, живой язык, искренность в изложении позволяют читателям окунуться в то время, жить вместе с героями, сочувствовать и переживать.

На презентации книги, проходившей в мемориальной аудитории профессора В.Е. Майера, присутствовали и студенты-историки, и уже состоявшиеся ученые, бывшие когда-то учениками Василия Евгеньевича. Многие из выступавших в тот день отмечали, что Василий Евгеньевич сыграл важную роль в их жизни, оказывая посильную помощь или «наставляя на путь истинный». Можно с уверенностью сказать, что память об этом удивительном человеке живет, живет не только на страницах книг, но и в сердцах его учеников и последователей, создавая особую траекторию развития, под названием «Историк и его дело».

В настоящем сборнике опубликована библиография трудов профессора В.Е.Майера, позволяющая представить творческий путь советского историка, а также статьи, освещающие его вклад в медиевистику и различные аспекты научно-педагогической биографии ученого.

Он ушел из жизни 10 февраля 1985г. Ему было только 67 лет.

В этом сборнике благодарная память нашему Учителю.

Н.Г. Шишкина

¹ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах / сост. Б.П.Сысоева; общ. ред. Н.Г.Шишкиной. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 418 с.

КУЛЬТУРА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТРАДИЦИЯХ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА В.Е. МАЙЕРА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СПЕЦКУРСА «ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIV–XVII ВВ.»

Н.Г. Шишкина
Ижевск

О научном творчестве и педагогическом труде В.Е. Майера написано уже немало – и в общих работах по истории УГПИ–УдГУ, и в специальных статьях, освещающих различные аспекты его многогранной научно-педагогической деятельности. Основную учебную нагрузку В.Е. Майера как преподавателя кафедры составлял курс истории средних веков (лекции на стационаре и ОЗО, практические занятия, курсовые, дипломные работы и т.п.). Этот курс всегда вызывал неизменный интерес у студентов. На большом фактическом материале он раскрывал объективные закономерности становления и развития западноевропейского феодализма.

В середине 1960-х гг. Василий Евгеньевич разработал для студентов-историков принципиально новый курс по истории западноевропейского искусства XIV–XVII вв. Это было время, как отмечает И.Я. Эльфонд, когда «усиливается работа по подготовке специалистов по истории культуры Возрождения: как в Москве и Ленинграде, так и на местах в высших учебных заведениях ставятся спецсеминары, посвященные культуре Возрождения»¹. Подобный спецкурс появился и на историческом факультете УГПИ. Осознавая важность глубокого изучения эпохи Возрождения, Василий Евгеньевич обновлял и расширял спецкурс на протяжении 20 лет.

Среди необработанных документов в архиве кафедры истории древнего мира и средних веков хранятся материалы, связанные с работой по спецкурсу:

- рукопись вводной лекции по спецкурсу²;

¹ Эльфонд И.Я. Изучение проблем культуры Возрождения в отечественной науке 60-80 гг. XX в. Средневековый город: Межвузовский научный сборник. Вып. 17. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 2006. С. 143-158, 148.

² Вводная лекция к семинару представляет собой рукопись в обычной общей тетради, страницы не пронумерованы. При публикации максимально сохранена авторская стилистика, орфография и авторские сокращения. Подлинник хранится в архиве кафедры истории древнего мира и средних веков УдГУ.

- ответы студентов на вопросы профессора о значении для них материалов спецкурса, написанные от руки на блокнотных листах;
- программа спецкурса¹.

Характер этих материалов в целом отражает личные пристрастия педагога. Василий Евгеньевич не стремился дать полную картину западноевропейского искусства XIV–XVII вв. Особенностью спецкурса стало соединение в едином изложении сведений по истории искусства Италии, Германии, Нидерландов, Франции, Испании, Англии и других европейских стран в эпоху Возрождения, а также теоретико-методологические и конкретно-исторические проблемы истории Европы позднего средневековья. Если говорить о содержании спецкурса, это был не просто авторский, а исследовательский курс, отвечавший всем требованиям тогдашнего состояния науки и обогащенный собственными исследованиями. Василий Евгеньевич начинал спецкурс с вводной лекции, в которой анализировал не мировоззрение и деятельность отдельных мастеров искусства XIV–XVI вв., а теоретические проблемы, имеющие основополагающее значение для понимания гуманизма и Ренессанса в целом. Затем перед всеми студентами ставил для изучения проблемы общетеоретического характера и предлагал темы, посвященные одному из деятелей Итальянского или Северного Возрождения. Далее для ознакомления рекомендовалась отечественная и зарубежная литература, посвященная важнейшим аспектам культуры европейского Ренессанса. Найти ее было непросто в библиотеке нашего вуза, да и в библиотеках города, они были небогаты литературой и альбомами по эпохе Возрождения, и тогда он научил студентов заказывать ее через МБА (межбиблиотечный абонемент).

Обычно сложность для читателей представляет специальный искусствоведческий язык, которым пользуются при анализе творчества того или иного художника истории искусства. Главным предметом для них являются сами произведения, а первостепенная их задача раскрытие образного содержания и художественного своеобразия полотна. Но и здесь помогал Василий Евгеньевич. Для историка Майера в объяснении и постижении шедевров мастеров Возрождения больше значила та почва, на которой они возникли, и то, что определяло общий фон эпохи: культурно-исторический, религиозно-философский и социальный. Рассказывая о том или ином художнике, Василий Евгеньевич давал понять, что шедевры потому и являются шедеврами, что в них заложено нечто большее, чем то, что изображено, чем то, что можно увидеть «первым взглядом», помогал найти ключи к загадкам старых полотен. Из разных источников (воспоминания бывших студентов, коллег, воспоминания жены, ответы студентов

¹ Программа спецкурса по всеобщей истории «История западноевропейской культуры в XIV–XVII вв.». Ижевск, 1984.

на вопросы, задаваемые педагогом после завершения спецкурса и сохранившиеся в его архиве) видно, что к изучению спецкурса студентов влекли его лекторское мастерство, содержательные материалы лекций, теоретические размышления во время лекций. Его лекции о великих мастерах живописи и их творениях обучали студентов видеть и тонко чувствовать искусство. Но он не только давал знания об эпохе, образе жизни, мыслях и чувствах людей, их вкусах и идеалах, но и ставил ряд вопросов:

- что изобразил художник;
- какова идея его произведения;
- какими художественными средствами добился он выражения своих мыслей, тем самым заставляя размышлять, осмысливать, оценивать анализируемые произведения.

Мастера итальянского и северного Возрождения использовали в своих картинах традиционные мифологические, литературные и исторические сюжеты и выражали в них насущные идеи своего времени. И об этом Василий Евгеньевич рассказывал просто и доступно, раскрывая множество символических смыслов произведения искусства. Он видел и придавал словесные формы тому, что было скрыто от непосвященного взгляда.

Хочется сказать еще об одном. Человек, в силу сложившихся обстоятельств практически не покидавший пределов СССР, был абсолютно убедителен в рассказах о европейских городах, музеях и их шедеврах. Он «проживал» вместе с Мастерами наиболее важные моменты их жизни и творчества и вовлекал в этот познавательный процесс каждого студента. В распоряжении Василия Евгеньевича не было, к сожалению, тех технических средств, какими мы пользуемся сейчас, и он через маленький аппарат для показа слайдов или через эпидиаскоп знакомил с картинами мастеров: от Джотто до Тициана, от братьев ван Эйк и Дюрера до Пуссена, Веласкеса, Рубенса и Рембрандта.

В ходе спецкурса Василий Евгеньевич сам предлагал темы для обсуждения, внимательно выслушивал студента, давал возможность высказать самостоятельный, но аргументированный взгляд на изучаемый вопрос. И хотя студентам приходилось решать сложные задачи и осмысливать противоречивые явления, они были заражены увлеченностью педагога, умевшего преподать уроки скрупулезного анализа и особенно увлеченно работали над курсовыми и дипломными сочинениями по истории западноевропейского искусства XIV–XVII вв. Курсовые и дипломные работы – обязательный элемент учебного процесса. В 1970-80-е гг. тематика многих из них была связана с тематикой спецкурса. При этом В.Е. Майер реализовывал свой принцип подготовки высококвалифицированных специалистов в вузе при активной самостоятельной научно-исследовательской работе.

По мнению В.Е. Майера, в результате изучения этого курса студенты должны овладеть определенными знаниями, которые расширят их представления об истории культуры, позволят им установить определенные связи между историческими и историко-культурными процессами, осознав роль культуры и изобразительного искусства в жизни средневекового общества. И они эти знания получали. Свидетельство тому слова благодарности по завершению курса лекций и выполненные обычно на «отлично» курсовые и дипломные сочинения.

«ВОЗРОЖДЕНИЕ»¹

В.Е. Майер
Ижевск

1. История термина «В.».
2. Общая характеристика периода Возрождения.
3. Историческая обстановка и особенности Возрождения в отдельных странах.
4. Естествознание и техника.
5. Философия.
6. Педагогика и правоведение.
7. Литература.
8. Изобразительное искусство и архитектура.
9. Театр.
10. Музыка.

В.² обусловлено зарождением капиталистических отношений.

Термин «В.» условен и неточен: 1) не вскрывает соц.-эк. основу развития культуры; развитие общества той эпохи изображается лишь как чисто духовный процесс; 2) этот термин указывает на простое возрождение античной культуры, тогда как она не просто «возрождалась», а послужила, причем лишь частично, материалом для формирования буржуазной культуры, качественно отличной от культуры древности и представлявшей собой продукт новых, складывавшихся внутри феодализма, капиталистических отношений. Тем не менее, термин «В.», в качестве условного, принят в советской науке.

1. Терм. «В.» введен буржуазной историогр. Терм. «В.» связан с зарождением бурж. культуры и обусловленным им возникновением широкого интереса к материалистическим (в естествозн. и филос.) и реалисти-

¹ Вводная лекция к спецкурсу из неопубликованного архива. Текст приводится в авторской редакции, с авторскими сокращениями, подчеркиваниями и пунктуацией.

² Буквой «В» в тексте обозначен термин – Возрождение.

ческим (в литературе и искусстве) элементами античной культуры после тысячелетнего духовного гнёта церкви, которая отвергала и извращала античную культуру.

Впервые терм. «В.» начал применяться уже в 16 в. Потом Вольтером. Но французские философы – литер., оставаясь в области объяснения общественных явлений идеалистами, не могли исторически правильно оценить В.

Характеризуя ограниченность их взглядов на историю, Ф.Э. писал: «В области истории – то же отсутствие исторического взгляда на вещи. Здесь приковывала взор борьба с остатками средневековья. На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, великие жизнеспособные нации, образовавшиеся там, в соседстве друг с другом, наконец, огромные технические успехи XIV и XV веков. А тем самым становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь...» (Ф.Э., «Людв. Ф.» 1950, 22)

Терм. «В.» возник в связи со следующей антиисторической схемой: античная культура – средневековье (остановка в развитии общества) – возрождение античной культуры (начало новой истории).

Историки 19 в. отстаивают этот же взгляд. Бурж.-либеральная историография 50–60-х гг. 19 в. видела в Возрождении переворот в мировоззрении (Мишле).

Очень часто любые признаки культурного расцвета в средние века безотносительно к тому, какими причинами они были вызваны, произвольно относили к В. (Буркхардт, Жебар и др.)

Многие б. ученые считали, что В. есть только простой возврат к античности (напр., Фойгт).

Общим пороком буржуазной историографии 19 в. является то, что она по-прежнему трактовала изменения в области идеологии, как якобы порожденные причинами и духовного порядка, не связывая их с зарождением капиталистического способа производства и возникшей на этой основе классовой борьбой буржуазии против феодализма.

С переходом капитализма в стадию империализма, в стадию загнивания у идеологов буржуазии, в том числе и у ее историков, получает дальнейшее распространение самые реакционные воззрения на общественно-историческое развитие.

Б. историогр. XX в. пересматривает проблемы В. с крайне реакц. позиции. 2 течения. 1-е: эпоха В. ничем качеств. не отличалась от предш. периода и была простым продолжением позднего средневековья.

Хейзинга (работы 1930–33 гг.) предлагает ликвидировать понятие «В.»;

Нордстрем (1933) считает, что фр. среднев. культура находилась на более высоком уровне, чем итал. культ. 14–15 вв., к-я якобы не внесла ничего существенно нового в общеевропейскую культуру.

Буланте (1934 г.) переносит В. в 12 в. Родиной В. он считает Фр.

Пьер Лаведан (1946) называет искусство 15–16 вв. «Поздним средневековьем», стремясь изучать понятие «В» из истории культуры, ибо современному упадочному буржуазному искусству органически чуждо реалистическое искусство периода В.

2-е направление рассматривает В. как период упадка средн. в., они стоят на точке зр. идеализации христ. средневековья – капитализма.

Неатамист Жак Маритен (работы 1931–38), Кристофер Доусон (1931) и Этьен Жильсон (1932) видят в эпохе гуманизма и реформации корень всех бедствий современности, ибо культура В. утратила церковный характер, свойственный средневековой культуре, и подавила в фокусе своего внимания человека. Американские реакционные ученые Джордж Сартон (работы 1927–31, 1929) и Линн Торндайк (1923–41, 1943) изображает В. как период полного упадка средневековой философии и науки, вырождения цивилизации в целом.

Т.о., буржуазная историография как во времена своего подъёма, так и в особенности в современном ее состоянии упадка и деградации, будучи идеалистической и метафизической, давала и дает ложную, антинаучную трактовку В. Только учение марксизма-ленинизма дает возможность правильно выяснить сущность и значение В.

2. Общая характер. периода Возрождения.

Марксизм-ленинизм учит: «Бурж. революция начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества...» (Сталин, И.В.; Соч. т. 8, стр. 21). Конец 15–16 вв. и был периодом, когда в странах Зап. Евр., в результате предшествующего развития феодального строя, стали возникать элементы нового, капиталист. способа пр-ва.

«... первые зачатки капит. производства спорадически встречаются в удельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях...» (Маркс, Кап, 1949, т 1, 720).

К.М. раскрыл двухсторонний характер процесса первонач. Капитал. накопления: 1) отделение производителей от средств производства, превращение последних в капитал и 2) образование массы трудящихся, лишенных средств производства, что создавало необходимую для развития капитализма предпосылку – свободные раб. руки.

Мануфактура.

Из среднев. бюргерства складывается класс буржуазии.

Открытие Ам. и морск. Пути вокруг Африки создавало новое поприще для растущей буржуазии.

Ост-индский и китайский рынки, колонизация Ам., обмен с колониями, увеличение количества денег и товаров дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности, способствуя развитию новых капитал. элементов.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих – такова была утренняя заря капит. эры пр-ва.» (М.К., Кап, т. 1, 1949, стр. 754).

История этого периода «вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня» (там же, стр. 720).

Разрушались устои феод. общества. В остальных странах Зап. Евр. крестьянство, освободившееся от крепостной зависимости в 14–15 вв., подвергается быстрой дифференциации, теснее связываются с рынками.

В деревне зарождаются буржуазные формы собственности и эксплуатации, но феодальные отношения в деревне тормозят развитие капитализма.

Цехи тормозят развитие пром. Складывающийся класс буржуазии был заинтересован в уничтожении старых феодальных связей, которые мешали его деятельности. Поэтому б. играла в этот период революционную роль, борясь с феодализмом и его институтами.

Эпоха В. знаменуется резким обострением классовой борьбы между феодалами, с одной стороны, буржуазией и крестьянством, с другой. Это был период крупных народных движений и массовых восстаний против феодализма.

Вместе с тем в этот же период обнаруживается политическая непоследовательность и слабость буржуазии, ее боязнь революционных движений широких народных масс, ее склонность к компромиссу с аристократией, к-рый обеспечивал бы б. эксплуатацию трудящихся масс в условиях зарождения капитализма. Отсюда нерешительность буржуазии, приводящая к серьёзным уступкам феодализму (напр., нем. – бюрг. в 1525 г.).

Эта половинчатость, непоследовательность объясняется не только слабостью, но и двойственным характером самой буржуазии, которая тогда, на заре своего развития, являлась, с одной стороны, революционным классом по отношению к феодальным порядкам, а с другой – классом эксплуататоров нового типа.

В это время идет проц. формирования совр. бурж. нации. «Нация является... исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма» (Сталин, т. 2, 303).

На основе образования внутреннего рынка в рамках целого государства в 15-16 вв. в Зап. Европе создались крупные централ. гос-ва.

В эпоху поднимающегося капитализма «...буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздробленность, собирала нацию воедино и цементировало ее (Ст., т.11, 336).

Бурж. поддерж. крупные монархии.

С образованием наций неразрывно связано возникновение нац. языков. «С появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национ. рынка народности развились в нацию, а языки народностей в нац. языки» (Ст., «М. и в. языкозн.», 1950 г., стр. 13).

Весьма важным было то обстоятельство, что образовавшиеся нации были жизнеспособными и находились в соседстве друг с другом, во взаимодействии между собой; «...вся Зап. и Цент. Евр., включая союза и Польшу, развивалась теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей от древности унаследованной цивилизации, продолжала еще стоять во главе». (Энг. Ф., «Диалектика природы», 1950, 146).

Зарождение и формирование экономического базиса капитализма, новых буржуазных отношений в недрах феодализма повлекло за собой зарождение и формирование отвечающей этому базису идеологической надстройки, знаменовавшей переворот в сфере идеологии и культ. развития.

И.В. Сталин указывает: «Надстройка – это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и др. учреждения... Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующие ему надстройки» (Сталин, М. и в. я., 1950, 5-6).

Надстройка «активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимая все меры к тому, чтобы помочь новому строго доказать и ликвидировать старые базис и старые классы» (там же, стр. 7).

Собственностью периода В. в странах Зап. Евр. было то, что поскольку новый базис формировался в недрах ф-ма, то и соответствующая идеологическая надстройка, а значит и буржуазная культура создавалась так же в недрах феодализма задолго до открытой социальной революции, до политической победы буржуазии над феодализмом.

Появление новой ид. надстройки, новой б. культуры нельзя правильно понять и объяснить, если оторвать это явление от материальной основы развития общества от его эконом. базиса, как это делают буржуазные историки.

Т.о., вопрос о том, относится ли к В. то или иное явление в культурном и идеологическом развитии данной страны или нет, должен решаться конкретно, в зависимости от наличия элементов капит. развития. Некоторые советские историки и философы, в частности отдельные учёные Арм. ССР и Груз. ССР, ставят вопрос о В., как явлению, характерном не только для страны Зап. и Центр. Евр., но и для ряда стран Востока в 12–13 вв. эта проблема в настоящее время еще недостаточно выяснена. Во всяком слу-

чае, для ее положительного решения необходимо установить не только факт расцвета культуры, появления интереса к античной культуре, к античным философам и т.д., но прежде всего наличие признаков зарождения капитализма в странах Востока в этот период.

Буржуазия, борющаяся с феодальными устоями, стеснявшими развитие капит. хозяйства, должна была создать стройную систему взглядов, утратившую ее практические потребности и противостоявшую феодальному миросознанию. Новое идеал. движение имело два направления: реформация и гуманизм.

Были подвергнуты критическому пересмотру сковавшие в течение всего средневековья свободное развитие человеческой мысли авторитета, традиции и догмы, на которые опирались богословие и средневековая схоластическая философия; были созданы замечательные произведения искусства. Блестящую характеристику этой эпохи дал Ф. Энгельс. «В спасенных при падении Виз. рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир – греческая древность; перед её святыми образами исчезли призраки средневековья; в Италии наступил невиданный расцвет искусства, которые являлся как бы отблеском классической древности и которого никогда уже больше не удавалась достигнуть. В Ит., Фр., Германии возникла новая, первая современная литература. Англия и Исп. пережила вскоре вслед за этим свою классическую литературную эпоху. Рамки старого «orbis terrarium» (мира) были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и были заложены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, к-я, в свою очередь, послужила исходным пунктом для современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена. ... Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпохи, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учёности...» (Э., «Диал. пр.», 1950, 3-4).

Формирование новых социальных отношений оказало громадное влияние на все слои общества и создало предпосылки для появления и распространения новой, буржуазной, по своему классовому содержанию, культуры. Во главе жестокой антифеодальной борьбы, в том числе борьбы идеологической, оказался формирующийся класс б., игравший в то время прогрессивную роль. Это обстоятельство обусловило буржуазную направленность идей гуманизма. Выступая на словах в защиту общечеловеческих прав, за освобождение людей от средневекового церк. гнёта, большинство гуманистов – идеологов буржуазии – с самого начала имело в виду права лишь людей своего класса. Многим гуманистам был свойственен аристократизм, стремление отгородиться от народных масс.

Гум. – чрезв. сложное и разностороннее явл., охватывающее много разнообразия идейных и культ. течений. Идеологи буржуазии использовали гуманистические идеи в качестве орудия борьбы за интересы своего класса. Демокр. тенденции в гуманизме нашли своё яркое отражение в трудах представителей утопического социализма Т. Мора и Томмазо Кампанеллы, а также в работах Себастьяна Франка, Франсуа Рабле и некоторых др. гуманистов. Наиболее прогресс. представители гуманизма по своему мировоззрению выходили за рамки буржуазной идеологии своего времени. Последнее объясняется тем обстоятельством, что гуманизм развивался в обстановке острой социальной борьбы, которая оказывала на него несомненное влияние; в то время как представители наиболее радикальных гуманистических течений косвенно выражали в своих произведениях протесты народных масс против угнетения, национализации и т.д., умеренная часть гуманистов, по мере роста народного движения, постепенно отдалялась от борьбы против феодализма и отказывалась от своей антифеодальной политической программы.

«Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим... Церковная догма была исходным моментом и основой всякого мышления» (М. и Э., т. 16, т. 1, 295).

Кат. ц-вь, к-рая была важнейшей опорой феод. строя, господствовала во всех сферах идеологии и культуры, являясь величайшим тормозом на пути прогресса. Однако, уже в 12–15 вв., по мере роста городов и образования слоя бюргерства, последнему становилось в известной степени чуждо аскетическое средневековое мирозерцание, внушаемое католической церковью представления о мире как о «юдоли плача и страданий». В среде бюргерства начали возникать зачатки светского, живого миропредставления. В 15–16 вв. для нового, поднимающегося класса бурж. идеология аскетизма стала окончательно неприемлемой. С ростом культуры у б. появились новые интеллектуальные интересы, вера в свои силы, и в свою способность по-новому разрешить все основные жизненные проблемы, стремление уничтожить тягостный контроль церкви над деятельностью человека и его образом мыслей. Гуманисты воспевали красоту природы, неисчерпаемое богатство духовных сил человека. Представители итальянского гуманизма Колуччо Салютати и Леонардо Бруни утверждали, что цель человеческой жизни заключается в достижении счастья, осуществляемого только путём сочетания занятий наукой с гражданской деятельностью. Лоренцо Валла решительно выступал против аскетизма, считая необходимым установления гармонии между душой и телом, полное использование жизни во всех её проявлениях. Те же мотивы звучали в произведениях нем., франц. и англ. гуманистов.

В новом отношении к человеку к его деятельности проявляется внутреннее противоречие гуманизма.

Гуманисты возникли с новым, бурж. взглядом на деятельность человека. Они утверждали, что человек должен вести активную жизнь и стремиться к накоплению богатства.

Они опровергали все виды предпринимательской деятельности и клеймили лицемерие монахов, проповедующих презрение к земельным богатствам и в то же время пожирающих плоды чужого труда. Стремясь превратить в добродетель наиболее характерную черту бурж. этой эпохи – жажду наживы, гуманисты доходили до утверждения того, что богатства – осязательный признак благоволения Бога к данному человеку (гуманист Поджо Браччолини). Освобождение от старых, феод. связей в области идеологии нашло своё выражение в зарождении самосознания индивидуума, носителем которого, прежде всего, был представитель порождающейся буржуазии – обладатель свободной буржуазной собственности. На заре кап. эпохи вступили в силу новые законы эк. развития. Благополучие отдельного товаропроизводителя или купца часть зависело от резких стихийных колебаний цен на рынке. В этих условиях он выступал один против своих конкурентов; его успех означал их разорение. В напряженной борьбе за увеличение своего капитала буржуа. Мог полагаться только на свои собственные силы, т.к. узы средневековых сословий, цехов, гильдии были порваны; для успеха были необходимы ловкость, предприимчивость, энергия и настойчивость. Гуманисты заявляли, что истинное благородство не передается по наследству лицам, принадлежащими к привилегированному слою, а преобразуются личными заслугами и знаниями. Свойственный буржуазной идеологии индивидуализм проявлялся в гуманизме в различных формах, в чем также сказались свойственные гуманизму противоречия. С одной стороны, гуманисты писали о высоком достоинстве человеческой природы, ее способности к бесконечному совершенствованию. С другой стороны, уже в эпоху В. некоторые идеологи б. делали попытки теоретического обоснования худших сторон индив. буржуазии доходящей в жадной погоне за прибылью до безграничного антиобщественного эгоизма и полной аморальности. Уже Поджо Браччолини в «Диалогах» (1435) писал о том, что великие деяния возможны лишь тогда, когда воля отдельных лиц нарушает закон большинства. «Только толпа связана вашими законами... Сильные люди отклоняют законы, которые создали для слабых, трусов, нищих, лентяев... Все выдающиеся деяния возникли из нарушения права, из силы».

Н. Макиавелли (1469–1527) создал теорию, оправдывавшая «сильного человека», человека «крови и железа», использующего для достижения власти и её упрочения любые средства, вплоть до убийства.

Современник Макиавелли – Гвиччардини откровенно рекомендовал в качестве норм поведения лезть, лицемерие, ложь, ибо тайными побуж-

дениями действий людей, по его мнению, являлись жажда денег и власти, а не стремление к общественному благу.

Идеализация сильной личности, обладающей властью, обуславливалась заинтересованностью буржуазии в централизованном государстве и в сильной королевской власти, способной гарантировать ей беспрепятственное обогащение. Восхваление «сильного человека» и новой аристократии – аристократии денег и аристократии ума и образования, было связано у большинства гуманистов с крайне презрительным отношением к народным массам. Таким образом, утверждение гуманистов о ценности человеческой личности с самого начала носило буржуазно-ограниченный характер.

Характерной чертой нового, буржуазного по своему существу, мировоззрения было также пробуждение национального самосознания. С формированием наций появилось чувство буржуазного патриотизма, понятие отечества (буржуазного), отсутствовавшее в раннее средневековье с его постоянными усобицами между феодалами одной и той же страны. Появляются работы, посвященные истории родной страны и содержащие первые элементы критики «баснословных преданий» (Бруни, Флавио Бьондо, Макиавелли, Гвиччардини – в Италии, Якоб Вимфелинг и Иоганн Авентин – в Германии и др.)

Возникла литература на народных языках, а лат. худ. лит-ра в XVI в. окончательно прекратила своё существование. Создание нац. языка и нац. культуры было невозможно без использования всей сокровищницы народного творчества и богатства народного языка.

Одной из особенностей творчества гуманистов было их обращение к античной культуре. Гуманисты много сделали для распространения забытого и искажённого в средние века античного культурного наследства. Они использовали не только стиль, построение, риторические приёмы, но и философское, литературное, историческое содержание произведений греческих и римских писателей. Светская культура античности, проникнутая идеалами земного счастья и человеческой красоты, помогла гуманистам решительно порвать с традициями схоластики, теологии, церковно-феодальной литературы.

Интерес к памятникам античной культуры ранее всего пробудился и был особенно велик в Италии, где в течении всего средневековья до некой степени сохранялись античные традиции. Итальянские писатели и учёные, начиная с Боккаччо – первого из гуманистов, научившего греческий язык, – Петрарки, разыскивали по всем городам Европы древние рукописи, восстанавливали забытые труды греческих и римских авторов или, пользуясь приёмами филологической критики, устанавливали подлинные тексты вместо распространенных в средние века – извращённых. Так, Бруни доказал с помощью, своих греческих переводов, что основные положения схоластики накопились на искаженном тексте Аристотеля.

Большое количество ценных античных рукописей было приведено в Италию греческими учёными, бежавшими сюда после падения Константинополя (1453) Со 2й половины 15 в. начали печатать произведения античных авторов («Буколики» и «Георгики» Вергилия были напечатаны в 1470, произведения Гомера «Илиада» в 1488 и «Одиссея» в 1504, «Сочинения» Аристотеля по-латыни в 1489, по-гречески в 1513). В университетах Европы создавались кафедры древних языков.

В 1530 Гийом Бюде – первый знаток греческого языка во Франции – добился у короля Фр. I основания «коллета трёх языков» (лат., греч., древнеевр.), центра гуманизма. Увлечение античности сыграло свою роль в борьбе с феодальной идеологией.

Идеи гуманистов имели большое прогрессивное значение в борьбе с феодализмом и феодальной идеологией, активно помогая нарождавшемуся капит. строю свергнуть феодализм.

Молодая б., начиная создавать капит. производство, нуждалась в развитии с естественных наук. Научные достижения средних веков были сравнительно ничтожны. Критическое отношение к авторитетам, поиски естественных причин для объяснения явлений природы, использование опыта как средства научного познания сделали возможным, начиная с 15 в., быстрое развитие экспериментальных наук.

3. Историческая обстановка и особенности Возрождения в отдельных странах.

Особенности развития каждой из стран Центральной и Зап. Европы, в к-рых зарождались кап. отношения, наложили на В. в этих странах свой характерный отпечаток.

Италия. С 12 в. – центр посреднич. торговли между Вост. и Зап.; 12–15 вв. – период расцвета городов Сев. и Средней Италии. Наряду с торговлей в них развивались ремёсла и банковское дело; ит. ростовщики распространили свою деятельность на всю Зап. Европу.

Уже в 11 в. ит. города освободились из-под власти сеньёров, а в 12–13 вв. они отстаивали свою независимость в упорной борьбе с герм. императорами. Городам удалось сломить сопротивление феодалов и подчинить их территорию. Феодалам пришлось переместить в города, где они большей частью (во Флоренции, Болонье и др.) были лишены всех полит. прав. Быстрое развитие городов и относительная слабость феодализма в Сев. Италии были причиной появления уже в 14–15 вв. в отдельных городах (Флоренция, Генуя, Болонья, Лупка и др.) первых зачатков капиталистической промышленности в форме мануфактуры, прежде всего в текстильном производстве. Города и сельские личности стали ареной всё более грозных народных движений. В начале 14 в. в Сев. Италии развернулось широкое антифеодальное крест. движение, к-рое было разгромлено в 1307.

В 1347 г. широкие слои населения Рима свергли на короткое время власть феодалов и установили республику во главе с Кола ди Риенци. В итальянских коммунах шла ожесточённая борьба между патрицианской верхушкой (богатые купцы и банкиры) и основной массой населения – объединёнными в цехи ремесленниками, а также городскими низами – чернорабочими, подёнщиками и др. Это породило заинтересованность буржуазии в сильной власти, к-рая могла бы упрочить её экономические позиции и подавить народное движение особенно напугало буржуазию крупнейшее восстание городской бедноты во Флоренции в 1378. В большинстве городов Северной и Средней Италии в 14 и 15 вв. установилась тирания.

Противоречия общественных отношений в Италии с особой остротой обнаружались во время событий, связанных с именем Джироламо Савонаролы (1452–98). Этот монах и проповедник после изгнания Медичи (1494) и до 1498 (когда он был казнён) фактически господствовал во Флоренции. Он стремился упрочить восстановленную Флорентийскую республику и обеспечить ее независимость от папства. Сав. проповедовал «чистоту нравов», обличал пороки духовенства, в особенности папства, выступал против итал. тиранов, клеймил роскошь и богатства, аристократический характер культуры. Трудовые массы флорент. общества, интересы которых не наладили защиты ни в политике Медичи, ни в идеологии гуманистов, поддерживали Савонаролу.

Во время ит. войны (1494–1559) армии Фр. и Исп., для к-рых раздробленная Италия была лёгкой добычей, опустошала страну, что подорвало её экономику. Завоевание Константинополя турками нанесло удар по посреднической торговле с Востоком. Окончательное прекращение этой торговли, на которой основывалось богатство Италии, было вызвано перемещением торговых путей из Средиземного моря в Атлантический океан.

Наступила феод. реакция.

Кипучая жизнь свободных ит. городов-коммун, накопивших огромные богатства, и их связь с различными странами Востока и Европы способствовали расширению умственного кругозора и раннему развитию культуры, в к-рой с самого начала имелись сильные светские тенденции. Уже в 14–15 вв. в Италии сложилась культура В. Возникновение лит-ры на родном языке облегчало ее восприятие народными массами.

Замечательного расцвета достигают наука, литература, изобразительное искусство, связанные в своей прогрессивной части с творчеством народных масс.

Однако уже в 14 в. появляются и постепенно всё более усиливаются тенденции, свидетельствующие об ограниченности и аристократизме большинства гуманистов. Боязнь народных движений, толкавшая буржуазию в сторону преобразования республиканского городского строя в тиранию, зачастую сказывалась в произведениях гуманистов обнаруживав-

ших свою враждебность к народу. Так, Бруни и Салютати отнеслись враждебно к восстанию чомпи 1378. Бруни заявил, что это восстание было «бунтом бессмысленной черни». В 16 в. Гвиччардини с ненавистью писал, что «народ... это чудовище, полное путаницы и заблуждений». Стремление гуманистов отгородиться от народных масс было основной причиной, побуждавшей и писать свои произведения преимущественно по-латыни (конец 14 – 1-я половина 15 вв.). Свои взгляды гуманисты высказывали в диспутах, к-рые устраивались лишь для узкого круга «избранных». Гуманист. школы, основанные в этот период, были рассчитаны исключительно на богатых горожан. Проводя свою жизнь при дворах тиранов (Медичи и др.), оказывавшие покровительство учёным, писателям, художникам, многие гуманисты умело приспособивались к окружающей обстановке и воспевали мнимые доблести своих щедрых покровителей. Неполноценность итальянской буржуазии сказались в её нежелании порвать с католицизмом, т.к. она была заинтересована в своих многообразных политических и финансовых связях с папской курией. Поэтому большинство идеологов б., несмотря на подчас резкие нападки на папство и католическую церковь, оказались католиками.

Последний период В. в Италии – в основном перв. пол. 16 в. – был временем высокого расцвета изобразительного искусства и больших успехов в развитии опытных наук. Однако постепенное переключение интересов буржуазии на ростовщические операции и занятие с. х-вом имели своим следствием усиление присущих ей и в предыдущей период реакционных черт, всё более отчетливо проявлявшихся в идейных течениях эпохи. Примером является теория Николо Макиавелли (1469–1527).

Однако, народное течение в ит. гум. получил свое выражение в выступлениях Томмазо Компанеллы (1568–1639).

Со 2-й пол. 15 в. в результате зарождения кап. отношений, гуманизма начал развиваться и в других странах Зап. и Центр. Европы, где В. достигло своего наивысшего расцвета в начале 16 в. С середины 15 в. книгопеч. распространилось с огромной быстротой в странах Евр., что дало возможность широко пропагандировать новые взгляды. В типографиях Флоренции, Венеции, Базеля, Лиона, Парижа и Барселоны печатались произведения гуманистов и ант. писателей.

Германия. Своеобразие ист. развития отразилось и на немецком гуманизме.

Раздробленность. Эксплуатация со стороны католической церкви. На первом плане в общественной жизни Германии стояли задачи ликвидации засилия катол. церкви и политического объединения страны.

Это обстоятельство оказало большое влияние на формирование бюргерской идеологии. Несмотря на зарождение элементов буржуазных отношений в самой стране, немецкое бюргерство было еще отсталым, что

сказалось на его политической программе, поведении и взглядах отличавшихся непоследовательностью и трусостью. Гуманисты, к-рые вышли из среды бюргеров или были с ними связаны, образовали в середине 15 в. кружки, преимущественно при университетах. Они осмеивали схоластическую лжеученость и занимались критическим исследованием библии и сочинений ранне-христианских авторов с целью доказать, что вся догматика католической церкви были построены на искаженном тексте библии и неправильных аллегорических толкованиях его. Эр. Роттерд. (1466–1536) – краткая характ. его **ограниченности**.

Однако несмотря на отсталость и непоследовательность нем. бюргерства, напряжённая обстановка начала 16 в. и неразрешённость наиболее актуальных проблем толкали его на решительные действия. Один из наиболее выдающихся гуманистов – И. Рейхл. (1455–1522 гг.) и его единомышленники отстаивали в борьбе с реакционными католическими кругами свободу мысли, методы научного исследования, право гуманизма на существование.

О «письмах темных людей» (1515–1517) Ульрих де Гуттен (1488–1528).

М. Лютер.

Крест. война.

«Нерешительность, страх перед принимавшим всё более серьёзный характер движением, трусливое угодничество людей перед князьями отвечали колеблющейся и двусмысленной политике бюргерства» (М. и Э., Соч. 8, 143).

Реформация в Герм. была использована князьями, к-рые в еще большей мере экономически и политически подчинили себе бюргерство. Это сделало невозможным дальнейшее развитие гуманизма Себастьяна Франка (1449–1542), опубликовавшего в 1531 году свою «Историческую библию», был исключением. С. Франк сочувственно отзывался о крестьянах, восставших в 1525 против феодалов. Обличая «тиранов» – князей, крупных купцов и банкиров, он считал причиной всех общественных бедствий наличие частной собственности и выдвигал требование общности имущества.

Франция. Буржуазия была вынуждена приспособливаться к условиям абсолютной монархии, оказывавшей ей покровительство и заставлявшей ее делиться своими доходами. Это неблагоприятно отразилось на развитии гуманизма. С другой стороны, создание нац. гос-ва было фактором, стимулирующим рост новой культуры. Последняя испытала на себе влияние многочисленных крестьянско-плебейских восстаний, происходивших в этот период во Франции. Буржуазия была отделена от дворянства барьером происхождения и традиций. Паразитический характер верхушки французской буржуазии, занимавшейся гл. обр. финансовыми и ростов-

щическими операциями, обуславливал ее стремление перейти в ряды дворянства и ее подражание формам дворянской культуры, что тормозило рост буржуазного самосознания и культуры. Класс феодалов воспринял отдельные элементы новой культуры. Франц. В., первые ростки которого возникли в конце 15 в., получило аристократически-дворянский характер, но постепенно приобрело и отдельные б. черты. Центром В. был королевский двор, при к-ром жили многие крупные ит. мастера (Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини и др.) и находили покровительство франц. учёные, поэты, художники.

В кружок Маргариты Наваррской, сестры Франциска первого, входили крупнейшие писатели – гуманисты – Клеман Маро, Этьен Доле, Бонавантюр Деперье, выступавшие с жизнерадостной проповедью прав человека и высмеивавшие церковный аскетизм. Но и во французском В. имелось течение, выражавшее настроение народных масс. Подлинно народные тенденции внёс в литературу великий гуманист, учёный и писатель Франсуа Рабле (1494–1553), к-рый в своем романе «Гарг. и Пантагрюэль» дал гениальную сатиру на феод. общество.

Фр. В. встретило яростное сопротивление со стороны оплота католической реакции – Сорбонны (богосл. факультет Пар. ун-та), к-рая осудила книги Рабле и Деперье, заставила Клемана Маро бежать из Фр. и приговорила в 1546 беспощадного борца с церковным обскурантизмом - доле к смертной казне. Во 2-й половине 16 в. движение гуманизма заглохло.

Англия.

Наиболее бурно процветал проц. первон. накопл. здесь. Восстание Роберта Кета в 1549. Победа 1588.

16 в. был временем расцвета английской народной культуры, принявший нац. характер в связи с превращением А. в нац. гос-во. Центром англ. гуманизма был кружок, возникший при Оксфордском ун-те и находившийся под сильным влиянием одного из своих членов – Эразма Роттердамского, некоторое время жившего в Англии.

Участник кружка Джон Колет, сторонник реформы церкви, знаток древних языков, был основателем латинской школы нового вида, послужившей прототипом светской древней школы времён королевы Елизаветы (1588–1603). Другой член кружка – Т. Мор (1478–1535) сочетал в себе резкие противоречия того века.

Рисуя в своей «Ут.» (1516) картину идеального строя, Мор основными чертами его считал отсутствие частной собственности, семейно-ремесленную организацию производства, обязательный для всех труд, распределение продуктов по потребностям. Пыталось подобно большинству гуманистов, примирить религию с разумом, Мор тем не менее боролся за светское мировоззрение, настаивая на необходимости следовать влечениям природы, считая, что наслаждение должно быть целью челове-

ческой жизни. Английские писатели 16 в. создали новую поэзию, прозу и драму. Наибольшего развития во второй половине 16 в. достиг англ. театр, к-рый пользовался популярностью у народных масс Лондона, что побуждало писателей к созданию драм, наполненных народно-демократическим содержанием (Джон Гейвуд, Роберт Грим, впервые сделавший крестьянина героем драмы). В творчестве нек-рых английских драматургов ясно видны их антифеод. тенденции (Бен Джонсон и др.).

В Испании в конце 15 в. завершается процесс объединения страны. Выдающимися испанскими гуманистами конца 15 – начала 16 вв. были: автор первой грамматики Кастильского языка Небриха, философ Луис Вивес, правоведы Франсиско Виктория, Коваррубиас и Суарес. Они отстаивали идею создания сильной централизованной монархии. Но, выступая против засилия знати, в страхе перед народным движением шли на компромисс с представителями католической реакции. От этих гуманистов, с оглядкой на инквизицию критиковавших средневековое мировоззрение, резко отличался гуманист – Бартоломе Лас Касас (1474–1566), борец за свободу индейцев Америки, поработанных испанскими завоевателями.

Во второй половине 16 в. наступила полоса глубокого упадка экономики Испании: «...в Испании аристократия приходила в упадок, не потеряв своих самых вредных привилегий, а города утратили свою средневековую мощь, не получив современного значения» (М. и Э., 10, 721). Упадок промышленности имел своим следствием ослабление буржуазии. В связи с этим и культура Испании всё более принимала дворянский характер. Страшный гнёт католицизма, характерный для Испании, препятствовал развитию искусства. Однако, несмотря на это, творческие силы народа породили замечательных писателей (Сервантес, Лопе де Вега и др.).

Расцвет новой нац. культуры имел место в ряде славянских стран. Так, в Чехии, в которой быстрое развитие ремёсел и торговли создал предпосылки для буржуазного развития, в 15 в. возникло движение за создание национальной народной культуры, возглавленное Яном Гусом.

Нем. засилие и тяжёлый экон. и идеол. гнёт катол. церкви задержали развитие страны, вызвали нац.-освоб. движение и стремление к созданию независимой национальной церкви, т.к. Гус. воины, которые поразили идеи, близкие реформации. В ходе борьбы немцы были изгнаны из университета (1409), ставшего центром чешской культуры. Одним из требований гуситского движения было введение богослужения на чешском языке. Делу создания литературного чешского языка служили замечательные сочинения и проповеди Гуса. В 15–16 вв. зарождаются элементы В. в искусство Чехии, появляется новая литература, носящая народный характер. Процветает наука в Праге протекает деятельность таких крупных учёных, как Тихо Браге и И. Кернер. С начала 16 в. экон. и культ. развитие Чехии было надолго задержано господством австрийского феодально-

католического реакц. режима. Особенно пагубным для развития чешской культуры явился разгром чешского национально-освободительного движения в 1620. Лучшие деятели чешск. нац. культуры (как, напр., Коменский) принуждены были бежать из страны.

В Польше, где города были гораздо слабее развиты, чем в Чехии, католической реакции было несравненно легче восторжествовать и подавить ростки новой культуры. Однако и здесь художественная культура В., наиболее ярким представителем к-рой был великий польский учёный Николай Коперник.

Яркий расцвет получила гуманистическая культура Дубровника и других славянских городов Далмации, в к-рых рано возникли элементы капит. отношений. Литература Дубровника представляет собой типичный образец литературы В. Однако и здесь условия для дальнейшего развития новой культуры сложились неблагоприятно в связи с завоеванием этих территорий турками в 15 в.

4. Естествознание и техника.

Одной из наиболее важных особенностей эпохи В. было то, что именно во второй половине 15 века возникло «современное естествознание, – единственное, о котором может идти речь как о науке, в противоположность гениальным догадкам греков и спорадическим, не имеющим между собою связи исследованиям арабов...» (Энгельс, Диал. природы», 1950, стр. 152).

Появление естествознания как науки было обусловлено потребностями общественно-исторической практики той эпохи. Буржуазия, игравшая в то время роль революционного класса, вдвойне была заинтересована в развитии естествознания: как в теоретической основе для развития производительных сил – промышленности, техники – и как в надежном окружении для борьбы против господствовавшей феодально-религиозной идеологии. Эту связь возникновения науки о природе с классовыми интересами буржуазии отличал Энгельс: «...вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не позволено было восходить до рамки, установленные верой: короче – она была – чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви, буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании». (М. и Э., избр. произв., т. II, 1948, 93). Антирелигиозная, материалистическая по сути дела, направленность естествознания, восставшего против церкви, придавало ему с самого начала возникновения революционный характер. Говоря о всеобщей революции, происходившей тогда во всех областях обществен-

ной деятельности, Энгельс писал: «И естествознание, развивавшееся в атмосфере этой революции, было насквозь революционным, шло рука об руку с пробуждающейся новой философией великих итальянцев, посылая своих мучеников на костры и в темницы. Характерно, что протестанты соперничали с католиками в преследовании их. Первые сожгли Сервеста, вторые сожгли Джордано Бруно» (Энгельс, «Диал. природы», 1950. 152).

Своим возникновением и быстрым расцветом естествознание было обязано в первую очередь производству. Отдельные естественные науки возникали в порядке теоретического обобщения и осмысливания практики ремесла и зарождавшегося мануфактурного производства; «...со времени крестовых походов промышленность колоссально развилась и вызвала к жизни массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельницы), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь), которые доставали не только огромный материал для наблюдений, то также совершенно новые, чем раньше, средства для экспериментирования и позволили сконструировать новые инструменты. Можно сказать, что собственно систематическая экспериментальная наука стала возможной лишь с этого времени» (там же, стр. 145-146).

Еще в 13 – начале 15 вв., в период, непосредственно предшествовавший В., в результате развития ремесла, а также мореплавания и торговли, способствовавших установлению культурных связей с Востоком, было накоплено большое количество новых технических знаний. Рост спроса на сукно, шёлк и льняные ткани, усиливавшийся в 13 веке, привел к ряду усовершенствований в прядильном и текстильном деле: появляется самопрялка, совершенствуется горизонтальный ткацкий станок, получают широкое распространение сукновальные мельницы, приводимые в движение водяным колесом. Появляются бумажные мельницы для изготовления бумаги из тряпья. Быстро развивавшейся отраслью промышленности было кораблестроение, сосредоточившееся в Италии и Португалии, где строились устойчивые, быстроходные суда «каравеллы». С конца 14 века в Европе развивается производство пороха и огнестрельного оружия, в том числе изготовление пушек и бомбард с каменным или чугунными ядрами и фитильным запалом. В железоделательном производстве происходит переход от ручных мехов к мехам, приводимым в действие водяными колёсами, а также переход от сыродутного процесса получения железа к доменному. Получавшийся чугун употреблялся для литья, в частности пушек и ядер, или для передела железа. В тесной связи с успехами военного дела и металлургии шло развитие горнорудной промышленности в Герм., Англ., Венгрии, Чехии, Испании, Италии. В Нидерландах, Англии, Германии и Италии сооружаются большие каналы, камерные шлюзы, строятся дамбы; проводятся большие мелиоративные работы, по прокладке шоссейных дорог, применяются деревянные землечерпалки с поворотным

подъёмным краном. Развивается строительное дело, успехи которого нашли своё теоретическое выражение в многочисленных трактатах об архитектуре, основанием для к-рых служили механика и геометрия. Массовое изготовление очков (13 в.), обусловившее развитие стеклошлифовального дела (Голландия), подготовило изобретение подзорной трубы, микроскопа и привело к созданию теоретических основ оптики. Стекольные заводы в Марано (Венеция) приступают в конце 14 в. к изготовлению зеркал из стекла (раньше они были металлические). К этому времени относится деятельность Леонардо до Винчи (1452–1519), автора многих значительных технических изобретений и усовершенствований, из которых большая часть нашла непосредственное применение (ветромер, гигрометр, землечерпальная машина, спасательный пояс, каменные шлюзы и т.д.), другие же остались гениальными проектами, к-рые человечество осуществило лишь позже (проекты парашюта, летательного аппарата, каналов, проложенных через всю среднюю Италию, и т.д.).

Большую роль в накоплении научного материала сыграли географические открытия: «...географические открытия, - произведенные исключительно в погоне за наживой, т.е. в конечном счете под влиянием интересов производства, - доставили бесконечный, до того времени недоступный материал из области метеорологии, зоологии, ботаники и физиологии (человека) и (Энгельс, Диал. прир., , 1950, стр. 146).

Рост производства, расширение торговых и культурных связей, прежде всего с Востоком, географические открытия, широко раздвинувшие рамки известного мира, быстрое развитие экспериментальных исследований во всех областях естествознания привели к накоплению в невиданных доколе масштабах громадного эмпирического материала.

«Главная работа в начавшемся теперь первом периоде развития естествознания заключалась в том, чтобы справиться с имевшимся налицо материалом. В большинство областей приходилось начинать с самих азов. От древности в наследство остались Эвклид и солнечная система Птолемея, от арабов – десятичная система счисления, начала алгебры, современное начертание цифр и алхимия, - христианское средневековье не оставило ничего. При таком положении вещей было неизбежным, что первое место заняло элементарнейшее естествознание – механика земных и небесных тел, а наряду с ней, на службе у нее, открытие и усовершенствование материалистических методов» (там же, стр. 5). Изобретение способа изготовления печатающих шрифтов в литейных формах И. Гутенбергом и книгопечатание сыграли огромную роль в распространении научных знаний в эпоху Возрождения.

В качественно новую фазу вступила техника; на основе накопленного материала делаются сначала эмпирические, а затем и теоретические естественнонаучные обобщения. В 1540 был издан трактат по металлургии

(«Пиротехника») Ванноччо Бирингуччо (1480–1539), в 1550 – трактат по горному делу Агриколы (1494–1555).

В средние века краеугольным камнем астрономических воззрений была т.н. геоцентрическая система К. Птолемея, находившаяся в согласии с догматами церкви. Эта система приходила в противоречие с действительностью, за к-й всё время велось наблюдение. Нем. астрономы Г. Пурбах (1423–1461) и его ученик Региомонтан (1436–1476) усовершенствовали астрономические таблицы. Всё это подрывало основы системы Птолемея и порадовало открытие Н. Коперника. Создание великим польским учёным Н. К. (1473–1543) новой, гелиоцентрической системы было наиболее крупным и революционным по своему содержанию и по своим последствиям научным открытием эпохи В. Удар по религиозному мировоззрению был нанесен Коперником в самом важном и самом чувствительном месте церковного миропредставления – в вопросе о мироздании. «Революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы, было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил – хотя и робко и, так сказать, лишь на смертном одре – вызов церковному авторитету в вопросах природы начинает своё летоисчисление освобождение естествознания от теологии...» (Ф. Энгельс, «Диал. Прир.», стр. 5).

Все силы феодальной реакции ополчились на «коперниковскую ересь». Католический престол внёс книгу Коперника в список запрещённых книг. Отвергали учение Коперника и протестанты во главе Лют. Вокруг этого учения разгорелась ожесточенная идеологическая борьба.

В 1551 (спустя 8 лет после смерти Коперника) были составлены первые астрономические таблицы, вычисленные согласно теории Коперника. В конце 16 в. датский астроном Тихо Браге (1546–1601) произвел новые, весьма точные наблюдения над звездным небом, позволившие позднее открыть законы движения планет. Дальнейшее развитие астрономия получила в трудах Иоганна Кеплера (1571–1630) и особенно Галилео Галилея (1564–1642), основная деятельность которых относится к историческому периоду, наступившему после эпохи В.

Если в астрономии широко использовался метод точных наблюдений, то в других отраслях естествознания наблюдения сочетаются широко познавательным научным экспериментом. Количественное изучение явлений приобретает при этом всё большую роль в познании природы. Особенно внимательно изучаются задачи определения центра тяжести, теория простых машин, законом падения тел и траектория горизонтально брошенного тела, большое внимание привлекают также проблемы гидростатики и гидродинамики. Механика разрабатывали Леонардо да Винчи, Н. Тарталья (ок. 1499–1557), занимавшийся также геодезией и математикой и давший решение неполного кубического уравнения. С. Стевин (1548–

1620), к-рый ввёл всеобщее употребление десятичные дроби, и пр. Позднее, уже в 17 в., важное значение в развитии механики сыграли работы Галилея, к-рый впервые строго сформировал основные кинематические понятия и заложил основы динамики, подготовив открытия И. Ньютона (1643–1727) в этой области.

Наряду с механикой и астрономией значит. развитие получила оптика. К концу эпохи В., на рубеже 16–17 вв., были сконструированы микроскоп и «зрительная труба», к-рые сильно расширили область научного исследования, прежде всего астрономических и биологических явлений. Большое значение для развития оптики имели работы выдающихся художников (Леонардо да Винчи и др.), открывших и усовершенствовавших камеру-обскуру и установивших законы перспективы. Достижения астрономии, механики и физики находились в тесной связи с развитием математики. В общей геометрии и алгебры учёные 15–16 вв. опирались на математическое наследие античного мира, арабов, народов Средней Азии. Успехи астрономии повлекли за собой развитие тригонометрии. Региомонтан первый ввёл в математику функцию тангенса, известную арабам, но впоследствии забытую; он же развил представление о сферическом косинусе. Николай Кузанский (1401–64) в ряде математических работ даёт некоторые представления об иррациональных числах. В работах Дж. Кардано (1501–76) впервые появляются мнимые величины. Ф. Виет (1540–1603) и М. Штифель (1486–1567) разработали алгебру, расширили и усовершенствовали её буквенную символику. На исходе периода В. появляются первые логарифмические таблицы (Дж. Непер, 1570–1617).

Географ. открытия послужили толчком к развитию географии, ботаники, зоологии и начатков геологии. Появляются многочисленные описания дальних путешествий, совершенствуются географические карты и глобусы. Представления о животном и растительном мире, о земных недрах, а также об образе жизни людей в новых открытых странах резко раздвинули границы человеческого познания. Описывается, изучается флора и фауна этих стран. Производятся первые опыты акклиматизации неизвестных прежде растений, делаются попытки гибридизации. Открываются первые публичные ботанические сады и зверинцы. Собираются обширные коллекции и создаются первые естественно-научные музеи, преимущественно в виде т. н. кунсткамер (при королевских и княжеских дворах).

Андрей Цезальпин (1519–1603) закладывает начало физиологию и морфологию растений, и их классификации.

Медицина, развиваясь под сильным влиянием механики, постепенно преодолевает средневековое схоластическое учение о таинственных «силах», «стихиях», будто бы воздействующих на организм человека. Начинается изучение процесса обмена веществ, механики мускульных движе-

ний человека. Восставая против слепого подчинения авторитетам древности, врач и химик Парацельс (1493–1541) требуют замены умозрительных теорий глубоким исследованием конкретной болезни. Сам он изучает профессиональные заболевания горнорабочих, болезни обмена веществ, ранения. Медик и астроном Д. Фракасторо (1483–1553) в сочинении «О заразных болезнях» (1546) обобщает некоторые наблюдения над путями распространения инфекции. Многим анатомия обязана Леонардо да Винчи, Андрею Везалию (1514–64) «О строении человеческого тела» (1543), по характеристике И.П. Павлова, есть «первая анатомия человека в новейшей истории человечества, не повторяющая только указания и мнения древних авторитетов, а опирающаяся на работу свободно исследующего ума» (Павлов, полное собрание трудов, т. 5, 1949 г., стр. 316). Открытия Везалия содействовали росту клинической медицины. Важной проблемой медицины эпохи В. являлось изучение кровообращения, открытие которого подготовило последующие успехи анатомии и физиологии. Современник Везалия Мигуэль Сервет (1509–1553) близко подошёл к открытию круговорота крови в организме. Позднее, уже в 17 в., установление факта кровообращения в замкнутой системе кровеносных сосудов Уильямом Гарвеем (1578–1657) окончательно разбило старые представления медицины Аристотеля – Галена. Вопросами эмбриологии занимался Фабриций из Аквапенденте (1537–1619), который исследовал также функцию отдельных органов животных. Строение и зрительные функции глаза, отражении в нём световых лучей изучается не только биологами, но также физиками и астрономами. Из каустической смеси алхимических вымыслов, суеверий и полунаучных сведений медицина начинает превращаться в науку, опирающуюся на естествознание.

Одновременно с медициной развивается химия. Парацельс, разрабатывая вопросы медицинской химии (ятрохимии), исследует главнейшие соединения ртути, свинца, железа, кладёт начало минеральной фармакологии. Значительно увеличивается число лекарств, приготовляемым химическим способом.

Начинает зарождаться геология. Леонардо да Винчи высказывает догадку о постепенном возникновении гор из напластований речного ила и о их разрушении под действием рек, выдвигают мысль о человеческом процессе понятия участков земной коры, образования суши на месте моря. Также взгляды выражает керамист и химик Б. Палисси (1510–1589 или 1590) – создатель крупной минералогической и палеонтологической коллекции в Париже.

Естествознание 15–16 вв., тесно связанное с производством, с техническим прогрессом и начавшее проверять на практике правильность унаследованных от прежних эпох взглядов на природу, положило начало познанию из науки таких чуждых ей воззрений, как геоцентризм, мир о со-

творении человека и философский камень алхимиков. Однако процесс отделения науки от этих представлений происходил не сразу, а постепенно и медленно; даже в лучших научных произведениях того времени вместе с крупнейшими открытиями нередко встречаются еще следы мистики, алхимические представления и т.д.

Потребность в обобщении накопленных знаний побудили мыслителей В. обратиться к античному научному наследию, в основе своей забытому (а частично искажённому) в средние века. Изучаются византийские рукописи, предпринимаются поиски забытых латинских рукописей в монастырских библиотеках Западной Европы. Предметом внимания становятся технические энциклопедии древности – трактат «Десять книг об архитектуре» Витрувия, поэма материалиста Тита Лукреция Кара «О природе вещей» и др. Углубленно наследуется научное наследие Архимед, сочинение Апполония о конических сочинениях, произведения Диофанта, содержащие печати алгебры, книги по механике Паппа, «Пневматика» Герона Александрийского и др. С новой точки зрения рассматриваются труды Аристотеля по зоологии, которые игнорировались средневековыми схоластами. Благодаря переводам трудов Теофраста становится лучше известной античная ботаника. Мысли Демократа и Аристарха Самосского связываются с развитием материалистической атомистики и новой системы мира. Античный материализм и достижения учёных древности в таких науках, как математика и механика, использовались в борьбе против церковного мировоззрения. Однако существует коренное отличие между античной натурфилософией и наукой о природе 15–16 вв. Последняя обусловлена совершенно иной, значительно более прогрессивной ролью в производстве, которую играла буржуазия эпохи зарождения капитализма, по сравнению с господствовавшим в античном обществе классом рабовладельцев; совершенно иным, несравненно более высоким уровнем развития производительных сил и техники, определившим широкое применение эксперимента там, где античная натурфилософия не могла подняться выше чисто умозрительных выводов.

Наряду с наследием античности, передовые учёные 15–16 вв. сумели использовать достижения средневековых учёных на западе и Востоке в области математики, астрономии, химии и др. Это обстоятельство, однако, ни в какой мере не может служить оправданием лживых теорий современной реакционной буржуазной историографии, безуспешно пытающейся доказать, что всё главнейшие основы науки В. были заложены в полном согласии с религией и идеалистической философией еще в период господства церковной схоластики. Стремясь умалить значение эпохи В. в развитии научных знаний, буржуазные историки науки игнорируют или извращают тот факт, зародившиеся еще до возникновения современного есте-

ствознания, были уже тогда направлены против господствующего религиозного мировоззрения.

Знаменуя большой прогрессивный сдвиг в объективном познании действительности, естествознание 15–16 вв. разрабатывалось в интересах поднимающегося нового эксплуататорского класса – буржуазии. Поэтому и вовлечение новых общественных слоёв в созидательную научную работу было ограничено её интересами. Большинство подлинных учёных эпохи В. терпело лишения и препятствия в своей работе, завися от расположения меценатов и «просвещённых» государей, не находя у них часто защиты ни своих изображений и научных открытий, ни даже самой жизни, об преследования церкви и светской власти. Ограничена была и деятельность научных обществ («академий»), которые не имели возможности организовать сколько-нибудь широкие и систематические научные исследования.

5. Философия.

Фил. – эпоха первонач. накопления. Против кат. церкви.

Прогрессивна, антицерковна и антисхоластична.

Гуманизм б. всегда фальшив, ибо бурж. никогда не пытались облегчить жизнь народных масс, тружеников.

Речь шла о создании бурж. философии. Ранним философом был Лоренцо Валла (1407–1457) – противник церковных авторитетов и светской власти церкви, знаток античной философии и историк, проповедник эпикуреизма, к-рый он истолковал в духе буржуазного индивидуализма. В своём философском труде «О наслаждении, как истинном благе» (1431) Валла защищал в борьбе против средневекового аскетизма светскую мораль, отстаивал право буржуа на наслаждение всеми радостями жизни и отказывал в этом праве трудящимся. В сочинении «О даре Константина» Валла на основании остроумных приёмов философической критики разоблачил грубый подлог так называемого Дарения Константина, на котором на...

Пико делла Мирандола (1463–1494). Пьетро Помпонацци (1462–1524). В 1459 г. Козимо Медичи основал Платоновскую академию во Флоренции.

В 15 в. идеи гуманистической филос. развивал сын немецкого рыбака, ставший кардиналом катол. церкви, Николай Кузанский, проведший большую часть жизни при папском дворе. Он изучал математику, астрономию, юриспруденцию, древние и новые языки, философию и др. науки. Кузанский, отождествлял Бога с природой, высказывал смелые мысли о круговращении земли, отвергал наличие мирового центра, учил о бесконечности Вселенной, часть которой составляет наша планета. В трактате «О статических экспериментах» (ок. 1450) он наметил программу физических опытов с весами, которые в его глазах являлись одним из вернейших средств раскрытия...

План.

1. «Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим и церковная догма была исходным моментом и основой всякого мышления.»
2. Церковь – высшая санкц. и обобщ. Феод. строя.
3. Учение о мироздании.
4. Схоластика. Ф. Аквинский, Альберт Великий.
5. Развитие городов.
6. Начатки капитализма.
7. Возрождение.
 - а) термин,
 - б) содержание,
 - в) основные характерные черты.

ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА ПО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ «ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIV–XVII ВВ.»¹

В.Е. Майер
Ижевск

Спецкурс призван содействовать расширению познаний в области развития мировой культуры и более глубокому осмыслению связи культуры с историческим процессом развития человеческого общества в переходный период от феодальной к капиталистической общественной формации.

Спецкурс охватывает вопросы истории культуры эпохи итальянского Возрождения XIV–XVI вв. и последовавшего за ним подъема культурного развития Германии, Нидерландов, Испании и Франции в XVI–XVII вв. Главное внимание при этом уделяется развитию искусства – живописи, графики, скульптуры, архитектуры. Соответственно этому рассматривается наиболее обстоятельно творчество выдающихся представителей искусства каждого этапа развития и каждой страны.

В спецкурсе в отличие от курсов по истории искусства и эстетики вопросам техники исполнения произведений (их композиций, колориту, составу красок, материалов и т.п.) и их стилю уделяется самое общее внимание. На первый план выдвигается все то, что связано с историей и имеет значение для формирования специалиста по истории. Поэтому творчество великих мастеров искусства рассматривается в тесной связи с конкретными социально-экономическими и политическими условиями, существо-

¹ Впервые опубликовано: Программа спецкурса «История западноевропейской культуры XIV–XV вв.» / сост. В.Е. Майер. Ижевск, 1984. 10 с.

вавшими в той или другой стране ко времени становления конкретного таланта и процветания его творчества. Важное место отводится в спецкурсе выявлению комплекса факторов, содействовавших становлению того или иного мастера. Влияние общественных факторов. Семейной обстановки, окружающей общественной среды заказчиков и отношения к ней мастеров искусства. В оценке творчества учитывается, насколько тот или иной мастер понимал свою деятельность в плане решения исторических задач своей эпохи. При оценке достоинств отдельных произведений учитывается их смысловое содержание, мифологические сюжеты и исторические события, факты и явления, легшие в их основу.

В ходе изложения и изучения материалов спецкурса отводится место привитию определенных навыков и умений в демонстрации перед аудиторией картин, книжных иллюстраций, слайдов и микрофильмов.

Дифференцированный зачет, предусмотренный в конце прочтения спецкурса, включает весь комплекс изучаемых тем и проблем.

Тема 1. ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Раскрытие понятий «возрождение» и «гуманизм». Особенности Возрождения в Италии. Социальное содержание гуманизма итальянского Возрождения. Отличие гуманизма эпохи Возрождения от социалистического гуманизма. Этапы итальянского Возрождения. Ведущие гуманистические проблемы: человек-герой, идеальный герой-мужчина, идеальная героиня-женщина, представление об идеальном правителе. Портрет индивидуальной личности – наивысшее достижение гуманизма в искусстве.

Тема 2. ТВОРЧЕСТВО ДЖОТТО – НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЖИВОПИСИ

Социально-экономические и политические условия Италии в XIV в. Творческие истоки Джотто ди Бондоне. Влияние Чимабуе, Дуччо и др. Оформление мастерства Джотто. Фрески Джотто в Ассизи: легенда и правда о Франциске Ассизском, фрески «Чудесное явление братии», «Смерть дворянина», «Франциск отдает свой плащ», «Чудо с источником». Роспись Джотто капеллы Скровеньи в Падуе. Горожанин как заказчик. Расположение росписи – пример сочетания средневекового и возрожденческого представления о мире. Разбор фресок «История Марии и Христа». Повествование в искусстве как форма выражения нового мировоззрения эпохи Возрождения. Прославление труда в барельефах Джотто в кампанилье флорентийского собора. Историческое место творчества Джотто.

Тема 3. ПОДГОТОВКА ВЫСОКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Общая характеристика социально-экономических и политических условий и развития итальянского искусства в XV в. Жизнь и творчество Донателло. Новаторство Донателло на примерах его скульптурных фигур «Давид», «Св. Георгий», «Юдифь и Олоферн». Памятник Гаттамелате – образец скульптурного портрета. «Мадонна Пацци» как образец изображения мате-

ринской любви. Фрески Мазаччо «Изгнание из рая», «Чудо с податью», «Раздача милостыни». Связь мифологии с действительностью. Реализм. Сандро Боттичелли. Групповой портрет по картине «Поколение волхвов». «Портрет молодого человека с медалью», «Портрет Джулиано Медичи», «Портрет Данте». Работы Боттичелли на мифологические темы: «Весна», «Афина Паллада и Кентавр»; «Рождение Венеры», «Венера и Марс». Социально-политический смысл картин Боттичелли «Клевета» и «Покинутая». Творчество Верроккьо – учителя великого Леонардо да Винчи.

Тема 4. ВЕЛИЧИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ТВОРЕНИЙ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Флоренция второй половины XV – начала XVI в. Детство Л. да Винчи. «Мадонна с младенцем» («Мадонна Бенуа») – первое, хотя и незрелое, произведение Высокого Возрождения. Идея о заботливой матери и счастливым ребенком у Л. да Винчи. Достоинства картины «Мадонна Лита». Анализ фрески «Тайная вечеря»: композиция, легенда, содержание картины. Раскрытие внутреннего мира человека в портретах «Дама с горностаем» и «Мона Лиза» («Джоконда»). Антивоенный замысел картины «Битва при Ангиари». Дискуссия вокруг картины «Коломбина», приписываемое Ф. Мельци. Историческое место великих творений Л. да Винчи.

Тема 5. МИКЕЛАНДЖЕЛО – СКУЛЬПТОР, ЖИВОПИСЕЦ, АРХИТЕКТОР, ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

«Трудный» ребенок. Анализ первых произведений: «Мадонна у лестницы», «Битва кентавров» и «Вакх», их смысловая нагрузка. Мифологическая и историческая основа скульптуры «Пьета». Творческая зрелость Микеланджело: «Давид», ее идеологическое и историческое значение. Тоддо «Мадонна Таддео Таддеи» и «Мадонна Бартоломео Питти» – образец гуманистической критики евангельского мифа о божественной предопределенности веры. Гуманистическое содержание картины «Битва при Кашине». Роспись Сикстинской капеллы как образец воспеания величия и мудрости человека. Разбор содержания фресок на потолке капеллы: «Потом», «Опьянение Ноя», «Жертвоприношения Ноя», «Грехопадение и изгнание», «Сотворение Евы», «Сотворение Адама». Сикстинские пророки и сивиллы – воспеание человеческого достоинства и независимости. Капелла Медичи: «Моисей» как идеал абсолютного и просвещенного монарха, «Гробница Джулиано» и «Гробница Лоренцо», величие фигур «Ночь», «Утро», «День», «Вечер». «Брут» – тираноборец. Купол св. Петра как образец архитектурного мастерства Микеланджело. Историческое место творчества Микеланджело.

Тема 6. ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ ЖИВОПИСЬ РАФАЭЛЯ САНТИ

Детство и юность Рафаэля. Урбинский (Перуджинский) период творчества: «Мадонна Конестабиле», «Обучение мадонны». Мадонны Рафаэля – миф и действительность. Флорентийский период творчества:

«Мадонна с щегленком», «Мадонна на лугу», «Мадонна Темпи». Римский период творчества. Росписи в Ватикане: «Афинская школа», «Изгнание Илиодора», «Диспут», «На Парнасе». «Мадонна Седиа» и «Сикстинская мадонна» – образцы высоких творческих возможностей Рафаэля. Анализ последней работы Рафаэля «Преобразование». Ее народное, антицерковное содержание, острая критика христианской морали смирения и христианского наследия. Историческое место творчества Рафаэля.

Тема 7. ТИЦИАН – ВЕЛИКИЙ ВЕНЕЦИАНЕЦ

Венецианская республика – Родина Тициана – в начале XVI в. Воспитание Тициана. Ранние произведения: «Бегство в Египет», «Чудо с новорожденным», «Любовь небесная и земная», «Ариосто». Мифологические сюжеты и жизненная правда в монументальной фреске «Ассунта» и картине «Динарий кесаря». Портреты Тициана «Неизвестный», «Юноша с перчаткой», «Ипполито Раминальди», «Папа Павел III с Александро и Оттовиано Фарнезе». Автопортреты Тициана: «Мужчина с пальмовой ветвью», «Семейство Вендрамин». Гимн женской красоте: «Венера Урбинская», «Венера перед зеркалом», «Даная», «Ла бела». Мифологическая тематика Тициана. Историческое значение Тициана. Итог и оценка тем, посвященных Возрождению в Италии.

Тема 8. ИСКУССТВО ГЕРМАНИИ В ПРЕДРЕФОРМАЦИОННОЕ И РЕФОРМАЦИОННОЕ ВРЕМЯ

Гуманизм и Реформация в Германии. Творчество Ганса Буркмайра: «Иоанн на Патмосе», «Мария с младенцем», «Ганс Паумгартнер». Гравюра и живопись Ганса Бальдунга Грина: «Оплакивание Христа», «Семь возрастов женщины», «Вознесение». «Изенхеймский алтарь» Грюневальда. Творчество Лукаса Кранаха Старшего. Кранах и М. Лютер: «Портрет Лютера. 1526 г.», «Портрет Катерины Лютер. 1526 г.», «Лютер на медальоне», «Лютер в образе оруженосца Иерга», «Портрет Ганса Лютера», «Портрет Маргареты Лютер», «Эпитафия герцогу Иоанну Фридриху Саксонскому. 1555». Картины Лукаса Кранаха на евангельские и раннехристианские сюжеты: «Бегство в Египет», «Казнь св. Екатерины», «Поклонение трех царей». Социально-исторический смысл гравюры «Проповедь Иоанна Крестителя в лесу» и картины «Изгнание торгующих из храма». История «Дессауского княжеского алтаря». Сказочная тематика в картинах «Суд Париса» и «Источник молодости». Историческое место творчества Л. Кранаха Старшего.

Тема 9. АЛЬБРЕХТ ДЮРЕР – ВЕЛИКИЙ СЫН НЕМЕЦКОГО НАРОДА

Нюрнберг конца XV – начала XVI в. Годы учения и странствия А. Дюрера. Четыре автопортрета Дюрера. Гравюры из серии «Апокалипсис», особенно гравюры «Четыре всадника» и «Борьба архангела Михаила». Гравюры «Возвращение блудного сына», «Всадник, смерть и дьявол» и «Моление о чаше». Крестьяне в гравюрах Дюрера: «Крестьяне на ярмар-

ке», «Пляшущие крестьяне», «Беседующие крестьяне». Акварели Лютера – уникальное искусство эпохи Возрождения: виды на Инсбрук, Триент, Нюрнберг, проволочную мануфактуру. Акварели в сочетании с рисунками пером «Заяц», «Куст водосбора», «Сизоворонка», «Крыло сизоворонки». Портреты Дюрера: «Эразм Роттердамский», «Максимилиан Г.», «Отец Дюрера», «Мать Дюрера», «Молодой человек», «Неизвестный», «Иероним Хольцшюэр», «Молодая венецианка». Картины Дюрера: «Паумгартенский алтарь», «Четыре апостола», «Поклонение волхвов». Оценка творчества Дюрера в свете развития немецкого гуманизма, реформационного движения и Крестьянской войны. Историческое место творчества А. Дюрера.

Тема 10. ФЛАМАНДСКАЯ ШКОЛА ЖИВОПИСИ. ВЕЛИКИЙ РУБЕНС

Обстановка в Испанских Нидерландах начала XVII в. Антверпен. Детство и юношеские годы Рубенса. «Снятие со креста», «Отцелюбие римлянки», особенности и связь с современностью. «Статуя Цереры» и «Союз Земли и Воды», их актуальность для XVII в. Зарождение барочного стиля в живописи. Анализ мифа и содержания картины «Пир у Симона Фарисея». Гуманизм и реализм картины «Персей и Андромеда». Пейзажи Рубенса: «Пейзаж с радугой», «Возчики камней», «Охота на кабана», «Меркурий и Аргус». «Портрет камеристки», «Голова старика», «Елена Фаурмен с детьми». Гравюры Рубенса – содержание и значение. Историческое место творчества Рубенса.

Тема 11. РЕАЛИЗМ РЕМБРАНДТА ХАРМЕНСА ВАН РЕЙНА

Голландия XVII в. – благодатная среда для формирования реалистического искусства. Рембрант – продукт новой буржуазной среды. Становление мастерства: «Портрет ученого», «Урок анатомии доктора Тюльпа». Общественное и семейное благополучие. «Флора», «Автопортрет с Саскией», «Даная». Первые общественные невзгоды и личные неудачи. «Ночной дозор», «Притча о работниках на винограднике» «Давид и Ионафан». Портреты современников: «Бартъе Доомер», «Ян Сикс», «Брат художника», «Жена брата». Трагедия Голландии и картины Рембранта: «Пир Бальтазара», «Возвращение блудного сына», «Ассур, Аман и Эсфирь». Автопортреты Рембранта. Историческое значение реалистического творчества великого голландца Рембранта.

Тема 12. ДИЕГО ВЕЛАСКЕС – ВЕЛИКИЙ СЫН ИСПАНСКОГО НАРОДА

Испания и Севилья в начале XVII в. Бодегонес Веласкеса: «Завтрак», «Продавец воды», «Христос у Марфы и Марии», «Повариха», «Обед двух молодых людей». Изображение Веласкесом труда в картинах с мифологическим сюжетом: «Кузница Вулкана» и «Пряхи». Картина на историческую тему: «Сдача Бреды». Портреты: «Филипп IV», «Инфант Бальтазар на коне», «Придворный карлик Себастьян де Мора». Психологический

портрет: «Иннокентий X». Автопортрет с менинами. Творчество Риберы. «Мучения св. Варфоломея», «Св. Инесса».

Оценка и историческое место творчества Веласкеса.

Тема 13. ТВОРЧЕСТВО БАРТОЛОМЕ ЭСТЕБАНА МУРИЛЬО И ФРАНЦИСКО СУРБАРАНА

Мурильо – выходец из народных низов. Картины Мурильо на религиозные сюжеты с подтекстом о страданиях простого народа: «Кормление бедняков св. Диего Алькальским», «Уход за больными св. Елизаветой», «Чудо с хлебом и рыбой», «Раздача милостыни св. Фомой Виллануевским». Нищие дети в творчестве Мурильо: «Нищий мальчик», «Едоки винограда и дынь», «Мадонна Севильская», «Игроки в кости». Дети-труженики в творчестве Мурильо: «Продавщица апельсинов», «Мальчик с собакой», «Бедный негритянский мальчик». Прославление труда в картинах на мифологические темы: «Святое семейство с щегленком», «Воспитание мадонны», «Святое семейство в мастерской столяра», «Св. Юста и Св. Руфина». Творчество Мурильо как зеркало эпохи первоначального накопления.

Творчество Сурбарана. Народные характеры в его произведениях. Легенда и действительность детства Сурбарана. Дети в творчестве Сурбарана: «Мария с родителями», «Мальчик Иоанн», «Отрочество богоматери», «Поклонение пастухов». Народные герои в образах святых: «Св. Лаврентий», «Св. Бонавентура», «Видение Петру апокалиптического зверя». Портреты университетских профессоров: «Иероним Перес», «Франциско Сумель», «Педро Мачадо». Натюрморты Сурбарана. Историческое место испанского искусства XVII в.

Тема 14. КЛАССИЦИЗМ ФРАНЦИИ В XVII в. НИКОЛО ПУССЕН – ОСНОВАТЕЛЬ КЛАССИЦИЗМА В ЖИВОПИСИ

Образцы классицизма. «Ринальдо и Армида», «Спящая Венера». Рационализм Н. Пуссена: «Аркадские пастухи» («И я в Аркадии»), «Великодушие Сципиона», «Встреча Елеазара с Ревекой». Оригинальная трактовка евангельской темы в картине «Тайная вечеря» (сравнительный анализ). Пейзажи Н. Пуссена и их значение: «Пейзаж с Геркулесом и Какусом», «Пейзаж с Полифемом».

Реализм Луи Ленена. Крестьянская тематика в творчестве Л. Ленена: «Крестьянское семейство», «Трапеза крестьян», «Возвращение с сенокоса». Труд в произведениях Л. Ленена: «Кузница», «Семейство молочницы», «Отдых всадника». Произведения на мифологические сюжеты: «Тайная вечеря», «Кузница Вулкана», «Рождение Христа», их связь с крестьянской средой. Историческое место творчества Н. Пуссена и Л. Ленена.

Тема 15. АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ФРАНЦИИ XVII в.

Классицизм в архитектуре. Версаль, история его создания. Роль абсолютизма. Архитекторы Лево, Ленотр, Мансар, Лемерсье. Планировка версальского ансамбля. Архитектурная Версальского дворца. Интерьеры:

Лестница королева, Зал королевы, Спальня Людовика XIV, Зеркальная Галерея, Апартаменты королевы, Зал Венеры, Зал Геркулеса. Большой Трианон. Малый Трианон. Мельничная деревушка. Архитектура Лувра: «Павильон часов» архитектора Лемерсье, Южный корпус архитектора Ливо, Восточный корпус Клода Перро. Дом Инвалидов. Люксембургский дворец. Ворота Сен-Дени. Классицизм в парковом искусстве Версаля.

Историческое место французского классицизма в искусстве.

«ТИТАН ВОЗРОЖДЕНИЯ» НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УдГУ: ПРОФЕССОР В.Е. МАЙЕР

*Н.Ю. Старкова
Ижевск*

Пока не появится мыслитель, превзошедший
Макиавелли в политической науке,
или скульптор, превзошедший Микеланджело
в скульптуре, мы будем жить в их времена.

Павел Муратов

В мои студенческие годы (1978–1983) исторический факультет УдГУ готовил специалистов по одной образовательной программе с присвоением квалификации «Историк. Преподаватель истории и обществознания». И хотя в структуре факультета было всего две кафедры, стать студентом-историком было весьма непросто, так как он считался кузницей идеологических кадров. Учитывался «средний» балл аттестата, при поступлении следовало сдать 3 устных экзамена и написать сочинение. Набор на курс был немаленьким, в 1978 г. зачислили 50 студентов. 1 сентября нас приветствовал декан факультета – к.и.н., доц. Н.И. Санников, специалист по современной германской истории.

Кафедру отечественной истории в те годы возглавлял к.и.н., профессор Б.Г. Плющевский, а кафедру всеобщей истории – д.и.н., проф. В.Е. Майер. По его инициативе в 1974 г. на факультет были приглашены этнолог к.и.н., доц. В.Е. Владыкин, выпускник МГУ и археолог к.и.н., доц. Р.Д. Голдина из Свердловска. Этим были заложены профильной специализированной подготовки будущих специалистов. Итак, уже существующие традиции дополнялись инновациями, что и определяло конкретный выбор специализации студентами моего курса. Он поделится примерно пополам на группы «отечественная» и «всеобщая» история.

Всеобщую историю обыкновенно выбирали те, кто имел склонность к изучению иностранных языков или те, кто с первого курса определился

при написании курсовых работ и с научной проблематикой, и с выбором научного руководителя. В последнем вопросе немаловажную роль играл субъективный фактор – харизматичность преподавателя, его увлеченность своим разделом исторической науки, умение ладить с людьми, в том числе и молодыми. На кафедре всеобщей истории такие люди, безусловно, трудились, вспомним, кроме вышеупомянутых, о Н.Г. Шишкиной, И.Ф. Сергеенковой, С.С. Дерендяеве, Н.Е. Цепулиной и ряде других.

Первый год специализации на третьем курсе обучения касался углубления знаний об античной культуре, а позже, в течение трех семестров, продолжался обширный спецкурс «История западноевропейской культуры». Причем, основное внимание касалось истории развития изобразительного искусства. В.Е. Майер комбинировал формы проведения занятий – классические университетские лекции, спецсеминары, занятия, подготовленные самими студентами для прохождения итогового контроля. Моим выбором и темой лекции стали жизнь и творчество Винсента Ваг Гога. Чтобы подготовиться к такому масштабному мероприятию требовалось проделать ряд последовательных шагов: овладеть навыками анализа специальной искусствоведческой литературы, подобрать иллюстративный ряд, научиться управлять вниманием аудитории и хронометражом мероприятия. Но ничего этого не случилось бы без посредничества и примера самого профессора В.Е. Майера¹.

Он создал свою собственную методику и разработал методологию занятий по истории западноевропейской культуры. Как автор спецкурса, он не злоупотреблял историографическими дискуссиями и перечислением специальной литературы, посвященной творчеству конкретных мастеров. Он также не увлекался техникой рисунка или тонкостями ремесла резчика по камню, занятия не напоминали курс по теории живописи для юных художников. В.Е. Майер не перегружал свой рассказ искусствоведческими терминами, хотя восторженный рассказ про знаменитое «сфумато» до сих пор остался в памяти². В процессе изложения истории европейского искусства В.Е. Майер не отслеживал историю развития жанров, постольку поскольку затрагивал определенные «школы» живописи, но непосредственно оценивал творчество выдающихся Мастеров.

Все темы его спецкурса были прекрасно документированы, лектор использовал иллюстрации (весьма редкие в то время), коллекционировал альбомы по искусству, подборки различных открыток с коллекциями картин самых известных европейских музеев.

¹ Об этом подробнее: Старкова Н.Ю. Воспоминания // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич. К 90-летию со дня рождения. Библиографический указатель. Ижевск, 2008. С. 50-51.

² Сфумато – термин, обозначающий мягкость живописной манеры, плавность тональных переходов, расплывчатость, размытость контуров. Термин был введен выдающимся художником эпохи Итальянского Возрождения Ленаардо да Винчи (1452–1519).

Причем он вводил творчество художников в контекст эпохи, описывая особенности страны, социальной среды, семейное положение и т.д. Как подчеркивал сам В.Е. Майер в рабочей программе спецкурса, творчество великих мастеров рассматривается в тесной связи с конкретными социально-экономическими политическими условиями, существовавшими в той или иной стране во время становления конкретного таланта и процветания его творчества. Важное место отводилось в спецкурсе выявлению комплекса факторов, содействовавших становлению того или иного автора. Влияние семейных факторов, семейной обстановки, окружающей общественной среды, роль школы, выдающихся событий – все это представляет интерес для педагога-историка при изучении проблем формирования таланта¹. В рамках марксистско-ленинской парадигмы роль личности в истории рассматривалась второстепенным фактором, а профессор В.Е. Майер настойчиво проводил мысль о талантах и гениях.

Необходимо особенно подчеркнуть, что в те годы любое изучение истории сопровождалось идеологическими комментариями, поскольку речь идет о начале 1980-х гг. В то время была абсолютно действенной коммунистическая идеология, и на комсомольских собраниях мы в подробностях обсуждали произведения Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева «Малая земля», «Целина» и т.п., а заодно и Продовольственную программу, которая в условиях тотального советского дефицита производила впечатление утопии, но внушала некий оптимизм. Так вот именно в спецкурсе Василия Евгеньевича не присутствовала никакая идеология. Я имею в виду постоянные ссылки на мнения классиков марксизма-ленинизма или отражение тем классовой борьбы в полотнах знаменитых художников.

И вот теперь, после 30 лет размышлений о феномене личности Учителя, я рискну сформулировать гипотезу о том, что идеология все же была и называлась она «Гуманизм». Составляющими чертами Майеровского гуманизма считаю антропологизацию истории через посредство изучения жизни и творчества таких гениев как Микеланджело, Леонардо или Рафаэль.

Много внимания уделял преподаватель отдельным произведениям «титанов Возрождения», например росписям потолка Сикстинской капеллы. В 1508–1512 гг. Микеланджело работал над этим сводом. В средние века потолок Сикстинской капеллы назывался небеса, и до Микеланджело он представлял собой синее небо, покрытое золотыми звездами. Микеланджело преобразует абстрактно – наивные небеса средневековья в небеса, населенные совершенными обитателями божественного мира. В общей трактовке смысла потолка также не может быть сомнений: дерзно-

¹Майер В.Е. Программа спецкурса по всеобщей истории «История западноевропейской культуры в XIV–XVII вв. Ижевск, 1984. С.3.

венное изображение акта творения и гигантская история человечества. Осенью 2012 г. в Италии отмечали 500-летие завершения работы Микеланджело над фресками Сикстинской капеллы. Более 5 млн. человек ежегодно посещают Сикстинскую капеллу, отдавая дань уважения мастеру и одновременно восхищаясь совершенным шедевром эпохи Возрождения.

В.Е. Майер в свое время трактовал роспись Сикстинской капеллы как образец воспевания величия и мудрости человека. При этом профессор делал акцент и на мужестве и таланте самого художника. Сопереживая Микеланджело, расписывавшему свод Сикстинской капеллы четыре года в одиночестве, студент мысленно переносился в Вечный город и, если бы мог, чем-то хотел ему помочь. Но ведь и сопереживание ничуть не менее ценно, чем сотрудничество.

Еще одна составляющая майеровского гуманизма – это героизм. В лекции «Характерные особенности эпохи Возрождения» он подчеркнул, что ведущие гуманистические проблемы это: человек-герой, идеальный герой – мужчина, идеальная героиня – женщина¹.

Как известно, в 1501 г., после нескольких лет смуты во Флоренции была установлена республика, символом ее стал Давид – юноша, в ситуации, которая предшествует столкновению с Голиафом. Художник придал его фигуре совершеннейший контрапост, как в самых прекрасных изображениях греческих героев. Комиссия решила установить статую у Палаццо Веккио, на главной площади города. Это был первый случай со времен античности, то есть более чем за тысячу лет, появления монументальной статуи обнаженного героя в публичном месте. Это могло произойти благодаря удачному стечению двух обстоятельств: во-первых, умения художника создать для жителей коммуны символ наиболее высоких политических идеалов и, во-вторых, способности сообщества горожан понять мощь этого символа. Его желание защитить свободу своего народа отвечало в этот момент самому возвышенному стремлению флорентийцев.

Трактовка образа Давида, созданного гением Микеланджело – вот самый характерный пример мастерства В.Е. Майера как исследователя и педагога. Он посвящал анализу этого произведения целую академическую лекцию, не переставая восхищаться и мастерством Микеланджело и идеями Флорентийской республики. Отметим, что творчество Микеланджело Буонаротти и до сих пор вызывает самые оживленные дискуссии. Но в свое время В.Е. Майер не дал аудитории даже шанса усомниться в любви флорентийцев к Символу города, когда сторонники Савонаролы, по одной из версий, повредили его ладонь. Он отнес этот рассказ к исторической мифологии, ничего общего не имеющей с реальной историей.

¹Майер В.Е. Программа ... С. 4.

Тему героизма автор спецкурса раскрывал и через посредство детального анализа портретов. И неважно были ли это царствующие особы, деятели церкви, воины и купцы, В.Е. Майер старался так осветить деятельность ренессансного человека, чтобы все убедились, что это были деятельные люди, несущие окружающим определенный посыл, исполняющие миссию, часто герои. В.Е. Майер подчеркивал, что портрет индивидуальной личности – высшее достижение гуманизма в Ренессансе¹.

Он восхищался и голландским групповым портретом, например, описывая и анализируя картины Франса Хальса.

Третья черта гуманизма В.Е. Майера – это поклонение Прекрасному. Только он мог подобрать столько эпитетов, восхищаясь образами Рафаэлевских Мадонн или Тициановских красавиц. Совсем нелишним будет подчеркнуть гедонизм профессора В.Е. Майера и то, как он его «преподносил» посредством восхищения красавицами Питера Пауля Рубенса. Особенно запомнился рассказ о «Данае» Рембрандта, который нам, совсем молодым, казался апологетикой и мы, в силу юности своей, не могли понять, как профессор может восхищаться зрелой женской красотой.

Незабываемы и его лекции о феномене жанра натюрморта, с многочисленными весьма красноречивыми иллюстрациями. А ведь с помощью этих приемов жизнь на севере Европы в позднем средневековье становилась нам понятнее, уютнее и даже теплее. А ведь именно натюрморт, да еще, может быть, пейзаж считались абсолютно «безыдейными», отчасти даже вредными с точки зрения идеологической машины советского периода. Составной частью гуманизма спецкурса считаю фундаментальную опору на мифологические образы в искусстве.

И еще раз сошлюсь на советскую практику, когда в этом вопросе соответствующий материал упоминался в комплексе под названием «научный атеизм» с отрицательной оценкой для культурного и интеллектуального развития человечества. Религия (любая, в том числе и древнегреческая) – опиум для народа. Спецкурс и в этом отношении был абсолютно новаторским – В.Е. Майер демонстрировал не просто отличное знание, а глубокие интерпретации мифологических сюжетов, которые отличались глубоким психологизмом. Вспоминаются его рассуждения о «Рождении Венеры» Сандро Боттичелли или раскрытие всех сюжетных образов «Царства Флоры» Николя Пуссена. Автор спецкурса старался сквозь призму мифологических сюжетов понять реальную историческую подоплеку, как это было в случае с анализом картины Тициана «Денарий кесаря». В.Е. Майер прекрасно знал греческую и римскую проблематику – лекция о творчестве Жака Луи Давида раскрывала посредством его полотен вечную тему Гражданственности и Долга.

¹ Там же.

Не менее увлечен был автор и библейскими сюжетами, хотя время для понимания Библии как исторического источника и энциклопедии житейской мудрости древнего мира еще не наступило. Несмотря на общеизвестный тезис об атеизме В.Е. Майера, его эмоциональный анализ библейских сюжетов заставляет задуматься о хрестоматийном образе профессора с портфелем лекций по пропаганде научного атеизма. «Моисей» Микеланджело – образец мыслителя с большой буквы, идеал абсолютного и просвещенного монарха¹, а «Возвращение блудного сына» Рембрандта вывело трагедию одной семьи на уровень общечеловеческих представлений о смысле жизни.

На протяжении 80-х спецкурс разрастался, в нем появились темы из XIX столетия, В.Е. Майер с воодушевлением рассказывал студентам о Родене и Эдуарде Мане, но прочие «-измы» (постимпрессионизм, кубизм, пуантилизм, фовизм, примитивизм, абстракционизм ит.д.) не задевали его «за живое» и отдавались на откуп студентам в разряд самостоятельной работы, но с коллективным обсуждением.

Подводя некоторые итоги изложению, отмечу, что на некоторые вопросы не нахожу ответов, к примеру, какому из «Возрождений» В.Е. Майер отдавал предпочтение – Итальянскому или Северному? Или почему мы никогда не затрагивали США? Или почему не было проведено параллелей с русским искусством? Но все равно, спецкурс В.Е. Майера на протяжении десятилетий формировал когорту новых адептов западноевропейского искусства в нашем регионе. Просветительская деятельность В.Е. Майера транслировалась на студентов, на учеников его студентов и распространялась в культурном и образовательном пространстве Удмуртии, составляя все новые и новые круги на живой воде Познания.

За долгие «постмайеровские» годы спецкурс читали разные преподаватели, в том числе Н.Г. Шишкина, Н.Ю. Старкова и др. На кафедре собран специальный фонд литературы по западноевропейскому искусству, включая кино-фото-документы. Мы с коллегами следим за новостями, совместно посещаем важные выставки в Москве, Казани и т.д. В ноябре 2012 г. в соборе Санта Кроче во Флоренции, где покоится Микеланджело у меня на миг возникло чувство, что и Учитель где-то рядом... Кто знает?

Вместо послесловия:

*Тебе навеки сердце благодарно,
С тех пор как я, раздумием томим,
Бродил у вод мутно-зеленых Арно,
По галереям сумрачным твоим,
Флоренция! И статуи немые*

¹ Майер В.Е. Программа... С. 5.

*За мной следили: подходил я к ним
Благоговейно. Стены вековые
Твоих дворцов объаты были сном,
И мраморные люди, как живые...
Челлини, Бокаччио, Макиавелли,
Петрарка, Данте, Леонардо...
Но больше всех меж древними мужами
Я возлюбил того, кто головой
Поник на грудь, подавленный мечтами,
И опытный в добре, как и во зле,
Взирал на мир усталыми очами:
Напечатлела дума на челе
Такую скорбь и отвращение к жизни,
Каких с тех пор не видел на земле
Я никогда, и к собственной отчизне
Презренье было горькое в устах,
Подобное печальной укоризне.
И я заметил в жилистых руках,
В уродливых морщинах, в повороте
Широких плеч, в нахмуренных бровях –
Твое упорство вечное в работе.
Твой гнев, Создатель Страшного Суда,
Твой беспощадный дух, Буонаротти.
И Бог не утолили твои печали,
И от людей спасенья ты не ждал,
Уста навек с презреньем замолчали,
Ты больше не молился, не роптал,
Ожесточен в страданье одиноком,
Ты, ни во что не веря, погибал.
И вот стоишь, не побежденный роком,
Ты перед мной, склоняя гордый лик,
В отчаянье спокойном и глубоком,
Как демон, – безобразен и велик.*

Д.С. Мережковский

Р.С. Завещание Микеланджело Буонаротти: «Душу отдаю в руки Господа, тело – земле, а имущество – ближайшим родственникам».

ПЕРВЫЙ НАУЧНЫЙ ОПЫТ: ДИПЛОМНАЯ РАБОТА О МИКЕЛАНДЖЕЛО

Т.П. Евсеенко
Ижевск

Темы дипломных работ избираются студентами по-разному. Многое здесь зависит от научного руководителя. Где-то дается заранее составленный список, где-то с каждым студентом тема диплома определяется индивидуально, с учётом интересов самого студента.

Со мной получилось по второму варианту.

В конце 70-х – начале 80-х годов минувшего века на историческом факультете УдГУ написание дипломной работы студентами выпускного курса считалось обязательным. Собирался писать ее и я, но долго не мог определиться с темой. Хотелось обратиться к любимой мною античной проблематике, но на высказываемые пожелания преподаватели тогдашней кафедры всеобщей истории отвечали мне: «А что нового можно сказать в этой области? Разве что в сфере историографии?» Сложность была еще и в том, что в то время на старших курсах исследовательские работы большинства студентов-«всеобщников», тем или иным путем, выходили на культуроведческую тематику. Я же тяготел скорее к проблемам социально-экономической истории. С тем я и подошел к Василию Евгеньевичу Майеру, попросив именно его стать научным руководителем моего диплома.

Василий Евгеньевич поинтересовался, чем именно я хотел бы заниматься. Получив ответ, он спросил меня: «А сможете ли Вы работать с источниками по этой проблематике? Например, найдете ли Вы изданные в Германии корпус греческих или латинских надписей в нашем городе? Будет ли у Вас возможность надолго выехать в Москву, чтобы познакомиться с ними? О проблемах с переводом этих надписей на русский язык я уж не говорю». Я был вынужден согласиться с серьезностью этих аргументов. И тогда Василий Евгеньевич предложил мне обратиться к истории искусства, через которую, по его словам, можно было рассмотреть и проблемы более «глобального» масштаба. А в качестве «объекта исследования» он предложил избрать Микеланджело Буонаротти.

Помню, я тогда пытался спорить, «предлагая» заменить Микеланджело Леонардо да Винчи, мотивирую это разносторонностью дарований последнего. Но Василий Евгеньевич только усмехнулся и повторил известные слова, о том, что люди, основавшие современное господство буржуазии были какими угодно, но только не буржуазно ограниченными. «Великих мастеров Возрождения не просто так именуют титанами, – сказал он. – Фактически любой из них был гением, а для гения разносторонность интересов – явление обычное».

Так я начал свое «погружение» в жизнь и творчество великого итальянца. Как и говорил профессор Майер, чем больше я узнавал о «своем герое», тем более интересным для меня он становился. Спустя недолгое время я уже и сам удивлялся тому, что этот великий художник мог когда-то казаться мне не интересным. Более того, «открывая для себя жизнь своего героя», я знакомился со сложными проблемами социальной и политической жизни «ренессансной» Италии, находившейся в то время едва ли не в центре не только европейской, но в какой-то степени и мировой политики.

Василий Евгеньевич не торопил меня, не требовал регулярной отчетности в проделанной работе. Более того, чаще всего наши с ним встречи проходили как бы случайно, в перерывах между занятиями (я был далеко не единственным его подопечным). Иногда он указывал на сомнительность моих выводов, например, когда я в образе святого Прокла усмотрел фигуру гражданина пополанской городской Республики. Или когда я доказывал, что знаменитая Пиета представляет собой образ «матери Родины» (Италии) о единстве и могуществе которой мечтал великий флорентиец. Мой руководитель обращал внимание на слабость аргументации в пользу этих тезисов, не возражая, впрочем, против включения их в текст дипломной работы. «В конце концов, Тимур это – ваша работа», – говорил он мне – «и именно Вы несете ответственность за правильность и обоснованность сделанных выводов».

Иногда у меня даже создавалось впечатление, что для моего научного руководителя не столь важны выводы, к которым я приду, сколь сам процесс моей работы над историческим и искусствоведческим материалом. В конце концов, вряд ли он мог ожидать от меня действительно «великих открытий», а вот стремление приохотить студента пятикурсника к самостоятельной научной работе, как представляется, и было той главной задачей, которую ставил перед собой Василий Евгеньевич.

Особо хочется отметить, что профессор Майер обращал самое пристальное внимание на язык изложения. «Вы умеете интересно рассказывать, но пишете каким-то канцелярским языком», – говорил он. И объяснял, что писать надо так, чтобы письменная речь была максимально близка к устной. Не нужно пытаться выглядеть «умнее», употребляя сложно построенные фразы или специальную терминологию. А вот изложить материал так, чтобы заинтересовать им всякого не специалиста, было его обязательным требованием. И мне приходилось иногда по нескольку раз переписывать уже почти готовый текст, освобождая его от «излишних сложностей» (как называл их Василий Евгеньевич).

Много позднее, уже сам встав за кафедру в должности университетского преподавателя, я пытался в чём-то копировать своего Учителя, иногда говоря студентам замечания теми же словами, которые когда-то слы-

шал от него. Разумеется, дело не сводилось к простому копированию «майеровского стиля». Это, по моему мнению, было просто невозможно. Настоящий преподаватель, как представляется, неизбежно вырабатывает свой собственный стиль преподавания читаемого предмета. Но привычка самостоятельно ставить себе задачу в научном исследовании и в преподавании также, как способность столь же самостоятельно изыскивать пути к её решению, были, по моему представлению, как раз теми элементами стиля моего Учителя, которые я старался захватить в своё, тогда ещё ассистентское, будущее. Насколько это мне удалось – судить уже моим ученикам, которые уже никогда не слышали профессора Василия Евгеньевича Майера, но слышали (и не раз) меня – его ученика. Очень хочется надеяться на то, что результат получился удовлетворительный и если бы сегодня Василий Евгеньевич имел возможность прийти на мои занятия, он не был бы разочарован, а мне не пришлось бы краснеть перед ним.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ В СПЕЦКУРСЕ В.Е. МАЙЕРА

С.И. Ильинский
Ижевск

Быстротечность нашего бытия помогают пережить воспоминания. Фонды человеческой памяти фиксируют основные жизненные периоды: детство, юность, времена возмужания и др. Особые этапы – это годы учения, постижения знаний, интеллектуальных и духовно-нравственных ценностей. Здесь важнейшее значение имеет личность Учителя, просветителя, наставника, миссионера. В школьном прошлом – это первая учительница в начальных классах, почти вторая мама, это последующие учителя предметники, любимые и нелюбимые.

Вуз – это, действительно, высшая школа. В рамках УдГУ исторический факультет советского периода отличался престижностью и значимостью. Патриотизм истфака определялся этим особым статусом, своеобразным культом факультета среди преподавателей и студентов. Здесь существенную роль играли личности-символы ИФ: Б.Г. Плющевский, М.М. Мартынова, Н.И. Санников, В.Е. Владыкин, Р.Д. Голдина и др. Особое место среди патриархов факультета, бесспорно, занимает профессор В.Е. Майер.

Каково было его визуальное восприятие? Внешность этого выдающегося ученого и педагога отличали основательность и монументальность. Но эта монументальность была особой – не «обронзовелой» сущностью человека-памятника, а животворящей сутью настоящей личности, руководящей и направляющей. В его образе было что-то укорененное, ис-

конно земное, народное. Не случайно он походил на одного из средневековых немецких крестьян с гравюры Альбрехта Дюрера. Но, вместе с тем, это был образ тех людей из народа, которые, благодаря своему традиционному воспитанию, талантам и умениям, становились затем выдающимися деятелями в самых разных сферах – вождями, полководцами, музыкантами, писателями, художниками, учеными.

Вспоминается речь, форма общения (лекционная, обыденная) В.Е. Майера – спокойная и основательная, без ораторских эмоциональных всплесков. Каждое слово – здесь весомо, каждая фраза – истина. Но это не дежурная трансляция научных догматов в рамках ежегодной лекционной рутины, а передача знаний, добытых и оцененных лично самим Учителем.

Наш любимый профессор знакомил студенческую молодежь с историей средних веков (по-научному это называлось «медиевистикой»). Для обыденного сознания феномен этого времени воспринимался романтически – через рыцарей Вальтера Скотта, героические крестовые походы и др. Эти события в особой рекламе не нуждались. Но для советской науки ключевыми были вопросы экономического развития и классовой борьбы. Эти скучные для восприятия, но идеологически важные темы В.Е. Майер передавал нам не казенным языком, не набором дежурных заклинаний, а очень живо, образно, доступно. Поэтому особенности феодальных отношений или генезис капитализма усваивались с удовольствием, без лекторского насилия. Это подтверждалось итогами последующих зачетов и экзаменов. А еще одним подарком Учителю стал стихотворный «Словарь медиевиста», размещенный в факультетской стенгазете «Историк».

Как нам казалось, своеобразной интеллектуальной отдушиной для В.Е. Майера были занятия по истории искусств. В компании классиков мировой культуры, которые жили своей полнокровной жизнью, можно было поговорить о вечном и даже сакральном, отвлечься от советских будней, установок ЦК КПСС и др. Это была особая культурология. Она отличалась от нашего предыдущего полученного опыта: уроков школьной программы, занятий в детской художественной школе, прочитанных книг по искусству. На этих лекциях познание выходило за рамки утвержденных стереотипов. Оказалось, что до пришествия светлого феномена Возрождения, в «темные века» тоже было много чего выдающегося. Как показали факты, «три богатыря» Ренессанса Леонардо, Микеланджело, Рафаэль не слишком ладили друг с другом. А типичный деятель искусства не обязательно должен быть бедным и голодным врагом режима: тот же Тициан был успешным бизнесменом, а живописью занимался для души. В.Е. Майер пересказывал биографии великих мастеров как своих знакомых, как очевидец исторических событий (помните: как-то мы с Кантом за чаем...). Он с удовольствием демонстрировал «мясных» дам П.П. Рубенса, рассказывал про увлечения знаменитых живописцев. Навсегда знаком-символом в памяти останется

избитая стопа блудного сына, его изношенный сандалий, которые свидетельствуют о всех испытаниях библейского персонажа.

Надо отметить, что в просветительских занятиях В.Е. Майера по исторической культурологии просматривались миссионерские, религиоведческие черты. В наше советское время, когда господствовал научный атеизм, настоящая религия в разных формах была рядом. С университетом («храмом науки») соседствовал Свято-Троицкий собор, в те времена – главный храм Удмуртии, с нарисованными колоколами. Вместе с Ледовым дворцом он составлял, как в народе говорили, «ЦСКА – церковно-спортивный комплекс». Была еще полудеревенская Успенская церковь, уютно разместившаяся среди берез и деревянных домов. А в главном храме – Александро-Невском соборе, тогда показывали кино. Бородатые священники не могли вне церкви носить свои облачения и походили на художников или геологов.

Проявления религиозности были разными. На Пасху верующие и неверующие по привычке красили яйца. Вместе с тем, за посещение массовых церковных мероприятий, которые были под бдительным контролем, ослушника могли исключить из комсомола и даже из вуза. Это касалось всех факультетов. А истфак был особой структурой УдГУ – идеологической, где помимо школьных учителей и ученых готовили также кадры для партийных и комсомольских органов, будущих руководителей нашего советского бытия.

Библия была фактически недоступна, ее редкие издания (в т.ч. дореволюционные) имели практики-священнослужители, отдельные верующие, работники идеологического фронта, некоторые представители интеллигенции либерального толка. А для широкого пользования желающих легально прикоснуться к запретным сакральным текстам были разные варианты. Цитаты из Библии включались в научно-атеистическую литературу (ее собирали, помимо лекторов общества «Знание», священники и миряне) самого разного уровня. К примеру, широко тиражировались издательством «Политическая литература» откровенно безбожные сочинения-пародии Емельяна Ярославского («Библия для верующих и неверующих») и Лео Таксиля («Забавная Библия», «Забавное евангелие»), которым вдумчивые читатели предпочитали труды советских религиоведов (типа И.А. Кривелева) и брошюры «В помощь лектору-атеисту».

Особое место в этой альтернативной «библейстике» занимает творчество польского ученого Зенона Косидовского. Его уникальные сочинения «Библейские сказания» и «Сказания евангелистов» стратегически работали на атеистическую идеологию. К каждому отрывку пересказа библейского или евангельского текста прилагался добротный комментарий с привлечением исторических и археологических источников, призванных приземлить «чудесные» события Священного Писания. К текстам издате-

ли прилагали иллюстрации из произведений мирового искусства, что закрепляло восприятие «легальной Библии» через визуальное восприятие разрешенной живописной классики. Лично для меня знакомство с этой книгой, добытой из библиотеки Дома политпросвещения (сейчас Государственной удмуртской филармонии), где базировался вечерний институт марксизма-ленинизма, было поворотным событием. Наверное, точно также множество иных людей через чтение этих пересказов Библии, знакомство с шедеврами живописи, графики, скульптуры, получали первичные знания о феномене Священного Писания, затем знакомились с каноническим текстом (когда он был уже доступен), приобщались к христианской культуре, становились верующими.

Еще до того, как М.К. Болотов стал читать свои популярные лекции по «Основам научного атеизма», для студентов истфака, специализирующиеся на «Всемирной истории» была возможность прикоснуться к религиоведению в рамках спецкурса В.Е. Майера по истории искусств.

Под воздействием этих занятий-общений меня захватил образ неистового Микеланджело Буонаротти, который сильно отличался от царственного энциклопедиста Леонардо да Винчи и юного гения Рафаэля. В итоге появилась курсовая работа «Мастер и Бог» о феномене росписей Сикстинской капеллы – живописной трактовки Библии, полужыческой, полухристианской. По авторскому замыслу, Микеланджело, передавая сюжеты книги Бытия, сам становился Творцом, создающим мир, контролирующим события изначальной истории человечества. Адам становится плотью живою, соприкоснувшись с перстом Саваофа, зарядившись от него жизненной энергетикой. За грехопадением следует потоп и другие события. А между этими кадрами Бытия царят древние пророки, которым открывалась истина, которые вещали о грядущих бедах, достижениях, о приходе в этот мир Спасителя. Это была Библия в красках, Библия очень своеобразная, отличающаяся от богословских канонов. Она феноменальна еще и тем, что в свое время не была признана еретической, а стала украшением самого сердца Ватикана.

Под влиянием В.Е. Майера постижение личности Микеланджело было многогранным: через восприятие его фресок и скульптур, стихотворное творчество, через оценку титана Возрождения в трудах искусствоведов и писателей. Этот же метод был мною затем использован при написании дипломной работы «Гудон. Политические портреты эпохи».

Быстротечность нашего бытия помогают пережить воспоминания. В нашей памяти навсегда останется образ профессора В.Е. Майера, патриарха исторического факультета, который щедро делился своими знаниями, давал мудрые наставления, учил ценить прекрасное, помогал обретать духовные ориентиры. Лично для меня его деятельность представляется подлинным миссионерским служением. Через него, словно электрический заряд, пере-

давалась животворящая энергетика научного поиска, высокой культуры, человечности. Смею думать, что эти дары помогали и будут помогать всем, кто имел счастье соприкоснуться с этим выдающимся человеком.

СЛОВАРЬ МЕДИЕВИСТА

Это вам не обман и не мистика,
А советская МЕДИЕВИСТИКА.

В бурях войн и катаклизмов
Шел процесс ФЕОДАЛИЗМА.

Я теперь СЕНЬОРОМ стал,
У меня есть свой ВАССАЛ.

Все крестьянство обобрал
Кровопийца – ФЕОДАЛ.

Получил за службу рыцарь
Свой земельный БЕНЕФИЦИЙ.

Стал богатым старший брат,
Значит это МАЙОРАТ.

Не отдам я земли, нет!
У меня – ИММУНИТЕТ.

Барский дом, а в доме том
Управляет МАЙОРДОМ.

Если воин ты христовый
Поспеши в ПОХОД КРЕСТОВЫЙ.

Здесь не свадьба и не пир,
Это – РЫЦАРСКИЙ ТУРНИР.

На рыцаре латы, поверх сутана.
Нужны ведь и церкви свои ОРДЕНА.

По святым местам гоним
Ходит-бродит ПИЛИГРИМ.

Если не будешь усердно молиться ты,
То попадешь на костер ИНКВИЗИЦИИ.

Души ваши покрепче заприте,
Бойтесь льстецов-подлецов ИЕЗУИТОВ.

Честь мужскую и праведность женскую
Вы возвратите, купив ИНДУЛЬГЕНЦИЮ.

Во время ночной кровожадной охоты
Католика меч поражал ГУГЕНОТА.

На дворян наводит страх
АБСОЛЮТНЫЙ наш МОНАРХ.
Социальной опорой короны
Были ГЕРЦОГИ и БАРОНЫ.
Бедный – тот живет горбом,
Дворянин – своим ГЕРБОМ.
Эй, крестьяне, друзья боевые,
Постоим же за ЖАКЕРИЮ!
Поздно, батюшка, вам огрызаться-то!
Вашей церкви нужна РЕФОРМАЦИЯ.
Словно птица по морю летела
Сквозь туманы и шторм КАРАВЕЛЛА.
Награбили золота горы
Испанские КОНКИСТАДОРЫ.
Нидерланды не верят угрозам.
Бьют испанцев отважные ГЕЗЫ.
Много прекрасных и славных творений
Нам подарила пора ВОЗРОЖДЕНИЯ.
В глубине феодализма
Шёл процесс КАПИТАЛИЗМА.

Стенгазета «Историк», 1979 г.

В.Е. МАЙЕР И МЕТОДЫ РУКОВОДСТВА КАФЕДРОЙ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ УГПИ – УДГУ (1964–1985)

*А.Л. Туркевич
Ижевск*

Блестящий педагог В.Е. Майер, заняв в 1964 г. пост заведующего кафедрой всеобщей истории УГПИ, видел свою задачу не только в том, чтобы обогатить знаниями и научить мыслить своих студентов, но и в том, чтобы, используя свой личный преподавательский опыт и опыт учебы на историческом факультете МГУ, повышать квалификацию своих младших коллег по кафедре. И это тоже требовало своеобразного педагогического мастерства и такта, осветить которые мы попытаемся в настоящем разделе.

Несмотря на сложную кадровую ситуацию, сложившуюся на кафедре всеобщей истории в середине 1960-х – начале 1970-х гг.: бесконечную ротацию преподавателей, связанную с обучением многих из них в аспиранту-

ре и подготовкой кандидатской диссертации, с первых же лет своей работы на новом посту Василий Евгеньевич Майер неуклонно шел по пути внедрения разного рода новшеств в работу подвластного ему структурного подразделения, которые, по его мнению, должны были способствовать повышению эффективности работы кафедры. Мы должны отметить тот факт, что меры, предпринятые заведующим, были необходимыми шагами. Учитывая тот факт, что кафедра объединяла в себе преподавателей с совершенно разным уровнем подготовки: от недавних выпускников исторического факультета УГПИ до преподавателей с определенным педагогическим стажем, научными интересами и принципами работы, для В.Е. Майера было жизненно важным «привести к общему знаменателю» свой разношерстный коллектив, привив каждому из его членов те методы работы, которые он считал верными.

Одним из первых новаторских приемов такого характера стала «Тетрадь по взаимопосещению занятий», введенная в оборот деятельности кафедры в 1965 г.¹ и которая, по мнению Майера, должна была помочь преподавателям учиться друг у друга. В условиях, в которых оказалась кафедра всеобщей истории в середине 1960-х гг. (т.е. в связи с появлением большого числа молодых сотрудников, не имевших еще достаточного преподавательского опыта) наличие такой тетради было, фактически, мерой первой необходимости. С одной стороны, посещая лекционные и практические занятия, зачеты и экзамены, проводимые старшими коллегами, молодые преподаватели² усваивали методику чтения лекций, особенности и технику их ведения, принципы и характер проведения аттестаций уже не как студенты, но в новом качестве. Делая при этом соответствующие записи в журнал, они позволяли, таким образом, опытным коллегам проверять, действительно ли они поняли главную мысль лекции, уловили ли они ее особенности, методику проведения, скрытую от студентов работу преподавателя по подготовке занятия: проделанный обзор источников, новейшей литературы, конструирование и моделирование ее плана и т.п.

С другой стороны, посещение занятий молодых преподавателей В.Е. Майером и О.П. Новиковой позволяло им выделить те недостатки и недочеты, без которых не могли «обойтись» их коллеги, еще не обладающие достаточными лекторскими навыками. Речь здесь идет не только о собственно внутреннем содержании той или иной лекции (их обсуждение

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 479. Л. 24.

² Разумеется, употребляя слово «молодые» мы отнюдь не акцентируем внимание на их возрасте. Для нас, однако, важно было отметить сложившуюся на кафедре всеобщей истории дихотомию в отношении «более опытных» преподавателей, т.е. В.Е. Майера и О.П. Новиковой и «менее опытных», т.е. Г.Т. Кондратьевой, Н.И. Санникова, Л.А. Соковикова, затем – Г.Н. Прозорова, Г.Я. Баженова и пр. Соответственно, для нашего удобства мы должны были «найти» слово, которое позволяло бы объединить сотрудников из второй группы. Термин «молодые», безусловно, не совсем корректен, но при этом нагляден.

зачастую велось на заседаниях кафедры, что было очередным нововведением, о чем мы будем говорить позднее), но и о том, что при этом обращалось внимание именно на ее внешнюю сторону: технику чтения, наличие наглядных материалов, установление контакта между лектором и аудиторией, т.е. именно на атрибуты грамотно построенной и спланированной лекции, цель которой – донести материал до слушателя, а не дать его формально¹.

До наших дней, к сожалению, не сохранились самые первые тетради взаимопосещений занятий по кафедре всеобщей истории, однако даже те, что имеются в нашем распоряжении², могут дать достаточно полное и отчетливое представление об этом виде кафедральной нагрузки, введенном В.Е. Майером, и о значении, которым он ему предавал. Сам Василий Евгеньевич при заполнении тетради строго придерживался плана, дисциплинируя себя и подавая пример своим коллегам. Обязательными атрибутами отчета были указания на имя лектора (или экзаменатора), предмет, подготовленность аудитории к занятию, характер работы преподавателя и недостатки, если они имелись. Так, 25 сентября 1976 г. В.Е. Майер писал:

«Посетил лекцию на I<курсе> з<очного> /о<тделения> по этнографии доцента Владыкина по теме: народы Америки.

Аудитория была оборудована соответственно требованиям, предъявляемым к занятиям по этнографии: окна затемнены, имелась доска, диапроектор, книги для показа, карта, указка, мел, тряпка. Студенты сидели компактно, заполняя всю аудиторию.

С первого момента установился здоровый контакт между лектором и аудиторией. В ходе лекции Владыкин апеллировал неоднократно к знаниям студентов, разговаривал с ними как с людьми знающими...

План лекции содержал 4 пункта: ... Характерно, что Владыкин раскрывал последовательно каждый пункт, постоянно используя все средства наглядного изображения.

В целом лекция носила познавательный характер. В ней содержалась объемная информация, она была стройна и наглядна. Все было предельно продумано, систематизировано и доходчиво изложено. ... Лекция поражала своим гуманизмом, научностью и принципиальностью».

¹ Впрочем, иногда такого рода мероприятия были необходимы по иным причинам, носящим довольно курьезный характер. В.А. Чиркин, вспоминая посещения В.Е. Майером его занятий, отмечал, что практика эта длилась до тех пор, пока молодой лектор не изжил в себе привычку к произвольному использованию «непечатных» выражений, появившуюся у него после службы в рядах Советской Армии.

² «Тетрадь посещения занятий преподавателями кафедры. Всеобщая история» за 1976–1984 гг., т.е. относящаяся ко времени заведования В.Е. Майером, хранится в настоящий момент на кафедре истории древнего мира и средних веков УдГУ, после того как была передана Б.П. Сысоевой. Судя по всему, после того, как она была заполнена полностью, Василий Евгеньевич сохранил ее, взяв в свой домашний архив, что может являться свидетельством значимости, которое он придавал этому документу.

В практике взаимопосещений лекции и последующих отчетах принимали участие все члены кафедры всеобщей истории; внимание уделялось фактически всем видам преподавательской деятельности: лекционным и практическим занятиям, консультациям, зачетам и экзаменам, предзащитам, защитах курсовых работ, педагогическим практикам студентов в школе, а также полевым занятиям по этнографии, проводимых В.Е. Владыкиным. Для самого В.Е. Майера журнал взаимопосещения не был формальностью: он прорабатывал *каждую* запись, сделанную в журнале; примерно, на 90 процентах из них имеются его карандашные пометки на полях или внутри текста, отмечающие их основные положения, и особо акцентирующие внимание на недостатках того или иного занятия, которые лектор должен был учесть в следующий раз. Будучи требовательным к себе относительно заполнения журнала, В.Е. Майер был требователен и к своим коллегам, не принимая легкомысленного отношения к его ведению. «Почему-то Н.Г. [Н.Г. Шишкина– А.Т.] формально отчитывается о посещении занятий. Это не серьезно!», – записал он в тетради в июне 1978 г. после нескольких кратких и сжатых отзывов от своей ученицы¹.

Для В.Е. Майера как заведующего кафедрой тетрадь взаимопосещений была одним из тех средств, при помощи которого он контролировал работу своих подчиненных: контролировал не в отношении «следил», но – «руководил» и «направлял». Ему важно было понимать, как ведется преподавательская деятельность его сотрудников, насколько ответственно они относятся к выполнению возложенных на них обязательств, каким образом организуют свои занятия и т.п. Через тетрадь он влиял на своих коллег: вычленив недостатки, учитывая пожелания, высказываемые преподавателями друг другу В.Е. Майер мог акцентировано указать, какие принципиальные положения следует учесть, обработать или исправить, чтобы *повысить качество преподавания*. Как заведующий кафедрой через взаимопосещения он отслеживал работу студентов, специализирующихся по всеобщей истории, контролировал прохождение ими всех ступеней обучения: от работы на лекционных и семинарских занятиях до педагогических практик в школе и защите курсовых и дипломных работ. Кроме того, В.Е. Майер отдельно отмечал, что особо эффективным может быть практика не простого посещения занятия одного преподавателя другим, а проведение так называемых открытых лекций, на которых могут присутствовать несколько членов кафедры². В этом, стоит отметить, проявляется одно из различий в подходах к руководству кафедрой между В.Е. Майером и Л.Н. Заболотской. Так, последняя писала по поводу открытых лекций: «Открытая лекция не является эффективной мерой повышения каче-

¹ Тетрадь посещения занятий преподавателей кафедры всеобщей истории // Архив кафедры истории древнего мира и средних веков УдГУ.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 1615. Л. 28.

ства преподавания. Она нервозно действует как на лектора, так и на студентов» и не может являться показателем работы преподавателя¹.

Говоря о той значимости, которую В.Е. Майер придавал тетради взаимопосещений занятий, мы не можем не сказать, что ее неукоснительное ведение и заполнение держалось именно за счет фигуры заведующего: после его смерти практика ведения еще сохранялась, однако со временем сошла на нет, несмотря на предписания к ее заполнению, исходящие со стороны администрации Университета. Тетрадь по взаимопосещению была *авторской* задумкой заведующего по регулированию работы кафедры и, соответственно, поддерживалась его волей в связи с *действительной потребностью* в ней.

Другим нововведением, привнесенным В.Е. Майером в работу своего подразделения, стало обязательное *заслушивание и обсуждение лекций преподавателей на заседаниях кафедры*². Фактически ни одно из заседаний, за исключением тех, что были «вводными», посвященными началу очередного учебного года, не обходились без таких заслушиваний. Чаще всего на одном заседании кафедры обсуждению подвергалась одна лекция от одного преподавателя, и, таким образом, за учебный год заслушиванию и обсуждению подвергались до 9-10 лекций. Собственно, темы лекции, выносящиеся на обсуждение, выбирали сами сотрудники. Для них сам факт того, что на одном из заседаний они станут избранными для обсуждения, конечно, не являлся неожиданностью, поскольку в начале каждого учебного года заведующим составлялся план работы кафедры на указанный период, где и указывалось, что тот или иной преподаватель будет заслушиваться на традиционном обсуждении лекции³. Перед тем, как на кафедре устраивалась подобная своеобразная «защита», выбранный член кафедры раздавал своим коллегам текст лекции, с которым они должны были ознакомиться до заслушивания.

Для того чтобы понять, каким образом происходила эта процедура и какие задачи она должна была решать, обратимся к примерам через анализ обсуждения текстов двух лекций В.П. Коротовой – «Англия в период временной и частичной стабилизации. Всеобщая стачка 1926 г.», проведенного на заседании кафедры 29 сентября 1971 г.⁴ и Н.Г. Васильевой – «Вводная лекция» по истории древнего мира, проведенной 27 октября 1971 г.⁵ выбрав их как типичных.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 336. ЛЛ. 184-185.

² Первое упоминание об обсуждениях текстов лекций преподавателей по кафедре всеобщей истории встречается в годовом отчете за 1966/1967 учебный год. См.: ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 510. Л. 114.

³ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 257. ЛЛ. 4-5.

⁴ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

⁵ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

Обратимся к анализу обсуждения лекции В.П. Коротовой. На первом этапе заслушивания она обратила внимание на структуру, план занятия, выделив в нем три основных пункта (особенности временной и частичной стабилизации; первое лейбористское правительство и его классовая сущность; всеобщая стачка 1926 г. и ее значение). Затем, и это мы можем назвать одной из особенностей ее лекции, было изложение собственно фактического материала, но она уделила ему не столь большое значение, как это принято при изложении тем, носящих фактографический характер. Но при этом В.П. Коротова отдельно акцентировала внимание коллег по кафедре (а затем и студентов) на цели лекции, ее методических основах, историографии вопроса, связи с современностью. В качестве вывода по теме лектор предложила обобщить значение рассмотренных в лекции событий.

В последующем обсуждении лекции коллегами по кафедре были высказаны слова поддержки и одобрения, отмечены положительные стороны (ясный план, строгие методические указания, ясные обобщения, анализ каждого пункта лекции), но не замалчивались и недостатки (не даны причины ухода лейбористов)¹. После проведенных прений слово, как заведующий кафедрой, взял В.Е. Майер и подчеркнул положительные стороны, «*которые имеют значение для всех членов кафедры*»² [курсив наш – А.Т.]:

«1. Ясно и точно выделена методология, лежащая в основе данной темы. 2. Принципиально важно отметить точность определения цели лекции. Этому следует регулярно обучать студентов, чтобы они могли пользоваться этим в школе. 3. План четкий и отдельные пункты содержат идейную направленность. 4. Очень удачно раскрыты классовые позиции партий и профсоюзов. Это большая удача В.П. Коротовой, т.к. в других заслушанных нами <лекциях> такой четкости не было. 5. Даны четкие определения понятий. 6. Приводится документальная иллюстрация»³. Вслед за выделением сильных сторон лекции, В.Е. Майер дал некоторые советы В.П. Коротовой, которые касались сугубо фактической стороны изложения материала (шире охватить материал в оценке политики лейбористов и т.п.). В своем заключительном слове Вера Петровна поблагодарила коллег за критику, отметив ценность высказанных замечаний. Для нас проанализированный эпизод из, в целом, рутинной работы кафедры важен именно с понимания того, какую роль предавал этому В.Е. Майер. Характеризуя лекцию В.П.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.

² Несмотря на то, что эти слова были записаны В.Е. Майером не собственноручно, а, разумеется, лаборантом кафедры В.Д. Полищук, мы с полным правом можем считать, что именно в такой формулировке они и были произнесены. К делу ведения протоколов кафедральных заседаний заведующий относился со всей серьезностью и перечитывал их после составления, и в случаях, когда записи велись Л.А. Соковиковым, например, В.Е. Майер не стеснялся отмечать, что не согласен с содержанием протокола, так как в нем отражено не все сказанное на заседании. См., например, ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 27.

³ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. ЛЛ. 5-6.

Коротовой, он особенно подчеркнул те принципиально сильные стороны в ее построении и изложении, которые должны были быть взяты на вооружение остальными членами кафедры. В данном конкретном случае заслушивание и обсуждения текста лекции являлось своеобразным *методом повышения квалификации всех преподавателей*, находящихся в подчинении В.Е. Майера, а не только того, чья лекция анализировалась.

Обсуждение лекции Н.Г. Васильевой 27 октября 1971 г. проходило по схожему сценарию. Излагая суть занятия, она отмечала, что первоочередное внимание следует уделить целям, задачам и методологии курса, вопросам периодизации и его роли и месте в структуре всеобщей истории, а кроме того отдельно остановиться на особенностях рабовладельческой формации и ее месте в «историческом потоке»¹. После выступления преподавателя слово взяли коллеги по кафедре, обратившие внимание Н.Г. Васильевой на положительные моменты в построении лекции («хорошо выделены особенности развития народов древнего Востока», «много внимания уделено терминологии») и ее недостатки («недостаточное внимание обращено на характеристику классов рабовладельческого общества», «обратить внимание студентов на дискуссию о проблемах развития государства Востока»). Правом заключительного слова воспользовался В.Е. Майер, однако в этот раз он акцентировал свое внимание уже не на том, что могут перенять из лекции Н.Г. Васильевой ее коллеги, а на практических рекомендациях для нее самой, которые должны поспособствовать улучшению качества занятия: «необходимо материалы дискуссии об “азиатском пути”, о формах собственности на Древнем Востоке хотя бы кратко включить. Отдельно рассказать о своеобразии источников по древней истории, ... сильнее подчеркнуть особенности древневосточного типа по сравнению с античным»². Подобная позиция заведующего кафедрой выглядит вполне логичной, поскольку для молодого преподавателя, впервые взявшегося за ведение курса «История древнего мира» рекомендации такого были совершенно необходимы.

Таким образом, на основании проанализированных примеров, мы можем прийти к выводу, что практика заслушивания и обсуждения лекций преподавателей по кафедре всеобщей истории носила, по замыслу заведующего, двоякую цель. Во-первых, прибегая к ней, В.Е. Майер мог акцентировано указать на положительные и отрицательные стороны конкретной лекции того или иного преподавателя, дать рекомендации по ее улучшению, которые в конечном итоге должны были распространиться и на все читаемые им курсы (поскольку рекомендации носили не только фактографический характер, но и методический). Во-вторых, через обсуждение лек-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 10.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.

ций опытных преподавателей Майер стремился показать и научить своих коллег и учеников методическим навыкам их построения, обратить внимание на те аспекты, которые они должны усвоить и перенять в собственной практике и преподавательской деятельности. В конечном итоге, подобные мероприятия входили в обиход кафедры по инициативе В.Е. Майера в связи с прямой необходимостью: наличие большого числа сотрудников без опыта преподавательской деятельности, причем, не только в первые годы его работы на посту заведующего, но и на протяжении всего этого времени, активная ротация курсов среди преподавателей, возникавшая в результате многочисленных отъездов в аспирантуру и, в целом, довольно ощутимой текучести кадров, особенно в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Следующим новаторским приемом, привнесенным В.Е. Майером в работу кафедры всеобщей истории УГПИ, мы можем назвать практику заслушивания и обсуждения или, как это называл сам заведующий, рецензирования последних новинок отечественной исторической науки, посвященных событиям мировой истории. Впервые о подобной форме общекафедральной деятельности Майер заявил в отчете за 1966–1967 учебные годы, когда отметил, что за истекший период были прорецензированы «новые издания»¹. В частности, В.Н. Лоншаковой – «Введение в классическую филологию» С.И. Радцига² и В.Е. Майером – «От Христа к Константину» А.П. Каждана³. Чаще всего такого рода рецензии носили реферативный характер: по согласованию с заведующим тот или иной сотрудник получал персональное задание, заключающееся в прочтении и подготовке краткого анализа содержания новейшей монографии или статьи для последующего заслушивания и обсуждения на заседании кафедры. Таким образом ситуация обстояла, например, восьмого сентября 1969 г., когда В.Е. Майер выступил с сообщением о книге О.Л. Вайнштейна «История советской медиевистики»⁴, содержащим, в основном, краткое переложение материалов монографии⁵. Кроме того, большое значение заведующий уделял обзорам периодических изданий. Перед началом учебного года он распределял между членами кафедры те исторические журналы, которые им предстояло рецензировать в текущем году и представлять к обсуждению на заседаниях важнейшие статьи, методические или идеологические тенденции и т.п. Так, 28 сентября 1974 г. В.Е. Майер предложил следующий план работы: Л.А. Соковинову предлагалось рецензировать журнал «Советское славяноведение», В.П. Коротовой – «Новая и новейшая история», самому Василию Ев-

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 510. Л. 115.

² Радциг С.И. Введение в классическую филологию. М., 1965. 527 с.

³ Каждан А.П. От Христа к Константину. М., 1965. 303 с.

⁴ Вайнштейн О.Л. История советской медиевистики. Л., 1968. 424 с.

⁵ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 705. Л. 10.

геньевичу – «Средние века» и таким же образом для всех членов кафедры в соответствии с их научными и профессиональными интересами¹.

При рецензировании целого ряда журналов, а не отдельной монографии или статьи преподавателям, естественно, уже не удавалось представить реферативный обзор всех содержащихся материалов, поэтому, как мы можем проследить на примере В.П. Коротовой, они стремились выявить некие общие тенденции: «Основное направление журнала не изменилось. Главное внимание уделяется трем проблемам – политической истории, историографии и проблемам политической борьбы... Но в журнале мало дается материала по экономической истории»². Раскрывая далее содержание трех основных для журнала направлений через представление статей, иллюстрирующих их, В.П. Коротова также замечает, что в нем отдельно сообщается обо всех более или менее важных отечественных и международных конгрессах, конференциях и т.п., что по ее мнению, следует занести в актив издания. В целом же, практика обсуждения журнальных статей ведущих исторических изданий Советского Союза была признана членами кафедры успешной и рекомендована как форма дополнительных занятий на кружке по всеобщей истории, функционировавшем при факультете³.

Для самого В.Е. Майера обсуждение новинок исторической литературы на заседаниях кафедры, по-видимому, было не обузой или формальной «обязаловкой», а, напротив, одним из способов для того, чтобы поделиться с коллегами впечатлениями о том или ином издании, которое он прочитал. Представляя монографию Альберта Нордена «Властители без короны»⁴, посвященной деятельности дома Фуггеров в Германии, он акцентирует внимание своих слушателей на сильных сторонах книги, а в последующей дискуссии – защищает позиции, изложенные автором. Очевидно, что чтение этой книги доставило Василию Евгеньевичу определенное удовольствие, поделиться которым он решил на одном из заседаний кафедры всеобщей истории⁵. Этот эпизод для нас важен и с той точки зрения, что сам В.Е. Майер читал, по-видимому, оригинальный текст монографии на немецком языке, а не пользовался переводным изданием, вышедшем в Советском Союзе лишь в 1978 г.⁶ Для его коллег по кафедре чтение немецкого текста хоть и было возможно, поскольку многие из них занимались германской проблематикой, но было бы гораздо более трудоемким занятием, чем для

¹ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 7.

² ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 29.

³ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. Л. 30.

⁴ Norden A. Herrscher ohne Krone. Frankfurt/Main, 1974.

⁵ ЦГА УР. Ф. р-1550. Оп. 1. Д. 243. ЛЛ. 9-10.

⁶ Напомним, что рассматриваемые нами события проходили на заседании кафедры всеобщей истории 5 октября 1974 г.

В.Е. Майера, свободно владевшего языком, и тем большее значение для них приобрел проделанный заведующим анализ книги.

Практика рецензирования исторических книг, журналов и отдельных статей, привнесенная в работу кафедры всеобщей истории УГПИ В.Е. Майером, носила двоякую цель. С одной стороны, по мысли заведующего, она координировала и направляла его сотрудников на знакомство с новинками исторической мысли в сфере их научных интересов, определенным образом дисциплинировала их, обязывая быть в курсе всех тенденций, происходящих, по меньшей мере, в Советском Союзе и странах социалистического лагеря. Майер прекрасно осознавал, что невозможно быть высококвалифицированным специалистом (а мы должны понимать, что именно таких преподавателей он хотел видеть на своей кафедре), не ориентируясь в новейших исследованиях и достижениях науки. С другой стороны, сам вид, который принимала практика рецензирования, т.е. заслушивания с последующей дискуссией в рамках заседания кафедры, а не, допустим, письменный отчет лично заведующему, показывает, что для В.Е. Майера было важным, чтобы информация, усвоенная одним из его преподавателей, стала доступной и для остальных коллег. Через это прием Василий Евгеньевич, с одной стороны, развивал в своих подчиненных широту знаний по сопредельным для них предметам, повышал базовую историческую эрудицию, с другой, вероятно, готовил их тем самым к возможной ротации в рамках дисциплинарного поля всеобщей истории. Мы помним, что в 1968–1969 учебном году антиковеду Н.С. Талашовой пришлось читать курс истории стран Азии и Африки, и сейчас сложно сказать, заслушивались ли в то время на кафедре обзоры журнала «Народы Азии и Африки», но будь это так – эта практика стала бы большим подспорьем для нее.

Кроме того, рецензирование журналов и книг несло в себе и педагогическую функцию: после доклада и дискуссии по какому-либо произведению коллективом кафедры принималось решение о рекомендации его для использования студентами в подготовке к семинарским занятиям, курсовым и дипломным работам. Однако далеко не всегда подобная практика играла положительную роль. При принятии решений по наиболее принципиальным вопросам в рамках кафедры всеобщей истории право решающего слова всегда оставалось за заведующим, т.е. за В.Е. Майером. Соответственно, когда речь заходила о рекомендации той или иной книги или статьи решение зависело от его позиции, и в ряде случаев искренняя убежденность Майера в правоте марксистского подхода и неприятие им отличных точек зрения играла против объективности при оценке исторических работ. Таким образом, например, обстоит дело при рецензировании Н.С. Талашовой статьи Е.М. Штаерман «О некоторых проблемах рабства в период Римской Империи», когда В.Е. Майер отметил, что указанную статью критиковал профессор А.И. Данилов на страницах журнала «Коммунист», так

как «Штаерман недооценивает роль марксистско-ленинского учения о классовой борьбе». На основании этого положения кафедрой было принято решение, что студентам эту статью можно рекомендовать, однако при этом следует оговаривать, что ее содержание противоречит официальной линии, и как более верный и правильный вариант отметить статью А.И. Данилова¹.

Аналогично развивалась ситуация в стенах исторического факультета УГПИ после выхода приснопамятной монографии А.Я. Гуревича «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе»² в 1970 г. В отчете за 1969–1970 учебный год В.Е. Майер отмечал, что на занятиях по истории средних веков эта работа А.Я. Гуревича подверглась критике, т.к. она противоречит основным принципам марксистско-ленинского учения о движущих силах истории и классовой борьбе³. Очевидно, что критика этой монографии шла в русле официальной позиции исторической науки СССР того времени, однако неправомерно было бы предполагать, что упоминание об этом в годовом отчете было сделано В.Е. Майером лишь для того, чтобы отметить солидарность кафедры с «генеральной линией». Принимая во внимание такую черту характера ученого как гражданская и политическая принципиальность, мы можем с большой долей уверенности предположить, что критика монографии А.Я. Гуревича была вызвана действительным убеждением Майера в ее ошибочности, а не идеологической конъюнктурой.

¹ ЦГА УР. Ф. р-1282. Оп. 2. Д. 705. ЛЛ. 23-24.

² Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе: Уч. пос. М., 1970. 224 с.

³ ЦГА УР. Ф. р-1282 Оп. 2. Д. 589. Л. 45.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

О СОДЕРЖАНИИ, ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ И МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРА НЕМЕЦКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» (ИЗ ОПЫТА САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

А.Н. Галямичев
Саратов

Эпоха Возрождения в Германии составляет одну из ярких страниц истории мировой художественной культуры. В ней нашли отражения духовные искания людей переломной эпохи рубежа Средних веков и Нового времени, исполненной глубокого драматизма и поражающей дерзновенностью замыслов и свершений великих мастеров кисти и резца.

Преподавание вопросов истории Немецкого Возрождения на кафедре истории средних веков Саратовского университета имеет давние традиции. Их основа была заложена выдающимся знатоком истории Германии эпохи Реформации и культуры немецкого народа Всеволодом Александровичем Ермолаевым (1910–2000)¹, который начиная со второй половины 1950-х годов с большим успехом читал курс «Немецкий гуманизм», уделяя в его рамках большое внимание творчеству великих немецких художников эпохи Возрождения. В тесной связи с преподаванием этого курса родилась и была реализована идея организации выездной практики студентов исторического факультета в Государственном Эрмитаже, которая первоначально охватывала студентов, специализировавшихся по кафедре истории средних веков, а затем распространилась на всех студентов-историков (с соответствующим расширением содержания практики), став одним из наиболее любимых и вместе с тем наиболее результативных составляемых учебного процесса.

После того, как В.А. Ермолаев прекратил преподавательскую деятельность, вопросы истории Немецкого Возрождения поднимались в читаемых преподавателями кафедры (в первую очередь, известными специалистами по истории средневековых городов Германии Т.М. Негуляевой и

¹ В последние годы жизни В.А. Ермолаев написал книгу воспоминаний, которые были опубликованы в серии мемуаров выдающихся учёных Саратовского университета «О времени и о себе» в рамках подготовки к 100-летию старейшего университета Юго-Востока Европейской части России. Эта книга позволяет составить всестороннее представление о жизненном пути и личности В.А. Ермолаева. См.: Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: записки историка. Саратов, 2009.

Л.И. Солодковой) спецкурсах по истории Германии эпохи Реформации, становились предметом дипломных сочинений студентов, специализировавшихся по кафедре истории средних веков.

Задача постановки преподавания истории культуры немецкого Возрождения в качестве особого учебного курса была обусловлена открытием в Саратовском университете специальности «Искусствоведение», учебный план которой предусматривал преподавание дисциплины «Немецкое Возрождение и гуманизм». Первые опыты реализации этой идеи на практике выпали на долю автора этих строк.

Накопленный (с осеннего семестра 2008 г.) опыт был положен в основу составленной в 2012 г. рабочей программы «Культура немецкого Возрождения», предназначенной для подготовки бакалавров по направлению «История искусств».

Курс «Культура немецкого Возрождения» преподается в рамках четвертого семестра обучения. На него выделяется 3 зачетных единицы (108 часов), включая 36 часов лекционных, 18 часов практических занятий и 54 часа самостоятельной работы студентов.

Курс открывает вводная лекция, в которой ставятся общие вопросы изучения культуры эпохи Возрождения, о ее идейном содержании, хронологических и географических рамках, рассматривается место немецкого Возрождения в идейной и художественной жизни Европы.

Логически курс распадается на три тематических блока.

Первый блок посвящён выяснению предпосылок немецкого гуманизма, что предполагает анализ ведущих тенденций социально-экономического и политического развития Германии в XV – начале XVI вв. и связанных с ними изменений в социальной психологии и мировосприятии в среде горожан и рыцарства, новых явлений в религиозной жизни и образовании.

Во втором блоке рассматриваются первые проявления и начальные этапы развития гуманистических идей в немецкой общественной мысли и литературе. В связи с этим поднимается вопрос о роли немецкого гуманизма в подготовке Реформации.

Предметом рассмотрения третьего блока учебных занятий является подробное рассмотрение вершинных достижений немецкого изобразительного искусства эпохи Возрождения.

Проведение практических занятий по курсу «Культура немецкого Возрождения» неизменно ставит перед преподавателем ряд серьёзных проблем, прежде всего в силу сложности и многогранности самого содержания изучаемых проблем.

Опыт преподавания подсказывает, что форма проведения практических занятий не может оставаться единообразной в течение нескольких лет подряд. Интересы и способности студентов каждого курсов должны

учитываться при подготовке практических занятий (думается, что обновляться должна не только форма, но отчасти и содержание занятий).

В качестве наиболее эффективных форм практических занятий видятся аудиторный анализ источника (как литературных текстов, так и памятников изобразительного искусства), чтение докладов и рефератов с их последующим обсуждением, круглые столы, коллоквиумы, ролевые игры.

Подготовка интерактивных форм практических занятий должна составлять значительную часть бюджета времени самостоятельной работы студентов. Наряду с этим очень важным представляются индивидуальные формы работы преподавателя со студентами.

В заключение прилагается примерный рабочий план преподавания курса, структура которого была подсказана опытом преподавания.

Лекции:

1. Немецкое Возрождение: за и против.
2. Социально-экономическое развитие Германии в XV веке.
3. Политическое развитие Германии в XV веке. Идея имперской реформы.
4. У истоков немецкого гуманизма: Николай Кузанский, Эней Сильвий Пикколомини в Германии.
5. Немецкие гуманисты XV века: Рудольф Агрикола, Конрад Цельтис, Себастьян Брант.
6. Эразм Роттердамский и его место в истории немецкого гуманизма.
7. «Рейхлиновский спор» и его влияние на обстановку в Германии накануне Реформации.
8. Творчество Альбрехта Дюрера: становление личности и мастерства художника.
9. Альбрехт Дюрер: кульминация творческого пути.
10. Творчество Альбрехта Дюрера: последние годы, итоги, наследие.
11. Творчество Грюневальда.
12. Лукас Кранах Старший и его место в искусстве немецкого Возрождения.
13. Творчество Ганса Гольбейна Младшего.
14. Творчество Альбрехта Альтдорфера и дунайская школа в немецкой живописи.
15. «Малые мастера» немецкого Возрождения.
16. Немецкая скульптура и художественное ремесло в эпоху Возрождения.
17. Архитектура Германии в XV–XVI вв.
18. Реформация и развитие художественной культуры Германии.

Практические занятия:

1. Новые явления в экономике Германии XV века.
2. Конрад Цельтис – немецкий «архигуманист».
3. «Корабль дураков» Себастьяна Бранта и развитие немецкой литературы на рубеже Средних веков и Нового времени.
4. Мартин Лютер: жизнь и судьба Реформации.
5. Художники немецкого Возрождения и Реформация.
6. Графика немецкого Возрождения.
7. «Мастерские гравюры» Дюрера.
8. Портретный жанр в искусстве немецкого Возрождения.
9. Реформация и искусство.

Темы рефератов

1. Нюрнберг как очаг гуманистической культуры.
2. Немецкие университеты и становление гуманизма.
3. Николай Кузанский и его время.
4. Эней Сильвий Пикколомини в Германии.
5. Рудольф Агрикола и его роль в истории немецкого гуманизма.
6. Лирика Конрада Цельтиса.
7. Критика современного общества в «Корабле дураков» Себастьяна Бранта.
8. Сатирические произведения Томаса Мурнера.
9. Критика схоластики в «Похвале глупости» Эразма Роттердамского.
10. Критика церкви и современного общества в «Письмах тёмных людей».
11. Становление Дюрера как художника и гуманиста.
12. Дюрер – график.
13. Дюрер – портретист.
14. Дюрер – мыслитель и учёный.
15. Дюрер и итальянская живопись эпохи Возрождения.
16. Загадки Грюневальда.
17. Венский период творчества Лукаса Кранаха Старшего.
18. Лукас Кранах Старший и Реформация.
19. Идеал женской красоты в картинах Лукаса Кранаха.
20. Алтарные композиции Ганса Гольбейна Младшего.
21. Портрет в творчестве Ганса Гольбейна Младшего.
22. Дунайская школа в немецкой живописи.
23. Скульптура эпохи немецкого Возрождения.
24. Художественное ремесло эпохи немецкого Возрождения.
25. Произведения немецких художников эпохи Возрождения в музеях России.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Н.А. Бондаренко
Москва

Одной из важнейших составляющих учебного процесса в вузе является использование в практике интерактивных технологий. Педагогическому сообществу хорошо известны такие образовательные технологии как «дебаты», «имитационные игры», «кейс-технологии» и др. В Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина на занятиях по изучению культуры славянских народов широко используется нестандартная форма проведения семинаров, нацеленная на «проживание» каждым студентом обсуждаемой темы, знания или события – технология «мастерских».

Занятия спецкурсов: «Взаимосвязи славянских культур», «Русская тема» в культуре славян (XIX в.), «Феномен категории прекрасного в культуре южных и восточных славян (эпоха Средневековья)» и др. вызывают существенный интерес у студентов и не только обсуждаемыми темами, но и формой проведения.

Известно, что содержанием рефлексии (как механизма переосмысления стереотипов) могут выступать не только интеллектуальный опыт, но формы организации совместных усилий обучаемых по разрешению проблемной ситуации, проявляющейся в групповом взаимодействии. На реализацию такого рода взаимодействия направлена технология «мастерских», особенность которой состоит в обращении к личному опыту, знанию, эмоциям студента. В ходе проводимых семинаров-«мастерских» происходит развитие коммуникативной культуры личности, творческого мышления, умения работать в команде, слушать и быть услышанным и др.

Структура занятия отличается от традиционного. В начале (этап индукции) создается проблемная ситуация, вызывающая интерес к обсуждаемой проблеме. Это, по сути – обращенность к опыту обучаемого, апелляция к ассоциативному образному мышлению (в качестве индуктора может выступать слово, предмет, воспоминание). После предлагаемого рисунка, видеосюжета, или др. учитель не спешит дать точный и верный ответ, он предоставляет каждому поразмышлять, высказать свои мысли.

Так, на обобщающем занятии «Влияние художественной системы Византии на культуру южных и восточных славян» в качестве индуктора был предложен рисунок «солнце», расположенный на карте на месте столицы Византии – г. Константинополя. Преподаватель попросил студентов рассмотреть карту, высказать свои ассоциации, связанные с Византией, а затем подумать, о чем пойдет речь на семинаре.

Студенты без труда самостоятельно вышли на тему. Объединившись в группы, они выбрали одно из заданий и приступили к обсуждению. В первом блоке были вопросы, направленные на выявление основных черт ранневизантийского искусства, определение пластов иных культур, повлиявших на становление художественной системы империи и др. На этом этапе – деконструкции – происходило приращение нового знания, создание своего текста, таблицы, рисунка, появлялась необходимость поделиться с другими. На этапе социализации и афиширования студенты представили свою работу.

В результате они пришли к выводу о том, что византийское искусство – это сплав зрелищной изобразительно-пластической системы средиземноморских народов, словесной – библейской, восходящей к иудаизму образного слова Евангелия; эмоциональной экспрессии и догматизма Востока. Система художественных средств призвана была воссоздать образ трансцендентного мира, поэтому акцент делался на контур, четкие строгие линии, крупные цветовые пятна. Композиция отчетлива, все пребывает в состоянии покоя. В целом, искусство было рождено определенным умонастроением; чувством зримости и обозримости. Занятие «мастерская» – это всегда сотворчество: ведь задание на каждом этапе направлено на пробуждение мысли обучаемого, его творческих способностей.

Следующий блок был связан с «теорией образа». Студентам предлагалось отметить основные категории эстетики Византии и соотнести с теорией образа Иоанна Дамаскина; определить, как данная теория повлияла на развитие всей художественной системы империи. В ходе совместного обсуждения были отмечены три основные позиции И. Дамаскина: общая теория (образ в ее онтологическом и гносеологическом аспектах); теория изображения – визуального и вербального; теория иконы. Поскольку искусство давало конкретно-чувственное выражение духовного идеала культуры, потому человек, его преображение и спасение составляли основу византийской живописи. Своеобразие художественного пространства в искусстве Византии – вневременного и внепространственного – достигалось мастерами путем объединения в одной целостной композиции разнопространственных, разновременных и одновременных событий.

Третий блок был связан с анализом памятников Сербии, Болгарии и Древней Руси. Каждой группе была предложен примерный план анализа, включающий в себя название памятника, время создания, черты архитектурного стиля, иконографического стиля, песнопений; особенности и своеобразие. Для каждой группы были предложены материалы: архитектурные памятники и росписи: церкви-усыпальницы (костницы) Бачковского монастыря, Боянской церкви (Болгария), памятники рашской школы, строители которой создали в церковной архитектуре неповторимый единый стиль – сочетание особенностей византийского и западного ро-

манского зодчества: Великая церковь (храм Пресвятой Богородицы) в Студенице, церковь в Грачанице (Сербия), Сопочанах; а также Софийский собор в Киеве, Дмитриевской собор, Успенский собор, храм Покрова на Нерли во Владимире (Древняя Русь).

Среди особенностей архитектурного стиля были отмечены повышенные пропорции объема, пирамидальность, декор, орнаментальность в сербских и болгарских памятниках; в иконографии было подчеркнуто, что система декораций демонстрировала единство Церкви и Неба; анализируя песнопения, студенты отметили тесную связь с Литургией, попеременность хоров. Несомненно, что столкновение различных позиций, вариативность оказываются необходимыми инструментами приближения учащегося к решению обсуждаемой проблемы.

Одним из важных на занятии в данной технологии является этап «разрыва» – кульминации творческого процесса. На нем происходит «озарение», новое видение предмета, что логически ведет к появлению нового информационного запроса. Так, студентам была предложена для осмысления цитата С. Аверинцева: «Средневековье ничего не объясняет в современности, современность ничего не объясняет в средневековье: эпохи не могут давать друг другу готовых ответов, но они могут обмениваться такими вопросами, от которых вещи делаются прозрачными.»

Когда-то философ и педагог С.И. Гессен, предвидевший поликультурное состояние мира, ориентировал образование на возможность сосуществования самых разных концептуальных дискурсов, в условиях которых придется жить, а значит, следует готовить человека к пониманию Другого¹. Поэтому вполне понятно, какой вывод сделали студенты после осмысления цитаты С. Аверинцева: для того, чтобы объективно оценивать происходящие события, лучше понимать современность, надо хорошо знать не только свою историю, культуру, но и историю тех народов, с которыми мы связаны, – а это поможет нам, осознав многообразие мира, лучше понять самих себя.

На заключительном этапе – рефлексии – студенты дополнили предложения «Я не знал...», «Я узнал...» своими размышлениями, а также написали свои «вопросы, оставшиеся без ответа...». Эти вопросы стали своеобразным мостиком к новому занятию/семинару. Очевидно, что процесс усвоения знаний с применением технологии «мастерских» проходит ту же цепочку, что и при традиционной форме: восприятие, осмысление, понимание, обобщение. Однако в «мастерской» этот процесс лично – ориентирован, направлен на обнаружение новых смыслов познавательной деятельности.

¹ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 216.

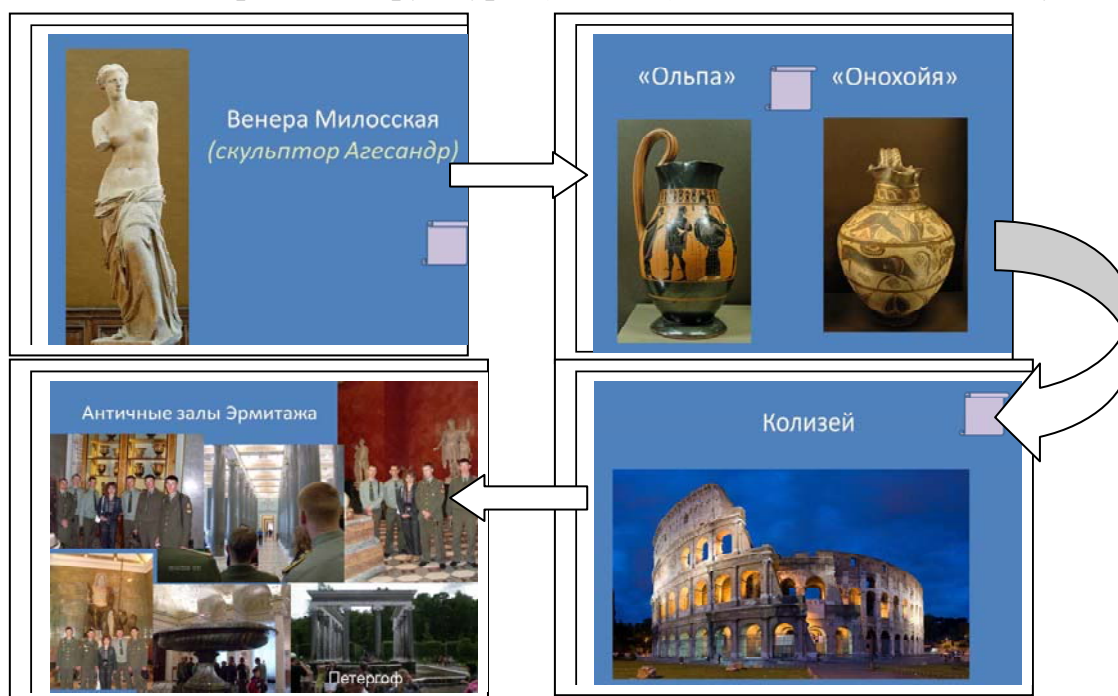
Итак, применение интерактивных технологий при изучении истории культуры позволяет не только выстроить личностное знание и понимание по обсуждаемой проблеме, но и способствует развитию когнитивной грамотности, гибкости, адаптивности мышления, коммуникативной культуры, формируя рефлексивную культуру студента.

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНИКА НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ» В ВОЕННОМ КОМАНДНОМ ВУЗЕ

Н.Н. Елистратова
Рязань

Мультимедиа-технология в педагогике вуза выступает в качестве средства и метода обучения. Рассмотрим особенности практического применения разработанного нами электронного учебника (ЭУ), применяемого при преподавании дисциплины «Культурология» в военном вузе. На лекционном занятии ЭУ представляет корневую структуру в виде слайдов с разными тематическими ссылками (рисунок 1). Слайды демонстрируют на занятии тезисы лекции, являясь конспектируемым материалом курсантов, если это необходимо. Они же являются основным материалом для повторения изученных тем. Форму слайдов обучаемые используют для быстрого повторения учебного материала на самостоятельной работе, при поиске дополнительной информации в качестве содержания.

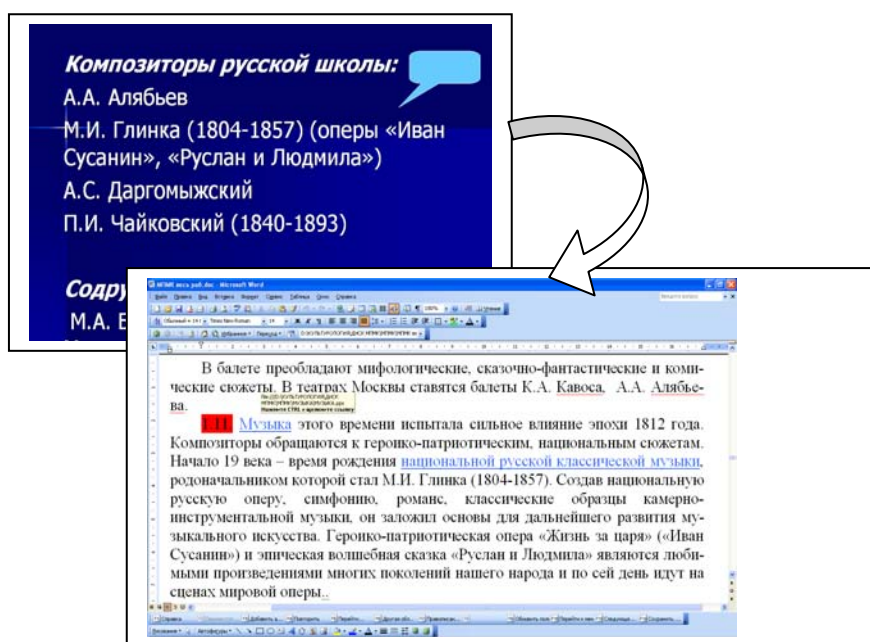
Рис. 1. Элементы корневой структуры (слайдов) ЭУ. Тема «Античная культура»

Преподаватель применяет слайды на всех видах занятий (будь то лекции, семинары, практические или контрольные) в различных целях – от закрепления изученного до опроса по тезисам.

Практически каждый слайд имеет сноску. Она обращается напрямую к тексту лекции, который в полном объеме излагает содержание учебного материала занятия, заменяя текст учебника, принятый при традиционном обучении. Вызванный ссылкой текст разделен на блоки в соответствии с учебными вопросами занятия и для удобства поиска нужной информации пронумерован (рисунок 2).

Рис. 2. Переход от корневой структуры к первичным ссылкам в текст лекции. Тема «Культурный взлет России XIX – начала XX вв.»

Таким образом, ЭУ демонстрирует обучаемым один из способов структурирования материала (в данном случае – по тематическим блокам), что формирует у них способность обработки новой информации как в виде обобщения (тезисы), так и внутри текста по логическому порядку. Эта способность необходима для выявления главного смысла из большого потока новой информации, в практическом применении в учебном процессе реализуясь чаще в составлении конспектов (в том числе и электронных).

Из вызванного текста лекции возможно дальнейшее обращение по ссылкам к интересующему новому материалу. В свою очередь, каждое новое окно ЭУ имеет свои ссылки, в том числе и перекрестные.

Разветвленная структура программы демонстрирует на занятии только основные вопросы темы (форма слайдов), скрывая дополнительные пояснения (в виде сносок), а при самостоятельной подготовке курсантов вся скрытая информация становится доступной благодаря гиперссылкам корневой структуры ЭУ.

Такое построение структуры ЭУ позволяет:

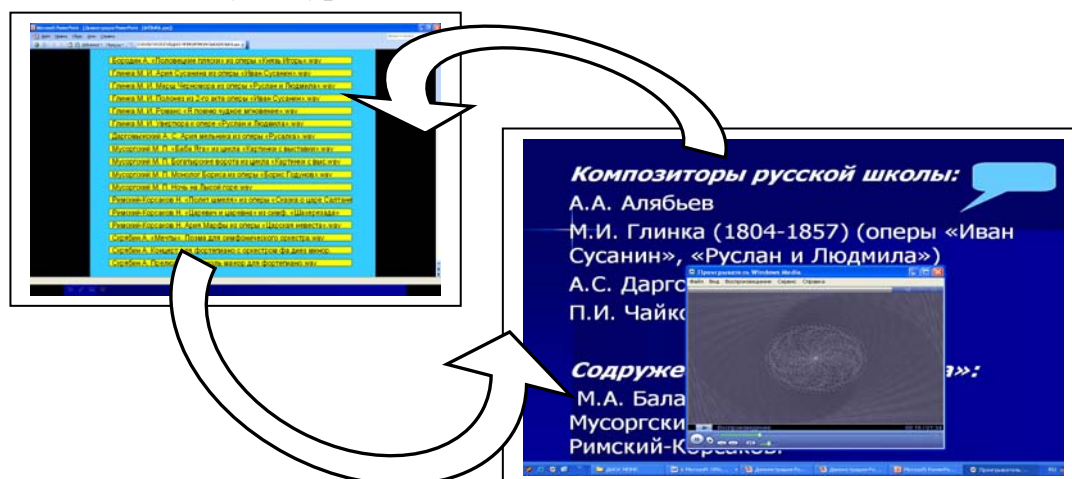
- в различном виде получать информацию обучаемым самостоятельно, подробно заострять внимание на незнакомом материале, детально получая разъяснения по интересующим вопросам посредством гиперссылок;
- быстро повторять изученный материал при помощи основной корневой структуры, представленной тезисами в главном меню;
- многократно возвращаться на предыдущие страницы при необходимости;
- останавливаться в любом месте мультимедийного комплекса и продолжать изучение с любой страницы;
- проследивать межпредметные связи учебного материала;
- при необходимости делать твердую копию с любой страницы ЭУ;
- быстро составлять электронный конспект по материалам ЭУ.

Структура ЭУ развивает у курсантов способность получения информации из нескольких каналов одновременно благодаря системе гиперссылок, выбирая индивидуальный темп работы.

Созданная нами компьютерная среда ЭУ позволяет использовать различные формы передачи содержания – звук, видео, анимация, рисунок, фотография и т.п. Такая форма представления дает возможность использовать большой объем дидактического материала, который в качественном виде демонстрируется и на занятии, и при самостоятельной работе, возможно, выборочно, возможно, целиком.

На занятии не предусмотрено глубокое изучение названной темы. Однако, благодаря технологии мультимедиа, курсанты имеют возможность не только изучить формально тему занятия, но и получить достаточное количество дополнительного материала, усваивая информацию большого объема. Так, например, изучая особенности русской музыкальной культуры XIX века, обучаемые при желании могут ознакомиться с лучшими музыкальными образцами, прослушав их из фонотеки ЭУ (рисунок 3).

*Рис. 3. Выборочный порядок обращения к фонотеке.
Тема «Культурный взлет России XIX – начала XX вв.»*

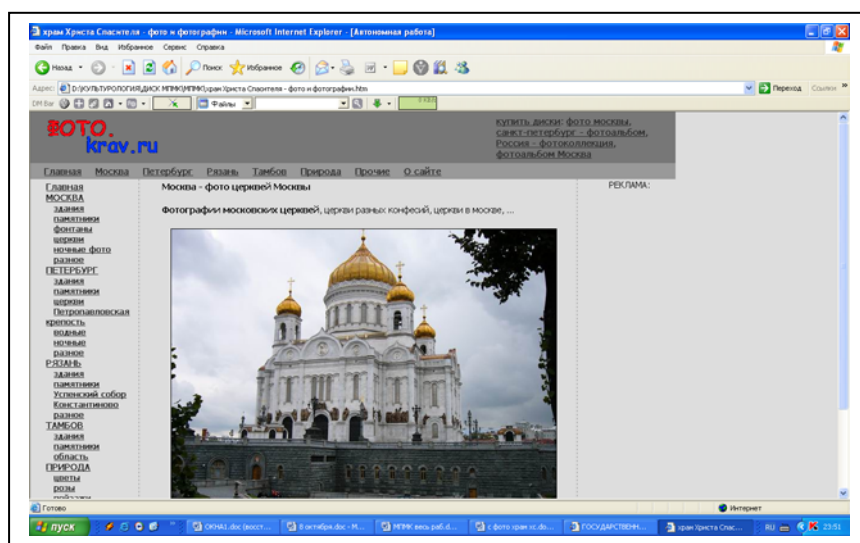
Сконцентрированность дидактических материалов в одном техническом средстве (педагог использует только клавиатуру компьютера) позволяет педагогу экономить время, не используя дополнительных источников информации, будь то видеомаягнитофон, слайдоскоп, иллюстрации на бумаге, и т.п., а, следовательно, дать обучаемым больше новой информации, повысить эффективность индивидуального подхода к курсантам.

Вся предоставленная информация доступна для воспроизведения любым компьютерным средством, содержащим устройство для чтения компакт-дисков.

Изначально при проектировании ЭУ предусматривается возможность его использования в локальных компьютерных сетях военного вуза, что решает вопрос о его поддержке имеющимися в учебном заведении информационными и телекоммуникационными средствами, а также средствами связи.

ЭУ содержит значительное количество ссылок на Интернет-источники. База данных ЭУ имеет веб-страницы, доступные в автономном режиме, являющиеся как текстовым, так и иллюстрирующим материалом (рисунок 4).

*Рис. 4. Веб-страница в автономном режиме.
Тема «Культурный взлет России XIX – начала XX вв.»*

Эти же веб-страницы выступают в роли стартовых при подключении к Интернету, обеспечивая дальнейший самостоятельный поиск информации обучаемыми. Таким комплекс оказывает помощь курсантам в формировании способности самостоятельного поиска новой информации, показывая возможности Интернет как справочного средства в учебных целях.

ЭУ выступает в роли контролирующей программы на самостоятельной подготовке курсантов или на учебном занятии при опросе.

Мультимедийный тест включает в себя различные виды информации (текст, фото, анимация, т.д.), как и учебный материал, что позволяет при-

давать контрольным заданиям широкое направление, выявляя разносторонность полученных курсантами знаний. При традиционной системе обучения такой подход к контрольным заданиям вызывает множество проблем у педагога в плане его организации, ЭУ же позволяет выяснять уровень знаний без затруднений с технической стороны обеспечения, будь то фото, музыка, видео, др.

Таким образом, ЭУ реализует комплексное использование информативного потенциала мультимедиа преподавателями и обучаемыми, как образовательной среды в виде дидактического, справочного, контролирующего и воспитательного средства.

ЭУ соответствует стандартным требованиям, предъявляемым к электронным учебным пособиям:

- содержание методического материала соответствует целям и задачам дисциплины;

- размещен согласно темам разделов учебного курса, содержит список основной и дополнительной литературы;

- осуществляется «обратная связь» (письменная форма контроля по каждой теме);

- доступный и удобный интерфейс, который обеспечен использованием стандартного «офисного пакета» компьютера и не требует установки дополнительных программ.

Возможность самостоятельно модифицировать ЭУ (изменение его содержания, иллюстративного материала) развивает у курсантов не только логическое мышление и способность использовать компьютерные технологии в моделировании, но и творческое мышление, способность проектировать, эстетический вкус, решая проблему креативного образования.

ЭУ ориентирован не только на использование преподавателем в качестве удобного дидактического средства. Он применяется как методическое пособие для подготовки педагога к занятию, так как содержит большой массив информации и по конкретной теме, и в смежных областях (межпредметная связь).

ЭУ эффективно повышает уровень личной информационной культуры педагога, так как работа по созданию и использованию мультимедийных продуктов требует определенных знаний в области информатики, педагогики, психологии, системного дизайна.

Экспериментальное обучение показало положительные результаты. Значительно выросла мотивация обучаемых, повысился их образовательный уровень. Порядка 80% обучаемых по результатам эксперимента улучшили свои оценочные баллы.

Нами внедрен описанный метод мультимедийного обучения в ряд вузов городов Москвы, Калининграда, Тольятти, Омска, Сызрани, Рязани,

получено более двадцати актов реализации и рецензий на мультимедийный комплекс.

Технология создания и применения мультимедийного программно-методического комплекса, разработанного нами, была успешно применена преподавателями независимо от направленности и специфики вузов, что доказывает адекватность предложенной методики обучения.

ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ «ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА НАРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ: РАЗВИТИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ»

Т.К. Ютина
Ижевск

В условиях технократического и «информационно-технологического» направления развития современного общества всё большую актуальность приобретает расширение гуманитарного образования граждан страны. Особая роль государством отводится развитию исторического образования¹. Общество осознало, что «Иван, не помнящий родства» не может быть активным созидателем. Знания и опыт, исторически накопленные многими поколениями людей, должны быть востребованы и призваны обеспечить устойчивое развитие общества.

С переходом на двухуровневую систему подготовки кадров высшего профессионального образования: бакалавриат – магистратура важным является разработка новых профессиональных образовательных программ в соответствии с новыми требованиями Федеральных государственных образовательных стандартов. Стандарт подготовки бакалавра направления 030600 «История» предусматривает формирование у обучающегося общекультурных компетенций, а также изучение бакалаврами дисциплин и разделов дисциплин в Базовой (общепрофессиональной) и вариативной части «Профессионального цикла», направленных на овладение знаниями в области истории мировой и отечественной культуры, истории отечественного и зарубежного искусств². Обязательные дисциплины Базовой (общепрофессиональной) части, изначально содержат разделы, в которых

¹ Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям 19 февраля 2013 г., Москва.

² Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению 030600 – История, (квалификация (степень) «бакалавр»). Утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 732 от 16 декабря 2009 г.

отражена история развития и характеристика культуры античного, средневекового периодов, новой и новейшей истории, отечественной культуры народов России. Таким образом, стандарт подготовки бакалавров по направлению «История» предусматривает формирование компетенций в области гуманитарной сферы – не только истории, но и культуры в целом. Следует также отметить, что современные стандарты подготовки бакалавров группы 030000 «Гуманитарные науки» (всего 30 направлений подготовки) включают, кроме направления 030600 «История», ещё и другие направления подготовки. Например, 033000 «Культурология», 035200 «Изящные искусства», 035300 «Искусства и гуманитарные науки», 035400 «История искусств», ориентированные также на подготовку кадров в области культуры и искусства.

Таким образом, из 30 направлений группы «Гуманитарные науки» 5 направлений (что составляет свыше 16,6% от общего числа) напрямую ориентированы на подготовку бакалавров в области культуры и истории. Группа 070000 «Культура и искусство» включает 22 направления подготовки бакалавров в этой области. Как видим, значение в обществе подготовки кадров в сфере культуры и искусства возрастает.

Введение новых образовательных стандартов двухуровневой системы подготовки кадров высшего профессионального образования, дает возможность вузам самостоятельно разрабатывать программы специализированной подготовки магистров¹ по приоритетным направлениям образования и культуры, науки, в соответствии с потребностями современного общества в политической, экономической, социальной, гуманитарной и других сферах. Возможность самостоятельной разработки вузом специализированных магистерских программ позволило вывести на междисциплинарный уровень процесс подготовки магистров.

Одним из таких специализированных направлений подготовки магистров является программа «История и культура народов Приуралья: развитие и межкультурное взаимодействие»². Проблемы развития и характеристика содержания региональных культур различных территорий России являются актуальными направлениями в исторической и культурологической науках³. Открытие подготовки по магистерской программе «История

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030600 – История (квалификация (степень) «магистр»). Утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 772 от 21 декабря 2009 г.

² Ютина Т.К. История и культура народов Приуралья: развитие и межкультурное взаимодействие – образовательная программа профессиональной подготовки магистров // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск, 2012. С. 605-607.

³ Мурзина И.Я., Мурзин А.Э. Очерки истории культуры Урала. Екатеринбург, 2008. 414 с.

и культура народов Приуралья: развитие и межкультурное взаимодействие» в УдГУ является вполне закономерным и своевременным.

Магистерская образовательная программа в «Общенаучном цикле», базовой части включает дисциплины «Философия и методология науки», «Правоведение», «Иностранный язык в профессиональной деятельности». Данные дисциплины ориентированы на овладение магистрантами общекультурных (ОК–1-12,17) и профессиональных компетенций в области научно-исследовательской деятельности (ПК–5) и организационно-управленческой (ПК–12).

Вариативная часть общенаучного цикла включает дисциплины, отражающие основные современные проблемы изучения Уральского региона, исторические персоналии деятелей, связанные с историей и культурой Урала, научно-педагогическими подходами в преподавании истории в высшей школе. «Профессиональный цикл» (базовая часть) включает дисциплины, отражающие актуальные проблемы и междисциплинарные подходы в современной исторической науке и исторических исследованиях.

Дисциплины вариативной части «Профессионального цикла» ориентированы на формирование компетенций обучающихся в области истории и проблем взаимодействия этносов и народов Приуралья, современных межнациональных и конфессиональных процессов, происходящих в регионе, истории развития музейного дела в Приуралье и проблем сохранения историко-культурного наследия Уральского региона, внимание уделяется вопросам культуры народов Поволжья и Приуралья. Дисциплины по выбору «Профессионального цикла» включают дисциплины, раскрывающие процессы в археологии и демографии Приуралья, проблемы русской колонизации Приуралья, характеристику историко-культурных ландшафтов региона, возможности использования в образовании и научно-исследовательской работе различных ресурсов и информационных, мультимедийных технологий.

Ориентиром в разработке данной программы была цель – подготовка магистра к профессиональной деятельности в области истории и культуры народов Приуралья, региона, который отличается полиэтничностью, конфессиональным разнообразием, но народы которого, имеют общую историю проживания в регионе.

Образовательная магистерская программа «История и культура народов Приуралья: развитие и межкультурное взаимодействие» включает также научно исследовательскую работу, научно-исследовательскую практику и научно-педагогическую практику. Эти разделы программы направлены на профессионально-практическую подготовку обучающихся и формирования необходимых компетенций в области научной исследовательской деятельности.

Актуальность данной магистерской программы обусловлена тем, что в настоящее время отмечается возрастание интереса к историко-культурному наследию народов России. Внимание привлекает и феномен региональной культуры, в частности, Уральского региона.

Всё больше учёных обращаются не только собственно к исследованию исторических событий, происходящих в Уральском регионе, но и внимательному изучению социокультурных процессов в крае. Региональная история и культура становятся объектом пристального внимания специалистов разных гуманитарных направлений – историков, культурологов, социологов, философов и др. В числе значимых работ в области изучения культуры народов Уральского региона и феномена региональной культуры, как таковой, в целом, можно назвать исследования доктора культурологии И.Я. Мурзиной¹.

Безусловно, вопросы изучения региональной культуры, её истории и характеристики являются актуальными направлениями в подготовке кадров высшего профессионального образования. В современный период остро стоит проблема гуманитаризации технократического и «информационно-технологического» общества, поскольку только гуманитарные науки способны оказать влияние на формирование личности.

Профессиональные кадры, имеющие специализированную подготовку в области истории и культуры, безусловно, будут востребованы в обществе в различных научных и образовательных учреждениях, в сфере государственной и муниципальной службы, учреждениях, определяющих культурную и национальную политику региона.

На кафедре археологии и истории первобытного общества исторического факультета Удмуртского госуниверситета в 2011 г. был осуществлён первый набор магистрантов на подготовку по специализированной профессиональной образовательной программе – «История и культура народов Приуралья: развитие и межкультурное взаимодействие». В 2013 г. состоялся выпуск магистров. За два года реализации данной программы накоплен определённый опыт подготовки магистров, подведены итоги, намечены перспективы дальнейшего совершенствования данной программы.

Реализация данной специализированной образовательной программы подготовки магистров показала, что интерес к истории и культуре своего региона у обучающихся высок. Получив теоретические и практические знания, овладев компетенциями в области методики научно-исследовательской работы, магистранты сумели подготовить магистер-

¹ Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание. Автореф. дисс. ... доктора культурологии. Екатеринбург, 2003. 47 с.

ские диссертации на высоком научном уровне, это было отмечено Государственной аттестационной комиссией.

Научные исследования в форме магистерских диссертаций были посвящены актуальным темам изучения историко-культурного наследия одного из районов Удмуртской Республики¹, истории Сибирского тракта через призму памятников истории и культуры региона², представлен исторический портрет купечества одного из приуральских заводов-городов³, рассмотрены вопросы истории формирования ведомственных промышленных музеев Удмуртии⁴ и подготовки кадров оружейников в Удмуртии по материалам МУК «МВК стрелкового оружия им. М.Т. Калашникова»⁵. Некоторые исследовательские работы рекомендованы ГАК УДГУ к публикации. Следует отметить, что исследования магистрантов были выполнены на основе сбора новых источников разного вида, в том числе архивных, хранящихся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики, муниципальных районных учреждениях, архивах промышленных предприятий, образовательных учреждений и т.д. Таким образом, магистранты ввели в научный оборот новые источники, ранее не опубликованные. Выполненные работы представляют высокий уровень оригинальных научных исследований в области региональной истории и культуры. В процессе обучения, магистранты представили научные доклады на Международном форуме, Всероссийских и вузовских конференциях, ими были опубликованы научные статьи⁶.

¹ Перевощикова М.А. Памятники историко-культурного наследия Игринского района Удмуртской Республики // Архив кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета. Ижевск, 2013. Ф. 1

² Фаттахова А.Р. Сибирский тракт в памятниках истории и культуры Удмуртской Республики // Архив кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета. Ижевск, 2013. Ф. 1.

³ Варнина А.В. Исторический портрет купечества посёлка Воткинский завод в XIX – начале XX вв. // Архив кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета. Ижевск, 2013. Ф. 1.

⁴ Закирова Р.М. История ведомственных музеев Удмуртии во второй половине XIX – XX вв. // Архив кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета. Ижевск, 2013. Ф. 1.

⁵ Булдакова А.А. Система подготовки кадров оружейников в Удмуртии в 1920–1980-е гг. // Архив кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета. Ижевск, 2013.Ф.1

⁶ Варнина А. История купеческих династий посёлка Воткинский завод XIX – начала XX вв. // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск, 2012. С. 422- 432; Она же. Благотворительная деятельность купцов посёлка Воткинского завода в XIX – начале XX вв. // Грибушинские чтения-2013. Кунгурский диалог. Тезисы докладов и сообщений IX Международного социально-культурного форума (г. Кунгур, 22-27 апреля 2013 г.). Кунгур, 2013. С.185-187; Перевощикова М.А. Объекты культурного наследия Игринского района Удмуртской Республики // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания. Ижевск, 2012. С. 596-599; Фаттахова А.Р. Продвижение

Проблемы, с которыми столкнулись в процессе реализации данной образовательной программы, следующие: различный уровень подготовленности студентов к обучению в магистратуре, обусловленный тем, какое профильное или не профильное базовое образование они имели. Большинство магистрантов совмещают учебу с работой, поэтому, ежедневное личное присутствие на занятиях в аудитории вуза являлось для них проблематичным. Становится очевидным, на перспективу, что следует шире использовать новые обучающие педагогические¹ и дистанционные технологии. Организовать процесс обучения магистрантов, в большей степени, как процесс индивидуальной работы: магистрант-преподаватель.

В целом, необходимо отметить, что развитие процесса подготовки магистров по специализированным образовательным программам на историческом факультете УдГУ имеет дальнейшие перспективы.

Формируется новая образовательная траектория дальнейшего развития научных исследований магистров в области региональной истории и культуры народов Приуралья. Одной из важнейших задач современной гуманитарной науки является изучение истории и культуры многонациональной России. В связи с этим, актуально изучение исторических, этнических, социокультурных процессов в регионах, в частности, – Приуралье.

Приуралье с древности – контактная зона больших этносов финно-угорского, тюркского, славянского (русского). Каждый этнос обладает своей яркой и самобытной историей, и в тоже время, история каждого из них неразрывна от истории соседних племен и народов. Изучение процессов формирования и развития культур полиэтничного Приуралья и процессов взаимодействия и взаимовлияния данных культур составляет важную задачу научных исследований сегодняшнего дня. Исследование региональной истории и социокультурных процессов в Приуралье в развитии и межкультурном взаимодействии способствует формированию нового прочтения значимости региона в контексте российской истории.

Необходимо выделить приоритетные направления развития науки, образования, культуры, экономики и политики региона на ближайшую и долгосрочную перспективу с тем, чтобы в соответствии с целями и задачами в этих сферах, осуществлять на междисциплинарном уровне подготовку высокопрофессиональных магистров.

территории через культурные бренды. Лопшо Педунь как бренд Игринского района Удмуртии // Грибушинские чтения-2013. Кунгурский диалог. Тезисы докладов и сообщений IX Международного социально-культурного форума (г. Кунгур, 22-27 апреля 2013 г.). Кунгур, 2013. С.451-452.

¹ Казанцева О.А. Инновационные педагогические технологии и информационные возможности как факторы повышения качества образования студентов-историков Удмуртского государственного университета в области музееведения // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств: материалы II Междунар. научн.-практ. конф. Ижевск, 2011. С. 224-229.

РОЛЬ ПРОГРАММ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБМЕНОВ В ПРОЦЕССЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЛИЯНИЯ НА СТУДЕНТОВ (ИЗ ОПЫТА УЧАСТИЯ)

*В.В. Пушкарева
Ижевск*

В статье речь пойдет о роли и значении международных обменных студенческих программ в условиях формирования единого образовательного пространства и их неоднозначных последствиях.

Переход к инновационной экономике, о котором официально заявлено в нашей стране, не может быть не связан с резким возрастанием роли, значения и распространения образования. Образование в мире стало ведущим фактором экономического развития, важнейшим фактором геополитической стабильности и выступает весьма инвестиционно привлекательным сектором экономики. Этому способствуют процессы глобализации образовательной среды. В условиях единого образовательного пространства обеспечивается мобильность людей, происходят культурно-образовательные обмены, в ходе которых появляется возможность сравнения, сопоставления, сопряжения различных образовательных систем. Это, в свою очередь, позволяет воспитывать мобильных специалистов, умеющих гибко применять полученную систему знаний, способных к созидательной деятельности в своей области, готовых к адекватному межкультурному обмену. Международные студенческие обмены давно стали одной из важнейших составляющих деятельности высшей школы во всем мире, важным средством в работе с будущими специалистами. В нашей стране они активно практикуются с 1992 г. Роль международных обменов в повышении качества и эффективности научно-образовательной деятельности студента с целью упрочения позиций в мировом научном и образовательном пространствах становится с каждым годом все значимей. Другого способа интеграции в единое образовательное пространства, кроме академической мобильности, нет. Для того, чтобы подготовить высококлассных специалистов, востребованных на современном рынке труда, необходимо учитывать опыт зарубежных стран, не отказываясь при этом от специфики российского образования.

В общеевропейской программе «Молодежь», принятой в 2000 г. и рассчитанной до 2013 г., отмечается роль обменных международных программ: «Молодежные обмены представляют собой уникальную возможность молодым людям из различных стран и регионов знакомиться друг с другом, обсуждать и сопоставлять различные темы, создавать атмосферу понимания и уважения к другим культурам и национальным различиям с

помощью методов неформального обучения»¹. С 1 января 2007 г. стартовал второй этап – программа «Молодежь Европы». Она рассчитана на период 2007–2013 гг., ее целями являются:

- поддерживать формирование молодежи как категории активных граждан в широком смысле, а также развивать самосознание молодых как граждан Европы в более узком смысле;
- поддерживать толерантный образ мышления среди молодежи, обращая особое внимание на увеличение социального взаимодействия в Евросоюзе;
- улучшать взаимопонимание среди молодежи разных культур;
- побуждать к улучшению качества деятельности, направленной на поддержку молодежных мероприятий и обеспечивать непрерывную деятельность организаций, работающих с молодежью;
- поддерживать сотрудничество в области молодежной работы в Европе.

Эти общие цели реализуются в конкретных обменных программах и проектах. В них, как правило, четко проводится мысль о том, что они направлены на формирование общественного сознания, развитие и совершенствование личности, разделяющей и поддерживающей цели, задачи и интересы объединенной Европы. На реализацию данной задачи Европейский Союз запланировал потратить 885 млн. евро². В реальной практике, например, у Российской Федерации, могут быть специфические интересы, несовпадающие с общеевропейскими.

В ходе взаимодействия главным является непосредственный контакт и общение молодых людей, взаимное обучение и совместная деятельность. Неформальное обучение – это, прежде всего, обучение социальной компетентности, умению взаимодействовать и жить в обществе. Таким способом можно преодолеть настроения нетерпимости и неприятия, скрытой или явно выраженной враждебности (расизм, ксенофобия, антисемитизм). Кроме того, появляется возможность усовершенствовать язык, приобрести опыт работы за рубежом или подработать летом. Это обучение неформально по своей природе, потому что никаких оценок и сертификатов по таким предметам, как жизнь среди людей, быть не может.

Программы обмена студентами разделяют на несколько категорий: Первая группа – это культурный обмен для студентов, главной целью которого является знакомство с бытом страны и изучение языка. Заработок за границей выступает одним из инструментов для погружения в культуру государства, но отнюдь не целью программы. Хотя зарплату устанавливают на таком же уровне, как и для жителей страны пребывания.

¹ Перфильева О.В. Программа Европейского сообщества «Молодежь» как инструмент реализации политики регионов // Вестник МО. 2007. № 5. С. 12.

² Перфильева О.В. Там же. С. 9.

Другая категория программ обмена студентами – это стажировки за рубежом. Основной целью обмена является приобретение опыта по своей специальности. Но кроме бесценного опыта, естественно, стажер получает материальное вознаграждение. Стажировка за границей предназначена для студентов старших курсов и магистратуры, которые желают расширить знания и пройти практику за рубежом

Широко стали использовать обменные программы в США. Здесь, одним из первых проводников идеи культурного сближения наций через международные обмены был сенатор Джеймс Уильям Фулбрайт, имя которого носят известные программы академических обменов, появившиеся в 1946 г. Переломным моментом в жизни и карьере самого Дж. Фулбрайта стало обучение в Великобритании по британской стипендиальной программе Сесилия Родса. Позднее он написал: «Подобный опыт излечивает от представлений о том, что за границей живут какие-то другие люди, не такие, как мы, враги. Живя за границей, перестаешь верить, что все иностранцы плохи»¹.

Сами термины «обменные программы» и «международные обмены», хотя и находятся в широком употреблении, не получили четкого определения. Во многих публикациях, посвященных вопросам международного сотрудничества в области высшего образования, в качестве синонима используется термин «международная академическая мобильность», под которым понимают перемещение лиц из одной страны в другую с целью обучения, проведения исследований, научной стажировки и иной академической деятельности. Но содержание обменных программ не сводится лишь к академической сфере образования. Образовательные программы или мероприятия, которые разрабатываются правительственными ведомствами для реализации внешнеполитических задач и финансируются из госбюджета², составляют значительную долю международных обменов. Однако наряду с этим существуют программы культурного обмена, молодежные программы сезонной занятости, волонтерское движение, «чиновничий туризм» – «технические образовательные программы» для сотрудников госучреждений различного уровня, политиков и специалистов различных отраслей. Понятие обменных программ не ограничивается, таким образом, сферой науки и образования – оно существенно шире.

Важной чертой обменных программ служит их относительная краткость – в этом их отличие от обучения за рубежом по «полному» циклу в течение 4-5 и более лет. Как правило, продолжительность программ со-

¹ Из интервью сенатора Джеймса Уильяма Фулбрайта с Леонардом Зусманом. Вашингтон. 1991. Режим доступа – <http://www.fulbright.ru/about/>.

² Цветкова Н.А. Оценка эффективности международной образовательной политики СССР и США в годы «холодной войны» // 200 лет российско-американских отношений: наука и образование: сб. ст. М., 2007. С. 378-393.

ставляет от нескольких недель до года, реже двух лет (в рамках программ, предусматривающих обучение на степень магистра.

Американские «программы взаимного образовательного и культурного обмена» представляют собой институционализированные, проводимые на регулярной основе цикличные мероприятия с возобновляемым бюджетом, регламентированным содержанием и строго очерченной целевой аудиторией. Эти программы реализуются на базе детально разработанного федерального законодательства, в основе которого лежит «Закон Фулбрайта-Хэйса» (Fulbright-Hays Act) 1961 г. Данный закон призван обеспечить «рост взаимопонимания между народом Соединенных Штатов и народами других стран посредством образовательного и культурного обмена; укрепления связей США с другими нациями через демонстрацию образовательных и культурных интересов, успехов и достижений народа Соединенных Штатов и других наций и вклада в мирную и благополучную жизнь людей всего мира, развитие международного сотрудничества для содействия прогрессу в образовании и культуре, содействия, таким образом, развитию дружеских и мирных отношений между Соединенными Штатами и другими странами мира»¹. В американском миграционном законодательстве иностранные участники обменных программ выделены в особую категорию, для которой предусмотрена выдача въездных виз категории J-1.

Формально американские программы обмена подразделяются на две большие группы. Первая включает академические программы для преподавателей, исследователей и студентов, а также программы визитов для государственных служащих и технических специалистов (Academic and Government Programs). Во вторую группу входят многочисленные программы частного сектора (Private Sector Programs) – обмены студентов и школьников, схемы стажировок и летнего трудоустройства иностранной молодежи в США. Все без исключения программы реализуются в соответствии с положениями «Закона Фулбрайта-Хэйса», а также «Правилами программы обмена визитами» (Exchange Visitor Program Regulations)².

Европейский Союз также имеет немалый опыт проведения обменных программ. Наиболее продолжительная европейская программа – Tempus, она начала действовать в 1990 г. и позволила усилить институциональные возможности систем высшего образования стран-партнеров, установить и развить межуниверситетские связи, а также благоприятствовала росту взаимопонимания представителей академической среды Европейского Союза и стран-партнеров.

¹ Public Law 87-256: United States Code. Title 22. Chapter 33. Mutual Educational and Cultural Exchange Program (<http://www.ed.gov/about/offices/list/ope/iegps/fulbrighthaysact.pdf>).

² Department of State, 22 CFR. Part 62. Режим доступа – <http://exchanges.state.gov/education/jexchanges/about/22CFR62.pdf>.

TEMPUS – программа, финансируемая Европейским Союзом, направленная на поддержку процессов модернизации высшего образования в странах-партнерах из Восточной Европы, Центральной Азии, Западных Балкан и Средиземноморья, главным образом, через проекты межвузовского сотрудничества. Программа содействует добровольной интеграции систем высшего образования стран-партнеров в общеевропейские процессы, такие как «Болонский процесс» и принятию «Лиссабонской стратегии». Кроме укрепления сотрудничества на уровне учебных заведений, TEMPUS способствует установлению и развитию межличностных контактов.

Программа TEMPUS помогает странам-партнерам в реформировании систем высшего образования согласно принципам Болонского процесса, который направлен на создание единого европейского образовательного пространства и является единой «отправной точкой», как для стран ЕС, так и для стран-партнеров.

Другой программой Европейского Союза, расширяющей возможности межвузовского образовательного и научного сотрудничества, является Эразмус Мундус. Цель программы предполагает создание единого образовательного пространства между российскими и европейскими вузами. Эта программа объединяет восемь европейских и двенадцать российских университетов. Студенты, вовлеченные в сеть академической мобильности Эразмус Мундус, проходя обучение в европейских вузах по профильной специальности, имеют возможность совершенствовать знание иностранного языка, находят новых друзей, и, конечно же, знакомятся с европейской системой образования.

Проект Эразмус Мундус предназначен как для студентов очной формы обучения, так и для аспирантов и преподавателей вуза, желающих пройти стажировку в европейском университете. Принципиальное отличие этого проекта от других программ обмена заключается в том, что студенты самостоятельно выбирают европейский университет из числа вузов, объединенных программой, и едут учиться в рамках специальности, соответствующей той, по которой они проходят обучение. Во время стажировки или обучения участникам обмена выплачивается стипендия, также консорциум вузов-участников оплачивает расходы, связанные с перелетом.

В условиях возросшего числа контактов научного, культурного обмена создаются возможности для столкновения мировоззрений, взглядов, ценностей. В такую ситуацию попадает молодежь с легко внушаемой психикой, неокрепшим сознанием, неопределенными до конца жизненными ориентирами. Цель же любой иностранной программы – формирование в иносреде привлекательного образа Запада как поликультурного общества равных возможностей, распространение западных ценностей, выдаваемых за универсальные, общечеловеческие. Как итог, под влиянием Запада при отсутствии более или менее четкой картины мира, устоявшейся системы

ценностей, норм и установок, формируются нравы, базирующиеся на прагматизме, индивидуализме, эгоизме, потребительстве, что не соответствует особенностям российского менталитета, вызывает противоречия в сознании и поведении. При этом важно учесть, что в обменных программах участвуют, как правило, самые лучшие студенты, будущие лидеры, руководители, которые в перспективе будут формировать общественное мнение, принимать решения, переносить многие идеи на нашу почву. В этой связи обменные программы выступают как важнейший инструмент влияния, позволяющий формировать благоприятные для Запада настроения и поведение¹. Следует отметить, что в таком контексте последствия этих взаимодействий вписываются в концепцию «мягкой силы» американского исследователя Джозефа Ная². Существует опасность, о которой в свое время говорил Н.В. Гоголь: «...русский гражданин должен знать дела Европы. Но... Если при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустить свои русские начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, на место того, чтобы сосредоточить и собрать их»³.

Обменные программы предполагают приезд студентов и в нашу страну. Россия сохраняет довольно мощный ресурс международного сотрудничества по линии высшей школы. Согласно данным ЮНЕСКО, по численности иностранных студентов (около 90 тыс. чел.) Россия находится на 8-м месте в мире, уступая США (586 тысяч), Великобритании (233 тыс.), Германии (200 тыс.), Франции (160 тыс.), Австралии (157 тысяч), Испании (124 тыс.) и Канаде (100 тыс.)⁴. Но в информационном влиянии на иностранное студенчество Россия значительно проигрывает в связи с отсутствием четкой и отлаженной системы и государственной программы, недостатком финансирования и бездумным реформам в образовании, разрушившим его фундамент. Да и в мире, хотя и сохраняется интерес к русскому языку, желающих его изучать гораздо меньше по сравнению с английским или немецким. В России аналогом западных инструментов «мягкой силы» может выступать учрежденный в 2007 г. фонд «Русский мир» во главе с В.А. Никоновым. Фонд создан в целях популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также для поддержки программ

¹ Трибрат В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю. Рец. на книгу: Joseph S. Nye. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 192 p. // *Международные процессы*. Т. 3. № 1 (17). Январь–апрель 2005. Режим доступа – <http://www.intertrends.ru/seventh/014.htm>.

² Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // *Международные процессы*. 2008. Т. 6. № 1. С. 76-85.

³ Гоголь Н.В. *Авторская исповедь / Собр. соч. в 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 438.*

⁴ *Образование в России для иностранных граждан. Справочная информация.* Режим доступа – <http://www.russia.edu.ru/information/analit/960>.

изучения русского языка за рубежом¹. В будущем центры поддержки русской культуры должны появиться на всех континентах.

Российская высшая школа имеет немалый опыт воспитания толерантности, инициативности, ориентации на взаимопомощь, солидарности, мобильности, гибкости, включенности в общественную жизнь с активной жизненной позицией, который не только применим, но и востребован в общеевропейском образовательном пространстве.

С 28 апреля по 11 мая 2013 г. группа студентов и преподавателей Удмуртского госуниверситета участвовала в культурно-образовательной программе по обмену студентами и преподавателями Удмуртского университета с университетом Лейфана г. Люнебург (Германия). Поездка предусматривала посещение занятий ведущих преподавателей Университета в Люнебурге, дискуссии по проблемам образования, работу в библиотеке, встречи со студентами, различные экскурсии и культурные мероприятия.

Люнебургу – городу белого золота (здесь добывали соль и проходили соляные пути), более 1000 лет. Это относительно небольшой, всего чуть больше 70 тыс. человек населения, весьма уютный и динамичный город, удачно сочетает средневековую архитектуру (старая ратуша, водонапорная башня, музей соли) с современными постройками в университетском городке. Самое живописное место – набережная р. Ильменау, где расположены многочисленные кафе, рестораны, кондитерские, и, конечно, пивные. Мы увидели г. Люнебург в весеннюю пору. Он был прекрасен.

Конечно же, поразил университет. Он относительно молодой, но предоставляет идеальные условия для обучения и получения элитарного образования. Университет готовит специалистов по направлениям: педагогика, психология, филология, история, политика, культурология, охрана окружающей среды и устойчивое развитие. Данное учебное заведение отличается от других университетов тем, что в начале обучения имеется для всех стартовый семестр, который носит вводный характер, ведется изучение методов науки и методологии. А также широко используется комплементарное обучение, приобщение к знаниям дисциплин, выходящих за рамки изучаемой специальности. Студенты сами составляют свое расписание на основе отдельных модулей. В аудитории можно встретить студентов разных возрастов и разных направлений. Профессорско-преподавательский состав стремится осуществлять холистическое образование, дающее цельный взгляд на мир и преимущества в устройстве на работу. Университетская атмосфера доброжелательная. Поразительно, но над студентами не висит мечом слово «должен». Они учатся сами для се-

¹ Указ Президента Российской Федерации № 796 от 21 июня 2007 года. О создании фонда «Русский мир» // Российская газета. № 4396. 23 июня 2007.

бя, а не потому, что так надо. Их отличает самостоятельность, они инициативны и свободны. Высшее образование в Германии, получают 20-23% молодых людей, что сказывается на качестве знаний. Студент имеет право сдавать экзамен три раза. В случае неудачи он лишается по данной дисциплине права сдачи экзамена по всей территории Германии. Можно учиться у немецких студентов организации студенческого самоуправления, отстаивающего права учащихся перед администрацией вуза или в конфликтных ситуациях с преподавателем.

Хочется отметить лекционные аудитории, просторные, светлые они оснащены мультимедийными средствами. Лектор не тратит драгоценное время на повторение и запись под диктовку ключевых положений. Все необходимое выводится на экран. Студенты также используют на занятиях ноутбуки, планшетники. Несколько слов о научной библиотеке. В ней огромное количество литературы в свободном доступе, можно воспользоваться ксероксом или бесплатно отсканировать нужную книгу, имеется подробный электронный каталог. Кстати, читальный зал никогда не пустует.

Но это все внешняя сторона. Эти достижения немецких коллег возможно со временем реализовать и в нашей стране (техническое оснащение, организационные моменты). Другое дело в содержательном аспекте образования. Особенно в преподавании исторических, политических, социальных дисциплин. Студенты-международники посетили ряд семинаров и лекций по своему направлению. Всего один показательный, на наш взгляд, пример. Семинарское занятие было посвящено международным отношениям в годы Первой мировой войны. Обсуждение проблем шло вокруг антивоенных произведений Э.М. Ремарки, использовались кинофрагменты. С методической точки зрения весьма удачная находка. Много говорили о последствиях войны для мирного населения, осуждали войну. Но главное не было сказано – виновна во всем этом сама Германия. Российские студенты были удивлены и обескуражены результатами занятия. Аналогичные трактовки событий, специфические оценки явлений с односторонних, сугубо национальных или европейских позиций, постоянно присутствуют в учебном процессе.

В ходе поездки проходили дискуссии по проблемам образования. Немецкие коллеги отмечали ряд проблем: коммерциализация образования; высокий проходной балл для обучения в магистратуре, учатся, как правило, те, кто имеет склонности к научной работе; трудности в поисках работы с образованием бакалавра; непригодность принципа бакалавр-магистр для подготовки будущих педагогов и медиков. Как видно, такие же вопросы волнуют и нашу высшую школу. Программа оказалась интересной и полезной.

При оценке роли обменных программ важно избегать крайностей: с одной стороны рассматривать всех, кто прошел через обменные програм-

мы, активными проводниками ценностей демократии и либерализма, а, с другой, безобидным методом деятельности университетов в современных условиях. Запад и США использовали «мягкую мощь» всегда, напористо демонстрируя привлекательность своего образа жизни. А в данном контексте осуществляется прицельное информационное влияние на определенную социальную группу – молодежь и студенчество. Студенты выступают как стратегический ресурс любого государства, поэтому очень важно как будет мобилизован и использован этот ресурс. Этот вопрос волнует политическую элиту Европы, поскольку для континента характерно старение населения. «Обновленное рамочное европейское сотрудничество в молодежной сфере (2010–2018)» нацелено на решение и этой проблемы за счет наиболее одаренных и способных молодых людей из стран, не являющихся членами Европейского Союза¹. По идее, наука и культура должны быть вне политики и экономики, ведь взаимобмены осуществляются вне зависимости от экономических и политических споров. Более того, наука и культура могут стать тем фактором, который будет способствовать преодолению этих споров. Межкультурные отношения на личном уровне все-таки способны преодолеть незнание или непонимание других культур, ценностей. В условиях конфликтности мира эффективные методы межкультурной коммуникации и понимание оппонента становятся на вес золота. Но правительства государств, заинтересованных в формировании прозападных элит, в использовании интеллектуальных ресурсов в своих интересах, курируют обменные программы и стремятся перевести их из плоскости межкультурного обмена в идеологический инструмент.

ОБУЧАТЬСЯ, ПОСТИГАЯ ПРИНЦИПЫ СВЕТОНОСНОСТИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

*Н.В. Лекомцева, И.В. Харламова
Ижевск*

Рабочая тетрадь «Мерцающий свет Средневековья» (сост. И.В. Харламова и Н.В. Лекомцева, 2010 г.) предназначена для учащихся общеобразовательных школ и учебных заведений гуманитарно-эстетического профиля, изучающих культуру эпохи Средневековья. Тетрадь создана на основе многолетнего опыта проведения занятий по МХК в 5–9 классах общеобразовательной школы № 37 г. Ижевска (с 2008 года «Хореографический лицей № 95»). В арсенале преподавателя имеются подлинные тетра-

¹ Георгиенко В.Н. Молодежная политика ЕС, СЕ и ООН // Самиздат. 11.08.2010.

ди, заполненные учащимися от руки, с раскрашенными и расшифрованными рисунками-вклейками.

Несомненно, стандартная рабочая тетрадь призвана во многом эстетизировать процесс приобщения ученика к вершинным достижениям средневековой культуры. Наличие тетради с изображенными в ней явлениями культуры и орфографически грамотно прописанными искусствоведческими терминами высвобождает на уроке время для речемыслительного развития учащихся. Приведённые в тетради дополнительные сведения существенно восполняют содержание параграфов школьных учебников МХК (пособия Ю.А. Солодовникова, Л.Г. Емохоновой, Г.И. Даниловой, В.Г. Маранцмана и др.).

Настоящая рабочая тетрадь сочетает в себе небольшую *хрестоматию* культуроведческого содержания, *школьный словарь* искусствоведческих терминов, *блокнот* для внесения кратких записей и *альбом* для рисования.

В материалах тетради «Мировая художественная культура Средних веков» охватывается период человеческой истории протяжённостью более двух тысячелетий (с зарождения буддизма в V в. до н.э. по XVII в. русской действительности). В программе курса рассматриваются высокие достижения в сфере человеческой мысли и художественного творчества жителей Древнего Востока (Индии, Китая, Японии), Древней Руси, стран Западной Европы, Арабского халифата и обитателей Вятско-Камского ареала российского Приуралья – удмуртов (так в программу курса МХК вводится региональный компонент).

Несмотря на сложные перипетии человеческой истории этого периода (многочисленные социальные катаклизмы, военные конфликты, религиозное противостояние), в рабочей тетради под названием «Мерцающий свет Средневековья» внимание учащихся, большей частью, акцентируется на светлых сторонах постантической культуры.

В центре обсуждения изучающих курс МХК находятся эстетические шедевры той эпохи. Принцип фокусировки светонесущей энергии на созданиях человеческой мысли и рук пронизывает все рассматриваемые в данной тетради объекты средневековой культуры. Идет ли речь о скульптурно-золочёном облике Будды либо священном нимбе Христа-Спасителя на древних иконах. Упоминается ли о прочерченных подобно ярким стремительным кометам священных скрижалях Аллаха на стенах мусульманских мечетей. Рассказывается ли о проникновении светонесущих лучей сквозь калейдоскоп цветных витражей в священное пространство католических храмов. Повествуется ли об отражении прекрасного лика богини Солнца Аматаэрасу в японских храмовых зеркалах. Говорится ли о величественно-грозных молниеносных разрядах славянского Перуна-громовержца или об огненной колеснице христианского пророка Ильи. Возносятся ли взоры землян к ясноликому лунному диску или мерцающим из глубины Вселен-

ной звёздам, дабы воспеть их в красочно-фантазийных астральных мифах. Блистает ли радужным многоцветьем окружающий средневекового человека природный или рукотворный мир. Безусловно, на всем этом лежит печать светонесущей энергии, столь потребной для души жителя того мрачного исторического времени.

Человек Средневековья видит мир в контрастно-ярких тонах. По высказыванию известного итальянского писателя-философа Умберто Эко, «средневековая миниатюра демонстрирует радость созерцания полноцветного цвета, наслаждение праздником сочетания ярких тонов», а художник той эпохи в своем творчестве «достигает таких цветовых эффектов, при которых свет, кажется, струится из самих предметов» (см.: Эко У. Эволюция средневековой эстетики. СПб., 2004).

Необходимость духовного просветления личности выдвигается в заповедных истинах основателей трех мировых религий. Можно заметить, что в ходе распространения буддизма, христианства, ислама постепенно стираются национальные и государственные границы. Образуются межнациональные сообщества, объединенные схожими духовными взглядами. В каждом конфессиональном кругу через религиозные воззрения закрепляются представления о человечности, милосердии, праведном жизненном поведении. По существу, обнаруженные и узаконенные в эпоху Средневековья общечеловеческие истины впоследствии тесно сплачивают жителей планеты в единое гуманистическое сообщество. Эти важные заповеди находят толкование в мудрых изречениях поэтов-философов – современников становления мировых религий. Идеи духовно-поступательного развития, просвещения личности реализуются в ходе приобщения человека к грамоте, письму, счету, музыке, изобразительному искусству, архитектурной соразмерности.

В архитектуре Средних веков гармонично сочетаются объемно-пространственное начало и цветовое многообразие окружающей действительности. Каменная архаика в сопряжении с орнаментальной символикой, витражной техникой, фресковой живописью, пестрой мозаикой и барельефной выразительностью позволяет донести до нашего времени сведения об эстетических предпочтениях и сложных миропредставлениях средневекового человека. В каждом храмовом комплексе – рукотворно созданном микромире – воплощаются канонические представления народов об обустройстве Божественной Вселенной (см. «Легенду о Тадж-Махале» и раздел «Каменная летопись»).

Значительное место в нашем издании отводится числу и календарной дате. Здесь приводится информация об обретении народами Европы, Ближнего Востока и Индии унифицированного облика «арабских» чисел, которыми с благословения талантливого математика Аль-Хорезми, жившего в IX столетии, по сей день пользуются во всем мире. С темой числа

очень тесно соотносится музыкальная грамота (см. материалы об открытии универсального нотного ряда итальянским монахом Гвидо де Ареццо в XI в.).

В рабочей тетради многообразно представлен календарный цикл. Это и мифопоэтический природный календарь славян и удмуртов (с указанием пословичного ряда о временах года), и цветочный китайско-японский годовой цикл (с описанием искусства составления икебаны), и буддийский двенадцатилетний повторяющийся круг (с сообщением о деяниях священных животных), и астрономический лунный календарь самаркандского исследователя XV в. Улугбека, и последовательно-линейное летоисчисление с Рождества Христова (с фиксацией событий в продолжительную тысячелетнюю эпоху европейского Средневековья).

История развития письменности – одна из сквозных тем в рабочей тетради. Здесь сообщается о способах передачи важной информации в условных символах (китайских иероглифах, еврейских согласных звуках, славянской азбуке). Лингвистические аспекты общечеловеческой культуры раскрываются путём обращения к санскриту, родственным языкам индоевропейской группы, а также методом созерцания каллиграфии китайского, японского, арабского, еврейского, греческого, старославянского письма. Латиница и древнерусский шрифт представлены через обсуждение вопросов книгопечатания, художественного оформления книг, изящного написания заглавных букв на страницах пергаментных изданий. Особое место уделяется истории создания общеславянского алфавита – кириллицы. В каждом разделе тетради приведены крылатые выражения и пословицы народов мира, пришедшие к нам из глубины Средневековья.

Внимание школьника акцентируется на многообразии форм литературного творчества в эпоху Средневековья. Говорится о разных жанрах мировой литературы: народных сказках и мифах творения мира, индийском эпосе, китайских философских трактатах, японских пятистишиях-танка и трехстрочных хайку, европейских балладах, любовных канцонах и «песнях о деяниях» (героических поэмах), русских летописях и лирических песнях, восточных газелях и иносказательных четверостишиях-рубаи. В тетради приводятся важные выдержки из священных писаний: Библии, Корана. Цитируются буддистские, китайские, японские, древнерусские тексты («Сутра Золотого света», «Каталог гор и морей», «Лунь юй», «Кодзики», «Слово о погибели Русской земли»). Публикуются фрагменты из художественных произведений Средневековья: английские баллады о Робин Гуде, европейский животный эпос («Роман о Лисе»), поэзия трубадуров (Д. Рюдель), ирано-таджикская лирика (Омар Хайям, Джами, Хафиз), французский героический эпос («Песнь о Роланде»), японская классика (Бусон, Басё, Минамото-но Санэтомо).

Важный принцип взаимосвязи культуры стран зарубежья и отечественного искусства реализуется в ходе параллельного обращения к русским преданиям («Повесть временных лет»), героическому эпосу («Слово о полку Игореве»), житийной литературе (об Александре Невском и Сергии Радонежском), к авторскому художественному слову (сочинениям А. Никитина, М. Хераскова, М. Ломоносова, А. Пушкина, А. Майкова, С. Маршак). Одновременно предусматриваются отсылки к мировой литературе последующего периода (XIX–XX вв.) – к произведениям И.-В. Гете, В. Скотта, В. Гюго, Р. Киплинга, в которых обнаруживаются отклики на культуру Средневековья.

Издание богато иллюстрировано копиями с древних и средневековых изображений, снабжено фотографиями и прорисовками архитектурных сооружений. В тетради помещены графические и живописные работы профессиональных художников зарубежных стран (К. Бехзада, К. Хокусая, Г. Доре) и России (В. Васнецова, М. Врубеля, И. Билибина, П. Корина, В. Фаворского, В. Ватагина, Е. Ильиной, С. Виноградова).

Наряду с описанием выдающихся шедевров культуры объектами рассуждений становятся и атрибуты повседневной жизни средневекового человека: выпекание хлеба, столовый этикет, составление букета для комнатного интерьера, плетение кружева, вышивание, приобщение к книге, танцевальному искусству и пению, участие в рыцарском турнире и другое.

В рабочей тетради прослеживается возможность для тесной интеграции курса МХК с иными школьными дисциплинами: изобразительным искусством (ярко представлен визуальный ряд), историей (названы важные даты), географией (картографически обозначено место локализации изучаемых культурно-исторических центров), литературой (приведены мифологические сюжеты и отрывки из авторских художественных текстов, указаны характерные для той эпохи теоретико-литературные явления), иностранными и древними языками (включены отдельные слова или крылатые выражения на английском, арабском, китайском, японском, греческом, древнееврейском, итальянском языках), математикой (даются понятия о числах, счете, архитектурной соразмерности), астрономией (сообщается о календарях у разных народов), краеведением (введен регионально-удмуртский материал и сделан акцент на важности собирания русского фольклора в Удмуртии), уроками музыки (говорится об изобретении нотного звукоряда и специфике звучания национальных музыкальных инструментов), религиоведением (даются краткие сведения по трём мировым религиям), преподаванием технологии (предполагается изготовление сувениров с национальной символикой).

В тетради предусмотрено выполнение различных творческих заданий: учащимся предлагается раскрасить рисунки в соответствии с миропредставлениями народов планеты, создать ассоциативные зарисовки к

лирическим текстам и мифологическим сказаниям, выполнить эскизы кружевных узоров и декоративных изделий, оформить буквицы и рисунки для книжных изданий, в жанре средневековой песни прославить героическую личность, заучить наизусть стихи поэтов той эпохи, провести экскурсию по средневековому городу, заняться записыванием бытующих с древних времён народных обычаев. В качестве итоговых контрольных заданий рекомендуется заполнить соответствующие таблицы, разгадать тесты, решить кроссворд, написать сочинение-размышление.

Широкий информационный диапазон тетради позволяет использовать сведения о средневековой культуре народов мира не только в ходе изучения МХК (исходя из объёмной программы Ю.А. Солодовникова), но и на других уровнях школьного обучения (в ходе реализации иных авторских программ по МХК, изобразительному искусству, русской и зарубежной литературе, истории, краеведению). В самом подборе искусствоведческого материала для рабочей тетради находят отражение многообразно выраженные гуманистические миропредставления людей эпохи Средневековья.

Надеемся, что содержание нашего издания позволит нынешним школьникам обучаться, восхищаясь шедеврами мировой культуры, созданными в эпоху Средневековья.

ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ: ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВЕЙШЕМУ ВРЕМЕНИ

ВОРМСКИЙ РЕЙХСТАГ 1495 Г. В СВЕТЕ 200-ЛЕТИЯ КОНЦА СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Ю.Е. Ивонин
Смоленск

200-летие конца Священной Римской империи вызвало волну публикаций в Германии и Австрии в 2006 г. Во Франкфурте-на-Майне, Берлине и Дрездене состоялись юбилейные выставки, посвященные истории Священной Римской империи, привлекшие внимание широкой публики. Главным содержанием и пафосом как выставок, так и многочисленных публикаций, было стремление окончательно избавиться от наследия малогерманских концепций и взглядов второй половины XIX – первой половины XX вв., согласно которым Империя играла негативную роль в истории Германии, ее конец осуществился без сопротивления, и лишь только Пруссия смогла осуществить задачу объединения Германии и становления германского государства. В работах, посвященных различным аспектам не только собственно этого события, но и вообще истории Священной Римской империи или Старой империи, было уделено место и характеристике рейхстага как законодательного органа Империи. Крупный специалист по истории рейхстагов Х. Нойхауз, сетуя на то, что до сих пор не предусмотрено опубликование актов постоянного рейхстага в Регенсбурге (1663–1806), вспоминает высказывание английского квакера, основателя английской колонии Пенсильвании в Северной Америке, Уильяма Пенна (1644–1718) о рейхстаге как о наилучшем образце для собрания европейских государств с целью сохранения вечного мира на континенте. Оценивая рейхстаг в целом, Нойхауз видит его значение прежде всего как центра коммуникаций и информации в первую очередь для слабых имперских чинов. И эта линия, несмотря на усиливавшиеся противоречия между его членами, не была прервана вплоть до начала XIX в., поскольку рейхстаг стоял за единство Империи, с разрушением которого наступил и конец рейхстага¹.

¹ См. обзоры этих публикаций: Ивонин Ю.Е. Конец Священной Римской империи: новые оценки германской историографии // Вопросы истории. 2009. № 3. С. 159-170; Heckberger W. Heilig-Römisch-Deutsch. Zur Bilanz einer Ausstellung // Historische Zeitschrift. 2009. Heft 1. S. 123-137; Carl H. «Schwerfälligen Andenkens» oder «Das Recht, interessant zu sein»? Das Alte Reich in der neueren Forschungsliteratur // Zeitschrift für Historische Forschung. 2010. Heft 1.

Рейхстаг, как совершенно верно оценивает его один из ведущих германских специалистов по истории раннего нового времени Х. Шиллинг, был форумом политической общественности в Старой империи, постоянный рейхстаг являл собой также пример своеобразной политической биржи. В свою очередь, Й. Буркхардт, активно возражая против малогерманской традиции изображать Старую империю в гротескном виде, подчеркивает, что Империя доказала свою жизнеспособность еще на протяжении полутора столетий, в том числе и благодаря деятельности постоянного рейхстага¹.

Полнейшим диссонансом в сравнении с этими рациональными характеристиками звучит «красивое», но только отчасти адекватное толкование рейхстага А.Ю. Прокопьевым в его статье, опубликованной в 2007 г. Рейхстаг, согласно его трактовке, это «публичное свидание представителей нескольких породненных родов, собрание на олимпе иерархий»². Можно сколько угодно увлекаться социо-культурными феноменами, но когда речь идет о представительных учреждениях, такая трактовка означает отрыв от реальной истории, уход в этнологию и антропологию, игнорирование того простого факта, что без государства нет истории. Кроме того, создается впечатление о статичности, неизменчивости в функционировании рейхстага. Но что же он тогда представлял собой на самом деле?

Поставить вопрос в такой плоскости побуждает сам момент окончательного конституирования рейхстага в конце XV в., означавший важный этап на пути трансформации его от хофтага, т.е. совещания имперской аристократии при императорском (королевском) дворе, в сословно-представительное и территориальное совещание с законодательными функциями в рамках имперской конституции. Вормский рейхстаг 1495 г. с его попытками осуществления имперских реформ занимал существенное место в выработке форм проведения и организации рейхстагов. Он, как отмечает в опубликованной недавно статье П.-Й. Хейниг, был не результатом, но этапом на пути создания рейхстага как общеимперского органа. Вормский рейхстаг 1495 г. сохранял еще многие элементы средневекового хофтага, был, так сказать, смешанной формой между хофтагом и рейхстагом, шагом на пути к институализированному дуализму

S.73-97; Neuhaus H. Der Reichstag als Zentrum eines «handelnden» Reiches // Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation 962 bis 1806. Altes Reich und neue Staaten 1495 bis 1806. Essays / Hrsg. von H.Schilling, W.Neun und J.Götzmann. Dresden. 2006. S. 43-51 etc.

¹ Schilling H. Höfe und Allianzen. Deutschland 1648-1763. Berlin, 1998 (1 Aufl. 1989). S. 103-112; Burkhardt J. Verfassungsprofil und Leistungsbilanz des Immerwährenden Reichstag. Zur Evaluierung einer frühmodernen Institution // Reichsständische Libertät und Habsburgisches Kaisertum / Hrsg. von H.Duchhardt und M.Schnettger. Mainz, 1999. S. 151-154 etc.

² Прокопьев А.Ю. Дворянство Священной Римской империи: социокультурный аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 4. 2007. С. 209.

император-имперские чины с сохранением формы средневековых словесных собраний¹.

Уже предыстория рейхстагов раннего нового времени показывает начавшуюся трансформацию имперских совещаний. Рейхстаги второй половины XV в, предшествовавшие знаменитому Вормскому рейхстагу 1495 г., отразили в своей деятельности проекты и попытки проведения имперских реформ, целью которых являлось установление единого государственно-политического порядка. В программе видного деятеля католической церкви и гуманиста кардинала Николая Кузанского «*Concordantia catholica*» предлагалось параллельное усиление власти императора и имперских чинов. Но в реальности дела обстояли несколько иначе. В этом смысле отдельное место занимает Франкфуртский рейхстаг 1485–1486 гг. Ряд курфюрстов (духовные курфюрсты и Фридрих Саксонский, опасавшийся соперничества своих родственников Альбертинов) во главе с имперским эрцканцлером курфюрстом Бертольдом Майнцским противостояли попыткам Габсбургов укрепить королевскую и императорскую власть. Максимилиан I Габсбург, избранный на этом рейхстаге римским королем и зависевший на будущих выборах императором от позиции курфюрстов, ничего предпринять не мог и согласился с предложением установить земский мир на 10 лет. Попытки установления единого имперского суда не увенчались успехом. Партия Бертольда Майнцкого, правда, добилась улучшения организации рейхстагов, но только с целью с усиления роли имперской канцелярии, руководимой эрцканцлером, как органа исполнительной власти. Ряд городов (Нюрнберг, Вормс, Франкфурт-на-Майне, Фрайбург) в 1479–1520 гг. приняли римское право, тогда как существовавшие в Империи до этого времени правовые нормы в торговле, мореплавании и горном деле не соответствовали нормам римского права как классического права частной собственности. Но поскольку эрцканцлер не был заинтересован в укреплении позиций императора, такой вариант фактически приводил бы только к двоевластию. Рейхстаг уже тогда стал приобретать характер корпоративного представительства имперских чинов, нередко противостоящего императору. Бертольда Майнцкого вполне можно было бы назвать федералистом, но стоящим на позиции укрепления и упорядочения территориального княжеского суверенитета. В целом, конечно, программа федеративного государственно-политического устройства Империи в большей степени соответствовала реальному положению и соотношению политических сил. Но в проекте Бертольда в создании централизованного государства ведущая роль принадлежала коллегии

¹Heinig P.-J. Der Wormser Reichstag von 1495 als Hoftag // Zeitschrift für Historische Forschung. 2006. Hf. 3. S. 337-357.

курфюрстов, тогда как Максимилиан стремился к централизации по франко-бургундскому образцу¹.

В отечественной литературе долгое время существовала односторонняя оценка как императорского, так и федералистского проектов имперских реформ с классовых позиций, прежде всего в работах М.М. Смирин, писавшего, что «ввиду усиления сеньориальной реакции значительно возросла роль политической организации класса феодалов - власти князей», которые доказывали, что только их план имперских реформ является воплощением основной цели общеклассовой политики феодалов, т.е. сохранению старого порядка в целом. Этот план, который Смирин называл «имперской программой княжеского мелкодержавия», должен был обеспечивать «подчиненное положение городов, безраздельное господство всех феодалов над эксплуатируемым крестьянством и возможность начинавшегося тогда в условиях активного крестьянского сопротивления процесса сеньориального наступления»².

Необходимость проведения реформ по реорганизации государственно-политического устройства Империи диктовалась во многом неопределенностью отношений императора и чинов, а также ситуацией на границах Империи и в родовых владениях Габсбургов. С одной стороны, еще были свежи в памяти войны между Фридрихом III и венгерским королем Матиашем Хуниади (Корвином), который в 1483 г. даже захватил Вену. Только в 1491 г. Максимилиану удалось решить венгерский вопрос военным, а затем дипломатическим путем, когда новый венгерский король Владислав (Уласло) II из польской династии Ягеллонов заключил с ним мир в Пожони (Пресбурге, современное название – Братислава), согласно которому в случае смерти бездетного Владислава венгерская корона должна была перейти не Ягеллонам, а Габсбургам. Но в это же время Максимилиан был втянут в затяжной конфликт с Францией из-за бургундского наследства, так как французская корона оказывала поддержку восставшим в 1484 г. нидерландским городам Брюгге и Генту в их борьбе против Максимилиана. Происшедшая в 1482 г. смерть первой жены Максимилиана Марии Бургундской, в качестве приданого за которой он получил Нидерланды, создавала прецедент для французских интриг в этой стране и в землях по течению Рейна. Но ресурсы Максимилиана были исчерпаны, и он нуждался в реорганизации финансовой системы Империи. Кроме того, Максимилиан нуждался в укреплении своих позиций в Империи и Европе с целью усиления восточной политики, главной целью кото-

¹ Steinmetz M. Deutschland 1476-1648. Berlin. 1978, S. 67-69; Гончарова В.И. Проблемы имперской политики накануне Реформации (1493-1519). Автореферат канд. дисс. Л., 1990. С. 12-13.

² Смирин М.М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952. С. 234, 290-291.

рой была организация крестового похода против турок¹. Именно организация отпора венгерскому королю и крестового похода были исходными моментами в подготовке Максимилианом имперской реформы в монархическом духе. И, разумеется, избрание его римским королем в 1486 г. являлось важным шагом в движении за осуществление имперской реформы, главные акценты в которой были поставлены на земельном мире, имперском суде и имперской валюте. На рейхстаге в Нюрнберге в 1489 г. Максимилиан согласился на ряд структурных изменений в работе рейхстага. Естественно, что в течение десяти лет перед Вормским рейхстагом 1495 г. имперские чины могли сформулировать свои основные позиции в имперской реформе².

Рейхстаг в Вормсе проходил в весьма неблагоприятной для императора внешнеполитической обстановке. Императорская корона, фактически купленная ценой многочисленных уступок имперским чинам и в первую очередь курфюрстам, тяжелым грузом давила на голову Максимилиана I. Выполнение сложных внешнеполитических задач требовало финансовой помощи чинов, что означало новые уступки и возможный провал имперской реформы на предстоящем рейхстаге. Итальянский поход французского короля Карла VIII, начавшийся в сентябре 1494 г., являлся угрозой не только для итальянских ленов Империи, но и в перспективе мог привести к изменению соотношения сил в Европе в пользу Франции и к ослаблению позиций Империи. В войне против Франции Максимилиан предполагал не только укрепить свои позиции в Италии, но и восстановить власть бургундского дома в Пикардии, герцогстве Бургундском, графстве Артуа и Брабанте. Но для осуществления этих планов требовалась финансовая поддержка имперских чинов, получить которую можно было только ценой новых уступок и фактического отказа от реализации своего проекта имперской реформы. Вормский рейхстаг теперь должен был уже двигаться по совершенно другому пути, нежели тот, который ему предназначался в императорских планах проведения имперской реформы. Курфюрсты так или иначе собирались установить регулировавшуюся ими систему имперского управления³.

¹ Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. / под ред. И.Б. Грекова. М., 1984. С. 94-95; Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa an der Wende zur Neuzeit. Bd. I. München, 1971. S. 171-185, 200-247, 341-345; Moraw P. Der Reichstag zu Worms von 1495 // 1495 – Kaiser. Reich. Reformen. Der Reichstag zu Worms. Worms, 1995. S. 28-29.

² Angermeier H. Die Reichsreform 1410–1555. Die Staatsproblematik in Deutschland zwischen Mittelalter und Gegenwart. München, 1984. S. 145-151.

³ Hollegger M. Die Grundlinien der Außenpolitik Maximilian I und der Wormser Reichstag von 1495 // 1495 – Kaiser. Reich. Reformen... S. 39-47; Грессинг З. Максимилиан I. М., 2005. С. 216-218.

Проблема имперской реформы в результате создавшегося положения в европейской политике стала только частью внутривосточной дискуссии. Курфюрсты и князья сделали вопрос о финансовой поддержке императора гарантией и фундаментом их политики и самостоятельности. Шаг за шагом, как показывают документы и переписка вокруг рейхстага, они смягчали предложения советников императора и заменяли их предложениями Бертольда Майнцского. В результате Вормский рейхстаг, как подчеркивает Ангермайер, стал поворотным пунктом в формировании имперской политики и имперской конституции, который ставил Максимилиана и имперское управление в новое положение на европейском уровне¹.

Оценки Вормского рейхстага 1495 г. в общем-то не совсем однозначны. На них следует остановиться прежде всего потому, что совсем недавно Г. Шмидт в своей книге «История Старой империи. Государство и нация в раннее новое время 1495–1806» в соответствии со своей концепцией Старой империи как «комплементарного имперского государства» охарактеризовал его решения как «проект германской нации» на том основании, что в заключительном акте рейхстага были сделаны формулировки «Священная империя и германская нация» и «Священная Римская империя германской нации» безотносительно того, шла ли речь о нации или переносились ли эти неясные понятия на всех немцев в пределах Империи. Здесь следует заметить, что К.О. фон Аретин в рецензии на эту книгу иронизировал по поводу «изобретения» ее автором «Вормской республики» или империи без императора². Крупный юрист Г. Конрад главное значение Вормского рейхстага видел в установлении сословного представительства и в решении проводить рейхстаги ежегодно. Л. Петри, соглашаясь с тем, что имперские реформы не получили продолжения, подчеркивал роль этого рейхстага в установлении равновесия сил между императором и чинами и укреплении положения Вормса как имперского города³.

Но наиболее адекватные оценки Вормского рейхстага в современной литературе дали Х. Ангермайер, Ф. Пресс и П. Морав. Ангермайер отме-

¹ Angermeier H. Einleitung // Deutsche Reichstagakten unter Maximilian I. Bd. 5. Reichstag zu Worms 1495. Bd. I. Teil I: Akten, Urkunden und Korrespondenzen / Bearb. von H. Angermeier. Göttingen, 1981. S. 23-86.

² Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der Frühen Neuzeit 1495–1806. München, 1999. S. 44-45; (Rez.). Arétin K.O. von // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 12 Oktober 1999. S. 45; См. нашу оценку книги Г. Шмидта и дискуссии по ней: Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495–1806. Том 1. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время. М., 2004. С. 56-64.

³ Conrad H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. II. Neuzeit bis 1806. Karlsruhe, 1966. S. 88-89; Petry L. Zur Bedeutung von Worms als Reichstagstadt // Der Reichstag zu Worms von 1521. Reichspolitik und Luthersache. Im Auftrag der Stadt Worms zum 450-Jahrgedanken / Hrsg. von F.Reuter. Worms, 1971. S. 3-5.

тил прежде всего этот рейхстаг как точку сближения императора и чинов, несмотря на преобладание в политике Максимилиана личных и династических амбиций как сильнейшего импульса в его идее мировой христианской империи. Он оспаривает мнение Г. Висфleckера о том, что главным основанием имперской реформы была нужда императора в деньгах для проведения крестового похода. Кроме того, он указывает на то, что точка зрения Висфleckера является проявлением современного австриизма, т.е. тенденции видеть формирование австрийской государственности раньше, чем это было на самом деле. Ангермайер настаивает также на том, что Максимилиан не уклонялся от проведения имперской реформы в силу необходимости идти на уступки чинам по финансовым мотивам: он настаивал на финансовой поддержке именно реформы. Поэтому конфронтации между императором и чинами по поводу того, надо ли проводить реформы, не было. Речь шла об установлении прочного имперского мира и глобальном преобразовании имперского управления, так что инициативы Максимилиана в этом плане неизбежно стали причиной споров и дискуссий. Конфронтация по поводу имперской конституции заключалась, по мнению Ангермайера, не в том, была ли имперская реформа удачной или неудачной, а в том, где стремления к проведению реформы принимали правильное направление. Во всяком случае, он видит в решениях Вормского рейхстага торс конституции Старой империи, потому что решение о создании системы имперских финансов было принято, но не реализовано, а исполнительная власть фактически отсутствовала, в результате чего решение о монархическом или сословном государстве осталось открытым. Итогом Вормского рейхстага явилось также то, что Максимилиан не смог играть ведущую роль в европейской политике, так как не получил положение господствующего политика внутри самой Империи. Рейхстаг в Вормсе не был провалом, он все же позволял использовать существовавшие возможности при изменившихся отношениях¹.

Пресс, в свою очередь, видел в конституировании рейхстага с 1495 г. перемещение значительных функций управления из дворца к рейхстагу². П. Морав в статье в юбилейном сборнике, вышедшем в свет в 1995 г., подчеркнул, что тема о рейхстаге 1495 г. не только носит юбилейный характер, но по меньшей мере в последние десятилетия означает переворот в нашем видении истории, поскольку в позднем средневековье и в XVI в. происходил процесс становления государственности нового времени, за-

¹ Angermeier H. Die Reichsreform... S. 164-169; idem. Der Wormser Reichstag 1495 in der politischen Konzeption König Maximilians I // Angermeier H. Das Alte Reich in der deutschen Geschichte. Studien über Kontinuitäten und Zäsuren. München, 1991. S. 229-231, 242-243; Cp. Wiesflecker H. Op.cit. Bd. II. München, 1975. S. 218, 221.

² Press V. Das Reich in der deutschen Geschichte // Press V. Das Alte Reich / Hrsg. von J.Kunisch. Berlin, 1997. S. 51.

тянувшийся в Германии до XIX в. Значение Вормского рейхстага 1495 г. он видит в том, что тот был одним из главных этапов становления «нашего старого государства», хотя сам «германский народ моложе, чем начало германской государственности». Сделав краткий обзор становления германской государственности до конца XV в., Морав отмечает, что Вормский рейхстаг 1495 г. являлся сносным компромиссом для всех сторон, т.е. императора и имперских чинов. Сам Максимилиан и его наследники едва ли стремились отдалить свои наследственные земли от участия в рейхстагах и в то же время не допускали распространения на них полномочий рейхстага. Завещание Карла V создало испанскую ветвь дома Габсбургов из его западных владений, но только в 1866 г. было окончательно произведено отделение земель австрийской ветви от «Германии рейхстагов»¹.

Вормский рейхстаг 1495 г. работал очень долго – с 18 марта до 10 сентября. Если в централизованных западноевропейских государствах того времени короли являлись источниками законного порядка и государственности, будучи одновременно законодателями, правителями и верховными судьями, то в Старой империи была иная ситуация. Рейхстаг в конституционно-правовом отношении не представлял собой самостоятельного органа, его созыв относился к компетенции короля. Курфюрсты, князья, графы представляли по существу самих себя, а города – верхушку их населения. С одной стороны, рейхстаг становился партнером императора, с другой стороны, о легитимной сословной оппозиции едва ли можно было говорить, потому что законными являлись только действия и предложения императора. Но без согласия имперских чинов ни одно из предложений императора не могло приобрести законную силу. Каковы же были решения рейхстага 1495 г.? Первое из них касалось установления Вечного земельного мира, который Ангермайер считает одним из величайших имперских законов наряду с Золотой буллой, имперским миром, Аугсбургским религиозным миром 1555 г. и Вестфальским миром 1648 г. Согласно Вечному земельному миру запрещались междоусобные войны, что гарантировало сохранность территорий средних и малых имперских чинов, а также вводилась подсудность священнослужителей в случаях совершения уголовных преступлений государственному законодательству. Не менее важным было создание институтов Высшего апелляционного суда и самого рейхстага с целью осуществления единого правового порядка. Но, конечно, до установления единого правового порядка было еще далеко. Максимилиан акцентировал внимание на самостоятельности имперского апелляционного суда, т.е. независимости его от имперских чинов, и в октябре 1495 г. в качестве верховного судьи в Империи лично открыл первое

¹ Moraw P. Der Reichstag zu Worms von 1495 // 1495 – Kaiser. Reich. Reformen... S. 25-35.

его заседание. По мнению Б. Дистелькампа, этот новый институт был более чем политическим компромиссом в отношениях между государем и чинами, он означал укрепление правовых норм по отношению к королевской власти и независимости его деятельности от дворца как центра средневековой системы власти. Это также означало выделение имперского придворного Совета как нового органа персональной юрисдикции государя. Уже в 1498 г. Максимилиан вывел Придворный Совет из системы имперских учреждений, что было завершено при императоре Фердинанде I в 1559 г., когда он окончательно стал самостоятельным судебным органом. Если имперский суд и придворный Совет являлись центральными судебными органами, то в отдельных землях создавались инстанционные суды, практически не подчинявшиеся центральному управлению. Кроме того, теоретическое обоснование римского права в качестве имперского права благодаря сильному влиянию территориального права и местных правовых традиций было разрушено¹.

Кроме этих важных решений о вечном земельном мире, имперском суде и порядке проведения рейхстагов большое значение имело принятое рейхстагом 1495 г. решение о введении единого имперского поголовного налога в течение четырех лет (имперского пфеннига), которое стало в значительной степени политическим решением, так как было принято в результате уступок со стороны Максимилиана, а именно согласием на введение налога каждый раз с согласия рейхстага. Фактически император лишился права вводить налог с помощью собственных указов. Это была уже победа коллегии курфюрстов во главе с Бертольдом Майнцским. К тому же вместо просимых Максимилианом 8 миллионов гульденов император получил крайне ничтожную для ведения активной внешней имперской политики сумму в 300 тысяч флоринов. Основывавшаяся на ленно-вассальных связях средневековая имперская система в своих основных чертах сохранилась, хотя и приобрела некоторые элементы модернизации. Известным новшеством было не только отсутствие папского нунция на рейхстаге 1495 г., но и самостоятельное поведение германских церковных иерархов, что стало весьма симптоматичным фактором. Папские легаты отсутствовали на рейхстагах 1486, 1500, 1505, 1507, 1510 и 1512 гг., и если и присутствовали на рейхстагах 1487 г. в Нюрнберге, 1496-1498 гг. в Линдау, Вормсе и Фрайбурге, а также в 1501–1503 и 1518 гг., то ни в коем случае не вмешивались в имперскую политику и лишь агитировали в пользу крестовых походов против турок. Мало того, на рейхстаге 1507 г. в Констанце было высказано недовольство профранцузской позицией римского папы Юлия II, а на рейхстаге 1512 г. в Кельне было принято реше-

¹ Ibid. S. 32; Angermeier H. Die Reichsreform... S. 174-175; Diestelkamp B. Zur Krise des Reichsrechts im 16. Jahrhundert // Säkulare Aspekte der Reformationszeit / Hrsg. von H. Angermeier. München, 1983. S. 49-65.

ние о запрещении апелляций от имперского суда к римскому папе. Но в дальнейшем римская католическая церковь, в особенности со времен Реформации, была по большей части, за исключением некоторых эпизодов, заинтересована в сохранении Священной Римской империи и укреплении позиций в ней духовных курфюрстов и князей¹.

Принятие решений рейхстагов большинством голосов во многом отвечало интересам не имперских органов власти, а интересам куриий курфюрстов и князей, которые могли заблокировать любое невыгодное для них решение. Как считает К. Шлайх, с одной стороны, консенсус требовался для всеобщего согласия, но, с другой стороны, складывавшаяся система голосования способствовала колебаниям встретившегося сообщества при принятии заключительного решения большинством голосов. Имперская реформа давала Империи и рейхстагу дополнительную возможность их функционирования с помощью голосования большинства. Но с распространением Реформации протестантские чины подвергли сомнению принцип большинства при голосовании по религиозным вопросам. Далее эти сомнения стали распространяться на вопрос о сборе налогов для защиты против турок. В решениях Вестфальского мира 1648 г. принцип принятия решения большинством на рейхстагах уже не считался определяющим. Но в решениях рейхстага 1495 г. четко определялся порядок формирования комиссий и комитетов, которые получали равенство при подготовке голосования в куриях. Но в результате Реформации, когда протестантское меньшинство стало отклонять предложения о предоставлении императору финансовой помощи для организации оборонительных мероприятий против турок, ставя условием предоставления помощи установление имперского мира, рейхстаг стал с оглядкой на турецкие войны инструментом одобрения налогов, которое сопровождалось выдвижением контрпредложений со стороны чинов, рассматривавших оказание помощи императору в этих войнах как в первую очередь добровольное дело. Но императоры рассматривали принцип большинства как основание для обвинения тех имперских чинов, которые не соглашались с их предложениями, требуя выполнения меньшинством решения большинства. Во многих случаях основные результаты имперской реформы все же соблюдались. Это касается в первую очередь Вечного земельного мира. Далее, несмотря на многочисленные дискуссии, имперские налоги собирались в значительно больших суммах, чем ранее. И вообще, как полагает Шлайх, нельзя проводить аналогии между решениями рейхстагов и категориями современного государственного права. Важно также отметить существование корпоративного единства в куриях, несмотря на декларировавшиеся свободы импер-

¹ Angermeier H. Die Reichsreform... S. 178-183; idem. Kirche und Reichstag in der Zeit Maximilians I. vornehmlich am Beispiel von 1495 // Reichstage und Kirche / Hrsg. von E.Methuen. Göttingen, 1991. S. 55-63.

ских чинов. Реально же это были корпоративные свободы, и рейхстаг представлял собой комбинацию корпоративно объединенных чинов, противостоящих императору. Принцип большинства на рейхстагах XVI в. не соответствовал принципу большинства при демократии, потому что рейхстаг не был представительным советом в широком смысле, ибо имперские чины представляли только себя. Письменной фиксации принципиального согласия об использовании принципа большинства не было, процесс осуществления воли большинства в демократической системе конституционного равенства права голосования также отсутствовала. Принцип большинства на рейхстагах XVI в. имел гибкий характер и использовался постольку, поскольку его можно было использовать в политическом смысле¹.

Очевидно, следует согласиться с утверждением Ангермайера, что имперская реформа не была ни результатом, ни мотором политики. Собственно, компромисс 1495 г. между императором и чинами был отражением сложившегося соотношения политических сил в Империи, которое вело к созданию новой концепции имперской конституции. Определенно можно говорить, что на этой основе происходило на рубеже XV–XVI вв. развитие имперских институтов управления, которые развивались уже и по собственным законам, как бы защищаясь от политизации установленного конституционного порядка. Ангермайер выступает против давно сложившегося мнения, что императору не удалось провести последовательного реформирования имперских институтов управления из-за того, что он был сильно отвлечен перипетиями итальянских войн в 1496–1500 гг., чем воспользовался для проведения в жизнь своего проекта имперской реформы Бертольд Майнцкий. Вопрос, конечно, заключался в борьбе из-за денег, точнее из-за проблемы имперского налога, которая была очень важна для развития имперской конституции, ибо без постоянного имперского налогообложения нельзя было говорить об укреплении имперских институтов власти². Необходимо учитывать позицию коллегии курфюрстов, не заинтересованных в укреплении положения императора и имперских институтов власти, но и не заинтересованных в распаде Империи. Вместе с тем, очевидно, не стоит совсем исключать роль итальянской политики Максимилиана в сделанных им уступках имперским чинам. Это была, конечно, прежде всего политика, в осуществлении которой был заинтересован император, но которая была совершенно безразлична многим имперским чинам. Как бы то ни было, после завершения Вормского рейхстага 1495 г. Максимилиан имел только одну цель, заключающуюся в проведении итальянского похода, урегулировании конфликтов с Швей-

¹ Schlaich K. Die Mehrheitsabstimmung im Reichstag zwischen 1495 und 1613 // Zeitschrift für Historische Forschung. 1983. Hf. 3. S. 299-340.

² Angermeier H. Die Reichsreform... S. 184-185.

царской конфедерацией, создании антифранцузской коалиции и короновании императорской короной в Риме¹.

В конце XV в. эрцканцлер Империи во все большей степени становится представителем имперских чинов, нежели первым должностным лицом в высшем имперском управлении. Сопrotивление имперских чинов политике Максимилиана персонифицировалось в фигуре Бертольда Майнцского, отношения между которыми приобретали все большую враждебность. Считается, что Максимилиан ненавидел эрцканцлера даже больше, чем пфальцских курфюрстов из рода Виттельсбахов. Имперская канцелярия действовала нередко вопреки директивам Максимилиана и повысила свое значение даже в такой области как внешняя политика, тем более что курфюрст Майнцкий являлся перед римской курией представителем германского епископата. Архиепископ Магдебургский, официально считавшийся примасом германской церкви, по сравнению с курфюрстом Майнцским особой роли не играл. Рейхстаг теперь оказался так или иначе связанным с внешнеполитическими делами Империи и функционировал частью как противник, частью как партнер и совещательный орган императора. Поэтому императору было необходимо соответствующим образом представлять свою внешнюю политику в посланиях рейхстагу и в сочинениях прогабсбургских публицистов. Он не только информировал рейхстаг о делах своей внешней политики, но также испрашивал совета, содействия и помощи. При этом рейхстаг, как это было во Фрайбурге в 1498 г., становился местом оживленных совещаний и дискуссий между Максимилианом и имперскими чинами. В течение этих переговоров имперские чины даже решили отправить посольство под руководством курфюрста Фридриха Саксонского от имени рейхстага к новому французскому королю Людовику XII, а также обратиться к римскому папе. Впрочем, ни финансовых, ни политических оснований для самостоятельной дипломатии имперские чины не имели, поэтому оба посольства не состоялись. Но попытки эрцканцлера и других имперских чинов противопоставить императору свое видение внешней политики Империи приводили к обострению отношений между ними в области внутренней политики. Другим важным моментом структуры рейхстага было строгое ранжирование имперских чинов по группам, т.е. куриям, имевшим неравное положение в смысле влияния на императора и вынесения решений. Курфюрсты рассматривали свою коллегия как олигархическую верхушку в имперской политике и всячески подчеркивали, что такое ее положение санкционировано Золотой буллой, претендуя на ее ведущее положение в управлении Империей. Князья ревниво относились к такой роли курфюрстов, что неизбежно вело к соперничеству между обеими куриями. В целом же политическая конъюнктура этого времени больше

¹ Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I... Bd. II. München, 1975. S. 26, 28, 67.

способствовала укреплению княжеского территориализма, нежели утверждению городских общин. Кроме того, имело место ранжирование курфюрстов и князей в зависимости от величины их владений, количества подданных, финансовых и военных ресурсов. Значительную роль играли также близость или отдаленность территорий от главных центров имперской политики, которые при Максимилиане еще располагались на юге и западе Германии. Курфюрсты Бранденбургские находились, например, на периферии имперской политики, хотя по размерам владений превосходили герцогов Баварских¹.

В кажущейся хаотичности конфликтов и противоречий между имперскими чинами тем не менее существовал свой порядок. Во-первых, сложились определенные зоны стабильности, находившиеся под контролем сильных княжеских династий, Во-вторых, выборы архиепископов, епископов, коадьюторов и аббатов крупных монастырей носили в достаточной степени консервирующий характер, так как крупные княжеские фамилии стремились обеспечить вакантные духовные должности за своими родственниками. Каждый князь в силу родственных отношений и политических интересов принадлежал к какой-либо имперской партии. Даже коллегия курфюрстов не была единой. Четыре рейнских курфюрста были заинтересованы в сохранении единого таможенного контроля в прирейнских территориях и в координации единой политике против имперских городов, но на этом их совместные интересы заканчивались, а дальше начинались противоречия, особенно между Пфальцем и Майнцем. Даже Швабский союз 1488 г., в который входили сам Максимилиан как эрцгерцог Австрийский, курфюрсты Майнцский и Трирский, ряд епископов, герцог Вюртембергский, большинство швабских имперских городов, был направлен против преобладания династии Виттельсбахов в южной Германии. Сфера деятельности Швабского союза была расширена, что стало предпосылкой одного из важных положений имперской реформы, а именно Вечного земельного мира. Начавшиеся на Вормском рейхстаге 1495 г. имперские реформы на рейхстагах 1496–1498 гг. были продолжены в попытках упорядочения денежного обращения и контроля за социальной жизнью в сфере «полицейского порядка», т.е. административного порядка, в том смысле, как он понимался в то время. В «полицейский порядок» включались соблюдение предписаний относительно ношения одежды представителями различных социальных слоев, постановления против брани, пьянства, фальсификации вина, распространения азартных игр и передвижений цыган, которые считались турецкими шпионами. В то же

¹ Gollwitzer H. Einleitung // Deutsche Reichstagsakten unter Maximilians I. Sechster Band. Reichstage von Lindau, Worms und Freiburg 1496–1498 / Bearb. von H.Gollwitzer. Göttingen, 1979. S. 28-31, 66-67, 72-74, 90-91 (Далее – ДРА).

время в эти годы не принимались еще меры против нарушителей имперского мира¹.

В самом же начале рейхстага в Линдау в 1496 г. Максимилиан I напомнил о решениях Вормского рейхстага в том смысле, что сбор имперского налога замедлился, тогда как французский король в предшествующие годы, собрав большое число пеших и конных воинов, а также наняв в Генуе много кораблей, угрожая «нашему святому папе, нашей императорской короне, подчинил возлюбленный город Рим и Неаполитанское королевство» (речь идет о событиях конца 1494 – начала 1495 гг. – Ю.И.). Ввиду создавшегося положения император просил имперские чины оказать ему поддержку, ускорив сбор имперского налога или прислав солдат для участия в походе против французских войск. Судя по документам рейхстага в Линдау, чины отнюдь не торопились это делать. В объявленном 9 февраля 1497 г. заключительном акте этого рейхстага со ссылкой на решения Вормского рейхстага указывалось на отсутствие какого-либо прогресса в вопросе об имперском налоге². На начавшемся спустя несколько месяцев рейхстаге в Вормсе Максимилиан через своих советников, поскольку был занят переговорами с турецким посольством, опять обратился к членам рейхстага с просьбой о сборе имперского налога³. На переговорах на рейхстаге во Фрайбурге, длившихся с 28 июня по 9 сентября 1498 г., император одобрил уже предложения чинов о предоставлении ему займа в размере 150 тысяч флоринов для ведения военных действий с целью возвращения захваченных французами земель в Италии. 1 сентября 1498 г. курия курфюрстов обратилась с письмом к Людовику XII, в котором предлагалось прекратить военные действия и урегулировать конфликт с помощью заключения мира, после чего обратиться с объединенными силами против турок и утвердить «стариннейшую дружбу и союз между Римской империей и Францией»⁴. Но поскольку курия курфюрстов не обладала правом суверенитета во внешней политике, эта ее акция, как выше уже говорилось, мало что значила.

Следующим важным шагом в проведении имперской реформы, во многом определившим государственно-территориальную структуру Старой империи, было образование имперских округов (*Reichskreisen*). Этот процесс начался еще в конце XIV в., но приобрел четкие очертания, чтобы стать постоянным имперским государственно-правовым институтом, между 1501 и 1521 гг. 2 июля 1500 г. на рейхстаге в Аугсбурге Максимилиан предложил ввести «*Regimentsordnung*», т.е. порядок управления, согласно

¹ DRA (Maximilian I). Bd. 6. S. 75-83.

² Ibid. S. 108-109, 188-189, 338-339.

³ Ibid. S. 416-418.

⁴ Ibid. S. 619-620, 714-715.

которому вводился имперский совет, в который входили шесть курфюрстов (кроме чешского короля), двенадцать князей и два представителя от имперских округов, с целью более упорядоченного управления имперскими делами. Кроме этого, устанавливались шесть имперских округов (Франконский, Баварский, Швабский, Рейнский, Нижнерейнско-Вестфальский, Нижнесаксонский)¹. Впоследствии их число увеличилось до десяти. Географический характер этих округов, имевших совещательные и дополнительные исполнительные функции, но в силу смешанного характера светских и духовных территорий, т.е. состоявших из земель курфюрстов, князей, городов, принадлежавших к разным партиям и клиентам, был лишен регионального эгоизма и стремления к региональному суверенитету. Округа представляли собой сплетения региональных плюралистических сил, лишенных каждый в отдельности собственного государя. Равенство членов рейхстагов при представительстве групп дворянства, духовенства и бюргерства обеспечивалось на основе соглашений между ними. В рамках округных собраний решались дела общеимперского внутреннего управления. Естественно, что округа совершенно не имели внешнеполитического суверенитета. Иерархия внутри округов способствовала, по мнению В. Дотцауэра, снижению территориальной агрессивности и установлению по возможности справедливого разделения имперских обязанностей (налогов, расквартирования войск и т.д.). Кроме того, особенно после 1555 г. малые имперские чины и города могли только с помощью округов принимать участие в политической и общественной жизни Империи².

Все же не следует исключать совершенно очевидную истину, что проведенные реформы даже в таком, но вполне обусловленном реальным положением дел и реальным соотношением политических сил в Империи и Германии, виде дали возможность Максимилиану проводить достаточно активную имперскую политику в европейских делах, несмотря на то, что французский король упорно рассматривал императора только как одного из курфюрстов. Но главными вопросами на рейхстагах оставались все же реформы имперского управления. Последующие нововведения в организации имперского управления представляли собой детализацию реформ конца XV в., которая сформулирована Ангермайером в следующих основных пунктах. В 1508 г. был определен порядок апелляций и обращения в имперский суд. В 1512 г. был введен в действие порядок нотариата, регулировавший дела о правах наследства, что было особенно важно для решения споров о наследственных делах между имперскими чинами. В 1529

¹ Quellen zur Verfassungsentwicklung des Heiligen Römischen Reiches deutscher Nation (1495–1806) / Bearb. von H. Duchhardt. Darmstadt, 1983. S. 3-5.

² Dotzauer W. Die deutschen Reichskreise (1383–1806). Geschichte und Aktenedition. Stuttgart, 1998. S. 579-582; Neuhaus H. Reichsständische Repräsentationsformen im 16. Jahrhundert. Reichstag-Reichskreistag-Reichsdeputationstag. Berlin, 1982. S. 28-29.

г. наследственные права внуков были уравнены с правами сестер; тем самым был сделан первый шаг к преодолению средневекового родственного права в пользу частного личного права нового времени. Также была сформулирована система наказаний по уголовным делам в 1532 г., т.е. «Каролина» Карла V. Начавший формироваться «полицейский порядок» в течение последующего столетия продолжал детализироваться по различным параметрам. Точно также дополнялись новыми положениями анти-монопольное законодательство и порядок чеканки монет, а также имперское военное законодательство, которым регулировались наем войск, компетенция командующих войсками, содержание военнопленных, продажа оружия и пороха и т.д. В целом имперское законодательство отражало характерный для всей Западной Европы процесс рецепции римского права в отличие от местного законодательства в крупных германских территориальных княжествах¹. И в этом смысле имперские реформы, особенно с Вормского рейхстага 1495 г., могут рассматриваться как предтеча создания правового и федеративного государства нового времени. Поэтому вряд ли рейхстаги раннего нового времени были только «собраниями на олимпе иерархий», что и показал Вормский рейхстаг 1495 г.

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕГЕРМАНСКОГО РЕГИОНА В XV–XVI ВВ.

*В.А. Чиркин
Ижевск*

Эпоха перехода европейской цивилизации от феодализма к капитализму давно уже привлекает внимание ученых, придерживающихся различных взглядов на ход исторического процесса.

Исследования российских специалистов второй половины XX – начала XXI вв., посвященные проблемам аграрной истории², истории Реформа-

¹ Angermeier H. Die Reichsreform... S. 216-219.

² См.: История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 2-3; Гусарова Т.П. Город и деревня Италии на рубеже позднего средневековья. М., 1983; Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI–XV вв.). М., 1984; Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии VIII–XV вв. М., 1987; появление этих работ позволило российским медиевистам перейти к углубленному изучению региональной истории крупнейших стран Западной Европы XV–XVII веков: Винокурова М.В. Английское крестьянство в канун буржуазной революции середины XVII века. М., 1992; Она же. Мир английского манора (по земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI–начала XVII вв.). М., 2004; Червонная Т.М. Французская деревня по юридическим источникам XVI в. Саратов, 1992; Чиркин В.А. Очерки по аграрной истории Средней Германии. 1460–1525. (Исследования, документы). Ижевск, 1992.

ции¹, государства и международных отношений², позволяют более продуктивно подойти к изучению проблем переходной эпохи в европейской истории, в том числе – ее начальной стадии с середины XV по середину XVI в. Нельзя забывать, что это время формирования ранней абсолютной монархии и разрыва идеологической монолитности Европы, вызванного Реформацией и развитием внутренних процессов духовной жизни европейского общества. Глубокие изменения, происходившие и в экономической, и в социальной сферах западноевропейских стран, по времени совпадали с великими географическими открытиями, что многократно ускорило процессы трансформации традиционного феодального общества и государства, вступавших в эпоху революционных бурь, охвативших Германию уже в первые два десятилетия XVI в.

В этих условиях важнейшее значение приобретало положение дел в сельском хозяйстве стран Западной Европы, характер развития аграрных отношений. Дальнейшее поступательное развитие городской промышленности и торговли было возможно лишь при более широком и активном участии сельскохозяйственного производства в товарно-денежных и рыночных отношениях. Основой такого участия явилось, прежде всего, отмирание вотчины, ликвидация или значительное сокращение барщины и отмена института личной зависимости в передовых областях Западной Европы на протяжении XIV–XV вв. Не меньшее значение имел процесс передачи всей либо значительной части домениальной земли в аренду и традиционные крестьянские держания. В условиях господства денежной формы ренты арендаторы и крестьяне вынуждены были обращаться к рынку, обращаться к ростовщикам за ссудами для оплаты сеньориальных платежей, а чуть позже и для начавших расти государственных налогов. Сложившаяся в деревне ситуация привела к усилению имущественной и появлению социальной дифференциации среди крестьянства. В деревне сформировался слой крестьян, являвшихся товаропроизводителями, и расширявшийся слой мало- и безземельных, вынужденных идти в наём к зажиточным соседям и крупным арендаторам. Немалая часть из них находила временную либо постоянную работу на промыслах, в городах и наемных армиях европейских государей. Эти люди составляли основной контингент работников рассеянных мануфактур в различных отраслях производства. Крестьяне, сохранившие свои самостоятельные хозяйства, сумели добиться этого ценой ведения специализированного хозяйства, ориентированного на рынок. Более того, специализация даже небольших по размерам хозяйств, например в виноградарстве, позволяла их держателям вести вполне сносный образ жизни. Специализация сельскохозяйственного производства сыграла вообще значи-

¹ Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984.

² Ивонин Ю.Е. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск, 1989.

тельную роль в формировании и развитии раннекапиталистического уклада не только в деревне, но и в городской промышленности, перерабатывавшей местное сырье и формирующей на селе мануфактурное производство.

Разумеется, эволюция аграрного строя и развитие аграрных отношений на первом этапе процесса генезиса капитализма в XV–XVI вв. и позже, имея общие для стран Западной Европы черты, тем не менее, позволяет выделить варианты своего развития как для отдельных стран, так и для внутренних областей в этих странах. В связи с этим, вполне правомерно стремление изучить на документальном материале аграрную историю Средней Германии середины XV – середины XVI вв., прежде всего – аграрные отношения одной из важнейших территорий Священной Римской империи. Необходимость такого исследования диктуется следующими соображениями. Во-первых, среднегерманский регион, по принятой в отечественной историографии типологии аграрного строя, должен быть отнесен к сеньориальному, поскольку расположен к западу от Эльбы, хотя и вплотную примыкает к восточногерманским землям. Именно «пограничное» расположение региона позволяет предположить наличие некоего переходного по типу аграрного устройства. Во-вторых, общее и особенное в аграрном строе и аграрных отношениях таких стран, как Англия и Франция исследуемого нами периода, наводят на мысль о том, что определенные черты сходства и отличия между этими странами и Германией, по данному вопросу, также требуют выявления и анализа. В-третьих, общеизвестно, что земли западного Приэльбья отмечены более поздним развитием феодальных отношений в целом. А своеобразие изучаемого нами региона в том и состоит, что западная часть этих земель была освоена германскими племенами раньше, нежели восточная, пережившая период колонизации в XII–XIII вв. В-четвертых, в этой части Империи в XV–XVI вв. наблюдалась едва ли не самая высокая концентрация городского населения. Так, сельское население к концу изучаемого периода превышало городское всего в 2,3 раза. Таким образом, масса преобладавших здесь средних и малых городов составляла сеть местных рынков для окрестных деревень и довольно густую, особенно в западной и центральной части региона. В-пятых, здесь были расположены крупные горнодобывающие центры: в Гарце на западе, в Мансфельде в центре и в Эрцгебирге (Рудных горах) на востоке. В-шестых, по землям региона проходили значительные торговые сухопутные пути, а его естественной границей на востоке являлась судоходная Эльба, дававшая выход к морскому побережью. Указанные факторы, несомненно, оказывали заметное влияние на развитие и характер аграрных отношений в данной части Священной Римской империи. Немалое значение имело также динамичное развитие территориальной государственности, с одной сто-

роны, и реформационного процесса – с другой, поскольку здесь находился один из крупнейших центров европейского протестантизма¹.

Опубликованные к настоящему времени документы среднегерманских архивохранилищ, позволяют охватить земли от Гарца на западе до Рудных гор на востоке и от Эльбы на севере до Тюрингенского леса на юге включительно. Заметим, в связи с этим, что таков территориальный охват и в исследовании Ф. Лютге, крупнейшем в германской историографии по вопросу об аграрном строе Средней Германии изучаемого нами периода².

Мы уже отмечали, что с середины XV до середины XVI в. история среднегерманского региона характеризовалась общим подъемом экономики, в том числе сельского хозяйства, и дальнейшим развитием территориальной государственности, а период с 1517 по 1525 гг. был ознаменован началом реформационного движения и мощной Крестьянской войной, вызванной во многом усилением феодальной реакции. Таким образом, события Крестьянской войны явились как бы точкой схождения этих процессов³, в результате чего была predetermined дальнейшая историческая судьба не только среднегерманского региона, но и всей Германии. Следовательно, выбранный нами период для исследования изученности аграрных отношений Средней Германии, безусловно, позволит выявить степень изученности содержания и характера эволюции аграрных структур региона, переживавших переломный момент своей истории.

В основу большинства новейших российских аграрных исследований положены методологические и методические разработки современной исторической школы российской медиевистики. Основополагающие ее принципы были заложены еще А.И. Неусыхиным, Е.А. Косминским и С.Д. Сказкиным, получив дальнейшее развитие в работах М.А. Барга, М.М. Смирин и В.Е. Майера. Особое значение в плане разрешения проблем нашего исследования имеют работы А.И. Неусыхина, М.М. Смирин и В.Е. Майера, ибо они непосредственно посвящены истории Германии эпохи феодализма⁴. Для них характерно то, что в наибольшей степени они опирались в методологии и методике на произведения зрелого К. Маркса и ранние работы В.И. Ленина, включая «Развитие капитализма в России»⁵. Именно на этой основе современная историческая школа в российской медиевистике, в области аграрных исследований переходного от феодализма

¹ История Европы. М., 1993. Т. 3. С. 271-318.

² Lütge F. Die Mitteldeutschen Grundherrschaft. Stuttgart, 1957.

³ См.: Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма: избранные труды. М., 1974; Смирин М.М., Майер В.Е. Немецкое крестьянство в XIV – начале XVI вв. // История крестьянства в Европе. М., 1986. С. 366-381; Майер В.Е. Деревня и город Германии XIV–XVI вв. Л., 1979.

⁴ Вопрос настолько сложный, что до сих пор дискуссия о характере этих событий так и не получил окончательного разрешения.

⁵ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 22-28, 58.

к капитализму периода, разработала концепцию общественного разделения труда¹, сыгравшую значительную роль в изучении аграрной истории стран Западной Европы². Суть ее состоит в том, что в результате процесса общественного разделения труда, прежде всего выразившегося в возникновении в эпоху феодализма города как центра ремесла и торговли, повлекшего за собой распространение товарно-денежных отношений и возрастание роли рынка, получают развитие и усиливаются два процесса: специализации сельскохозяйственного производства, взломавшей натурально-хозяйственную замкнутость деревни и предрешившей судьбу вотчины либо значительно видоизменившей ее, и, освободившей крестьянина от личной зависимости при его самом активном участии³, и, расслоения крестьянства, первоначально имущественного, а затем и социального, выразившегося в процессе обезземеления большинства и мобилизации, в известных пределах, земли у меньшинства крестьян⁴. При этом указанные процессы проявляли себя наиболее сильно с момента, когда барщина и оброк начали уступать основные позиции денежной форме ренты⁵. Не менее важно и то, что дальнейшая судьба крестьянства и сельскохозяйственного производства, в том числе и производства предпринимательского, раннекапиталистического типа, уже при условии господства денежной ренты, определялась общим развитием капиталистического производства в его ранних проявлениях, «вне пределов сельского хозяйства»⁶. Необходимо подчеркнуть, формирование представленной концепции шло не по линии «теория – исследование», а прямо противоположным путем; более того, поиск продуктивного для аграрных исследований метода приводил к тому, что к проблеме методологии, как правило, обращались уже зрелые специалисты с большим опытом научной работы. Пример В.Е. Майера в этом смысле показателен, ибо концепцию общественного разделения труда он сформулировал и развил уже будучи зрелым и признанным специалистом⁷. Эффективность его концептуально-методологических подходов при реализации научных проектов общеизвестна.

¹ Майер В.Е. В.И. Ленин об общественном разделении труда как основе процесса развития товарного производства и капитализма // Учен. зап. Удм. гос. пед. ин-та. Ижевск, 1970. Вып. 21. С. 199-211.

² Наиболее ярко это продемонстрировано в крупнейших обобщающих работах российских медиевистов. Например, в «Истории крестьянства в Европе» в трех томах, опубликованной в 1985–1986 гг.

³ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 22-28, 58; Он же. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 87.

⁴ Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге Г. Струве // Там же. Т. 1. С. 507-508; Он же. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. // Там же. Т. 17. С. 82-83.

⁵ Маркс К. Капитал // Соч. 2-е изд. Т. 25. 4.11. С. 361.

⁶ Там же. С. 363.

⁷ См.: Майер В.Е. В.И. Ленин об общественном разделении труда...

При разработке проблем аграрной истории эпохи перехода от феодализма к капитализму также важно учесть и некоторые особенности, которые могут играть существенную роль в подходах к решению проблем как локально-исторического плана, так и общетеоретического. Исследования начальной стадии переходной эпохи, в данном случае на материалах, посвященных аграрной истории Средней Германии, отличаются сложным переплетением старого и нового, по образному выражению А.И. Неусыхина – состоянием «между», которое характеризуется весьма своеобразным типом производственных отношений «...с особыми – именно ему имманентно присущими закономерностями развития»¹. Исходя из этого, А.И. Неусыхин подчеркивал, что к изучению общества переходной эпохи необходимо подходить, не столько изучая последующие его институты или структуры, сколько – предшествующие². Завершая изложение проблем методологии нашего исследования, необходимо подчеркнуть, что в лучших своих проявлениях методологические поиски представителей отечественной историографии на всем протяжении XX в. характеризуются творческим началом, продолжая в этом смысле традиции классической российской историографии. В основе ее – очевидное стремление к диалектическому познанию истории, к отражению многообразия процесса исторического развития цивилизации, в том числе европейской.

Несомненно, большое значение имеет степень разработанности проблем аграрной истории Германии XV–XVI вв. Необходимо сразу отметить, что аграрная история Германии XV–XVI вв. являлась одной из главных тем в отечественной историографии новейшего времени. Большое влияние на решение конкретно-исторических задач, стоявших перед российскими германистами, оказали работы С.Д. Сказкина и М.А. Барга, опубликованные в 1950-60-х гг., по вопросам типологии сельскохозяйственных структур к востоку и западу от Эльбы³ и по проблеме так называемого «кризиса феодализма»⁴, якобы имевшего место в XIV–XV вв. Несомненно, эти две проблемы связаны между собой. Так, С.Д. Сказкин показал, что в XIV–XV вв. и позже в Европе формируются и получают развитие два типа аграрного устройства: чистая сеньория, при которой почти вся домениальная земля передавалась крестьянам в держание, что имело место к западу от Эльбы, и поместный строй, получивший распространение к востоку от Эльбы, при котором формировались крупные поместья, во многом за счет крестьян-

¹ Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма... С. 514.

² Там же. С. 36.

³ Сказкин С.Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 98-100.

⁴ Бург М.А. О так называемом «кризисе феодализма» в 14-15 вв. // Вопросы истории. 1960. № 8. С. 94-113; Он же. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе (о некоторых закономерностях денежной ренты) // Там же. 1969. № 3. С. 72-87.

ской земли. Для крестьян поместный строй означал резкое возрастание барщинных обязательств до 3-5 дней в неделю при всевластии помещика над его личностью и держательской землей, что определялось в качестве «второго издания крепостничества». При этом С.Д. Сказкин подчеркивал, что и поместный строй, и строй чистой сеньории возникли в Европе под воздействием городской промышленности и торговли и вследствие развития европейского международного рынка сельскохозяйственного сырья и продуктов питания, главным образом – зерна. В отличие от восточноевропейских, западноевропейские крестьяне в условиях кризиса вотчинного строя с оружием в руках добились ликвидации личной зависимости, что привело к сокращению и даже отмене барщины. Таким образом, С.Д. Сказкин рассматривал происходящее как кризис вотчинного устройства, но никак не феодализма, что знаменовало в целом переход к денежной ренте и положило начало процессу формирования уже абсолютистских государств.

М.А. Барг пришел к тем же выводам, изучив процесс динамики ренты. В связи с этим, исследователь выделил особый парцеллярно-крестьянский этап в развитии феодализма. При этом, если в XIV–XV вв. при преобладании денежной ренты, фиксированной по размеру обычаям, часть крестьян получила возможность, используя свои связи с рынком, увеличить свои накопления, то в дальнейшем над этой сеньориальной формой ренты надстроилась централизованная ее форма в виде растущих государственных налогов, пошлин и сборов, что в условиях существования абсолютистского государства и вело к разложению феодализма. Таким образом, М.А. Барг, вслед за С.Д. Сказкиным, приходит самостоятельно к тому же выводу: нет кризиса феодализма в XIV–XV вв., есть кризис вотчинного строя, преодолев который, феодализм вступил в последнюю фазу своего существования. Потому-то, касаясь аграрной истории Европы XV–XVI вв., исследователь не может не учитывать развития общеевропейских процессов, получивших отражение в работах М.А. Барга и С.Д. Сказкина.

Первые крупные специальные исследования по аграрной истории Германии XV–XVI вв. в новейшей отечественной историографии были выполнены М.М. Смириним, главой и основателем российской германистики, исследующей историю XV–XVI вв. Трудно найти у М.М. Смиринина работу, которая не рассматривала бы аграрные проблемы Германии указанного периода. И наиболее крупной из них можно считать отдельную главу в книге «Очерки политической борьбы в Германии перед Реформацией», которая обобщила две статьи, написанные М.М. Смириним еще в 1938 и 1946 гг.¹, где исследовались сеньориальная реакция на документальном материале юго-западной Германии с широким привлечением таких документов, как

¹ Смирин М.М. Очерки политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952. С. 46-105.

крестьянские жалобы и общинные уставы – вайстюмы. В ходе разработки этой сложнейшей проблемы М.М. Смирин дал им высокую оценку, убедительно доказывая их достоверность.

М.М. Смирин показал, что феодальная реакция в Германии проявилась не в сгоне крестьян с земли, как это происходило в центральных областях Англии, а в сознательном ухудшении условий наследственных чиншевых крестьянских держаний, вплоть до их полной ликвидации, с целью повсеместного введения мелкой краткосрочной издольной аренды, что позволило бы местным феодалам более часто пересматривать условия таких держаний с целью более полного изъятия в свою пользу доходов крестьянских хозяйств. Наступление феодалов определялось их возросшей хозяйственной активностью под воздействием развития городов и товарного хозяйства, что усиливалось появлением раннекапиталистических элементов¹. Очевидно было стремление феодальных господ укрепить основу своей экономической власти над крестьянами². В то же время, М.М. Смирин нигде в своем исследовании не рассматривает, на примере юго-западной Германии, предпринимательства в деревне. Тем не менее, исследователь чётко и обоснованно раскрыл содержание процесса феодальной реакции и отметил, что в юго-западных землях Германии, в отличие от её центральных областей, накануне Крестьянской войны активно шёл процесс возрождения личной зависимости крестьянства. М.М. Смирин настолько обоснованно и глубоко рассмотрел это явление социально-экономической жизни региона, что его концепция получила признание среди западногерманских историков³.

Проблему развития раннего предпринимательства в германском земледелии и скотоводстве XIV–XVI вв. впервые поставил и глубоко изучил в новейшей отечественной историографии ученик М.М. Смирин – В.Е. Майер. Итогом его почти 30-летних изысканий явилась монография, посвященная проблеме развития производительных сил в сельском хозяйстве Германии XIV–XVI вв.⁴

Основой всех работ В.Е. Майера явилась разработанная им концепция общественного разделения труда, окончательно сформировавшаяся к 1970 г., в основание которой были положены ранние ленинские работы по аграрному вопросу⁵. В результате, удалось показать, как под воздействием процесса общественного разделения труда в недрах феодального общества, в ходе мощного развития товарно-денежных отношений и рыночных связей, начинал зарождаться раннекапиталистический уклад, в деревне появилась новая социальная фигура – крупный арендатор-издольщик. При этом

¹ Там же. С. 104.

² Там же. С. 64.

³ Blickle P. Die Revolution 1525. München-Wien, 1975. S. 39, 151.

⁴ Майер В.Е. Деревня и город в Германии...

⁵ Майер В.Е. В. И. Ленин об общественном разделении труда...

исследователь подметил весьма характерное явление для крупной аренды, которое выражалось в распространении практики передачи наиболее крупных господских дворов не одному, а сразу двум издольщикам. Один из них вел зерновое, а другой – овцеводческое хозяйство. Это позволяло с наименьшими потерями и затратами для собственника и крупного арендатора обеспечивать одно хозяйство удобрениями, а другое – кормами¹. В связи с этим, ученый отмечал, что одним из регионов, где крупная издольная аренда получила наибольшее распространение, была Средняя Германия. Наиболее убедительно процесс общественного разделения труда показан на примере бурно развивавшейся в XIV–XVI вв. специализации сельского хозяйства Германии, которая находила свое выражение не только в овцеводстве, но и в развитии садоводства и огородничества, виноградарства, в возделывании хмеля, вайды и льна, главным образом, вблизи городов, горных промыслов и торговых дорог того времени. В.Е. Майер выделяет целые районы, специализирующиеся на производстве различной продукции сельского хозяйства и промыслов. При этом он стремился выяснить, насколько далеко зашёл в условиях продолжающегося господства феодальных отношений процесс специализации в сельском хозяйстве Германии².

Развитая специализация в сельском хозяйстве Германии XIV–XVI вв., столь ярко показанная в исследованиях В.Е. Майера, приводила к углублению процесса имущественной дифференциации крестьянства. Изучая эту пока мало разработанную в отечественной германистике проблему, исследователь пришёл к выводу, что в середине XVI в. имущественная дифференциация в немецкой деревне под воздействием процесса специализации начинает превращаться в социальную³. Все это сопровождалось в германских землях перемещением части сельского населения в районы с развитой специализацией, на горные промыслы и т.д.

Используя количественный и качественный анализ разнообразных источников, В.Е. Майер сделал вывод о том, что при развитых товарно-денежных отношениях и специализации в сельском хозяйстве Германии XIV–XVI вв. появляются раннекапиталистические элементы, прежде всего, в крупной издольной аренде и во всевозможных сельских промыслах. Усилился процесс имущественной поляризации внутри крестьянства, перераставший уже в социальное расслоение деревни. В. Е. Майер, вслед за М.М.

¹ Майер В.Е. Крупная издольная аренда на бывших домениальных землях в Германии в XIV–XVI вв. // Учен. зап. Перм. гос. ун-та, 1964. № 117. С. 3-44, особенно с. 30.

² Майер В.Е. Деревня и город... С. 63-100; Он же. Виноградарство и его место в аграрной истории Германии в XIV–XVI вв. // Средние века. 1965. Вып. 27. С. 114-137; Он же. Социально-экономические сдвиги в районах производства и торговли вайдой в Германии XIV–XVII вв. // Средние века. 1971. Вып. 34. С. 145-162.

³ Майер В.Е. Деревня и город... С. 162; Его же. Имущественное положение крестьянства в юго-западной Германии на рубеже XIV–XV вв. // Средние века. 1971. Вып. 34. С. 95-117. Сведения об этом явлении можно обнаружить и в других работах В. Е. Майера.

Смириным, основное внимание в своих исследованиях уделял юго-западной Германии, а также и северо-западной, в результате чего земли среднегерманского региона становились областью изучения лишь эпизодически.

Именно по настоянию В.Е. Майера, проблемы аграрной истории Средней Германии XV–XVI вв. в отечественной историографии стали предметом специального изучения с начала 1980-х гг.¹ Был выполнен историко-источниковедческий анализ жалоб крестьянских общин Средней Германии, который позволил выделить общее и особенное в положении крестьянства и в развитии крестьянского хозяйства. При этом, исследование не было замкнуто на одном типе источников при анализе аграрных структур региона, а дополнялось свидетельствами крестьянских жалоб 1525 г. и материалами, отражавшими хозяйственную деятельность крестьян, светских и церковных господ, бюргерства и ростовщиков. Наиболее полно всё это фиксировали так называемые уркунден – грамоты по разного рода сделкам, опубликованные в отдельных сборниках документов по Средней Германии. Привлечение разнообразных источников позволило не только подтвердить общие для всей Германии явления хозяйственной и социальной жизни деревни XV–XVI вв., но и показать, что в среднегерманских землях процесс специализации сельскохозяйственного производства был развит не в меньшей, а, возможно, и в большей степени. Это положение обосновывалось в том числе и общим фоном экономического развития Средней Германии того периода². Не менее важно подчеркнуть, что хозяйственная история крестьянства рассматривалась через призму двух диалектически взаимосвязанных процессов: экономического подъема и феодальной реакции. В последние годы была поставлена проблема изучения господского хозяйства XV–XVI вв. в связи с тем, что в землях Средней Германии полной передачи земли в руки держателей не произошло³.

В плане разрешения поднимаемой в статье проблемы аграрных отношений в Средней Германии середины XV – середины XVI вв. необходимо обратиться к состоянию аграрных исследований на материале таких стран, как Франция и Англия. Привлечение их оправдано тем обстоятельством, что по типу аграрного устройства они традиционно относятся, как и Западная и Центральная Германия, к региону распространения сеньориального строя. Помимо уже упомянутых нами специалистов по аграрной истории стран Западной Европы эпохи позднего феодализма, необходимо назвать

¹ Чиркин В.А. К характеристике малоизвестных документов хозяйственной истории крестьянства периода позднего феодализма // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск, 1988. С. 158-174; Он же. Очерки по аграрной истории Средней Германии...

² См.: Чиркин В.А. Очерки по аграрной истории Средней Германии...

³ Чиркин В.А. Крупное светское и церковное землевладение Средней Германии середины XV-XVI вв. // Историк и его дело. Вып. 2. Ижевск, 2003. С. 29-49. Он же. Поземельные отношения в Тюрингии и Саксонии XV–XVI вв. // Проблемы германской истории. Ижевск, 1989. С. 116-129, 178-181.

таких медиевистов-аграрников, как А.Д. Люблинская и Т.М. Червонная, разрабатывающие французские источники, М.В. Винокурова и О.В. Дмитриева – английские, Л.А. Котельникова и Т.П. Гусарова – итальянские¹. Работы этих специалистов характеризуются использованием массового актового материала, что позволило делать глубокие по содержанию и основательности выводы относительно господского, арендаторского и крестьянского хозяйств в эпоху перехода от феодализма к капитализму. В них применялся в основном сравнительно-исторический метод, и широко использовались приемы статистической обработки массовых источников таких, как налоговых регистров, поместных описей и т.п. Наиболее полно эти источники представлены в исследованиях, посвященных северной Франции (Парижский бассейн) и юго-западной Англии XVI–XVII вв. Кроме того, эти области отмечены наличием традиционности в плане полного развития именно феодальных классических поземельных отношений².

Необходимо подчеркнуть, что аграрные исследования А.Д. Люблинской и М.В. Винокуровой³ посвящены, по преимуществу, XVI, XVII и XVIII вв., но содержат весьма важные для более полного раскрытия нашей проблемы экскурсы в предшествующую эпоху. Они, тем самым, позволяют представить процесс генезиса капитализма, относительно аграрных отношений, в Западной Европе с момента его зарождения. Наиболее полно этот процесс представлен в специальной работе А.Д. Люблинской, посвященной эволюции аграрных отношений во Франции XVI–XVIII вв., а по существу – проблеме генезиса капитализма в сельском хозяйстве этой страны. Автор, опираясь на обширный материал различных источников, глубоко вскрыла не только содержание происходящего исторического процесса, но и выделила этапы его развития. При этом, особое значение А.Д. Люблинская придавала XIII–XV вв.⁴, в ходе которых были созданы необходимые материальные условия для формирования раннекапиталистического уклада в сельском хозяйстве Франции в XVI–XVII вв. Его дальнейшее развитие привело в ходе Великой Французской революции к победе капиталистических аграрных отношений. В качестве материальных предпосылок начала перехода аграрных отношений во Франции в качественно новое состояние, А.Д. Люблинская рассматривала появление в XIII в. крупной и мелкой аренды на домениальных землях, с одной стороны, и нарастание социально-экономической дифференциации уже лично свободного крестьянства – с другой, в условиях господства денежной формы ренты и возрастания зна-

¹ Люблинская А.Д. Французские крестьяне в XVI–XVIII вв. Л., 1978; Червонная Т.М. Французская деревня...; Винокурова М.В. Английское крестьянство...; Дмитриева О.В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М., 1990.

² Там же.

³ Люблинская А.Д. Французские крестьяне...; Винокурова М.В. Мир английского манора...

⁴ Люблинская А.Д. Французские крестьяне... С. 136-139.

чения и роли товарно-денежных отношений, приведших к ликвидации традиционного вотчинного хозяйства феодалов, как светских, так и церковных. Но если церковные домены, как правило, сохранились по площади и, в основном, были переданы в крупную издольную аренду, то светские, частью также были переданы в аренду, а частью в крестьянские держания. В течение XV в. начал активно развиваться процесс собирания земли держаний сеньорами и формирования так называемых новых сеньорий, что привело к росту домениального земельного фонда. В этих условиях одновременно обозначился переход к практике сдачи домениальной земли уже в срочную аренду, по преимуществу крупную. На рубеже XVI–XVII вв. рост таких доменов практически остановился. А.Д. Люблинская объясняла это тем, что зажиточных крестьян принудить к продаже земли было невозможно, ибо в большинстве они являлись цензитариями, а покупка мелких и раздробленных участков бедняков, расположенных на худших по качеству землях, была явно нерентабельной¹. Площади доменов к середине XVI в. во Франции варьировались, в основном, от 100 до 200 га у церкви и несколько меньше они были у светских собственников сеньорий, поскольку процесс формирования новодворянских владений и ферм еще не был закончен. Автор обратил внимание и на то, что доходность доменов, занятых под крупной издольной арендой, была почти в три раза выше, чем поступления с цензитариев от феодальных платежей и десятины². Менялась и имущественная структура французского крестьянства. Если еще в середине XVI в. на 100 дворов приходилось 60-70 крестьянских в собственном смысле слова, то позже, под воздействием «революции цен», только к средним крестьянам («пахарям») можно было отнести не более 5-15% сельских жителей! Зато параллельно, в связи с ростом новодворянского землевладения, неуклонно разрастался слой крупных и средних арендаторов. В ряде случаев фермы занимали в деревне до 50-80% общей площади³!

Исследование, проведенное М.В. Винокуровой на материалах источников по юго-западной Англии⁴, позволяет сделать вывод о том, что предпосылки генезиса капитализма в сфере аграрных отношений здесь были те же, что и во Франции, и, формировались они практически одновременно. Однако темпы развития его были более высоки. Известно, что причинами этого было мощное промышленное развитие страны, характеризующееся широким распространением рассеянной и централизованной мануфактуры, что создавало стабильный и возрастающий спрос на сельскохозяйственное сырье, в особенности шерсть. Это привело к тому, что местные земельные собственники в ходе формирования новой сеньории не всегда передавали

¹ Там же. С. 137-138.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 148.

⁴ Винокурова М.В. Мир английского манора...

домениальную землю в аренду, как это происходило во Франции, а нередко и сами вели на домене хозяйство. В этих условиях крупная и средняя аренда получила беспрецедентное развитие. Арендаторами становились зажиточные крестьяне, состоятельные горожане, дворяне. В результате, как отмечала М.В. Винокурова, начался мощный нажим на крестьянство, прежде всего на пашни и альменды копигольдеров. Объяснялось это тем, что права данной категории держателей, в отличие от фригольдеров, не защищались королевскими судами. Уже к 30-м годам XVII в. 43% площади копигольда оказалось в руках горожан, дворян и чиновников¹. Немалая часть крестьян была вынуждена переходить на условия мелкой краткосрочной аренды и влачила жалкое существование. На протяжении XVI в. здесь почти не осталось фригольдеров. В целом, подобная ситуация сложилась по причине очевидной товарности и доходности сельскохозяйственного производства в форме аренды. Следствием подобных процессов в английской деревне XVI–XVII вв. явилось резкое имущественное и социальное размежевание крестьянства² с переходом большинства на положение наемных работников в поместьях лендлордов, средних и мелких арендаторов³.

Несомненно, столь основательная разработка проблем аграрной истории крупнейших и передовых стран Западной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму позволяет исследователям аграрной истории других стран европейского континента более плодотворно разрешать стоящие перед ними задачи.

Также можно отметить, что в новейшей отечественной историографии, посвященной проблемам аграрной истории Германии XV–XVI вв., имеются серьезные и глубокие исследования, выполненные на документальных данных, что позволило более взвешенно и точно определить основные процессы в немецкой деревне XIV–XVI вв., особенно применительно к регионам Старой Германии. Тип аграрной структуры, сформировавшейся в среднегерманских землях, в западном Приэльбии в XV–XVI вв., требует более глубокого изучения.

Состояние аграрных исследований за рубежом, в данном случае – в Германии, несомненно, представляет немалый интерес, традиционный для российских специалистов⁴.

¹ Там же. С. 248.

² Там же. С. 266, 269-271.

³ Л.А. Котельникова, исследуя проблему развития аренды на итальянских источниках, отмечала, что при определённых условиях аренда исполу могла становиться фактором, консервирующим полуфеодалный характер аграрных отношений. См.: Котельникова Л.А. «Феодальное возрождение» или «старый» феодализм? // Средние века. 1989. Вып. 52. С. 24.

⁴ Майер В.Е. Деревня и город... С. 13-25; Он же. Вопросы аграрной истории Германии XIV–XVI вв. в освещении историков ФРГ // Средние века. 1963. Вып. 26. С. 117-131; Некрасов Ю.К. Крестьянская война в Германии в освещении традиционного направления в буржуазной историографии ФРГ // Проблемы германской истории. Ижевск, 1989. С. 84-94, 168-173;

Любое исследование по германской аграрной тематике в том числе не может обойти такую крупнейшую фигуру как Г. Франц. Влияние его в современной германской историографии велико, многие ее представители являются его учениками. Здесь же мы заметим, что в основных своих работах¹ он дал политическую оценку событиям Крестьянской войны и процессам имущественной и социальной дифференциации крестьянства Германии XV–XVI вв., утверждая, что зажиточная верхушка немецкой деревни, или, как он определяет ее, «деревенская знать», в эти столетия боролась за соответствующее ее имущественному положению место в политической жизни общества, поскольку основная масса крестьянства в силу своего хозяйственного и правового положения в это время уже не могла играть самостоятельной роли.

Эту свою позицию Г. Франц дополняет теорией «кризиса феодализма», выдвинутой Ф. Лютге – В. Абелем, которая уже получила соответствующую оценку в работах М.А. Барга и В.Е. Майера², которые, как мы уже отмечали, рассматривают явления социально-экономической жизни Западной Европы XIV–XV вв. как кризис вотчинной системы, характеризующейся личной зависимостью крестьян и господством отработочной формы ренты, но не феодализма как такового, поскольку через преодоление кризиса вотчинной организации производства феодализм вышел на качественно новый уровень развития, отличительной чертой которого явилось преобладание крестьянско-парцеллярного хозяйства. Тем более полезно выяснить современную оценку этой теории в западногерманской историографии. Подобная и глубокая оценка теории «кризиса феодализма» XIV–XV вв. содержится в монографии В. Резенера «Крестьянство в средние века», опубликованной в 1985 г. и многократно переиздававшейся в последующие годы³. В отличие от работ 1970-х гг., в ней в наибольшей степени учитывается влияние господ-землевладельцев и формирующегося государства нового типа⁴ на крестьянское хозяйство и правовой статус держателей. Анализ работ Ф. Лютге, и в особенности В. Абеля, глубокое знание источников, позволили В. Резенеру выделить 5 факторов, влиявших на складывание «драматического» положения в сельском хозяйстве Германии того периода: (1)

Он же. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция. Вологда, 1984. С. 8-26 и др.

¹ Franz G. Der deutsche Bauernkrieg. 10. Aufl. Darmstadt, 1975, ders., Geschichte des Bauernstandes vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1970.

² Поскольку позиции М.А. Барга и В.Е. Майера широко известны, отсылаем читателя к следующим работам Ф. Лютге и В. Абеля: Lütge F. Geschichte der deutsche Agrarverfassung vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1963; Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft; vom frühen Mittelalter bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1962; ders., Landwirtschaft // Handbuch der deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Stuttgart, 1978. S. 300-333, 386-413.

³ Rösener W. Bauern im Mittelalter. München, 1985. S. 260-262.

⁴ Ibid. S. 262, 261-262, u.a.

– рост количества заброшенных крестьянами гуфных наделов, что влекло за собой неуплату чиншей, оброков и невыполнение повинностей; (2) – введение в оборот заброшенных держательских земель и заселение опустевших крестьянских дворов привело к необходимости снижения рентных обязательств новых держателей; так, с 1350 по 1385 гг. рента сократилась в 2-3 раза; (3) – негативное положение в балансе сеньориальных доходов усугубилось падением цен на зерно в XIV – первой половине XV в. почти на 40%, а в действительности положение было ещё хуже, поскольку значительная часть оброков взималась, по традиции, в зерне, а десятины давали исключительно в зерне; (4) – помимо взимания ренты землевладельцы обратились и к развитию собственных хозяйств, обустривая господские дворы, ориентируя их на производство товарной продукции, что усилило потребности в наёмной рабочей силе, которая в XIV–XV вв. стоила дорого, что сокращало сеньориальные доходы: в результате наблюдалось либо сокращение собственно домениальных хозяйств, либо введение интенсивных форм ведения хозяйства; (5) – падение покупательной силы фиксированной ренты в денежном выражении дополнялось повсеместной порчей монеты и колебаниями цен на рынках¹. В результате этих потрясений низшее и среднее дворянство, которое разорялось и несло убытки, было вынуждено, подчеркивает В. Резенер, искать дополнительные источники доходов на административной, военной и иной службе при территориальных владетелях. А сами территориальные владетели, по тем же причинам, искали новых поступлений в виде территориальных налогов и т.д.²

Таким образом, концепция «кризиса феодализма» до сих пор находит применение в исследованиях современных западногерманских специалистов-аграрников. В то же время, принципиальная оценка этой теории, данная еще в работах М.А. Барга и В.Е. Майера, сохраняет свою значимость в плане продолжения аграрных исследований представителями современной российской историографии.

В 1970-х гг. в западногерманской историографии сформировалось и существует по сей день направление, основатели которого – Х. Бузцелло, Д.У. Сейбин и П. Бликле – создали концепцию «революции простого человека»³. Они полагали, что простые люди – крестьяне, бюргеры княжеских и имперских городов, наёмные работники горных промыслов – вели борьбу за осуществление принципов евангелизма, против давления сеньориально-

¹ Ibid. S. 258-259, 261-262, u.a.

² Ibid. S. 262.

³ Buszello H. Der deutsche Bauernkrieg als politische Bewegung. West-Berlin, 1969; Sabeau D. W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges. Stuttgart, 1972; Blicke P. Die Revolution 1525 ... В российской историографии эту концепцию «революции простого человека» рассматривал Ю. К. Некрасов в книге: Некрасов Ю.К. Реформация и Крестьянская война в Германии... С. 22-23, 35-36.

го аппарата, за широкую местную автономию. Авторы концепции доказывали, что простые люди, в силу уровня своего общественного сознания, могли ставить и ставили лишь вопрос о создании государства в региональном масштабе, проблема национального единства в этой среде не могла найти своего разрешения. Пожалуй, в наибольшей степени этот тезис характерен для Д.У. Сейбина, который вообще не признает возможности рассматривать крестьянство Германии XV–XVI вв. в качестве единого сословия. Приводя данные о значительной имущественной и социальной дифференциации немецкого крестьянства той поры, он доказывает, что лишь на какой-то момент крестьянство могло быть объединено усилиями деревенской верхушки, то есть все той же «деревенской знати», о которой писал Г. Франц¹. Следовательно, авторы концепции «простого человека», несмотря на объективную оценку социально-экономического положения крестьянства XV–XVI вв.², признающую в той или иной степени факт сеньориальной реакции, практически приходят все к той же оценке событий Реформации и Крестьянской войны, по которой они трактуются как «политическая революция» немецкого крестьянского сословия с деревенской «знатью» во главе. Таким образом, в современной западногерманской историографии наблюдается тенденция к некоторой либерализации прежних позиций, при сохранении основных принципиальных положений теорий, выработанных германскими историками старших поколений.

Большое значение в разработке проблем аграрной истории Средней Германии переходной от феодализма к капитализму эпохи имеют исследования восточногерманских специалистов³. Пожалуй, наиболее известны по аграрной проблематике XV–XVI вв. исследования таких историков восточной Германии, как Г. Хайтц, З. Хойер, Х. Харниш и В. Хельд, наиболее часто цитируемые в современной российской и зарубежной историографии.

Так, Г. Хайтц специально исследовал сельское льняное производство в Саксонии XV–XVI вв.⁴ На основе большого документального материала исследователь сумел дать картину специализации в деревне и обнаружил связь распространения этих промыслов с наличием сильной имущественной дифференциации среди местного крестьянства. Последняя проблема вообще характерна для аграрных исследований упомянутых авторов, что проявилось в обобщающей работе по истории Саксонии, выполненной под

¹ Sabean D. W. Probleme der deutschen Agrarverfassung zu Beginn des 16. Jahrhundert // Revolte and Revolution in Europa. München, 1975. S. 147-148.

² Blickle P. Die Revolution 1525... ; ders., Vorwort // Revolte and Revolution... S. 13-14.

³ Лаубе А., Брендлер Г., Энгель З. и др. Проблемы исследования феодализма в историографии ГДР // Средние века. 1978. Вып. 42. С. 210 и др.

⁴ Heitz G. Ländliche Leinenproduction in Sachsen (1470-1555). Berlin, 1961.

общей редакцией К. Чока в 1989 г.¹ Порайонные различия в аграрном устройстве нашли свое отражение, прежде всего, в работе Х. Харниша, посвященной аграрной истории земель магдебургской равнины, преимущественно по второй половине XVI – началу XVII вв.² Эта работа ценна прежде всего тем, что впервые на базе широкого охвата архивного материала была рассмотрена организация и функционирование господского хозяйства из района западного Приэльбья, и, во многом, проблемы истории крестьянского хозяйства и собственно крестьянства рассматривались единым хозяйственным комплексом, состоявшим из господского и крестьянского хозяйств. Х. Харниш обнаружил совершенно новые явления в среде местного дворянства, которые состояли в том, что в изучаемое время дворяне вкладывали довольно крупные суммы денег, полученные от торговли хлебом со странами северо-западной Европы, в ремесленные предприятия, горное дело и плавильное и кузнечное производство, а также занимались ростовщичеством, ссужая деньгами города и промыслы, крестьян и монастыри. В то же время, Х. Харниш отмечал, что, в связи с наметившимся кризисом в промышленности со второй половины XVI в., все чаще дворянство, наряду с купцами и предпринимателями, начинает вкладывать деньги в приобретение земли³. Им было также отмечено стремление, по крайней мере, зажиточной части крестьянства, приспособить свои хозяйства к благоприятной рыночной конъюнктуре в связи с ростом цен на зерно путем повышения интенсивности своего производства, с использованием наемной рабочей силы, благо, неимущих в деревне того времени было много. Но даже и такие хозяева могли поставлять на рынок не более трети произведенного ими урожая, и это при условии, что магдебургская равнина была специализирующимся районом по производству товарного хлеба⁴. В этих условиях, по мнению Х. Харниша, здесь складывался своеобразный союз между дворянством и купечеством.

О росте влияния города на деревню в XV–XVI в., о все более масштабном проникновении в деревню ростовщичества и расширении бюргерского землевладения писали В. Хельд и З. Хойер⁵. Во многом, представители восточногерманской историографии полемизировали в своих работах с основным тезисом Г. Франца, который полагал, что в землях Средней Германии социально-экономическое и правовое положение крестьянства

¹ Geschichte Sachsen / Hrsg. von K. Czock. Weimar, 1989.

² Harnisch H. Bauern – Feudaladel – Städtebürgertum. Weimar, 1980.

³ Ibid. S. 141-145.

⁴ Ibid. S. 192-193, 200-201, u.a.

⁵ Held W. Zwischen Marktplatz und Anger: Stadt - Land - Beziehungen im 16. Jahrhundert in Thüringen. Weimar, 1988; Hoyer S. Wirtschaftliche und Soziale Ursachen des deutschen Bauernkrieges. Das Beispiel Thüringen // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1981. H. 12. S. 1106-1120.

не могло рассматриваться в качестве причин к их открытым выступлениям в годы Крестьянской войны.

Таким образом, очевиден значительный вклад историков восточной Германии в разработку проблем аграрной истории Германии XV–XVI вв., по преимуществу на архивных материалах Средней Германии.

Подводя общий итог по степени разработанности аграрной истории Средней Германии XV–XVI вв., необходимо отметить, что и в отечественной и зарубежной исторической науке продолжается изучение светского и церковного господского хозяйства, их состав, включая крупную земельную аренду, условия их функционирования и основные параметры, в том числе – размеры и доходность; крестьянское хозяйство и его основные характеристики и условия существования и развития; основные характеристики состояния общинных угодий и их структура; эволюция и содержание процесса имущественной дифференциации местного крестьянства. Аграрные исследования все чаще стали проходить с учетом таких факторов, как развитие целого спектра товарно-денежных и рыночных отношений в регионе, формированию условий к процессу будущего становления абсолютистского государства регионального типа, реформационный процесс, общий фон экономического развития среднегерманских земель. Тем более, что и в отечественной историографии уже были выполнены разработки на документальной базе, позволяющей такие факторы учесть без ущерба для качественной стороны аграрных исследований¹. Тем не менее, проблема господского хозяйства, за исключением его правового статуса², в период XV–XVI вв., еще не получила достаточного освещения в исторической литературе. Требуется более пристального внимания и проблема развития средненемецкого крестьянского хозяйства, эволюция имущественной и социальной структуры крестьянства. Таким образом, необходимо продолжать выявлять типологию аграрных структур через изучение аграрных отношений на материале источников по средненемецкому региону с учетом влияния внешних факторов таких, как эволюция государственности, усиление влияния рынка, города и предпринимательства.

¹ Ивонин Ю.Е. Становление европейской системы государств... ; Смирин М.М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.). М., 1969; Таценко Т.Н. Укрепление территориальной власти и развитие централизованного государственного управления в курфюршестве саксонском во второй половине XV – первой половине XVI вв. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л., 1990. С. 106-131 и др.

² Lütge F. Die Mitteldeutschen Grundherrschaft. Stuttgart, 1957. В целом, работа посвящена правовым, по большей части, аспектам проблемы типологии аграрного строя, при этом среднегерманский тип автор все же относит к переходному от поместного к сеньориальному. Новейшие исследования, посвященные этой проблеме в германской историографии, показывают стремление ее представителей уделить особое внимание структуре господских хозяйств, с целью достижения более полного представления о западноевропейской сеньории в XV–XVII вв. См.: Gutsherrschaft als soziales Modell // Historische Zeitschrift / Hrsg. Von Jan Peters. München, 1995. Bhft. 18.

АЛЬБРЕХТ ДЮРЕР И НЕМЕЦКОЕ ИСКУССТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА: К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОКОВ НЕМЕЦКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

И.Б. Черниенко
Уфа

Немецкое искусство XV в. являлось предтечей немецкого Возрождения, началом которого принято считать время творческого расцвета Альбрехта Дюрера (1471–1528). Особенности немецкого искусства, позволяющие говорить о его своеобразии, были подготовлены и сформированы именно благодаря творчеству предшественников Дюрера. Следует отметить, что искусство XV в., как и вся культура данного периода, было представлено, прежде всего, в крупных городах, где сильное бюргерство способствовало развитию науки, ремесел и обеспечивало постоянными заказами художников. Художниками, внесшими значительный вклад в формирование новых идей в искусстве Германии второй половины XV в., справедливо считают живописца и гравера Мартина Шонгауэра, гравера Мастера домашней книги, скульптора и живописца Михаэля Пахера.

Мартин Шонгауэр (ок. 1431/35–1491) происходил из известного патрицианского рода. Его отец в 1430 г. переселился из Аугсбурга в Кольмар, где очень скоро приобрел известность как золотых дел мастер, а в 1445 г. вошел в Совет имперского города Кольмара. Сам Мартин также стал почетным мастером в родном городе, куда он вернулся после нескольких лет странствий по Германии, Бургундии, Нидерландам. В Нидерландах Шонгауэр был покорен живописью Рогера ван дер Вейдена, Гуго ван дер Гуса, от которых он воспринял решительный переход от готических черт к традициям Возрождения. С 1471 г. он оседает в Кольмаре, организует свою мастерскую, с 1489 г. работает в Брейзахе.

Для современников Шонгауэр был, прежде всего, живописцем, но последующие поколения знают его скорее как крупнейшего гравера додюреровской эпохи. Действительно, его наследие состоит из трех больших алтарей, нескольких маленьких картин, так называемых дощечек (Tafelchen), единственного сохранившегося его опыта в качестве фресочника – росписи в Мюнстере и Брейзахе, 115 гравюр на меди и около 100 рисунков (оригиналы или копии). Это только малая часть его работ, но они позволяют назвать его крупнейшим верхнерейнским художником второй половины XV в. непосредственно перед появлением Альбрехта Дюрера.

Среди живописных произведений Шонгауэра самой известной является алтарная картина «Мария в розовой беседке» (1473), по сей день хранящаяся в церкви Св. Мартина в Кольмаре, для которой и была написана мастером. Сам сюжет не нов, он встречался и до Шонгауэра, например, у

Стефана Лохнера. Беседка, увитая розами, представляет собой аллегория рая; роза – символ царицы небесной Марии и девственности. При традиционной трактовке сюжета Шонгауэр сумел соединить пышность оформления, искренность восприятия с непривычной для того времени большей пластичностью форм и торжественным спокойствием Марии¹. Это создает впечатление монументальности картины, которую М. Гейсберг назвал «немецкой Сикстинской мадонной»². М.Я. Либман утверждает, что, если взглянуть на первоначальные размеры алтаря (картина была сильно обрезана со всех сторон в эпоху барокко для придания ей монументального эффекта), то ранее произведение Шонгауэра не обладало внутренней монументальностью, - черта, характерная для художников XV в. севернее Альп³. Тем не менее, монументальность и торжественность произведения достигается не только за счет размеров человеческих фигур, но и благодаря цветовому решению, значительности, достоинству образа Марии, в котором внешняя некрасивость перекрывается внутренним достоинством Богоматери. Поэтому следует признать, что, несмотря на большое количество позднеготических черт, это произведение Шонгауэра довольно близко подходит к новому ренессансному искусству.

Наибольшее влияние на творчество молодого Альбрехта Дюрера оказали гравюры и рисунки Мартина Шонгауэра, который познакомился с техникой резьбы еще в мастерской своего отца, золотых дел мастера. Слава и широкое распространение гравюр на меди работавшего в середине XV в. на Верхнем Рейне Мастера Е.С.⁴ (работал между 1435–1467 гг., известно более 300 гравюр на светские и религиозные сюжеты) побудили Шонгауэра обратиться к этой технике. Заимствовав у Мастера Е.С. некоторые приемы и технические достижения, Шонгауэр развил технику гравюры на меди до очень высокого уровня и, как позднее Дюрер, нашел в гравюре наиболее подходящую форму художественного самовыражения. Если живописец, резчик, скульптор или чертежник работали на заказ, то новый вид искусства, нацеленный на бюргерство, – гравюра на меди – позволял трудиться на свободный рынок, производить гравюры на продажу.

Ранние резцовые гравюры Шонгауэра еще слишком экспрессивны и динамичны, наполнены светотеневыми контрастами, выпуклой лепкой форм, резко характеризованными персонажами, например, «Успение Марии» (ок. 1471–1474), «Искушение Св. Антония», «Несение креста» (ок.

¹ Söder G. Martin Schongauer. Dresden, 1984. S.2.

² Цит. по: Söder G. Martin Schongauer... S. 30.

³ Либман М.Я. Дюрер и его эпоха. Живопись и графика Германии конца XV в. и первой половины XVI в. М., 1972. С. 51.

⁴ Кристеллер П. История европейской гравюры XV–XVIII вв. М.-Л., 1939. С. 61-62; Невежина В.М. Углубленная гравюра на металле // Очерки по истории и технике гравюры. М., 1941. С. 42.

1474), добившись в изображении выразительности, превосходящей возможности готической живописи и скульптуры. К концу жизни мастер освобождается от своей усложненной юношеской манеры и сообщает формам все большую простоту и лаконичность; внешняя взволнованность уступает место внутренней концентрации образа¹.

Следует отметить еще одну особенность творчества Мартина Шонгауэра, роднящую его с Альбрехтом Дюрером. Он тяготеет к изображению простого человека, причем народные жанровые сюжеты интересуют его сами по себе, не в каких-то иных целях. Заметен интерес мастера к природе, к согласию с ее умиротворенной тишиной настроения человека. Шонгауэр, одним из первых поставивший свои художественные способности на службу молодого бюргерского искусства гравюры на меди, достиг в нем результатов, равноценных произведениям живописи или скульптуры².

Основываясь на локальных традициях и творчестве нидерландских художников второй половины XV в., особенно на произведениях Рогира ван дер Вейдена, Шонгауэр сформировался в яркую творческую индивидуальность. Его искусство продолжало в целом оставаться позднеготическим, но оно достигло той ясности и внутреннего величия, которые являются чертами ренессансного искусства. Неслучаен тот широко известный факт, переданный Дж. Вазари, что молодой Микеланджело скопировал пером гравюру Шонгауэра «Искушение Св. Антония»³. Гравюра «Несение креста» была использована в своих произведениях не только Дюрером, но и нидерландским художником Гансом Мемлингом и итальянцем Рафаэлем⁴. Молодой Дюрер настолько находился под его влиянием, что в 1492 г. отправился в Кольмар, чтобы повидать знаменитого мастера, но не застал его в живых. Мартин Шонгауэр умер 2 февраля 1491 г. в Брейзахе или Кольмаре. Пометка, сделанная Дюрером на находившемся ранее в его собственности, но пропавшем ныне рисунке мастера Шона, подтверждает высокую оценку, данную нюрнбергским мастером Мартину Шонгауэру: «Dz hat der hubsch martin gerissen im 1470 jor do er ein jung gsell was. Dz hab ich Albrecht Durer erfarn und im zu eren doher geschriben im 1517 jor» («Это начертил милый Мартин в 1470 году, когда он еще был молодым. Я, Альбрехт Дюрер, узнал и в его честь здесь подписал в 1517 году»)⁵.

Среди современников Мартина Шонгауэра привлекает внимание анонимный Мастер Домашней книги (работал между 1475–1500 гг.), прозван-

¹ Герси Т. Шедевры немецкого Возрождения. М., 1984. С. 7; Герчук Ю.Я. История графики и искусства книги. М., 2000. С. 148.

² Söder G. Martin Schongauer... S. 7.

³ Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих: в 5 тт. М., 1995. Т.5. С. 273; Микеланджело. М., 2000. С. 5.

⁴ Либман М.Я. Дюрер и его эпоха... С. 197-198.

⁵ Söder G. Martin Schongauer... S. 25.

ный так по иллюстрациям, сделанным им в рукописи, так называемой «Домашней книге» семьи Вальдбург-Вольфегг (ранее он носил имя мастера Амстердамского кабинета, так как большинство его гравюр находится в этом собрании)¹. Этот художник известен как автор ряда живописных работ и гравюр, выполненных в технике сухой иглы. Наиболее знаменита его картина «Любовная пара» из музея в Готе. Это свадебный портрет молодой влюбленной пары, снабженный соответствующей надписью, выполненный вычурными готическими буквами. Позднегоготическая манера произведения проявилась в том, что художник не стремился к передаче портретного сходства моделей, но подробно выписал атрибуты сословной принадлежности юноши и девушки. В отличие от большинства своих современников Мастер Домашней книги предпочитал светские сюжеты как в живописи, так и в гравюре. Исследователи отмечают, что в красочном колорите картины, жизненной силе образов уже ясно проявились те черты портретного искусства, которые будут характерны для этого жанра светской живописи эпохи Возрождения². В раннем творчестве Альбрехта Дюрера, особенно в автопортрете 1493 г., гравюре «Прогулка» (1496/97) заметно влияние Мастера Домашней книги. Возможно, во время путешествия в качестве подмастерья 1490–1494 гг. молодой Дюрер останавливался на некоторое время в его мастерской во Франкфурте, где познакомился с оригиналами³.

Графическое наследие этого мастера поражает разнообразием тем (среди них аллегорические сюжеты, сцены охоты, пиров, геральдическая символика и др.), свободой художественного мышления, яркой повествовательностью. Созданные им сюжеты на бытовые темы современной жизни Германии второй половины XV в. демонстрируют острую наблюдательность, подчеркнутую реалистичность фигур и изображаемого пространства.

Третьим крупнейшим мастером второй половины XV в. был Михаэль Пахер (ок.1435–1498) – живописец и скульптор, имевший большую мастерскую, в которой создавались огромные алтари, сочетавшие в себе как скульптурные группы, так и живописную роспись створок⁴. Впервые он упоминается в 1462 г. как житель тирольского города Брунека, тогда же он создает свои первые работы. Известно, что мастер предпринял несколько поездок в Северную Италию, где непосредственно имел возможность познакомиться с работами Андреа Мантеньи, оказавшего на него непосредственное влияние. Пахер – один из немногих немецких художников второй половины XV в., кто обращался в поисках художественного опыта не на север, в Нидерланды, а к искусству Италии, страны, где заро-

¹ Кристеллер П. История европейской гравюры... С. 69-70.

² Либман М.Я. Дюрер и его эпоха... С. 54.

³ Eichler A.-F. Albrecht Dürer. Köln, 1999. S. 17.

⁴ Либман М.Я. Немецкая скульптура 1350–1550 . М., 1980. С. 143-161; Либман М.Я. Очерки немецкого искусства позднего средневековья и эпохи возрождения. М., 1991. С. 51-61.

дились и процветали к тому времени идеи Ренессанса. Возможно, это связано с тиро́льским происхождением мастера. Эта область Империи, расположенная на границе Германии и Италии, имела исторически тесные отношения со своим южным соседом, и новые идеи в той или иной форме попадали в тиро́льские земли. Поэтому соприкосновение с итальянским искусством было особенно плодотворным, так как имело уже подготовленную почву¹. Как позднее и Дюрера, Михаэля Пахера в Италии привлекли невиданные для Германии второй половины XV в. грандиозное видение мира, перспективное решение пространства, но главное – возвеличение человека как личности, как центра мироздания.

Среди работ Пахера наиболее известны два поздних творения мастера – алтарь отцов церкви для монастырской церкви в Нейштифте, находящийся ныне в Старой пинакотеке в Мюнхене (между 1475–1479 гг.) и алтарь церкви Св. Вольфганга у Абернзее (закончен в 1481 г.). Следует отметить, что ранее существовала другая датировка первого из названных алтарей – 1483 г. Но в настоящий момент предложенная Н. Расмо дата создания произведения между 1475 и 1479 гг. считается большинством исследователей наиболее правильной². В алтаре отцов церкви уже проявились ренессансные тенденции. Внутренние створки алтаря подчинены единой композиции: сидящие под резными балдахинами отцы церкви Августин, папа Григорий, Иероним и Амвросий показаны в момент внутреннего озарения, вдохновения, посещения их Богом в виде белого голубя.

Алтарь Св. Вольфганга поражает своим великолепием. Главный акцент сделан на скульптурной части, но наибольший интерес с точки зрения новаторства представляют живописные створки, в которых Пахер воплотил свои итальянские впечатления. В них появился сильный человек, привлекающий внимание не готической экспрессивностью, а именно силой и динамичностью внутреннего мира, что образует монументальный эффект сравнительно небольших композиций на створках алтаря. Пахер ближе всего из современников подходит к началу Возрождения в Германии. В скульптуре эти тенденции проявились в меньшей, а в живописи – в большей степени. Имя Дюрера также тесно связано с именем Михаэля Вольгемута (1434–1519) – нюрнбергского художника, владельца успешной мастерской. Мнения ученых о степени таланта Вольгемута расходятся. Часть исследователей считают его вполне даровитым художником, другие склонны называть его предприимчивым хозяином мастерской, который использовал в своих целях труд более способных учеников³. Как бы то ни было, главная его заслуга в том положительном влиянии, которое он оказывал на своих учеников, прививая им стремление сочетать реалисти-

¹ Седова Т.А. Старая Пинакотека в Мюнхене. М., 1990. С. 42.

² Цит. по: Либман М.Я. Очерки немецкого искусства... С. 55, 60.

³ Либман М.Я. Дюрер и его эпоха... С. 57.

ческие тенденции современного искусства с отличными ремесленными навыками. Сам М. Вольгемут, как и его учитель Г. Плейденвурф, находился под влиянием реалистического искусства Нидерландов, поэтому в его творчестве просматриваются вполне успешные попытки создать четко охарактеризованные и пластические образы в ясно построенном пространстве¹.

В мастерской М. Вольгемута наиболее распространенным видом гравюры стала книжная иллюстрация – ксилография. Михаэль Вольгемут трудился в тесном сотрудничестве с крупнейшим книгоиздателем и предпринимателем Нюрнберга Антоном Кобергером. В 1491 г. из типографии Кобергера вышел богато иллюстрированный сборник легенд из Библии и Евангелия «Schatzbehälter», автором рисунков был Вольгемут. В 1493 г. там же издается огромный труд Г. Шеделя «Всемирная хроника», в котором было помещено около 2000 иллюстраций, сделанных М. Вольгемутом, В. Плейденвурфом и учениками из мастерской Вольгемута². Часть гравюр исполнена весьма посредственно, нередко встречались повторения одной и той же картинки на различных страницах книги. В.С. Люблинский приводит следующие сведения: «Двадцать восемь изображений обслужили все папство, насчитывавшее к тому времени 198 преемников апостола Петра (все они упомянуты Шеделем), а для портретов 224 королей разных стран хватило всего 44 досок»³. Такой подход Вольгемута как главного иллюстратора «Хроники» к оформлению книги свидетельствует о традиционном средневековом ремесленном характере его мастерской, когда главная задача иллюстрации состояла в подтверждении текста, взаимодополнении словесного образа графическим, и наоборот.

Вместе с тем, в той же «Хронике» появляется иллюстрация нового типа, точно передающая реалистичные черты определенных ландшафтов, городов, исторических лиц и т.д. Например, насчитывается 23 изображения наиболее узнаваемых немецких городов, выполненных самим мастером или наиболее талантливыми его учениками, хотя эти ксилографии ничем не выделены из основной массы условных панорам. По-видимому, Вольгемут не осознавал новаторского характера сделанных им гравюр. Поэтому говорить о наличии в его творчестве ренессансных тенденций не приходится. Альбрехт Дюрер, обучавшийся в мастерской Михаэля Вольгемута, получив необходимые навыки ремесла художника, очень быстро перерос своего учителя.

Немецкое Возрождение часто называют временем расцвета талантов одного поколения – художников, родившихся примерно в 70-е гг. XV в.

¹ Герси Т. Шедевры немецкого Возрождения... С. 7.

² Сидоров А.А. Фабрикант М.И. Цветная гравюра на дереве // Очерки по истории и технике гравюры. М., 1941. С. 14; Eichler A.-F. Albrecht Dürer... S. 13, 35.

³ Люблинский В.С. На заре книгопечатания. Л., 1959. С. 86.

Их творчество имело уже определенные идейные истоки, было подготовлено более чем полувековой эволюцией немецкого искусства, находившегося под влиянием соседних стран, Италии и Нидерландов. Но фактор внешнего влияния, хоть и был значительным в XV в., не являлся единственным. Опыт, накапливаемый мастерами в течение XV в., способствовал выработке оригинального творческого начала. Постепенное развитие и изменение старой системы ценностей привело в итоге к мощному взрыву художественного потенциала в конце XV в. В творчестве старших представителей этого поколения перелом особенно нагляден.

ХОРОВОЕ ИСКУССТВО ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ: ВОКАЛЬНО-ХОРОВЫЕ ЖАНРЫ

*Е.Г. Штенникова
Ижевск*

Длительный исторический отрезок времени, начиная с середины XVII до начала XX в. музыкальное творчество Возрождения было в забвении, одна из причин, которого таится в области музыкального композиторского мышления. В истории развития музыкального искусства прослеживается некоторая закономерность смены одного музыкального направления другим. К примеру, искусство полифонии XV–XVI вв. уступает место гомофонно-гармоническому стилю, где главенствующим становится верхний голос, а остальные ему подчинены. Во времена Й. Гайдна, В. Моцарта, Л. Бетховена утверждается тонально-гармоническое мышление. Далее в романтическом направлении закрепляется принцип индивидуализации всех голосов. Поиск новых красок для обогащения музыкального языка в современном творчестве обратил взор композиторов на музыкальное искусство старых мастеров, в чьем творчестве ладо-тональная организация еще не сформировалась в полной мере. Так можно обнаружить лиричность фактуры в творчестве П. Хиндемита и И. Стравинского, разнообразные ритмические структуры у И. Стравинского, полиладовость и диссонантные созвучия у Б. Бартока, З. Кодаи, А. Оннегера и др.

Проблема генезиса и эволюции жанров также долгое время оставалась вне поля зрения ученых. В XX в. изучение отдельных жанров вокально-хоровой музыки стало предметом исследования таких ученых, как Э. Уилсон-Диксон, В. Конен, Н. Симакова, Е. Бронфин, Т. Дубровская, Ю. Евдокимова, М. Иванов-Борецкий, Ж. Кабарье, Л. Кершнер, И. Кузнецов, Т. Ливанова и др. Современное хоровое исполнительство требует от дирижеров, певцов хора не просто знания лучших образцов хоровой музыки, особенностей композиторского стиля и мышления, форм и жанров

вокально-хоровой музыки, но и глубокого понимания ведущих идей, воззрений, философии и современности, и прошлых столетий.

Вокально-хоровое искусство, как и другие виды искусства, по своему восприняло и воплощало гуманистические идеи своего времени. В работе Н. Семаковой отмечается, что «...увлеченность античностью носила косвенный характер из-за отсутствия собственно музыкальных образцов древнего мира», однако вопросы об античной культуре и музыке не остались без внимания ученых. Значительный вклад в утверждение гуманистических идей в музыке внесли Джозеффо Царлино и Николо Вичентино, последний, из которых создал трактат «Античная музыка, приспособленная для музыкальной практики современности» (1555 г.). Автор в трактате сделал попытку обосновать новую ладовую систему с хроматикой, установить связи с традициями древних греков¹. Принципы эпохи отразились также через обращение к древним языкам, ладам, метрике, в стремлении к яркой образности и доступности выразительных средств, расширении сферы светской тематики, освоении новых технических приемов письма, художественных принципов (программная изобразительность).

Расцвет полифонических достижений наиболее ярко проявился в ведущих вокально-хоровых жанрах профессионального хорового творчества. В том числе и в духовной музыке (мотет, месса), и в светских песенных формах, а также в мадригале, в котором аккумулировались возрожденческие принципы искусства. Следует отметить, что все жанры и формы, находясь в непрерывно тесной связи, все же имеют свои индивидуальные особенности и различия. Как бы ни влиял один жанр на другой, как бы не были сходны в них принципы развития музыкального материала, – условия их бытования накладывают собственный отпечаток на каждый жанр. Проявляется это в манере письма, фактурных особенностях, средствах выразительности, развитии тематизма, образности.

Абсолютно новым веянием эпохи стало проникновение народной музыки в профессиональную. И духовная, и светская музыка впитала в себя лучшие традиции народно-бытовой музыки². Нередко на богослужении, как в римско-католической церкви, так и протестантской церкви можно было услышать в мелодии мессы или хорале знакомую народную или городскую песню с духовным текстом. Например, Гийом Дюфаи смело использовал одну из своих собственных любовных песен и сделал из нее *cantus firmus* для своей мессы «Sela Faseay Pale», а в другой мессе он использовал военную песню «L'Homme Arme»³. Мелодия этой песни была настолько популярна, что вдохновляла многих композиторов на сочинение собственных месс на протяжении всех последующих столетий.

¹ Семакова Н. Вокальные жанры эпохи Возрождения. М., 1985. С. 4-9.

² Там же. С. 11

³ Уилсон-Диксон Э. История христианской музыки. СПб., 2001. С. 111.

К XV в. ординарий мессы стал излюбленным композиторским жанром. Он отличался особой торжественностью, сложной организацией цикла, и его структуру по праву можно было сравнить с ритуальным театром. Поразительная визуальная символика мессы была неразрывно связана с изысканной музыкой¹. И в тоже время мессе было свойственно чувство покоя, возвышенного поклонения, несмотря на какую-либо часть – торжественно-гимническую или молитвенную, скорбную или величественно-хвалебную. В мессах Я. Обрехта, Ж. Дебре, О. Лассо, Д. Палестрины потрясает ясность и отточенность имитационной формы, высокая контрапунктическая техника, яркость образов и эмоциональный посыл. Среди разновидностей мессы XVI в. следует выделить короткую мессу (*messa brevis*), состоящую из коротких частей, иногда не из всех частей полностью. К короткой мессе обращались фактически все композиторы того времени.

Еще одним новшеством XVI в. в сфере духовного музыкального творчества стали мессы-пародии. В своей основе композиторы использовали ранее сочиненные произведения, авторами которых могли сами и не быть. Взяв за основу многоголосное сочинение, композиторы придавали ему новую форму, обогатив современными музыкальными средствами выразительности. Наиболее значительные сочинения, заслуживающие особого внимания, стали мессы-пародии П. Сертона, К. Сермизи, К. Жанекена.

Наивысший расцвет мессы достигает в творчестве О. Лассо и Д. Палестрины. Восхищает не только высокий уровень этих произведений, но и множество тематического материала. О. Лассо за основу мог взять и светскую и духовную мелодию, также можно обнаружить связь с песенными жанрами, мотетом и даже мадригалом. В творчестве Д. Палестрины присутствовали различные типы месс: канонические мессы, мессы *cantus firmus*, сквозного имитационного развития, а также их синтез, есть и мессы-пародии и мессы-парафразы. Наряду с мессой вторым крупным жанром стал мотет. Его главной особенностью в начале XV в. стал переход к одноклассовому содержанию. Этому новшеству мы обязаны Леонелло Пауэру, Уолтеру Фраю и особенно Джону Данстейбл. Данстейбл опирался в своем творчестве на гармонические созвучия в таком сочетании, что звучание становилось мягким, светлым. Он перестал применять параллелизмы октав, кварт и квинт, что придавало его музыке новую свежесть, прозрачность и изысканный колорит.

Автор 500 мотетов, О. Лассо обобщил в этом жанре самые значительные достижения музыкального композиторского творчества, соединив нидерландскую полифоническую технику с особенностями мадригального письма, элементами бытовых форм с красочными декоративными эффектами многоголосных композиций итальянских мастеров. Его мотеты про-

¹ Там же. С. 51.

питаны насквозь духовными и светскими принципами и содержанием. В его духовных мотетах ощущается немецкая Lied, французская Chanson, хотя языком мотетов являлся латинский текст. Впервые мотеты объединяются в крупную, многочастную форму. Например, семь мотетов образуют цикл «*Psalmi Davidis Poenitentiales*». Его музыкальный язык изобилует разнообразием выразительных приемов, диатоникой в сочетании с альтерированными тонами и хроматизмами, нередко модуляции в далекие «тональности», яркие гармонические сопоставления, а именно кварто-квинтовые связи, как в мотете «*Alme Deus*».

Достоин внимания также жанр антема, который свое развитие получил в творчестве Томаса Галлиса, Орландо Гиббонса, Уильяма Берда. Антемы, являясь основой англиканской церкви, по мнению Э. Уилсон-Диксона, были центром «вознесения хвалы» в Королевской капелле, они перекрывали даже проповедь. Антемы позволяли реализоваться высочайшему мастерству и изобретательности композиторов капеллы. Их можно было сравнить с драматизированными духовными концертами. Уровень сложности большинства антемов был настолько велик, что их могли исполнять лишь в некоторых церквях¹.

Отличительной чертой музыкальной культуры этого времени явилось бурное, стремительное развитие светского искусства, выразившееся в широком распространении многоголосных песенных форм – немецких Lied, французских Chanson, испанских вильянсико, итальянских фроттол, а также мадригале. В отличие от мессы данные жанры развиваются достаточно свободно, опираясь на вкусы и запросы различных социальных слоев. Местом их бытования становится либо богатый королевский двор, либо салоны аристократов, либо княжеские капеллы. Излюбленными жанрами они стали и в демократической среде. В песенных жанрах произошло сближение профессионального и народного творчества. В музыке эта связь реализуется обычно путем прямого цитирования или обработки народно-бытовых, популярных напевов. Развитие светских жанров во многом способствовало становлению национальных композиторских школ. Особенности языка, строение поэтического текста, ритм стиха, своеобразие исполнительской манеры, – все это вносит индивидуальный колорит в вокальные жанры, отражается по форме музыкального сочинения, характере фактуры, интонационной и метрической организации мелодических голосов, создавая предпосылки для формирования и развития музыкальных национальных культур.

Chanson появилась во Франции в аристократических слоях еще в период раннего Возрождения. Но уже в XVI в. она была одним из самых популярных жанров, распространенных далеко за пределами Франции. Ее

¹ Уилсон-Диксон Э. История христианской музыки... С. 103.

содержание, чаще всего связано с образами любовной лирики, в которой повествуются истории о житейских радостях и невзгодах, о военных походах и сражениях, о любовных горестях. К концу XVI в. фривольная, грубоватая тематика песен, уступает место более утонченной поэзии Клемана Маро, Пьера Ренсара и др. Шансон прошла путь от полифонической песни до чисто аккордовой (П. Сертон). Первые попытки аккордового письма можно встретить еще у Я. Обрехта и Г. Изаака; позднее гармоническое начало отчетливо представлено в творчестве К. Сермизи, К. Жанекена, О. Лассо. Композиторы умело сочетают в хорах два типа фактуры: гомофонный и полифонический.

Творчество Жанекена изобилует программной песней, например, «Охота», «Война», «Пение птиц», где используются различные способы звукописи, короткие мотивы, мелкие длительности, частые репетиции звуков, разного рода контрасты. К числу крупнейших мастеров шансон следует отнести О. Лассо, написавшего 146 песен на тексты Ронсара и Маро. В своих песнях Лассо применяет смену ладовых устоев, ладовым варьированием, все каденции заканчиваются трезвучием с терцовым тоном в отличие от раннего Средневековья. Благодаря жанру шансон, музыкальное искусство Возрождения обогатилось многообразием поэтических сюжетов и форм, впитав в себя наиболее яркие народно-бытовые традиции.

Традиции немецких Lied, испанских вильянсико и др. светских жанров во многом переплетались с развитием вокально-хоровой культуры Франции. Однако каждый жанр отличался собственным содержанием. Немецкие песни исполнялись на немецком языке, впитали в себя духовные и светские крестьянские песни, творчество шпильманов (бродячих музыкантов) и в то же время профессиональное искусство средневековой церкви и замков (миннезанг), искусство мейстерзингеров, искусство городов и городской среды (студенты, солдаты, ремесленники, торговые люди). История развития немецкой песни тесно связана с идеями Реформации и историей протестантского хорала. Мартин Лютер тщательно отбирал народные песни, используя их в качестве мелодической основы своих хоралов.

Мадригал один из крупных вокально-хоровых жанров. На протяжении нескольких столетий претерпел значительную эволюцию от простой, незатейливой одноголосной пастушьей песенки до многоголосной вокально-инструментальной пьесы с текстом лирического содержания, поданного в утонченной, изысканной манере. Мадригал XVI в. был для 5-6 голосов и отличается от других жанров необычайной свободой, гибкостью в отношении композиционной структуры и метроритма, в котором нередко меняется тактовый размер, чередование имитационных разделов с аккордовыми.

В творчестве К. Монтеверди мадригал достигает наивысшего расцвета. Он один из первых обогащает мадригал инструментальной музыкой (виолончель, чемболо). Последние книги мадригалов, созданные компози-

тором, отличаются исполнительским составом. Это развернутые концертные арии, дуэты, трио с инструментальным сопровождением. Поздние мадригалы часто масштабны и многочастны. Что касается музыкального языка, то в мелодии встречаются ходы по аккордам, широкие скачки, речевая декламация, виртуозная импровизация, патетический стиль, стиль *lamento*, фактура удивительно прозрачная и ясная¹.

Обобщая, можно сказать, что эпоха Возрождения, благодаря композиторскому творчеству, внесла неоспоримо существенный вклад в развитие музыкального языка вокально-хоровой музыки, наполнив его блестящим искусством контрапункта, блестящими мелодиями, красочностью и сочностью гармоний, разнообразием фактуры, неповторимостью композиторских стилей и жанров.

ТРАДИЦИИ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА АМЕРИКАНСКОЙ ЗЕМЛЕ: ОПЫТ НЕМЕЦКОЙ ОБЩИНЫ ЧИКАГО XIX – НАЧАЛА XX В.

Т.В. Пантюхина
Ставрополь

Немецкая иммиграция в США приобрела массовый характер в 1820–1930-х гг. В течение указанного периода 5,9 млн. немцев переехали за океан. Не будем останавливаться на причинах этого явления, изученного не только американскими, немецкими, но и отечественными авторами². Обратимся к особенностям немецкой общины Чикаго, которая на протяжении долгого времени, вплоть до начала 30-х гг. XX в., являлась самой крупной этнической общиной этого многонационального города. Немцы, как и другие этнические сообщества, стремились сохранить культуру, традиции, обычаи и формы досуга своей родины.

Культурная жизнь чикагских немцев отличалась богатым разнообразием форм. Современные историки подсчитали в одной немецкой чикагской газете объявления о мероприятиях за 1898 г. В общей сложности было проведено 350 мероприятий. Это были концерты, вечера, бал-маскарады, избирательные кампании, политические митинги, ярмарки, гимнастические выступления, пикники, памятные годовщины, экскурсии.

¹ Бронфин Е. Клаудио Монтеверди. Л., 1970. 102 с.

² Богина Ш.А. Иммиграция в США накануне и в период Гражданской войны. М., 1965; Шкаревский Д.Н. Немецкая иммиграция в США в конце XVIII – XIX вв. К вопросу о численности и причинах / Мультимедиа журнал. Проект Ахей. Режим доступа – <http://mmj.ru/index.php?id=39&article=509&type=98>; Он же: Немецкие общины в США и России во второй половине XVIII – начале XX вв. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. историч. наук. М., 2006.

Танцевальный сезон продолжался с ноября по февраль. В одном только месяце январе было организовано 50 различных празднеств. В феврале в любой субботний день чикагскому немцу предлагалось на выбор девять бал-маскарадов¹.

Формами культурной жизни немецкой общины в Чикаго были общества хорового пения, гимнастические группы (Gesang und Turnvereine), региональные землячества (Landsmannschaften), театральные группы, а также обширные программы разнообразных мероприятий развлекательного характера в рамках благотворительных кампаний. Все началось с Немецкого гимнастического общества (Turnverein), созданного в Чикаго в 1852 г. На родине немцев гимнастические общества были видом досуга и в то же время формой общественно-политической жизни. Они зародились в Германии в начале XIX в. на волне подъема патриотического движения за освобождение от наполеоновского господства. Первое из них было создано немецким учителем Фридрихом Людвигом Яном (Friedrich Ludwig Jahn) в Берлине в 1811 г. Целью было воспитание немецкой молодежи в патриотическом духе, а также физическая и моральная подготовка к освободительной борьбе против наполеоновского господства². В Америку традицию гимнастических обществ привезли немецкие революционеры, покинувшие родину после 1848–1849 гг.³ Немецкие гимнастические общества в Америке также не были чужды политике. Члены Чикагского гимнастического общества с самого начала своей деятельности заявили о своей солидарности с антирабовладельческим движением. Общество расширяло свои ряды и процветало, превратившись к концу XIX в. во влиятельную организацию, задававшую тон политической и интеллектуальной жизни немецкой общины города⁴.

По образцу Немецкого гимнастического общества возникли многие другие общества и клубы. Их число росло. Вскоре почти каждое немецкое государство и крупный город были представлены в Чикаго своим хорошим или гимнастическим обществом. В некоторых из них членство было основано на принципе землячества: принимали только выходцев из «своего» города или государства. Немец из Франкфурта, к примеру, не хотел петь в хоре или заниматься гимнастикой в одном зале вместе с немцем из Гамбурга⁵. В Америке, как видим, сохранялась региональная неприязнь,

¹ Encyclopedia of Chicago. URL: <http://www.encyclopedia.chicagohistory.org/pages/512.html>

² Turnverein // Encyclopedia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/610381/turnverein>

³ German Americans // American Folklore. An Encyclopedia. By J.H. Brunvand. Garland Publishing, Inc. N.Y. & L., 1996. P. 684.

⁴ Seeger Eugene. Chicago: The Wonder City. Chicago: Geo. Gregory Printing Co., 1893. P. 108-109. URL: <http://archive.org/details/chicagowondercit00seeg>

⁵ Ibid. P. 109.

зародившаяся на родине иммигрантов, и это обстоятельство шло во вред общине американских немцев в целом.

Немецкие иммигранты оказали огромное влияние на музыкальную культуру Чикаго. Известные своей любовью к пению, немцы привезли в Америку и в Чикаго в частности, традицию хорового пения. Другим ценным вкладом немцев стало классическое музыкальное искусство. Появление собственного симфонического оркестра в городе стало заслугой немецких музыкантов. Первые концерты классической музыки прозвучали в Чикаго в 1850 г. Организатором и дирижером первого симфонического оркестра (он назывался Филармоническое общество) был Й. Дюренфорт. Правда, первые концерты не получили поддержки у чикагцев, и Й. Дюренфорт вскоре забросил музыкальную карьеру, занявшись бизнесом¹. Однако классическая музыка пробивала себе дорогу в Чикаго. Музыкальные коллективы возникали под разными наименованиями: Музыкальный союз вокальной и инструментальной музыки, Общество Мендельсона, Общество Оратории, Бетховенское общество и др.² В городе появился немецкий оперный театр. В путеводителях по городу рубежа XIX–XX вв. он характеризуется как всемирно известный центр классического искусства. «Это визитная карточка театрального Чикаго. Зрителя гарантировано ждет выступление высочайшего класса», – говорится в одном из путеводителей рубежа конца XIX в.³ В 1892 г. было открыто здание немецкого драматического театра имени Шиллера. Отчет о торжественном мероприятии по этому поводу напечатала газета «Нью-Йорк Таймс»⁴.

При всем огромном многообразии форм досуговой культуры, американские немцы более всего известны своей любовью к клубам. Как образно заметил один из президентов немецкого клуба *Germania Club*, «собери трех немцев вместе, и через пять минут получишь четыре клуба»⁵. На пике клубной активности в Чикаго действовало 452 немецких клуба, включая профессиональные, отраслевые, земляческие, гимнастические (*turnverein*), научно-популярные, музыкальные. Всех их объединяло стремление сохранить немецкую культуру и укрепить социальные связи. К тому же посредством клубов осуществлялась благотворительная деятельность.

Многие немецкие клубы существовали недолгое время. Самым долговечным и влиятельным оказался *Germania Club*. Этот клуб заслуживает особого внимания по ряду причин. За свою долгую и насыщенную исто-

¹ As Others See Chicago: Impressions of Visitors, 1673–1933 / compiled and edited by Bessie Louise Pierce. Chicago: University of Chicago Press, 2004. P. 120.

² Ibid.

³ Flinn John J. Chicago, the Marvelous City of the West: A History, An Encyclopedia, and a Guide. Chicago: The Standard Guide Co., 1892. P. 121.

⁴ New York Times. September 30. 1892.

⁵ Germania Club Building. Final Landmark Recommendation adopted by the Commission on Chicago Landmarks. August 5. 2010. City of Chicago. P. 3.

рию (1865–1986 гг.) клуб превратился в символ немецкого культурного наследия в Чикаго. Здание, специально построенное для клуба, внесено в список исторических памятников общенационального значения¹. История клуба Germania Club началась довольно необычно. В 1865 г. для траурной церемонии прощания с президентом А. Линкольном, погребальный кортеж которого провозили через Чикаго, собрались немцы-ветераны гражданской войны. Они исполнили хором подобающие случаю музыкальные произведения. Второе выступление этого непрофессионального коллектива состоялось в том же 1865 г. на благотворительном концерте в пользу инвалидов гражданской войны. Четыре года спустя, в 1869 г., коллектив оформился организационно как Немецкий мужской хор (Germania Männerchöre). Он пополнил ряд других немецких музыкальных коллективов города, которые назывались Орфей (Orpheus), Швейцарцы (Swiss), Тевтония (Teutonia), Фозен (Frohsinn), Лидеркранц (Liederkransz) и Чикагский мужской хор (Chicago Männerchöre). Вместе с этими музыкальными обществами Немецкий мужской хор развивал музыкальную культуру города. В начале творческого пути хором руководил Ганс Балатка (Hans Balatka), с именем которого связаны триумфальные выступления. Судя по рецензии на концерт хора в Кросби Опера Холле в 1870 г., в конце выступления публика неистово аплодировала и вызывала исполнителей выступать на бис, чего никогда ранее в городе не случалось. К тому времени в коллективе, который начинался с шестидесяти человек, уже было сто певцов. Им аккомпанировал оркестр, состоящий из 45 музыкантов. Оркестр, по мнению рецензента, играл на профессиональном уровне². Немецкий мужской хор (Germania Männerchöre) не был хором в современном значении этого слова. Его деятельность точнее передается словом «общество» или «клуб». Причем с самого возникновения это было общество для элитарных слоев немецкой диаспоры. Мероприятия поводились на высшем уровне. Ежегодные бал-маскарады Germania Männerchöre были лучшими в городе. Меню, танцевальная программа, модно одетая публика и божественной красоты маскарадные костюмы – все было «верхом совершенства», по словам журналистов газеты «Чикаго Трибьюн»³.

В летние месяцы хор участвовал в концертах на открытых площадках. К примеру, он участвовал в фестивале в Роце Огдена в 1870 г. Вместе с тридцатью двумя другими немецкими музыкальными обществами они организовали концерт в поддержку немцев во франко-прусской войне.

При столь активной деятельности Немецкому мужскому хору требовалось собственное помещение. Был организован сбор денежных средств, и к 1888 г. было собрано 100 000 долларов, а также заключен контракт с ар-

¹ Germania Club Building.. P. 21.

² Germania Club Building. P. 3.

³ Цит. по: Germania Club Building. P. 5.

хитектурной фирмой. К тому времени Germania Männerchöre, фактически являвшийся клубом, насчитывал 600 членов. Как говорилось в одной брошюре, выпущенной в ходе рекламной кампании по сбору средств, «клуб, в котором каждый из шести сотен членов платит по 20 центов в день, может позволить себе роскошь вести светскую жизнь в собственном помещении»¹. Строительство клуба было закончено в 1889 г. На торжественной церемонии открытия консул Германии в Чикаго назвал это здание «первым памятником общине американских немцев в Чикаго»². С точки зрения архитектурных достоинств это было выдающееся сооружение. На современных фотографиях это четырехэтажное кирпичное здание выглядит очень скромно на фоне небоскребов из стекла и металла. Однако для своего времени это было произведение архитектуры. Путеводители по Чикаго рубежа XIX–XX вв. называли его одним из красивейших клубов города³. Интерьеры клуба поражали роскошью отделочных материалов и убранства даже в то время, когда богатый декор был архитектурной нормой.

В течение последующих 97 лет, с момента открытия в 1889 г. и до роспуска в 1986 г., клуб был средоточием культурной жизни немецкой общины города. В 1902 г. он поменял свое название, отказавшись от имени Germania Männerchöre (Немецкий мужской хор) в пользу Germania Club (Немецкий клуб). Вполне возможно, что переименование связано с тем, что в клуб стали принимать женщин, а также в связи с тем, что деятельность была переориентирована на семью. Газета «Нью-Йорк Таймс» писала, что в Чикаго нет другого такого клуба, куда бы женщин принимали безо всяких ограничений и где бы женщины пользовались такими большими привилегиями⁴. Ежегодно клуб устраивал богатые рождественские празднества для детей, а в 1891 г. рождественскую ёлку впервые украсила гирлянда электрических лампочек⁵. Немецкий клуб, как видим, мог позволить себе новейшие технические достижения, едва они успевали появиться.

Важным направлением работы клуба было коллекционирование произведений искусства, выполненных немецкими мастерами. История коллекции началась в 1893 г., в год проведения в Чикаго Всемирной выставки, посвященной 400-летию открытия Америки Колумбом. После завершения этого мероприятия клуб приобрел несколько картин немецких художников, которые демонстрировались на выставке. Главным украшением коллекции стало керамическое мозаичное панно «Слава Германии». Этот экспонат

¹ Ibid. P. 26.

² Ibid.

³ Flinn, John J. Op. cit. P. 236; Rand, McNally & Co.'s bird's eye views and guide to Chicago. Chicago: Rand, McNally & Co., 1893. P. 99; Moses, John and Joseph Kirkland. History of Chicago. 2 vols. Chicago & New York: Munsell & Co., 1895. Vol. 2. P. 582.

⁴ New York Times. May 3. 1891.

⁵ Germania Club Building. P. 17.

был подарен Немецкому клубу правительством Германии. С того времени и до закрытия клуба в 1986 г. панно украшало главный зал клуба.

Как упоминалось выше, Немецкий клуб был элитарным. Газета «Нью-Йорк Таймс» в 1893 г. писала, что практически все известные чикагцы немецкого происхождения являются членами этого клуба¹. Современные историки уточняют: хотя в большинстве своем члены клуба, действительно, были немцами, он не был исключительно этническим по составу. В 1892 г. примерно 20% членов были американцами английского происхождения². Вне зависимости от этнической принадлежности, члены Немецкого клуба представляли собой элиту чикагского общества. В разное время сюда входили мэры, архитекторы, администраторы, крупные предприниматели. Рубеж XIX–XX вв. был периодом расцвета культурной деятельности немецкой общины. Накануне и в годы Первой мировой войны демонстрировать свою немецкую идентичность мероприятиями ярко выраженного этнического характера считалось непатриотично. Хотя Чикаго не сильно затронула волна антигерманской истерии, все же немецкие общества свернули свою деятельность. Резко сократилась численность клубов и других этнических организаций немцев. Germania Club переименовался в Клуб Линкольна, хотя и ненадолго: в 1921 г. он восстановил прежнее имя.

В послевоенный период лидеры немецкой общины города пытались возродить интерес соотечественников к историческому прошлому и культуре их родины. Но эти попытки оказались не очень успешны. Хотя чикагские немцы и продолжали участвовать в таких этнических праздниках как День Германии и Майский праздник, но уже без особого энтузиазма. Самым долговечным символом немецкой идентичности в городе оставался Немецкий клуб. Он прекратил свою деятельность только в 1986 г. Если следовать ассимиляторской парадигме, то можно сказать, что немецкие иммигранты расплавились в американском плавильном тигле. Однако их вклад в культуру США трудно переоценить. Именно выходцы из Германии привезли в США традиции новогодней елки, хорового пения и симфонического оркестра³. Вместе с другими этническими иммигрантскими группами они стояли у истоков многонациональной американской культуры, обогатив ее лучшим, что было в культуре Германии.

¹ New York Times. December 10. 1893.

² Germania Club Building. P. 17.

³ E.&M.Tiersky. The USA. Customs and Institutions. A survey of American culture and traditions. N.Y.: Regents Publishing Co., 1975, p.223.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА И НАУКА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЯТСКОГО КРАЯ

Л.Д. Макаров
Ижевск

Многолетние археологические исследования территории Вятского края привели к обнаружению и изучению значительного числа разновременных памятников. Заметное место среди них занимают и русские объекты. Впервые археологические памятники, позднее давшие находки русского происхождения, были описаны во второй половине XVIII – первой половине XIX в. И.И. Лепехиным, Н.П. Рычковым, П.С. Палласом, Е.Ф. Зябловским, а также различными авторами статей в вятской периодической печати (А.И. Герцен, В.Е. Блинов, Н.С. Иванов, Ф. Корнилов, В.А. Короваев, И.Е. Глушков, П.Н. Кулыгинский, М. Банников, анонимные авторы). Надо отметить, что русские древности выявлялись, по большей части случайно, еще в XIX – первой половине XX в. (П. В. Алабин, П.И. Лерх, Н.Г. Первухин, А.А. Спицын, М.Г. Худяков, И.М. Осокин, П.Н. Луппов, Н.А. Прокошев, М.В. Талицкий, А.П. Смирнов, Б.А. Васильев, М.П. Грязнов, А.В. Збруева и др.)¹.

Лишь со второй половины 1950-х гг. начались целенаправленные раскопки древнерусских (русских) археологических памятников. Первые исследования их широкими площадями предпринял Л.П. Гуссаковский, изучавший в 1956–1960-е гг. Никульчинское, Хлыновское, Вятское, Орловское городища, Никульчинский I, Хлыновский II и Орловский могильники². Им же при участии И.И. Стефановой проведена разведка в среднем

¹ Макаров Л.Д. История археологических исследований древнерусских памятников бассейна р. Вятки // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов, 1985. С. 45-46; Ванчиков В., Сенникова Л. Искатели древностей. Археологические исследования в Вятской губернии в дореволюционный период // По родному краю: Сб. краевед. мат-лов. Киров, 1991. С. 26-57.

² Гуссаковский Л.П. Вятка или Хлынов? // Кировская правда. 1960. 16 января; Он же. Из глубины столетий // Халтуринская правда. 1960. № 77. 29 июня; Воронин Н.Н., Гуссаковский Л.П., Никитин А.В., Раппопорт П.А., Седов В.В. Среднерусская экспедиция // КСИА АН СССР. 1960. Вып. 81. С. 92-94; Гуссаковский Л.П. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // ВАУ. Свердловск, 1962. С. 118-121; Он же. Древнерусский город Орлов (Совр. г. Халтурин) // КСИА АН СССР. 1967. Вып. 110. С. 102-105; Он же. Из истории русской Вятки // Европейский Север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова). Киров, 1999.

течении р. Вятки, в ходе которой удалось обследовать некоторые другие известные русские поселения и обнаружить новые памятники¹.

Разведочные работы в среднем течении р. Вятки проводились и ранее. Так, отряды Удмуртской археологической экспедиции, созданной в 1954 г. В.Ф. Генингом совместно с Кировским областным краеведческим музеем вели изыскания и на р. Вятке. В 1955 г. В.Ф. Генинг обнаружил русский православный могильник XVI–XVIII вв. в с. Гоньба, а В.П. Денисов – мощный (50-70 см) культурный слой XVII в. в центре г. Малмыжа и менее значительный (до 18 см) на многослойном поселении Буй I².

В 1957 г. Л.М. Еговкина обследовала большинство известных к тому времени городищ (в т.ч. и русских), материалы которых обобщил в приложении к отчёту В.Ф. Генинг³. В 1959 г. разведгруппа И.С. Вайнера осмотрела часть памятников на Средней Вятке и правобережье Моломы⁴. В 1961, 1962 и 1965 гг. разведочные изыскания на Вятке осуществила И.И. Стефанова, обследовавшая Шестаковское, Слободское, Подчуршинское, Кривоборское, Чижевское, Ковровское, Котельничское, Скорняковское городища и обнаружившая Бобровское, Кузнецовское, Векшинское селища⁵.

Обширные стационарные раскопки и разведки провели на территории Вятского края многочисленные отряды Камско-Вятской археологической экспедиции, созданной в 1973 г. Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. В первые годы исследовались русские поселения лишь нового времени в рамках хоздоговорных тем. С 1977 по 1990 гг. помимо таких же работ были проведены целенаправленные раскопки большинства ключевых древнерусских памятников, которыми руководили автор этих строк и

¹ Гуссаковский Л.П. Дневник Кировского отряда Среднерусской археологической экспедиции. ИА АН СССР и Кировского областного краеведческого музея в 1960 г. // Архив КОМК. НВ–75-41. Л.1-29; Стефанова И.И. Что нашли археологи... // Кировская правда. 1960. 28 августа.

² Генинг В.Ф. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в среднем течении р. Вятки в 1955 г. // Архив НМУР. Д. 4. Л. 15-16; Денисов В.П. Отчет об археологических разведках и раскопках Малмыжской и Буйской стоянок на р. Вятке // Архив НМУР. Д. 4. Л. 2, 10-14; Он же. Новые археологические памятники на Вятке // СА.1958. № 3. С. 111, 113.

³ Еговкина Л.М. Отчет об археологических разведках на Средней Вятке в 1957 г. // Архив КОМК. НВ–75-40. Л.1-25; Генинг В.Ф. Средне-Вятские городища: Приложение к отчету Л.М.Еговкиной 1957 г. // Там же. Л. 25-46.

⁴ Вайнер И.С. Отчет об археологических разведках на р. Молома (среднее и нижнее течение), Великая (устье) и селища «Городище» у поселка Первомайский Кировской области в 1959 году // Архив КОМК. НВ–75-39. 31 л.

⁵ Стефанова И.И. Отчет об археологических разведках на территории Слободского и Кирово-Чепецкого районов Кировской области 1961 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2259; Она же. Отчет об археологических разведках 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2519. С. 5-6; Она же. Отчет об археологических разведках 1965 г. // Архив АН СССР. Р-1. № 3100, 3100а. С. 5-6; Щелканов В.Г. Собрано экспедицией // Кировская правда. 1961. 22 ноября; Созонтов В. Следы наших предков // За коммунизм. 1966. 1 марта.

некоторые из его коллег по КВАЭ (Н.А. Лещинская, И.Г. Шапран, В.В. Ванчиков)¹.

В последние годы заметный вклад в изучение русских памятников Вятского края внесли и кировские археологи, в том числе и выпускники исторического факультета УдГУ, прошедшие профессиональную школу КВАЭ – Л.А. Сенникова и В.В. Ванчиков. Л.А. Сенникова, в частности, обнаружила Усть-Чепецкий могильник XIII–XV вв., раскопала могильник Гоньба XVII–XVIII вв., зафиксировала православные захоронения XIII–XVI вв. на территории Вятского Успенского Трифонового монастыря (Хлыновский I могильник), совместно с Т.А. Медведевой исследовала следы укреплений Слободского кремля и разрезы могил Слободского II могильника².

В.В. Ванчиков исследовал стратиграфию напластований посада г. Хлынова-Вятки в 1986 и 1989 гг. на улице Дрелевского, зафиксировал в 1989 г. разрезы православных погребений Хлыновского I могильника³, в 1997 г. провел осмотр, шурфовку и сборы материала на Шестаковском городище и обобщил все известные к тому времени данные по исследованию этого городка⁴. Достаточно квалифицированный анализ раскопок Л.П. Гуссаковского в кремле г. Хлынова-Вятки провел начинающий в те годы свой путь в археологию С.Д. Захаров⁵, успешно исследующий в настоящее время древнерусское Белоозеро и другие памятники Русского Севера.

¹ Макаров Л.Д. Русские археологические памятники в материалах Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета: хроника исследований // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск. 2002. С. 188-288; Он же. Вклад археологов УдГУ в исследование памятников русской колонизации Прикамья // Наука в УГПИ – УдГУ: история, современное состояние, перспективы. Ижевск, 2011. С. 52-60.

² Сенникова Л.А. Атлас археологических памятников Кирово-Чепецкого района Кировской области. Кирово-Чепецк, 1995. С. 29-36. Рис.6; 15-4, 7, 10, 11. Доп. рис. 1,2,3,4; Она же. Характеристика погребального обряда Усть-Чепецкого могильника эпохи средневековья // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера: (К 425-летию Преподобного Трифона Вятского Чудотворца). Киров, 1996. Т.1. С. 154-159; Она же. Топография археологических памятников // Слободской и слобожане. Слободской, 2001. С. 63-68; Она же. Захоронения позднего средневековья на Вятской земле // Музеи – хранители культурного наследия. Киров, 2009. С. 145-154.

³ Макаров Л.Д. История археологического изучения г. Вятки-Хлынова // Европейский Север в культурно-историческом процессе: К 625-летию г. Кирова. Киров, 1999. С. 55-56.

⁴ Ванчиков В.В. Итоги и перспективы археологического изучения средневекового Шестакова // Слободской и слобожане. Слободской, 1998. С. 14-18.

⁵ Захаров С.Д. Характеристика раскопок Л.П. Гуссаковского на территории Хлыновского кремля // Вятская земля в прошлом и настоящем: К 500-летию вхождения в состав Российского государства. Киров, 1989. С. 17-10; Он же. Раскопки Л.П. Гуссаковского в Хлыновском кремле // Европейский Север в культурно-историческом процессе: К 625-летию г.Кирова. Киров, 1999. С. 41-48.

В 1999 г. пермский археолог Н.Е. Соколова, при участии сотрудницы Кировского областного института усовершенствования учителей И.Ю. Трушковой, провела небольшие раскопки на Орловском городище и разведку на территории посада г. Орлова¹. В 2005 г. И.Ю. Трушкова обследовала Лальское городище XVI–XVIII вв. в бассейне р. Юг на территории прежнего Устюжского уезда Вологодской губернии (ныне Лузский район Кировской области)².

В 1992–2008 гг. обширный археологический надзор и охранные раскопки на территории посадской части города Вятки (Хлынова) осуществила Е.А. Кошелева. Ей удалось, помимо фиксации напластований в стенках котлованов и траншей, исследовать особенности посадских укреплений, а также обнаружить: двухъярусный горн для обжига глиняной посуды и изразцов; остатки кузницы с находками изделий, заготовок, тиглей, литейных форм и отходов производства; фрагмент деревянного водоотвода длиной 18,6 м. При этом выявлен многочисленный вещевой инвентарь XVI–XVIII вв.³.

Изучение посада продолжил в 2009 г. А.Л. Кряжевских⁴, им же проведены разведки в 2008–2012 гг. на Средней Вятке⁵. Перспективный исследователь получил необходимые навыки полевой работы на вятских поселениях в 2012 (раскопки Скорняковского городища под началом сотрудника КВАЭ Е.М. Черных и казанского археолога А.А. Чижевского) и 2013 гг. (изыскания в Хлыновском кремле под руководством сотрудника КВАЭ С.Е. Перевощикова, а затем уже самостоятельные исследования разрушающейся мысовой части Ковровского городища).

¹ Соколова Н.Е. Раскопки города Орлова Кировской области // Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники, 2001. С. 88-91; Соколова Н.Е., Трушкова И.Ю. Охранные работы в городе Орлове Кировской области // АО 1999 г. М., 2001. С. 207-210; Соколова Н.Е. Хозяйственные комплексы г. Орлова XIV–XVIII вв. // III Оборонские чтения. Пермь, 2002. С. 68-73.

² Трушкова И.Ю. Отчет о раскопках в исторической части п. Лальск Лузского района Кировской области в 2005 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26377; Любимов В.А. Лальск // ЭЗВ. Киров, 1994. Т. 1. Города. С. 186-200.

³ Памятники археологии Кировской области. Материалы историко-архивных и библиографических исследований: Справочник. Киров, 2011. Вып. 3. С. 41-43.

⁴ Памятники археологии Кировской области. Материалы историко-архивных и библиографических исследований: Справочник. Киров, 2011. Вып. 3. С. 43; Кряжевских А.Л. История изучения археологических памятников в черте современного г. Кирова // Вестник ВятГГУ. 2011. №2 (5). С.140-143.

⁵ Памятники археологии Кировской области. Материалы историко-архивных и библиографических исследований: Справочник. Киров, 2009. Вып. 1. С. 161-203; Там же. Киров, 2010. Вып. 2. С. 154-186, 197-200; Там же. Киров, 2011. Вып. 3. С. 43; Кряжевских А.Л. Разведочные исследования археологической экспедиции научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области в 2012 г. // Историко-культурное наследие – ресурс формирования социально-исторической памяти гражданского общества (XIV-е Бадеровские чтения). Ижевск, 2013. С. 90-93.

Обобщение итогов исследований русских древностей Вятского края подведено в диссертациях и публикациях автора и его коллег¹. В настоящее время накоплен солидный материал, позволяющий реконструировать русскую культуру Вятского края со времени появления здесь первых переселенцев из Древней Руси (вторая половина XII–XIII вв.) и вплоть до XX в. включительно².

РУССКАЯ ИКОНОПИСЬ XVI – XVII ВЕКОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Л.Б. Сукина
Переславль-Залесский

Как это не удивительно, памятники художественной культуры редко привлекаются исследователями в качестве исторических источников. Даже историками культуры они чаще всего используются всего лишь как иллюстрации выводов, сделанных на основе изучения письменных источников. Историческая наука обращалась к их источниковедческому исследованию лишь эпизодически³. И эти новаторские подходы, как правило не получали дальнейшего развития и продолжения в творчестве других исследователей. Вероятно, главная причина этого – неочевидность информационной ценности данных источников для историков. Их смыслы не лежат на поверхности, и их нельзя легко «снять» традиционными приемами внешней и внутренней критики источника. Поэтому перед исследователем неизбежно встает задача разработки методов источниковедческого анализа подобных источников. В настоящей работе рассматриваются возможные подходы к источниковедческому изучению русской иконописи XVI–XVII вв., по сути, являющейся

¹ Макаров Л.Д. Вятская земля в эпоху средневековья (по данным археологии и письменным источникам): Дис ... канд. ист. наук. Л., 1985. 763 с.; Он же. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. 143 с.; Он же. Древнерусское население Прикамья в X–XV веках: дис... докт. ист. наук. Ижевск, 2006. 795с.; Салангин Д.А. Круговая неполивная посуда Вятского края в XII–XVIII вв. (по археологическим источникам): Дис... канд. ист. наук. Ижевск, 1999. 497 с.

² Макаров Л.Д. Русская культура в Прикамье: особенности функционирования // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 351-352; Он же. Эволюция традиционной русской культуры в Прикамье: от средневековья и нового времени к современности // Национальная политика и традиционная народная культура. Уфа, 2010. С. 146-150; Он же. Русская духовность в памятниках истории и археологии Прикамья // Одونتология и поэтика Традиции: язык и текст. Ижевск, 2011. С. 39-49.

³ Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Воронин Н.Н. Архитектурный памятник как исторический источник (Заметки к постановке вопроса) // Советская археология. М., 1954. Вып. 19. С. 41-76; Подобедова О.И. Миниатюры русских исторических рукописей (К истории русского лицевого летописания). М., 1965; Плугин В.А. Мироззрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы): Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974.

«массовым источником» изучения сознания человека и общества этого времени, но не часто используемым в исследовательской практике¹.

В.А. Плугин, одним из первых обратившийся к источниковедческому изучению иконописи, дал почти исчерпывающую характеристику иконы в качестве исторического источника: «Специфика иконы как источника заключается, прежде всего, в том, что как всякое произведение искусства, она отражает образ мышления создавшего ее мастера (и, в конечном счете, общественную идеологию) гораздо более опосредованно, чем летопись или акт. А как произведение изобразительного искусства ставит дополнительную задачу расшифровки ее образного языка. Наконец, как типичное порождение культуры средневековья, обслуживающее, прежде всего, религиозные потребности общества, икона ограничена определенным кругом отвлеченных церковных сюжетов, а внутри каждого из них традиционной схемой его изображения (иконография), за которой не так легко разглядеть реальное историческое лицо художника и его эпохи»².

При исследовании мировоззрения Андрея Рублева на основе источниковедческого изучения его произведений В.А. Плугин, в силу идеологических ограничений, в условиях которых приходилось работать историку в 60-е–70-е гг. XX в., сосредотачивал свое внимание на «общественной идеологии», формировавшей мышление автора знаменитой «Троицы». Для расшифровки смыслов работ Андрея Рублева он привлек широчайший круг письменных источников: летописи, акты, памятники агиографии, богословские и полемические сочинения. В гораздо меньшей степени, им был использован иконографический метод, доказавший свою эффективность в искусствоведческом исследовании иконописи.

Введенный в практику отечественной науки знатоками русских древностей Ф.И. Буслаевым, Н.П. Кондаковым, Н.П. Лихачевым, Н.В. Покровским иконографический метод был вновь актуализирован на рубеже XX–XXI вв. в работах А.Л. Баталова, И.Л. Бусевой-Давыдовой, Н.В. Квливидзе, Н.И. Комашко, А.М. Лидова, В.Д. Сарабьянова, И.А. Шалиной, О.Е. Этингоф и др., посвященных изучению русского средневекового искусства и архитектуры. Особенностью «нового» иконографического анализа является

¹ В последние годы к источниковедческому изучению изобразительных источников обратились Д.И. Антонов, М.Р. Майзульс, А.Л. Юрганов. См., например: Антонов Д.И. «Пестрый зверь рысь»: антихрист в средневековой иконографии // Россия XXI. 2011. № 2. С. 30-49; № 3. С. 22-51; Антонов Д.И., Майзульс М.Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии. Семиотика образа. М., 2011; Юрганов А.Л. Художественный язык древней Руси как проблема (на примере Лицевого свода Ивана Грозного) // Россия XXI. 2013. № 3. С. 110-131.

² Плугин В.А. Мировоззрение Андрея Рублева (Некоторые проблемы): Древнерусская живопись как исторический источник. М., 1974. С. 3-4.

его комплексность, учитывающая исторические, филологические и богословские особенности исследуемых памятников¹.

Оба методических подхода могут быть использованы при источниковедческом изучении иконописи XVI–XVII вв. Исследование икон этой эпохи в качестве изобразительных исторических источников позволяет не просто расширить представления о русском религиозном сознании этого времени, но и выявить некоторые его аспекты, долгое время ускользавшие от историков².

Как уже отмечалось выше, произведения иконописи XVI–XVII вв., по существу, могут быть отнесены к «массовым источникам». В отличие от предшествующего хронологического периода иконы этого времени сохранились в музейных собраниях, действующих храмах и частных коллекциях в большом количестве. Особенно это касается XVII в., когда иконописанием занимались десятки мастеров в крупнейших монастырях и городах Русского государства, часто объединенные в артели и поставившие искусство иконописания буквально на поток³. Количество икон в то время превосходило все рационально мыслимые пределы. Как отмечает специально изучавший эту проблему С.Ю. Тарасов, «иконы на Руси в помещениях действительно ставились кругом, везде, где надо и не надо. И в XVI, и в XVII, и в XIX вв. их можно было найти не только в каждом доме, но и почти в любом общественном заведении...»⁴. «Домострой» предписывал ставить иконы в каждой комнате и столько, сколько только мог позволить себе их приобрести хозяин дома: «Каждый христианин должен в доме своем, во всех комнатах, развесить по старшинству святые образа, красиво их обрядив, и поставив светильники...»⁵.

Изучение икон XVI–XVII вв. позволяет выявить массовые религиозные представления и ценностные ориентации самых широких слоев населения Русского государства, а не только мировоззрение авторов иконных образов, сформировавшееся под влиянием «общественной идеологии», продуцируемой интеллектуальной деятельностью элиты Русской церкви, как это было в случае с произведениями Андрея Рублева. Исследуя русскую позднес-

¹ Баталов А.Л. К интерпретации архитектуры собора Покрова на Рву (О границах иконографического метода) // Иконография архитектуры: Сб. науч. трудов. М., 1990. С. 15-37; Квливидзе Н.В. Иконография // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. XXII. С. 44-47 и др.

² Подробнее об этом см.: Сукина Л.Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М., 2011. С. 192-292; Она же. Визуализация событий прошлого в русской иконописи между Средневековьем и Новым временем // Историческое знание и познавательные практики переходных периодов всемирной истории: Сб. науч. трудов / отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2012. С. 273-289.

³ Брюсова В.Г. Русская живопись XVII века. М., 1984.

⁴ Тарасов С.Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. С. 21.

⁵ Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 77.

редневековую иконопись как массовый источник, можно установить ее излюбленные сюжеты, иконографию и приблизиться к пониманию содержащихся в ней смыслов, оказавших влияние на религиозное и культурное сознание рядового человека того времени.

Особенностью иконописи XVI–XVII вв. является наличие в ней двух качественно различных пластов: массовой ремесленной иконы и авторской иконы работы прославленных иконографов. Ремесленная икона или, как ее называли в конце XVII в., «площадь» предназначалась для крестьян и низов городского населения. Такие иконы продавались на базарах с возов или разносились бродячими торговцами по городам и весям. Они отличались традиционными сюжетами и иконографией. Иконы Богородицы нескольких распространенных типов (Владимирская, Казанская, Смоленская, Федоровская, Тихвинская и т.п.), Спас, Николай Угодник, Иоанн Креститель и наиболее чтимые святые составляли круг образов, служивших религиозными и нравственными ориентирами рядовому населению. Выполненные по шаблону, небольшие по размеру они не предназначались для внимательного разглядывания. Их задачей было служить объектом религиозного поклонения и использоваться в домашних обрядах. В источниковедческом изучении ремесленной иконы вполне применимы количественные методы, позволяющие определить, например, распространенность культа того или иного святого в определенный период или в определенной местности.

Следует отметить, что «шаблонные образы», но только более высокого художественного качества, писали и царские мастера. Они предназначались для вкладов в церкви и монастыри, а также подарков, которые делали члены царской семьи. И, наоборот, царю, царице и их детям во время богомольных выездов и выходов в монастырях часто подносили памятные иконы, которые были списками с чтимых в данной обители образов. Так, С.Ю. Тарасов пишет, что под конец царствования Алексея Михайловича в Образной палате Московского Кремля скопилось 8200 подносных икон в окладах и без¹. Там же, по наблюдениям Н.П. Кондакова находилось множество образов, оставшихся от прежних государей и более 600 старых и ветхих икон². Изучение этого наследия могло бы дать дополнительный материал для установления связей, существовавших между царским двором и храмами и монастырями Русского государства.

Гораздо больший интерес не только для истории искусства и культуры, но и для исторической антропологии представляют подписные иконы, выполненные прославленными иконописцами указанной эпохи. Во второй половине XVI, а особенно в XVII в., иконы, на которых на оборотной или лицевой стороне указано имя мастера, уже не являются редкостью. И если

¹ Тарасов С.Ю. Икона и благочестие. С. 21.

² Там же. См. также: Кондаков Н.П. Современное положение русской народной иконописи // Памятники древней письменности и искусства. Т. СXXXIX. СПб., 1901. С. 55.

авторство художников XV века (того же Андрея Рублева или Дионисия), не говоря уже о более ранних эпохах, устанавливается гипотетически, на основе упоминания их икон или храмовых росписей в письменных источниках, то выявить авторов произведений, написанных после Стоглавого собора 1551 г. гораздо проще. Реализация проекта по созданию словаря русских иконописцев XI–XVII вв. со всей убедительностью показала, что подавляющее большинство известных нам по именам древнерусских художников относится к XVI–XVII вв.¹

Подписные иконы позволяют искусствоведам с достаточной долей достоверности на основе стилистического анализа выявить другие работы этого же изографа или иконы, написанные в его мастерской учениками и подмастерьями, определить его место и масштаб влияния в искусстве эпохи. Историком подписные иконы дают богатый материал изучения уровня развития художественного ремесла в целом в стране и по регионам, позволяют реконструировать отдельные эпизоды биографии мастеров, их участия в экономической, религиозной и культурной жизни городского социума.

Подписные произведения позволяют применить для изучения внутреннего мира их авторов в полном масштабе метод, разработанный В.А. Плугиным для исследования мировоззрения Андрея Рублева. Но у историка, который возьмется за осуществление такого исследовательского проекта, есть и определенные преимущества. В отличие от В.А. Плугина, который подчас был вынужден вставать на зыбкую почву гипотетических предположений и допущений, по крупицам реконструируя интенции сознания великого мастера Древней Руси на основе высказываний его современников по весьма отдаленным от его искусства поводам, исследователь идейной основы творчества художника XVI или XVII в. располагает гораздо большим количеством разнообразных письменных источников, достоверность которых не подвергается сомнению.

Во-первых, это обширный корпус источников, связанных с законодательством в области иконописания и формулировкой иконописного канона, установлением нормативного образца веры и благочестия. В его состав входят установления церковных соборов, начиная со Стоглава 1551 г., Уложение 1649 г., патриаршие и царские грамоты².

Во-вторых, точка зрения на иконопись, принципы работы художника-иконописца, сюжетную и иконографическую сторону искусства изложены в сочинениях самих изографов и представителей духовенства, специально

¹ Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / ред.-сост. И.А. Кочетков. 1-е изд. М., 2003; 2-е доп. изд. М., 2009. Словарь существует в сетевом электронном варианте на сайте издательства «Индрик» и постоянно пополняется новыми словарными статьями, а информация старых статей дополняется (URL: <http://www.rusico.indrik.ru>).

² Подробнее обзор этих источников см.: Сукина Л.Б. Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков... С. 70-104.

размышлявших по этому поводу. Начиная с Иосифа Волоцкого, написавшего трактат «О почитании святых икон» в начале XVI в., и заканчивая Дмитрием Ростовским, богословствовавшим по этому же поводу в начале XVIII столетия, эти взгляды проделали определенную эволюцию, внутренние этапы которой еще предстоит установить и детализировать их особенности.

Для того чтобы пояснить необходимость этой работы, приведем высказывания о смысле иконописного искусства обоих вышеназванных богословов. Иосиф Волоцкий впервые в русской богословской мысли сформулировал представления о смысле и назначении иконы, существовавшее у просвещенной верхушки православной иерархии: «Священные предметы ты почитаешь потому, что через них изволит действовать благодать Божия. Так же и ныне благодать действует через святые иконы, Честной и Животворящий Крест и прочие божественные и освященные вещи»¹. Дмитрий Ростовский рассуждает об иконописи в сочинении, направленном против раскольников, и утверждавшем, в том числе, взгляд официальной церкви о значении иконы: «В книзе убо писания не всяк читати сумеет ... на иконе же изображенная всяк и некнижный простец разумеет ... Очима же на изображение возрев, вся та абие умом объемлет, разумеет, познавает; и есть живописное художество скорейшая, внятнейшая и вразумительнейшая повесть, паче повести книжныя»².

В первом высказывании икона мыслится в качестве священного предмета, не постигаемого человеческим разумом ретранслятора божьей благодати, который нужно почитать, руководствуясь высокой верой в сакральное. Все сомнения в святости иконы являются ересью. Во втором, роль иконы снижается до доступного всякому живописного толкования Священного Писания и других книжных текстов. Такое толкование вполне объемлемо умом даже «некнижного простеца». В толковании Дмитрия Ростовского икона занимает в системе веры и благочестия примерно то же место, которое в католичестве отводилось картинам на религиозные сюжеты. Между этими двумя концептуально противоположными представлениями об иконе – двухсотлетний путь трансформации религиозного сознания русского человека.

Правомерно предположить, что переломные моменты, когда происходила смена мировоззрения как общества в целом, так и иконописцев, выступающих в роли его представителей, совпадали с теми временными промежутками, когда светская и церковная власть пыталась упорядочить систему идеологических установок или, наоборот, реформировала ее. Формирование общественно значимых точек зрения на веру, благочестие и иконописание после Стоглавого собора, во второй половине XVI в. еще предстоит исследовать.

¹ Преподобный Иосиф Волоцкий. Послание иконописцу / автор предисловия и переводчик со старославянского иеродиакон Роман (А.Г. Тамберг). М., 1994. С. 57.

² Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1745. Ч. I. Л. 6.

довать. Лучше известны перипетии событий середины XVII в., связанных с церковной реформой царя Алексея Михайловича и патриарха Никона и реакций на нее различных социальных слоев и групп общественных интересов. Эта реформа касалась, в том числе, и иконописи, причем ее результаты в этом отношении были далеко не однозначны.

Эстетическому аспекту обсуждения правил иконописания в XVII в. посвящена обширная литература, на критике которой мы останавливаться не будем, так как это выходит далеко за рамки нашего исследования¹. За довольно длинный период изучения и публикации памятников русской письменности XVII в. в научный оборот были введены одиннадцать известных нам источников, содержащих рассуждения о проблемах иконописания. Это восемь полемических сочинений и три официальных документа. Все они вызваны к жизни церковными реформами середины – второй половины XVII в., в той или иной мере взаимосвязаны и представляют собой существенно отличающиеся друг от друга, но при этом внутренне цельные, системы взглядов на иконопись современников раскола русской церкви. В обсуждении религиозного значения, целей, задач и художественных средств изобразительного искусства, нашедшей отражение в этих источниках, принимают участие лица, принадлежащие к разным социальным слоям православного общества, различающиеся родом своих занятий и отношением к официальной русской церкви. Это царь Алексей Михайлович, некие представители верхушки церковной иерархии, действующие от лица восточных православных патриархов, иконописцы Иосиф Владимиров и Симон Ушаков, близкие к придворным кругам книжники Симеон Полоцкий и Карион Истоминон, живший в Ярославле сербский архидьякон Иван Плешкович и духовный вождь старообрядчества протопоп Аввакум. Можно предположить, что круг участников дискуссии был гораздо шире, но не все из них пожелали или смогли высказать свое мнение в письменной форме, возможно также, что некоторые, написанные тогда тексты не дошли до того времени, когда их начали разыскивать и изучать историки русской культуры. Тем не менее, сочинения указанных диспутантов, очевидно, выражают не только их личную точку зрения, но и некие общие настроения и суждения, существовавшие в образованной части русского общества, для которой проблема «исправления» иконописания была тесно связана с их представлениями об ис-

¹ Укажем только основные публикации по этому вопросу: Буслаев Ф.И. Русская эстетика XVII века // Буслаев Ф.И. Сочинения. СПб., 1910. Т. II. С. 423-434; Дмитриев Ю.Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1953. Т. IX. С. 97-116; Овчинникова Е.С. Россия семнадцатого и восемнадцатого веков // История европейского искусствознания. От античности до конца XVIII века. М., 1963. С. 316-340; Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974; История эстетической мысли. М., 1985. Т. I. С. 422-438; Бычков В.В. Русская средневековая эстетика XI-XVII века. М., 1992.

тинной православной вере и ее состоянии в России в период реформ и в пореформенное время.

В иконостасах многих столичных и провинциальных храмов того времени были представлены образа, как старого, так и нового письма (об этом свидетельствуют хорошо сохранившиеся интерьеры некоторых московских и ярославских церквей XVII в.), которым прихожане поклонялись без какого-либо видимого предпочтения. Сложившуюся компромиссную реальность констатировал Симеон Полоцкий в своей более поздней беседе «О почитании икон святых», направленной против иконоборческого влияния протестантизма: «... аз всякий образ Христа бога нашего, аще живописанный, аще неживописанный, точию по чину церковному изображенный, наипаче аще есть имеяй подписание имени Христова, почитаю и лобзаю. Вем бо яко между многими тысящами образов Спасовых, негли едва един живому лицу Христову обрящется подобен»¹. Симеон в этом своем сочинении уже утверждал, что плохо написанные иконы не делают «безчестия» святым, а только показывают плохое мастерство художника. Поэтому почитать стоит даже «нелепо изображенные» иконы, ругать же следует «злохудожество»². А мнение городских иконописцев по поводу святых изображений высказал Гурий Никитин в летописи на стене расписанного его артелью Троицкого собора костромского Ипатьевского монастыря: «Всем же изографное изображение в духовное наслаждение во вечные века». То есть, с точки зрения и писателя, и художника, главное в иконе – ее внутренняя духовная сущность, а вовсе не внешняя красота образа, которая лишь способствует пониманию красоты «первообраза», но не является самостоятельной ценностью в религиозной православной культуре.

Завершение дискуссии об иконах и поклонении им компромиссом между богословами, высокопрофессиональными царскими и городскими иконописцами и рядовыми верующими, в том числе, и потребителями иконного «плошья», поставляемого на рынок сельскими «богомазами», является свидетельством кризиса религиозного мировоззрения, наступившим в пореформенное время. Этот кризис касался не только не слишком понятных большинству верующего населения богословских и ритуальных различий «старого» и «нового» обрядов в православии, но и отношения к традициям вероисповедания и их символическим формам в целом. Здесь мы полностью согласны с мнением польской исследовательницы поздней русской иконописи Б. Даб-Калиновской, что «анализ икон этого времени, а также теоретических богословских трактатов, посвященных художественным проблемам, обнаруживает сколь резко пошатнулись устои, как богословской мысли, так

¹ Былинин В.К. К вопросу о полемике вокруг русского иконописания во второй половине XVII века: Беседа «О почитании икон святых» Симеона Полоцкого // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. XXXVIII. С. 288.

² Там же.

и художественного творчества, устои, на которых базировалось своеобразие и ценность искусства, связанного с православной церковью»¹.

Обсуждение вопросов иконописания в XVI и XVII вв., в основном, касалось вопросов канона изображения Троицы и ее антропоморфных ипостасей (Христа и Саваофа), а также связанной с этим проблемой человеческих образов в иконных композициях². При этом многое, относящееся к канонической стороне произведений с заимствованной из Европы символикой и иконографией догматических сюжетов, осталось за ее пределами. Отвечая на вопросы, как далеко не всегда искушенный в богословских вопросах русский иконописец, а также рядовой верующий, который с середины XVI в., приходя на службу в храм, встречал там все новые и новые иконы с непривычными и сложными для его понимания изображениями, относились к этому явлению, как находили внутренний мировоззренческий компромисс между многовековой, передаваемой из поколения в поколение традицией и насаждаемой государством и церковью новизной, мы можем рассчитывать преимущественно, только на ту информацию, которую предоставляет в наше распоряжение сама иконопись.

Произведения иконописи XVI–XVII вв. (а у большинства из них, кроме всего прочего, установлено место происхождения или первоначального бытования) показывают, что даже в центрах митрополий, патриарших монастырях и обителях, через которые пролегали пути царских богомольных походов, бок о бок соседствовали образа с уже запрещенной иконографией и иконы нового письма, канон которого был только что утвержден церковными соборами. Например, сохранившиеся иконостасные комплексы и описи храмовых интерьеров подтверждают, что во многих церквях во второй половине XVII в. находились одновременно «Троица Новозаветная», «Отечество» и «Распятие». При этом две первые иконографические схемы были запрещены соборными решениями, а последняя только утверждалась в богослужебной практике.

В рамках настоящей работы, рассмотрены лишь некоторые аспекты источниковедческого изучения иконописи. Нам представляется, что у этого направления источниковедения могут быть большие перспективы, так как икона подчас бывает важным, а иногда и единственным источником, позволяющим исследовать такую сложную для исторического познания сферу как индивидуальное и общественное мировоззрение прошлого.

¹ Dań-Kalinowska B. Między bizancjum a zachodem: Iконы rosyjskie XVII–XIX wieku. Warszawa, 1990. P. 147.

² Об этом подробнее см.: Сукина Л.Б. Проблема «человеческого образа» в русской иконописи XVI – начала XVII в. // Философия в диалоге культур: Материалы Всемирного дня философии. М., 2010. С. 710-718.

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В ИЕРУСАЛИМЕ И ЕЕ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

*А.А. Зорина
Ижевск*

Вторая половина XIX в. – это период активного формирования отечественного византиноведения. Именно тогда в российском интеллектуальном сообществе Византия стала изучаться не только в качестве сопутствующего материала при воссоздании истории России, но и как самостоятельный объект научного познания. Тогда же в этой сфере наметилась тенденция к интеграции, координированию исследований и методик, к сотрудничеству представителей разных специальностей и воззрений, светской и церковной науки.

Заметную роль в процессе поиска, описания и изучения византийских источников играли как государственные научные организации, так и религиозные, зачастую расположенные за границей. Сведения о взаимоотношениях православного Востока и России, имеющие важное научное и политическое значение в условиях международной ситуации середины XIX в., поступали от частных лиц, паломников и путешественников. Именно для облегчения положения паломников была учреждена в 1847 г. Русская Духовная миссия в Палестине. Работа миссии была весьма многогранной и охватывала среди прочих вопросы, значимые для исторической науки. Наиболее ярко это проявилось в деятельности руководителей миссии – архимандритов Порфирия (Успенского) и Антонина (Капустина).

Архимандрит Порфирий (1804–1885) был направлен Синодом в Иерусалим в 1843 г. Имея специальные поручения по делам православной церкви, составляя отчеты о ее состоянии в Сирии и Палестине, он совмещал эту официальную деятельность с неофициальной – научной. Интерес к христианской истории сформировался у Порфирия (Успенского) еще в 30-е годы. Занимая посты настоятеля Русской Посольской церкви в Константинополе (с 1843 г.) и главы Русской Духовной миссии в Иерусалиме (с 1847 г.), он получил возможность на практике обратиться к изучению широкого спектра занимающих его вопросов¹. А именно: духовная и политическая жизнь восточных патриархатов и развивавшиеся там формы литургии; прошлая и современная Порфирию культура Афона и Синая; Афон и Русь; взаимосвязи Востока, Византии и России; переводы и исследования в области библеистики; изучение исторических и теоретических

¹ См. о нем: Герцман Е.В. В поисках песнопений греческой церкви. Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция древних музыкальных рукописей. СПб., 1996. С. 13-21.

материалов по церковной живописи; традиции христианского проповедничества; эпиграфика и история церковного летоисчисления.

Основная историческая заслуга архимандрита Порфирия состоит в том, что ему удалось собрать и ввести в научный оборот значительное число источников. Он считал, что приобретение рукописей должно быть целенаправленным и руководствоваться интересами Русской Православной Церкви. При этом преимущество отводится покупкам у частных лиц, тогда как монастырские и церковные библиотеки необходимо содержать в неприкосновенности¹. Многие из найденных Порфирием Успенским древних рукописей и книг на греческом, сирийском, арабском, грузинском и церковнославянском языках являются памятниками мирового значения. Поскольку каждая его находка требовала особых знаний, знакомства со специальной литературой, индивидуального способа исследования, то можно назвать его не только коллекционером, но и ученым – археографом, палеографом, историком церкви. Доказательством тому служит серия трудов архимандрита Порфирия по истории богослужения и церковных древностей православного Востока и Древней Руси.

Постоянной темой научного творчества Порфирия Успенского была церковная музыка. Интерес этот он объяснял стремлением обнаружить в византийской традиции истоки русского духовного пения. Отсутствие специального музыкального образования не позволило разрешить данную задачу, но собранная Порфирием коллекция византийских музыкальных рукописей значительно обогатила золотой фонд древнейших песнопений и представляет собой уникальный источник для познания истории богослужебного музыкального творчества.

Архимандрит Порфирий увлекался также церковной живописью. Он завещал Академии наук обширную коллекцию материалов по искусству. Собранные им рукописные и печатные источники для изучения живописи насчитывали несколько сотен листов. Среди них знаменитая Ерминия Дιονисия Фурноаграфиота, в которой греческий художник начала XVIII в. подробно изложил иконографические и технические наставления, рисующие картину поствизантийского иконописного мастерства. Архимандрит Порфирий открыл множество старых греческих икон на колокольне Синайского монастыря, а также одним из первых стал собирать образцы греческой миниатюры и станковой живописи.

Рукописи, найденные Порфирием Успенским, послужили основой фонда церковно-археологического музея Киевской духовной академии. В ней он впоследствии преподавал и в ее трудах публиковал свои статьи. О преданности архимандрита науке говорят и строки его завещания: «Капи-

¹ См.: Герд А.Л. Епископ Порфирий Успенский: из эпистолярного наследия // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 13.

тал завещаю Академии¹ с просьбою постепенно печатать мои сочинения, а именно: окончание Истории Афона в 2-х частях, юридические акты афонских монастырей; греческие, славянские и латинские надписи на зданиях и вещах там же; виды афонских монастырей; архитектура их и живопись там же... Едемские народы, исторические сношения церквей: Иерусалимской, Антиохийской, Александрийской и Константинопольской с церковью Российской...»².

Личность и деятельность Порфирия Успенского заслужили высокую оценку его современников – отечественных и зарубежных историков, археологов, искусствоведов. Сохранилась переписка Порфирия с известнейшими учеными своего времени – К. Тишендорфом, В. Гардтхаузенем, В. Розеном, И.И. Срезневским, П.И. Севастьяновым³. Теплые воспоминания о нем оставил и выдающийся исследователь византийского искусства – Н.П. Кондаков. Скупой на похвалы и достаточно сдержанный в своих оценках, Н.П. Кондаков отметил, что «заслуги Порфирия перед исторической наукой вообще и русской в частности, можно сказать, неисчислимы, а его роль на греческом Востоке могла бы составить блестящую страницу в русской истории прошлого века... Порфирий всю жизнь свою изнывал, желая деятельности, полезной государству и народу, церкви и стране, свободной от посягательств и мытарств русских канцелярий и дикой злобы русских властей»⁴.

Продолжателем дела Порфирия Успенского стал архимандрит Антонин Капустин (1817–1894). Настоятель Русских посольских церквей в Афинах (1850–1860), в Константинополе (1860–1865), он был назначен главой Русской духовной миссии в Иерусалиме в 1865 г. Архимандрит Антонин известен как активный деятель в истории российской политики на христианском Востоке и в истории русской церкви XIX в. Византист, нумизмат, археолог, собиратель и исследователь рукописей – это лишь некоторые стороны его многогранной личности.

В иерусалимский период жизни Антонина Капустина в 1882 г. было основано Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО), которое вело большую работу в области научного исследования истории, археологии, экономики и географии Палестины, Сирии, Финикии, Синайского полуострова, Аравии, Египта⁵. В Обществе трудились известные

¹ В 1891 г. при Императорской АН была создана комиссия по изданию трудов Порфирия Успенского.

² Цит. по: Иодко О.В. П.В. Никитин и его вклад в византинистику // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 147.

³ См. об этом: Герд А.Л. Епископ Порфирий Успенский... С. 18-21.

⁴ Кондаков Н.П. Воспоминания и думы // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки / сост., И.Л. Кызласова. М., 2004. С. 108.

⁵ Подробнее о деятельности ИППО см.: Семенов Д. Русское Православное Палестинское общество и его деятельность до войны 1914 г. // Новый Восток. 1925. № 8–9. С. 210-214; Тих-

ученые (А.А. Дмитриевский, Ф.И. Успенский, В.Н. Бенешевич, В.В. Латышев, И.Ю. Крачковский и др.). Оно снаряжало экспедиции, работало над публикацией источников. До Октябрьской революции ИППО в 160 томах и выпусках опубликовало множество научных трудов и литературных памятников, в числе которых древнерусские «хождения», тексты паломников латинских, греческих и южнославянских. Основными изданиями Общества были «Православные Палестинские сборники» и отдельные научные тома, которые распространялись в России и за границей. Постоянной темой этих публикаций становились византийско-русские контакты, для изучения которых ИППО организовывало и финансировало исследовательские поездки ученых¹.

Примечательна дальнейшая судьба Православного Палестинского общества. Наиболее яркие страницы его научной биографии относятся к началу XX века – самому плодотворному периоду деятельности. Обществу удалось пережить события первой мировой войны и русских революций. Оно было закрыто по решению НКВД в 1923 г., но уже два года спустя формально возобновило свою работу. В середине XX в., благодаря инициативе и стараниям Н.В. Пигулевской, Общество постепенно начинает возвращать себе высокий авторитет в научной среде. Сегодня ППО продолжает функционировать, можно констатировать также заметный рост исследовательского интереса к истории этой организации.

Однако вернемся к начальному этапу работы Общества. С именем Антонина Капустина тесно связана археологическая деятельность ИППО и Духовной миссии. Он начал активно приобретать земельные участки в исторических местах, в том числе – для будущих раскопок. Н.П. Кондаков вспоминал позднее в своих мемуарах, как «на скопленные и собранные отовсюду суммы скупал Антонин, не переставая, земли и владения, впуская лежавшие в Яффе и Иерусалиме, Вифлееме, Горнем Иерихоне, Хевроне и пр. В бытность мою в Иерусалиме, куда бы я ни задумывал выехать в окрестности, арх. Антонин или провожал, или ехал вперед и устраивал там в своем владении гостеприимную встречу с чаем, овечьим сыром, лепешками или хотя бы просфорами; везде были у него свои люди, всюду процветало хозяйство, со всего получалась польза. Он был большим любителем старины, искренно желал чему-либо научиться»².

винский С.Л. 90-летие Российского Палестинского общества // Палестинский сборник. 1974. № 25 (88). С. 3–6; Грушевой А.Г. Императорское Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов... С. 134–156.

¹ См., например: Лопарев Х.М. 1) Краткий отчет о поездке на Афон летом 1896 года. СПб., 1897; 2) Греки и Русь. Оглавление приготовленного к печати полного собрания историко-литературных и археологических данных для суждения о характере русско-византийских отношений (в хронологическом порядке с древних времен до 1453 года). СПб., 1898.

² Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. С. 108.

Археолого-археографические экспедиции, организованные ППО, изучали пути пилигримов в Сирию через Кавказ и Малую Азию, отыскивали греческие и описывали грузинские рукописи, исследовали архитектуру¹. Сам архимандрит занимался розыском и изучением письменных источников². За 45 лет пребывания на Востоке он собрал обширную коллекцию рукописей (частично переданную в дар РАО) и церковных артефактов, которые находятся в Эрмитаже. Будучи увлеченным коллекционером, знатоком памятников славянской и греческой письменности, архимандрит Антонин при этом не стремился к приобретению книжных сокровищ любой ценой. Он больше заботился о сохранении уже имеющихся коллекций, часто сам составлял каталоги рукописей и старопечатных книг, найденных им на Афоне, в Константинополе и Иерусалиме. Итогом этой скрупулезной работы стало введение в научный оборот значительного корпуса источников, в том числе по истории культурных связей Византии, Афона и Руси.

Примеры Порфирия Успенского и Антонина Капустина показывают нам насколько разносторонне одаренными личностями были эти люди. Они органично сочетали духовное призвание и религиозное поприще с научным трудом. Несомненные организаторские способности архимандритов послужили на пользу российской науке и церкви. Собранные ими коллекции икон, монет, рукописей стали известны не только конфессиональной среде, но также широким кругам знатоков и любителей истории, художественной старины. Все это позволяет высоко оценить вклад участников Русской Духовной миссии в Иерусалиме в дело изучения истории и культуры Византии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ВЛАСТЬ В ТАТАРСКОЙ АССР В 1940-е гг.

Е.В. Крылов
Ижевск

В истории нашей страны 1940-е гг. были достаточно противоречивым и напряженным периодом, в который уместились Великая Отечественная война, послевоенное восстановление экономики, формирование нового «образа врага» в массовом сознании, усиление государственно-партийного регулирования по отношению к науке и культуре.

¹ Подробнее об археологической деятельности ИППО см.: Беляев Л.А. Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. СПб., 2000. С. 200–203.

² См. о нем: Герд Л.А. Архимандрит Антонин Капустин и его научная деятельность (по материалам петербургских архивов) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб., 1995. С. 8–35.

В условиях утверждающегося тезиса о самодостаточности отечественной науки¹ возросло социальное давление на ученых, что выразилось в практике проработочных идеологических кампаний второй половины 1940-х гг. Они последовательно охватили литературу, философию, музыку, историю, экономические науки, естествознание, живопись. Некоторые современные исследователи приходят к мнению о том, что на появление идеологических кампаний большое влияние оказал внешнеполитический фактор, с которым можно связать и психологические изменения в сознании советского человека². Война инициировала процесс психологической переориентации личности в сторону вариативного мышления, критической оценки ситуации, ее сравнительного анализа. При этом в обществе все популярнее становилась мысль о внутренних переменах, затрагивающих само существо советского политического строя. Перечисляя социально-политические и экономические «болезни» страны (обнищание населения, отсутствие гражданских свобод, засилье чиновников, диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством³) представители интеллигенции надеялись на демократизацию внутренней политики, расширение народного участия в государственном управлении, неподцензурную свободу в творчестве: журналист С.Т. Морозов ждал политического заявления власти о переменах, литературный критик П.А. Кузько – «уничтожения сегодняшнего аппарата чиновников, сегодняшней партийной иерархии», Б.Л. Пастернак жаждал «свободы слова», А.Н. Толстой допускал «новый НЭП»⁴.

В этой связи примечательны слова члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова: «Миллионы побывали за границей, во многих странах. Они видели не только плохое, но и кое-что такое, что заставило их задуматься. А многое из виденного преломилось в головах неправильно, односторонне... Среди части интеллигенции и не только интеллигенции бродят такие настроения, пропади она пропадом, всякая политика. Хотим просто хорошо жить. Зарабатывать. Свободно дышать. Хорошо отдыхать... Поэтому настроения аполитичности, безыдейности очень опасны для судеб нашей

¹ См., напр.: Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 3–24.

² Гижов В.А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (По материалам Саратовской и Куйбышевской областей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 3–4; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск, 2006. С. 203; Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону, 1989. С. 309.

³ См., напр.: Спецсообщение Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / под ред. А. Н. Яковлева. М., 1999. С. 487–499.

⁴ Спецсообщение Управления контрразведки НКГБ СССР... С. 492, 493, 495, 497.

страны...»¹. И конечно же, при оценке идеологических кампаний второй половины 1940-х гг. нельзя забывать и о политических интригах в высших эшелонах советской власти². Но так или иначе, идеологические постановления ЦК ВКП(б) по вопросам науки и культуры были направлены на повышение идейности произведений научного и творческого труда. Под идейностью в них понимались осуждение «растленной» западной культуры и прославление существующего политического строя, утверждение советского образа жизни, патриотизма и единomyслия³.

Началась борьба против «низкопоклонства и раболепия перед Западом», «угодничества перед капиталистической культурой» – эти советские идеологические клише активно употреблялись первыми лицами советского государства⁴. Исторической науке настойчиво навязывались не только общие принципы функционирования, но и формировалось исследовательское поле, выделялись приоритетные с точки зрения советского историзма темы. От историков требовалось исследование актуальных тем сквозь призму текущего политического момента. К числу таких относилось: возвеличивание русского народа и его героев, прославление национальных достижений советской страны в различных областях науки и культуры, изображение истории народов СССР как единого процесса, освещение дружеского тяготения народов СССР к русскому народу⁵.

В Татарской АССР труды историков, языковедов, литературоведов, деятелей национального искусства должны были строго следовать подобной тематике с показом прогрессивного влияния России, не выставляя значимость мусульманского Востока. Главный критерий деятельности в условиях войны – патриотическая направленность произведений, идеологический контекст которых основывался на русских ценностях и примерах из русской истории⁶. В этом и заключалась практическая польза науки – реагировать и осмысливать новые требования, выдвигаемые интересами развития советского государства в конкретный исторический период.

К этому времени в регионе взамен многочисленных научных обществ 1920-х гг. был создан специализированный Татарский НИИ языка, литера-

¹ Шепилов Д. Не примкнувший. М.: ВАГРИУС, 2001. С. 89.

² Байрау Д. Предисловие // Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов / сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1994. С. 4.

³ Сонин А.С. ВАК СССР в послевоенные годы: наука, идеология, политика // ВИЕТ. 2004. № 1. С. 18.

⁴ Молотов В.М. Тридцатилетие Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 года // Большевик. 1947. № 21. С. 16.

⁵ Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Автореф. дисс... к.и.н. Барнаул, 2009. С. 15.

⁶ Кабирова А.Ш. Сороковые – роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. Казань, 2011. С. 156.

туры и истории. В его структуре был выделен сектор истории, заведующим которого стал А.Н. Григорьев¹. Главной целью сектора стала подготовка научной истории Татарии. Кроме того, одной из важных задач научной деятельности становится организация археологических исследований. Большое желание сотрудников института поднять уровень исторической науки в республике первое время сдерживалось недостатком квалифицированных кадров, слабым финансированием исследований (в частности, археологических работ, на что указывал А.Х. Халиков²) и, соответственно, слабым уровнем формальных научных коммуникаций.

С началом Великой Отечественной войны деятельность сотрудников института была прервана, многие из них ушли на фронт, в том числе и А.Н. Григорьев. Несмотря на приостановку научных исследований, начавшаяся война способствовала выходу местной исторической и археологической науки на новый уровень развития. В июле 1941 г. в ТНИИЯЛИ разместился эвакуированный из Москвы Институт истории АН СССР. На объединенном заседании сотрудников двух институтов в присутствии академиков О.Ю. Шмидта, Е.В. Тарле, Б.Д. Грекова, членкоров А.Ф. Ефимова, Е.А. Косминского обсуждались задачи в условиях военного времени. Штат был сокращен, остались лишь директор института Х. Шабанов и по одному научному сотруднику в каждом из четырех секторов. В секторе истории вся работа велась А.А. Тарасовым³. В конце 1941 г. в Казани оказались руководство и часть сотрудников ИИМК АН СССР во главе с М.И. Артамоновым. Вообще стоит отметить, что в 1941 г. в Казань были эвакуированы 33 академических института, в городе разместились треть научных сил АН СССР. Это стало возможно благодаря высокому научному потенциалу республики, где до войны функционировало 14 вузов и до 30 научно-исследовательских учреждений⁴.

В годы войны перед сектором истории стояли три основные задачи:

- 1) выявление и исследование источников и литературы по истории Татарии, разработка истории республики;
- 2) выявление, учет, описание и исследование памятников материальной и духовной культуры;

¹ Гильманов З.И. Развитие исторической науки // 50 лет поисков и открытий. Казань, 1989. С. 127.

² Халиков А.Х. Археология в ИЯЛИ КФАН СССР // 50 лет поисков и открытий. Казань, 1989. С. 150.

³ Файзрахманов Г.Л. Развитие гуманитарных исследований в сороковые – восьмидесятые годы (К 50-летию Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР) // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 99.

⁴ Каримов И.Р. Из истории организационного становления академической науки в Татарстане // Из истории Татарстана и татарского народа. Сб. статей молодых ученых и аспирантов Института татарской энциклопедии АН РТ. Казань, 2003. С. 152.

3) связь с фронтом и сбор, систематизация источников по истории Великой Отечественной войны¹.

Именно в это время началось тесное и плодотворное сотрудничество с Б.Д. Грековым, который осенью 1942 г. к 25-летию Октябрьской революции подготовил доклад «Волжские болгары IX–X вв.», а Н.Ф. Калинин рассказал о результатах экспедиций в сообщении «О болгаро-татарской эпиграфике»².

В целом высокий научный статус республики в конце войны был воплощен в создании филиала АН СССР с отдельным институтом языка, литературы и истории. В 1944 г. была создана специальная комиссия по организации Казанского филиала АН СССР, а 13 апреля 1945 г. вышло постановление СНК СССР № 745 «Об открытии филиала Академии наук СССР в г. Казани». Таким образом, помимо вузовской науки научные силы республики получили возможность развиваться в русле академического учреждения.

Проведение экспедиций в Татарской АССР с привлечением столичных ученых создало источниковую основу и ядро кадрового потенциала формирующейся казанской археологии. И в будущей перспективе идейное и методико-методологическое руководство способствовало активному обобщению имеющегося материала в виде археологической карты республики, монографий и многочисленных тематических сборников статей по древней и средневековой истории³.

Ближе к концу войны и в послевоенные годы активизируется археологическое изучение республики, вызванное необходимостью учета археологического фонда и составления археологической карты, а также – качественного изучения фактического материала. Под руководством Н.Ф. Калинина усиливается разведочная и раскопочная деятельность во многих районах Татарской АССР, что позволило не только привлечь к работам молодые кадры археологов, но и ввести в научный оборот обширный материал, который в свою очередь требовал новых подходов к анализу данных. Впоследствии открытые памятники позволили установить более точную картину развития культуры и этноса местного населения края от каменного века до средневековья. Задача научных обобщений ставилась и научным сообществом советских археологов в целом. На Всесоюзном археологическом совещании в марте 1945 г. отмечалось, что история страны предстает уже не в виде существования отдельных археологических культур, а как стройная и закономерно связанная цепь последовательных этапов развития... – от древнекаменного века (палеолита) до средневековья. Б.Д. Греков (1882–1953) среди актуальных задач советской археологии от-

¹ Файзрахманов Г.Л. Указ. соч. С. 100–101.

² Центральный государственный архив РТ (ЦГА ИПД РТ). Ф 7571. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

³ Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье, XVIII в. – конец XX в. Дисс... д.и.н. Уфа, 2002. С. 284, 285.

мечал расширение археологических изысканий на территории СССР (особенно в районах, до сих пор недостаточно обследованных) на основе единого общесоюзного археологического плана¹. К выполнению задач совещания казанские археологи приступили сразу. В плане научно-исследовательских работ ИЯЛИ КФАН СССР на 1946 г. под вторым пунктом значилось «выявление и изучение памятников культуры края различных эпох и составление Археологической карты ТАССР... Необходимо сплошное обследование территории ТАССР»².

Война сказалась и на научной работе – не доставало квалифицированных кадров, в ТНИИЯЛИ отсутствовало электроснабжение, кабинеты не оттапливались, «некоторые сотрудники института совершенно не были обеспечены дровами»³. Поэтому неудивительно, что планы научных исследований военных лет выполнялись не полностью. В январе 1944 г. на общем отчетно-перевыборном собрании парторганизации при ТНИИЯЛИ директор института Х.Х. Ярмухаметов (1904–1981) признавался, что не сумел правильно организовать научную работу и изучение трудов марксизма-ленинизма. На собрании отмечалось, что несмотря на военную перестройку планов научных исследований, они оказались не по силам институту, который к слову являлся «большим помощником ОК ВКП(б) и правительства Татарской Республики в разработке проблем культуры татарского народа»⁴. Серьезной проблемой института оставался недостаток квалифицированных кадров, на что в начале 1944 г. обращали внимание в партийной ячейке, отмечая что «ни дирекция, ни парторганизация не сумели еще практически и конкретно организовать авторские коллективы», «что институт вынужден поручать научно-исследовательские работы недостаточно подготовленным, неопытным научным кадрам»⁵. Даже к 1946 г. из 7 научных сотрудников сектора истории только один имел степень кандидата исторических наук⁶.

Связь ученых с партийными структурами республики прослеживается и по формируемой научной повестке дня. Надо отметить, что на протяжении конца 1930-х – начала 1940-х гг. менялись функции и методика планирования партийными органами научных исследований: из инструмента контроля и учета они превращались в инструмент развития научного потенциала и его эффективного использования. С появлением ТНИИЯЛИ усилия ученых, финансовые и материальные средства концентрируются на решении ведущих научных проблем (сплошное археологическое обследо-

¹ Всесоюзное археологическое совещание // Вестник АН СССР. 1945. № 4. С. 88, 93.

² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 398. Л. 25.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁵ Там же. Л. 12, 14.

⁶ Гильманов З.И. Развитие исторической науки // 50 лет поисков и открытий. Казань, 1989. С. 128.

вание региона, составление археологической карты, создание цельной картины древней и средневековой истории ТАССР), хотя ряд условий препятствовал этому. В частности, парторганизация ТНИИЯЛИ, созданная в августе 1942 г., устанавливала научные планы, формировала авторские коллективы для выполнения работ научно-исследовательского характера. На одном из партсобраний 17 марта 1944 г. было решено об издании в 1944 г. «Истории Татарии» в виде очерков, поскольку «при существующих научных силах, недостаточно квалифицированных, а также неразработанности ряда принципиальных вопросов, невозможно подготовить полный курс «Гражданской истории Татарии», в котором предполагалось осветить и темы, связанные с археологическим изучением региона. Данное предложение нашло поддержку в Академии Наук и в Обкоме ВКП(б)¹.

Планы научно-исследовательских работ института затем представлялись в Татарский обком ВКП(б), а после 1944 г., когда самостоятельность казанских историков в разработке научных проблем была ограничена, помимо этого подавались в Управление пропаганды ЦК ВКП(б) и в специальную комиссию АН СССР².

Упомянутый 1944 г. оказался важным для местной исторической науки как с точки зрения освещения дискуссионных проблем истории татарского народа, так и с точки зрения взаимодействия партийно-государственных органов с научными учреждениями республики. 9 августа 1944 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»³. В нем отмечалась запущенность массово-политической и идеологической работы в Татарской АССР, крупные недостатки в идейно-политическом воспитании ученых и творческой интеллигенции, что привело к серьезным ошибкам националистического характера в освещении истории татарского народа (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идигее).

Позже историк Х.Г. Гимади отметил связь науки с текущими вопросами политической жизни: «наши историки чрезмерно увлекались седой древностью и отходили от актуальных вопросов современности», а литературовед Г.М. Халитов сказал, что институт с первых дней своего возникновения взялся сразу за создание капитальных работ по истории Татарии, каждый год повторяя эти нереальные планы, упуская при этом актуальные

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1389. Л. 11.

² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1834. Л. 84.

³ Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.7 (1938–1945). М., 1985. С. 513–520.

вопросы¹. Татарскому обкому ВКП(б) в этой связи поручалось «тщательно проверить работу Татарского института языка, литературы и истории и в соответствии с результатами проверки принять необходимые меры»². Подобный документ появился и в других национальных республиках – Белоруссии, Башкирии³, и сыграл первостепенную роль в развертывании идеологической работы в тыловых и освобожденных районах⁴.

Современные исследователи по-разному оценивают данное постановление, зачастую уходя от объективного изучения не столько его последствий, сколько той исторической обстановки, в которой он возник. Между тем это было довольно сложное время не только для татарской науки, но и для всей страны в целом. В годы войны партийным органам, руководившим тыловой работой, приходилось терпеть недостаток в информации, кадрах, средствах, времени. В частности, еще до упомянутого постановления 1944 г. Татарский обком ВКП(б) обращал внимание низовых звеньев партийных органов на изъяны в кадровой работе, недостаточный уровень всей организационно-партийной и особенно пропагандистской работы.

А между тем сотрудникам ТНИИЯЛИ ничего не оставалось делать, как признать свою «тяжкую политическую ошибку». На закрытом собрании парторганизации института 30 сентября 1944 г. А.А. Тарасов признавался, что «у нас не было до сих пор политической заостренности в постановке серьезных научных вопросов», отмечая при этом поворот в сознании местных историков в сторону важного вопроса для понимания истории татарского народа – вопроса «создания централизованного русского государства»⁵.

Позже в предисловии и введении исторических исследований послевоенного десятилетия (статей, монографий, учебников) хорошим тоном считалось упоминать руководящую роль данного постановления, давать краткую характеристику допущенных историками ТАССР ошибок, как например, высказывал свои замечания к первому тому «Истории Татарской АССР» в

¹ Гимади Х.Г. Изучение истории Татарии в Казанском филиале Академии наук СССР // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. Казань, 1957. С. 155; Протокол № 20 закрытого партсобрания института языка, литературы и истории от 29/XI–1944 г. // ЦГА ИПД РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 83.

² Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения...» С. 515, 518–519.

³ Постановление ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.7 (1938–1945). М., 1985. С. 506–512; Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» от 27 января 1945 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.7 (1938–1945). М., 1985. С. 539–543.

⁴ История Второй мировой войны 1939–1945 в двенадцати томах. Т. 10. Завершение разгрома фашистской Германии. М., 1979. С. 423; Зинич М.С. Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг.: по материалам отраслевой промышленности. М., 1984. С. 160.

⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 71–72.

январе 1955 г. заведующий отделом науки и культуры Татарского обком КПСС К.Ф. Фасеев¹. Но иногда дело доходило до смешного, как например, на одном из заседаний Ученого совета историко-филологического факультета КГУ в 1946 г. декан факультета профессор А.Н. Вознесенский призывал коллег «при изложении исторического материала подчеркивать отрицательные стороны нашего исторического прошлого с указанием их и в других государствах Европы и Америки»². Ситуация вынуждала историков быть осторожными в оценках, в проведении грани между «героическим прошлым» народа и «идеализацией» его исторического прошлого, а также не допускать безразличия к местности, где геройствовали «славные предки»³.

Последствием августовского постановления для Татарского обкома ВКП(б) стала смена первого секретаря. Через несколько дней, 12 августа 1944 г., вместо В.Д. Никитина им был утвержден З.И. Муратов (1905–1988), первый руководитель областной организации из числа татар. Некоторые историки данное назначение оценивают как изменение вектора кадровой политике партии, уделяющей повышенное внимание продвижению лиц коренной национальности в руководящие структуры, как результат эволюции политического режима⁴.

Руководство республики получило строгие указания с требованием проводить тщательную работу по отслеживанию и недопущению проявлений национализма в деятельности творческой интеллигенции. Первые официальные отклики на ситуацию относятся к 6 октября 1944 г., когда на специальном заседании бюро обкома ВКП(б) было принято постановление «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории». В данном документе содержатся четкие научные ориентиры и указания: запрет на изучение периода Золотой Орды, поощрение изучения прогрессивного влияния присоединения Казанского ханства к русскому государству, участия татар в народных восстаниях против царизма, прославление достижений Татарии советского периода⁵.

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 4379. Л. 14.

² ЦГА ИПД РТ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 45. Л. 3 об.

³ Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): мифы и реалии (часть 2) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 2 (62). С. 7.

⁴ Кабирова А.Ш. Воздействие власти на деятельность татарской гуманитарной интеллигенции в 1941–1945 гг. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: материалы научной конференции. Казань, 2000. С. 129; Ее же. Влияние властных структур на массовое сознание населения в Татарстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 164.

⁵ Постановление Татарского областного комитета ВКП(б) «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» от 6 октября 1944 г. // Эхо веков. Гасырлар авазы. № ¾. 1996. С. 102.

Отмечая отсутствие должного руководства ТНИИЯЛИ, слабую научную квалификацию части его научных работников, низкий уровень их научно-исследовательских работ, замкнутость и оторванность института от общественности, от научных сил Казани, отсутствие квалифицированного обсуждения научных работ на Ученом совете института, Татарский обком ВКП(б) постановил снять с работы директора ТНИИЯЛИ Х.Х. Ярмухаметова, коренным образом перестроить научно-исследовательскую работу института, привлечь к этой работе не только татарских ученых, но и исследователей центральных научных учреждений страны.

Директором учреждения был назначен литературовед М.Х. Гайнуллин (1903–1985), его заместителем по научной работе стал профессор Н.И. Воробьев, в качестве внештатных научных сотрудников привлечены историки Е.И. Чернышев, Р.М. Раимов, московский археолог А.П. Смирнов¹. Кроме того, местный обком ВКП(б) выступил инициатором постоянной комиссии по истории Татарии при институте истории АН СССР, на которую возлагалась разработка наиболее сложных и неизученных вопросов истории татарской истории, редактирование научных и научно-популярных трудов ТНИИЯЛИ и составление проекта «Истории Татарской АССР» в виде очерков². Данный факт можно расценить как своеобразное научное руководство, которое имело свои традиции, в частности, в организации центральными научными учреждениями масштабных археологических исследований края 1930-х – 1940-х гг. Т.И. Оконникова усматривает в этом результат жесткой централизации во всех сферах жизни советского общества, проявившейся и в организации археологической науки Прикамья³.

Таким образом, постановление от 9 августа 1944 г. оказало важное влияние не только на научную жизнь, но и на общественно-политическую обстановку в ТАССР в целом, изменив условия жизнедеятельности национальной интеллигенции. Реализация постановления привела к ограничению ряда научных тем в национальной истории, произведений литературы и искусства. Постановление ЦК ВКП(б) для татарских историков явилось своеобразной программой действий, воплотившейся в различных каналах научной коммуникации (публикации, дискуссии, конференции). Говоря словами крупного историка того времени А.М. Панкратовой, под давлением идеологов ЦК ВКП(б) вынужденной признать «ошибки и недостатки» своей исторической концепции, создание истории национальной республики – вопрос не только научный, но прежде всего политический⁴.

¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1834. Л. 84.

² Постановление Татарского областного комитета ВКП(б) «Об ошибках и недостатках...» С. 103, 104.

³ Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2002. С. 103.

⁴ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б)(1944 г.) // ВИ. 1991. № 1. С. 190.

**СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ СССР
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.
(НА ПРИМЕРЕ СЦЕНИЧЕСКОГО ИСКУССТВА)**

*Н.В. Белошанка
Ижевск*

Со второй половины 1960-х и до середины 1980-х гг. развитие культуры в СССР определяла политика, основанная на культурном консерватизме, при котором функция культуры заключалась преимущественно в осуществлении идеологического воспитания на основе господства социалистического реализма при нивелировании эстетических различий. Этот период отмечен также усилением вмешательства в творческий процесс со стороны партийно-государственных инстанций, которое выразилось в поддержке официальной культуры и подавлении так называемой «псевдокультуры». В социокультурном отношении этот период определялся как своеобразное культурное «двоемирие», характеризующиеся расколом культурного пространства на санкционированную культуру и т.н. культурный андеграунд. Однако подобное разделение социокультурной структуры позднего советского общества представляется сегодня до некоторой степени упрощенным. Культурный процесс во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. сочетал в себе, казалось бы, несовместимые явления – усиление цензуры и одновременно появление высоких художественных шедевров, интеграцию культуры и параллельное дробление ее на субкультуры. Поэтому для того, чтобы правильно определить особенности социокультурного развития СССР, следует учитывать воздействие всех основных субъектов культуры – государства, массовой и элитарной аудитории, а также непосредственно деятелей искусства.

Под официальным полем искусства в СССР понимается, как правило, продукты культуры, выполненные по государственному заказу, получившие высокую оценку официальной критики, а также престижные государственные награды и премии. Однако необходимо отметить, что официальное поле культуры второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. существенно отличалось от художественных достижений предшествующих десятилетий. Поэтому можно оценивать вектор культурного развития, как возврат к политике культурного консерватизма, однако отождествлять его с моделью культурного развития 1930-начала 1950-х гг. и называть периодом «неосталинизма» не совсем корректно. Официально признанные произведения 1970-х гг. неоднородны, многие из них многозначны по содержанию и нуждаются в специальном анализе.

Период конца 1960-х – начала 1980-х годов был отмечен принятием ряда постановлений ЦК КПСС и Совета министров СССР, посвященных

празднованию важных, с точки зрения официальной идеологии, дат и юбилеев. На основании этих постановлений органы управления сферой культуры разрабатывали планы конкретных мероприятий в области литературы и искусства, которые и определяли, в конечном счете, основное направление развития официальной культуры. Кроме того, получила широкое распространение практика проведения всевозможных конкурсов и фестивалей в области драматургии, изобразительного искусства, архитектуры и кинематографа, а также закрытые конкурсы на лучшее произведение о наиболее актуальных, с точки зрения советского государства, проблемах современности. В каком-то смысле можно говорить, что структура этой части художественной сферы отражала определенные особенности не столько культурной, сколько социально-политической жизни нашей страны.

Одновременно само по себе приобретение министерствами культуры конкурсных произведений, еще не гарантировало их обязательное включение в репертуар театров. Поэтому основной задачей любого конкурса, проводимого министерствами, было не только привлечь внимание драматургов к той, или иной тематике, но и сделать так, чтобы эта тема нашла свое воплощение на сцене ведущих драматических и музыкальных театров. В приказе министра культуры СССР от 3 мая 1972 г. «Об итогах закрытого конкурса на лучшую пьесу о тружениках советской деревни» указывалось, что почти все поступившие на конкурс пьесы уже включены в репертуар театров страны. Этим же приказом министерствам культуры союзных республик предписывалось обеспечить переводы премированных пьес на языки союзной республики и их включение в репертуар театров. Однако только Малый театр принял к постановке пьесу молдавского автора Иона Друце «Птицы нашей молодости», получившую на конкурсе первую премию. Другие театры выбрали «своих» национальных авторов: Киевский театр им. И. Франко поставил пьесу М. Зарудного «Дороги, которые мы выбираем», а Казахский театр им. М. Ауэзова – комедию А. Тарази «Везучий Букен», никак не отмеченные конкурсной комиссией¹.

18 июня 1973 г. Коллегией министерства культуры СССР было принято специальное постановление «Об итогах Всесоюзного фестиваля драматургии и театрального искусства народов СССР», в соответствии с которым министры культуры союзных республик должны были, не реже одного раза в два сезона, проводить республиканские смотры спектаклей по произведениям национальных драматургов². Делалось это с целью улучшения межреспубликанского обмена в области драматургии и театрального искусства. Подобный обмен предполагал, что в театрах РСФСР должны осуществляться постановки украинских, грузинских и других националь-

¹ РГАЛИ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

² РГАЛИ. Ф. 2329. Оп. 2. Д. 1605. Л. 201.

ных авторов, и, наоборот, в союзных республиках должны идти произведения, создающиеся по госзаказу в РСФСР.

Безусловно, далеко не всегда такого рода произведения были востребованы как массовой, так и профессионально-элитарной аудиторией, но обобщать и говорить о том, что все произведения, создаваемые по госзаказу и отмеченные премиями, имели низкий художественный уровень, было бы неверно. Примером обратного могут служить пьесы Михаила Шатрова, которые все создавались в рамках государственного заказа, хотя и не все получили сценическое воплощение. Тем не менее, его театральная «лениниана» «Большевики» и «Синие кони на красной траве» увидели свет и были высоко оценены официальной критикой. Как представляется, система государственных заказов имела как положительную, так и отрицательную стороны. Наряду с тем, что она порождала порочную систему создания невостребованных произведений, написанных исключительно для министерств культуры, различного уровня, практика заказа служила поддержкой для различных групп советской творческой интеллигенции.

Другая составляющая культурного пространства второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. т.н. «неофициальное искусство», под которым следует понимать произведения, не вписывающиеся в официальную эстетическую концепцию. Произведения такого рода, как правило, не имели государственной поддержки и распространялись по каналам альтернативным принятому способу тиражирования, в числе которых самодельная звукозапись, «самиздат», тайные просмотры кинофильмов, показы студийных коллективов, камерных художественных выставок. Отдельно следует сказать о генеральных репетициях спектаклей, которые впоследствии были запрещены по тем или иным причинам. В эти годы запреты спектаклей, не отвечающих идеологическим требованиям, часто возникают именно после первых публичных просмотров – реакция зрителя, резонанс зала становится решающим оценочным фактором значимости спектакля. Поэтому позднее в конце 1970-х – начале 1980-х гг. публичные генеральные репетиции и прогоны отменяются, а приемные комиссии запрещают идейно-сомнительные спектакли еще до премьерных показов, прогнозируя реакцию зрителя.

Однако здесь следует отметить одно очень важное обстоятельство, которое часто упускают из виду те, кто критиковал партийные и государственные инстанции за жесткие критерии отбора. Не всегда при создании тех или иных художественных произведений, формировании театрального репертуара, создании и особенно прокате художественных фильмов идеологические и политические критерии были определяющими. Определенный процент запрещенных в этот период произведений не принимались не потому, что имели какой-либо идеологический изъян, а из-за невысокого художественного качества. Именно поэтому многие культурологи, иску-

ствоведы и даже сами деятели культуры говорят о высоком уровне развития культуры в 1960–1970-е гг., особенно в сравнении с современным ее состоянием.

С точки зрения большинства исследователей социокультурного пространства 1970-х гг. и «санкционированная» культура и культурный андеграунд являлись, своего рода культурными «резервациями», поскольку в силу разных причин не имели выхода на массовую аудиторию, и в принципе мало влияли на общественное сознание¹. Особенно это следует сказать в отношении неофициальной культуры. В большинстве случаев зритель выбирал некую промежуточную форму культурного продукта, и выбор этот очень редко сочетается с каким-либо интересом к произведениям официозно-пропагандистским или оппозиционно-новаторским. Именно поэтому большая часть советской творческой интеллигенции пыталась уйти от основного конфликтного противостояния «официальное – оппозиционное», искала компромисс между консерватизмом власти, интересами публики и творческими новациями.

В сценическом искусстве существовало две основные формы эскапизма: интерпретация классики и обращение к популярным жанрам. Мелодрама, детектив, комедия, оперетта процветали в драматических и музыкальных театрах, обеспечивая кассу, и тем самым баланс для протектируемого государством, но не популярного официального искусства. В качестве примера, можно привести пьесы Анатолия Сафронова – лауреата Сталинских и других Государственных премий, которые, несмотря на невысокий художественный уровень, пользовались успехом у зрительской аудитории.

Следует сказать, что не всегда разгромные рецензии официальной критики касались каких-то знаковых, или идеологически спорных постановок. Зрительский интерес, как правило, был обеспечен спектаклям, которые критики обозначали как мещанские, пошлые, отягощенные цинизмом и порочностью, а на самом деле, где все действие разворачивается вокруг отношений мужчины и женщины. Показательно, что в период 1970-х – начала 1980-х гг. выходит масса полемических статей о назначении советского театра, о его воспитательной функции. Театральные критики, как правило, проводили «линию» на сокращение в репертуарах театров «безыдейных», или как принято было писать, «мелкотравчатых» произведений. Критиковались режиссеры и сценические коллективы за то, что, идя на поводу у массового зрителя, осуществляли постановки подобных пьес: «Естественен интерес широкой публики к пьесе легкой и веселой, – писал один из критиков в начале 1970-х гг., – Плохая услуга зрителю и плохая услуга театру, которая побуждает его быть нетребовательным

¹ Художественная жизнь России 1970-х гг. как системное целое. СПб., 2001. С. 123.

в выборе репертуара и в средствах его воплощения»¹. Кроме того, некоторые критики отмечали облегченно-коммерческий, а не творческий подход режиссеров к современным постановкам².

Следует сказать, что театральные режиссеры, со своей стороны, редко соглашались с такой позицией критики. В частности известный эстонский режиссер музыкального театра «Ванемуйне» Карел Ирд, не разделяющий данную точку зрения, отвечал советским театроведам: «Критика, бесспорно, ошибается, когда думает, что пьесы пользуются успехом у зрителя именно потому, что они плохие и слабые. Просто в них содержится нечто такое, что волнует зрителей, и, несмотря на весьма посредственный уровень этих произведений, зрители все же приходят в театр смотреть их. Что привлекает широкую публику в этих пьесах, что волнует в них, – это, по-моему, и должно в первую очередь заинтересовать наших теоретиков театра и литературы, стать объектом анализа и изучения»³.

Тем не менее, следуя определенным установкам, официальная критика старательно привлекала внимание органов управления к ситуациям, когда подобного рода произведения ставились, либо активно эксплуатировались в прокате репертуара. Так, например, произошло с музыкальным спектаклем «Мама, я женюсь!», поставленным в Московском театре оперетты. После критической статьи в «Литературной газете» в августе 1977 г. спектакль был временно снят с репертуара. Автор произведения член Союза композиторов Азербайджанской ССР Р.С. Гаджиев обратился за разъяснениями к начальнику ГУК Мосгорисполкома В.С. Анурову. В ответном письме автору было сказано, что вопрос об исключении спектакля из репертуара не стоит, «однако театру указано, что оперетта «Мама, я женюсь!» не должна эксплуатироваться в ущерб другим спектаклям»⁴. Не помогли доводы автора, что это практически единственное произведение в репертуаре театра, написанное национальным композитором и через некоторое время спектакль был снят с репертуара совсем.

С этих же позиций активно критиковалась в 1960–1970-е гг. классическая оперетта. Показательна в этом отношении критическая статья композитора Ю. Смелкова: «...Все соглашались, – писал автор, – что удельный вес венской оперетты в сегодняшнем репертуаре некоторых театров не соответствует ее художественной ценности... Все течет, все меняется, и в любом виде и жанре искусства существование непреходящих ценностей никому не мешает пытаться создать новые непреходящие ценности. Необ-

¹ Струль М. «Между театром и зрителем» // Театр. 1972. № 1. С. 41.

² См. например: Мирский В. Размышления у всесоюзной афиши // Театр. 1983. № 11. С. 55-63, Швыдкой М. Что ищет театр? // Правда. 1983. 7 сентября.

³ Ирд К. Знать своего зрителя // Театр. 1971. № 3. С. 34.

⁴ ЦАГМ. Ф. 429. Оп. 1. Д. 2411. Д. 40.

ходимо бороться с пошлыми сюжетами и текстами»¹. В данном случае, во многом, такая позиция критиков была обусловлена необходимостью «подталкивать» музыкальные театры к постановкам произведений современных авторов, осуществляя политику госзаказа.

Самый распространенным способом компромисса в сценическом искусстве в СССР являлся репертуарный «дивертисмент». По этому принципу строилась репертуарная афиша всех советских театров. Поскольку театры были репертуарными, возможностей для применения этого механизма было предостаточно. Репертуарная программа должна была соблюдать известное соотношение между русской и зарубежной классикой, произведениями современных советских авторов. Проблема процентного соотношения в репертуаре театров советской и зарубежной драматургии хорошо известна. В репертуарной программе произведения современных советских авторов должны были составлять не менее 70% текущего репертуара, а зарубежная классика, и тем более современная западная драматургия в репертуаре советского театра, напротив, не должны были занимать значительного места. В соответствии с данными экспресс-информации министерства культуры СССР за 1985 г. на долю советских пьес приходилось 63-76% сводного репертуара драматических театров. На произведения же русской классики – 8-12%. Почти столько же приходилось на долю зарубежной классики и на пьесы современных зарубежных авторов, а именно 8-16%. При этом, театроведами и социологами, подготовившими обзор, указывалось, что приведенная структура сводной репертуарной афиши театров РСФСР сохраняет устойчивость на протяжении последних десяти лет². Что касается музыкальных театров, то к началу 1980-х гг. в репертуаре театров оперы и балета произведения советских авторов составляли 40%, а в театрах музыкальной комедии – более 60 %³.

По воспоминаниям многих деятелей сценического искусства для главных режиссеров и художественных руководителей театральных коллективов обычным делом был своеобразный торг: «Мы вам к знаменательной дате эту пьесу, а вы нам для искусства и зрителей разрешите ту... Мы вам – Вишневого, вы нам – Володина, мы вам – Погодина, вы нам – Розова и так далее»⁴. Кроме того, различные интересы можно было сочетать, изменяя частоту показа спектаклей. Заинтересованные в сборах театры реже показывали свой официозный репертуар и чаще кассовый. Кроме того, перед партийными съездами и пленумами ЦК КПСС репертуар ве-

¹ Смелков Ю. Вперед ...к «Баядере»! // Советская культура 1967. 13 июня.

² Театральная афиша и прокат текущего репертуара драматических театров РСФСР // Культура и искусство в СССР. Серия: зрелищные искусства. Выпуск 1. М., 1985. С. 2-3.

³ Культура и искусство страны Советов. М., 1981. С. 3.

⁴ Смелянский А. Я хочу тебя понять. М., 1991. С. 4.

дущих столичных театров пересматривался и «спорные» пьесы на время изымались из репертуара.

Интересен был и другой способ «обхода» запрета на постановку «спорных» произведений. Санкционированный процесс организации малых сцен профессиональных и любительских театров на самом деле был результатом инициативы творческой интеллигенции или самой публики, которая заполняла культурное пространство, не занятое официальной культурой. В ноябре 1984 г. в адрес секретаря ЦК М.В. Зимянина была направлена справка по оперативным материалам о «малых сценах» г. Москвы, в которой серьезной критике были подвергнута работа Главного управления культуры Исполкома Моссовета, а также союзного и республиканского министерств культуры: ««Из-за отсутствия должного контроля со стороны ГУК Моссовета, Министерства культуры СССР и РСФСР, – говорилось в документе, – на «малых сценах» г. Москвы и других городов под видом эксперимента стали появляться слабые в художественном отношении спектакли, имеющие подчас и серьезные идейные просчеты... Имеются факты, когда некоторые театры показывают на «малых сценах» пьесы без соответствующего разрешения Главлита. Органы культуры пока по-настоящему не занялись работой «малых сцен». Не определен порядок открытия и функционирования этих сценических площадок. В большинстве случаев они возникают стихийно, по инициативе отдельных режиссеров и актеров. Многие руководители театральных коллективов не выработали четкую идейную художественную программу своих «малых сцен», которая бы могла бы создать репертуар, отвечающий современным задачам»¹.

В 1970-е гг. был проведен ряд социологических исследований, в которых сравнивались аудитории различных видов искусства. Результатом этих исследований стало понимание, что театр как вид искусства имеет особую аудиторию, которая отличается более высоким уровнем образования, развитым художественным вкусом, большей социальной активностью. С другой стороны деятели театра не могли уйти во «внутреннюю оппозицию», работать дворниками, проводниками, сторожами, как делали это художники и писатели, потому что только соглашение с властью, компромисс с ней давал возможность режиссерам и актерам, сохранить себя в профессии. Подводя итог анализу социокультурного состояния СССР, можно сказать, что в советском сценическом искусстве существовало некое подобие баланса, в котором официально «отобранная» культура уравновешивалась эстетической «оппозицией», однако определяющее значение имели популярные произведения, не принадлежавшие ни к тому, ни к другому вектору развития.

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 209. Л. 18

ВЛИЯНИЕ ПРОТЕСТАНТИЗМА НА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УДМУРТИИ

Е.А. Чуракова
Ижевск

Возникновение протестантизма связано с движением реформации первой половины XVI в. В этот период значительная часть верующих во главе с Мартином Лютером выступила за возвращение церкви к апостольскому христианству, искоренению скверны, которая разъедает Римско-католическую церковь. Возникшее в Германии движение вскоре распространилось почти на всю территорию Западной Европы. Последующие события породили череду столкновений, кровопролитных войн между сторонниками и противниками Лютера, в ходе которых последние отстаивали своё право на инакомыслие.

Последователи протестантских учений в России появились в первой половине XVI в. Это были торговцы, мастера-специалисты. Им разрешалось на дому исповедовать свое вероучение. В Удмуртии представители лютеранства прибыли для работы на Ижевском, Воткинском заводах по контракту в начале XIX в. Для богослужений им было выделено здание, а впоследствии обустроена кирха. Но при этом существовал строгий запрет на распространение их учения среди других народов. Первые русские в Ижевске принимают лютеранство во втором десятилетии XX в.¹ К этому периоду относится и проникновение других течений протестантизма, но они незначительны и не оказывают большого влияния в регионе. Атеистическая эпоха на долго приостановила официальную деятельность протестантов. Небольшие группы, которые существовали в советское время, подвергались жёсткому преследованию властей.

Новый этап развития религиозного течения начинается с начала 90-х гг. XX в. Изменение законодательства, регламентирующего деятельность религиозных организаций, государственно-конфессиональных отношений приводит к восстановлению свободной деятельности конфессий в обществе. Миссионеры, представляющие протестантские течения многие из которых ранее были не известные на данной территории, проповедуют учение и основывают общины, оказывают им организационную, финансовую, методическую поддержку. Таким образом, свою деятельность в Удмуртии закрепили евангельские христиане баптисты, Адвентисты седьмого дня, христиане веры евангельской, пятидесятники, евангельские христиане в духе апостолов, новоапостольская церковь и др. Возрождается и, ранее

¹ Протестанты в Ижевске // [Информационный сайт г. Ижевска]. URL: http://www.iz-article.ru/protestanti_7.html (дата обращения 10.11.2013).

существовавшая здесь, лютеранская община, во главе которой становится В.Г. Вогау¹. Но коренным образом изменяется её этнический состав. Если в дореволюционной Удмуртии лютеранами были немцы, то 90-е гг. XX в. – русские, удмурты и другие. Сама община не смогла оказывать существенного влияния на конфессиональное пространство республики и остается на сегодняшний день незначительна по числу последователей.

Другим ярким явлением стало взаимодействие между финно-угорскими народами. Развивая удмуртско-финские культурные контакты Хельсинский филиал Института перевода Библии оказывал помощь православному священнослужителю и учёному М.Г. Атаманову в переводе текста Священного писания на удмуртский язык. В ноябре 2013 г. состоялась торжественная презентация перевода.

На сегодняшний день протестантские деноминации занимают 1/3 этноконфессионального пространства республики, активно конкурируя за верующего с православием, исламом. Последнее вызывает резкую негативную реакцию традиционных конфессий.

Выявляется неоднозначная ситуация: протестантизм, не имеющий глубоких историко-культурных корней, развивается быстрыми темпами, приобретает большое число последователей. По мнению автора, данная тенденция связана, прежде всего, с эклектичностью, неоднородностью мировоззрения современного простого обывателя. В нем органически переплетаются идеи, присущие как разным традициям, так и навеянные современной масскультурой. Примером тому может служить широкое распространение в обществе восточного искусства фэн-шуй, различных удмуртских и славянских языческих оберегов, которые в быту используются параллельно с христианскими или мусульманскими религиозными атрибутами, предметами культа.

Именно синкретичность сознания современного человека, к которой лояльно относятся протестантские церкви, позволяет последним широко распространяться в обществе и в чем-то даже вести конкуренцию с РПЦ. Положительное отношение ко многим жизненным ситуациям (например, разводам и т.д.), поощрение труда, идея накопления капитала, отсутствие характерных для православия стандартов в одежде, пище, обрядности делают протестантизм понятным, лёгким для восприятия. Все, что требуется на первых порах от пришедшего в церковь человека, это вера в Бога. Далее идёт процесс более глубокого вовлечения индивида в общину через его закрепление за определённой группой, которая берёт над ним патронаж, содействует углублению личного религиозного чувства, оказывает помощь в разрешении возникающих жизненных трудностей. Человек

¹ Ильинский С.И. Государственно-конфессиональные отношения в Удмуртской Республике: опыт вероисповедальной политики в регионе (1991–2002 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 83.

постепенно втягивается в общинную атмосферу, становится активным членом церкви. В практике данной конфессиональной социализации индивида опасной видится такая черта, как фокусирование человека на определенной системе взглядов, на определенной группе, и жесткое неприятие людей с иным мировоззрением и взглядами. Люди, пришедшие к вере в Бога через протестантизм, в большинстве своём уже считают себя очищенными от грехов, из этого принципа выстраивается ориентация на активную миссионерскую деятельность; создается своеобразный психологический барьер между своими и теми, кто еще грешен, и кого необходимо привести к прозрению. При вовлечении индивида в общину ему стараются указать на недостатки православия – громоздкую структуру церковной службы, сложность в понимании обряда, на то, что молитва перед православными иконами есть поклонение идолам и т.д. Личность, слабо разбирающаяся в тонкостях, традициях православия, положительно воспринимает подобную критику и делает свой выбор в пользу протестантизма с его более глубоким изучением религиозных текстов.

Существуют и другие варианты «вхождения» человека в протестантизм, например, рождение в протестантской семье, влияние молодёжной субкультуры и т.д., но приведённый выше пример в ходе исследования указывался опрошенными наиболее часто.

Выводы о том, чем грозит этноконфессиональному пространству России в целом и Удмуртии в частности активное включение в него протестантских деноминаций ещё предстоит сделать. Уже сейчас можно констатировать, что за двадцать лет свободной деятельности на территории страны протестантизм укрепился, адаптировался к российской действительности. Развитие не только русского, но и национальных служений делает его более доступным, понятным другим народам республики. В тот же самый момент протестантизм перекраивает традиционный культурный код региона. Учитывая практику многодетных семей в протестантской среде, стоит учесть, что в последующем доля верующих протестантов будет увеличиваться как естественным путем, так и через миссионерскую проповедь. На фоне низкой рождаемости православного населения – это так же приведет к усилению вымывания традиционной культурной матрицы. И как следствие будет наблюдаться усиление конкуренции между протестантами и православными в этноконфессиональном пространстве республики и России в целом.

МУЗЕИ И ЭКСКУРСИОННЫЙ ОПЫТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИМ. КУЗЕБАЯ ГЕРДА: ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ И СВЕРШЕНИЙ

Т.И. Останина
Ижевск

Национальный музей Удмуртской Республики имени Кузебая Герда - ныне крупнейший в Удмуртии научно-исследовательский центр истории и культуры. Это не только музей с ценной коллекцией, насчитывающей более 161 тысячи предметов, но и место проведения масштабных выставок и мероприятий республиканского и международного уровня. В красивейшем здании Ижевска – реконструированном специально для музея старинном Арсенале – принимают высоких гостей Удмуртии, проводят фестивали и праздники. 24 апреля 2000 г. постановлением Правительства Удмуртской Республики музею присвоено имя первого удмуртского поэта и прозаика, фольклориста и этнографа, переводчика и публициста, активного участника становления музейного дела в 20-х гг. XX в. – Кузебая Герда.

Этапы большого пути

Конец XIX – начало XX в. Предыстория.

Первые музеи на территории современной Удмуртии были созданы в первой трети – середине XIX в. Ими стали «заводские музеумы», организованные на Ижевском и Воткинском железоделательных заводах, основанных графом П.И. Шуваловым в 1759–1760 гг. В «музеумах» хранились минералогические коллекции, образцы заводской продукции, отечественного и зарубежного оружия, модели, инструменты, а также изделия выпускников учебных заведений, существовавших при заводах. Учащиеся использовали эти материалы в качестве учебных пособий.

В октябре 1909 г. в Сарапульском уезде появился первый публичный музей – Сарапульский земский музей. Его первыми поступлениями стали личные коллекции – дары учредителей энтомолога Л.К. Кругликовского, врача Ф.В. Стрельцова, этнографа Н.Е. Ончукова, священника Н.Н. Блинова. К 1913 г. в фондах музея насчитывалась более 2,3 тысячи предметов. Это были этнографические материалы, а также коллекции насекомых и бабочек, картины художников XIX – начала XX в. Коллекции археологи-

ческой керамики поступили в музей в результате раскопочно-разведывательных работ 1910–1913 гг. под руководством Л.А. Беркутова, уроженца Сарапула, первого археолога в местной исследовательской традиции, получившего профессиональное образование.

Идея создания музея охватила и жителей поселка Ижевский завод Сарапульского уезда. По числу населения поселок намного превосходил как уездный центр, так и губернский город Вятку (по переписи 1897 г. в нем проживала 41 тысяча человек). Однако в связи с начавшейся Первой мировой войной создание музея пришлось отложить.

1919–1920 гг. Открытие музея.

К организации музея в Ижевске, получившем к этому времени статус города, приступили в 1919 г., после того как Сарапульский уездный отдел народного образования получил из губернского центра запрос о возможности создания такого учреждения. В октябре в Ижевске была образована музейная секция гороно. Ее основной задачей было «открытие Музея местного края с отделениями этнографии, археологии, художественным и природы»¹. В секцию вошли три учительницы (до нас дошло имя лишь одной из них – Н.Д. Чемоданова) и священник Александроневского собора К.П. Травин – человек с высшим образованием, имевший опыт работы в Петроградской комиссии по охране памятников старины и искусств и знавший музейное дело.

Осенью 1920 г. подготовка к открытию музея вступила в завершающую фазу. Учительницы из музейной секции гороно были командированы в Вятку на курсы музейного дела.

28 октября 1920 г. Ижевский исполнительный комитет Совета рабочих и красноармейских депутатов подписал постановление об организации Ижевского музея местного края. 29 октября в Музей местного края было принято 4 сотрудника и назначен заведующий. Им стал Андрей Михайлович Филиппов (1876–1944), уроженец города Котельнич Вятской губернии, выпускник Харьковского ветеринарного института. Новому культурному учреждению было выделено здание национализированной лютеранской кирхи. Старое и холодное, оно занимало площадь в 72 куб. сажени. Первыми экспонатами стали случайные поступления из учебных учреждений, организаций и предприятий города – репродукции картин, предметы нумизматики, заводская производственная коллекция. Почти все они были представлены в первой экспозиции. Был создан совет музея, куда вошли священник К.П. Травин, любитель старины Румянцев, учительница Н.Д. Чемоданова, ставшая экскурсоводом. 20 ноября 1920 г. музей открылся для посетителей. Эту дату принято считать днем основания

¹ Цит. по: Шумилов Е.Ф. Из истории музейного дела в Удмуртии XIX – начала XX в. // Музей: история и современность. Ижевск, 2000. С. 19.

первого в Ижевске публичного музея, который через 75 лет кропотливой работы нескольких поколений сотрудников получил статус Национального музея Удмуртской Республики.

1920-е гг. От городского музея к областному.

В 1921 г. Ижевск стал столицей созданной в 4 ноября 1920 г. Вотской автономной области (ВАО; в документах 1920-х гг. чаще упоминалась как Вотобласть). Однако эти административные нововведения мало отразились на статусе и положении музея, кроме как сокращению его штатов.

Немногочисленные архивные материалы, дошедшие от этого времени, дают отрывочные сведения о деятельности музея. Согласно им, в 1924 г. штат состоял из заведующего и технички. А.М. Филиппов проработал в музее в должности заведующего до 1 апреля 1924 г., а в период с апреля по июнь того же года обязанности заведующего временно исполняла Н.Д. Чемоданова.

В 1925 г. в собрании музея числилось 860 предметов. Судя по сохранившимся отчетам, в феврале этого года его посетило более 8 тысяч человек, а в марте уже более 10 тысяч. Это были школьники, красноармейцы, воспитанники детских домов, участники различных совещаний и слетов. Но музей далеко не всегда мог принять посетителей – здание кирхи, полученного при основании музея в 1920 г., дало трещину, в нем было холодно даже при наличии двух печей. К началу 1926 г. здание музея находилось уже в аварийном состоянии, не отвечающем ни санитарным, ни пожарным требованиям (печное отопление, освещение – одна керосиновая и одна электрическая лампа). В это время заведующий музеем П.А. Антонов учился на 3-м курсе Ижевского рабфака и готовился поступать в Вятский педагогический институт, у него отсутствовал какой-либо опыт научно-краеведческой работы. В это трудный для музея период Вотский областной исполнительный комитет вызывает из Москвы в Ижевск «сверхштатного аспиранта» Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Восток Кузубая Герда. Для него специально в штат музея введена должность директора.

Кузубай Герд (литературный псевдоним; настоящее имя Кузьма Павлович Чайников, 1898–1937), удмурт по происхождению, уроженец Вавожской волости Малмыжского уезда Вятской губернии. В 1916 г. после окончания Кукарской учительской семинарии работал в различных образовательных учреждениях, в 1920–1921 гг. активно участвовал в создании автономии удмуртского народа. В 1921 г. он заведовал дошкольным подотделом Областного отдела народного образования ВАО. Кузубай Герд стал организатором первых детских садов в крае, первого детского журнала «Муш» («Пчела»), первого удмуртского литературно-художественного журнала «Кенеш» («Совет», «Собеседник»). Он к этому времени уже известный автор стихов и поэм на удмуртском и русском языках. Осенью

1922 г. К. Герд был направлен на учебу в Москву в Высший литературно-художественный институт (с 1924 г. получивший имя В.Я. Брюсова). После его окончания он зачислен в аспирантуру Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока.

В феврале 1926 г., связи с пожеланием руководства Вотской автономной области, К. Герд получил от Института полугодичную командировку «для практических работ по вотскому краеведению и этнографии»¹. Вернувшись в Ижевск, он в должности директора Ижевского областного музея местного края (такое название получил музей в 1925 г.) приступил к организации и налаживанию научной работы. Так в Ижевске появился свой ученый – историк, этнограф, фольклорист и краевед, удмурт по национальности.

В отчете о проделанной с марта по сентябрь 1926 г. работе Кузьма Павлович писал: «Музей я застал в самом жалком состоянии. Вернее, музея как такового не было. Экспонатами являлись учебно-показательные пособия, в беспорядке собранные из школ в годы разрухи и голода. Музей ютился в полуразрушенном здании немецкой кирхи, со дня на день угрожающим развалом... Одним словом, вместо организации и постановки научной работы я вынужден заняться тяжелой и напряженной организационной работой...»².

После продажи в конце апреля 1926 г. Ижевским горсоветом здания кирхи на слом, его пришлось срочно освобождать. Началось четырехмесячное «странствие» музея из одного помещения в другое. Некоторое время музейные предметы даже находились на складе здания Городского совета. Наконец в августе музей получил хорошее помещение на втором этаже двухэтажного каменного здания с пристроем – дом № 7 по улице Ленина (ныне – улица В. Сивкова, д. 186). Площадь основного здания, где будет развернута экспозиция, составляла 104,5 кв.м, а площадь каменного пристроя 50 кв.м. Здесь располагались подсобные помещения (жилая комната сторожа, чуланы, сени и т.д.). Нижний этаж под музеем был занят учащимися совпартшколы со своими семьями (11 семей). Здание имело небольшой дворик и огород. Во дворе находился дровяник, конюшня и погреб под одной крышей.

Период вынужденного закрытия музея К. Герд использует для проведения научно-экспедиционной работы. Он приглашает специалистов из Яфетического института Академии наук СССР, который выделяет квалифицированного антрополога. К. Герд организует и проводит научную экспедицию на свою родину в деревню Малиновка Вавожского района, в ходе которой было проведено антропологическое обследование 145 человек

¹ Цит. по: Уракова Л.Е. Одно лето в жизни директора музея // Музей: история и современность: Сб. статей / Под ред. К.И. Куликова. Ижевск, 2000. С. 20.

² Там же. С. 25-26.

– представителей удмуртского рода Докья. Кроме того, участники экспедиции записали песни, сделали фотографии, приобрели для музея ритуальные предметы. Для проведения экспедиционных работ К. Герд специально купил в Казани фонограф с 25 валиками и фотоаппарат.

Своей заслугой в период работы в музее К. Герд считал сбор этнографического материала, а также изделий местной промышленности, которые ранее вообще не были представлены в музейном собрании. Для сбора этнографического материала он совершает поездки по разным селениям Вотобласти (г. Можга, села Можга, Большая Уча, Вавож). Им было собрано около 50 рукописей на удмуртском языке. Они, по оценке автора, «представляли большой интерес для изучения впоследствии диалектов вотского языка и истории развития вотской литературы». В отчете аспиранта Герда о работе в Ижевском областном музее местного края перечисляются научные поездки, экспедиции, «общий переучет и оценка имущества музея», чтение лекций по семнадцати темам, журналистика, создание оригинальных произведений на вотском языке, переводы, изучение иностранных языков, общественная работа и т.д. Остается лишь поражаться работоспособности молодого директора, столь много успевшего сделать за шесть неполных месяцев пребывания в Ижевске.

Тогда никто, конечно, не мог предположить, что судьба удмуртского ученого сложится трагически. После окончания аспирантуры в декабре 1929 г. он был принят в докторантуру АН СССР, но в 1930 г. был отозван в Ижевск. Преподавал в советской партийной школе. В мае 1932 г. его арестовали по обвинению в национализме и организации шпионского контрреволюционного повстанческо-террористического союза по так называемому «Делу СОФИН». К. Герд был сослан в Соловецкий лагерь и в 1937 г. расстрелян. Его имя оказалось надолго вычеркнуто из национальной истории. Однако спустя несколько десятков лет справедливость возторжествовала: 23 апреля 1958 г. он был реабилитирован за неимением в его действиях состава преступления, книги, фотографии, письма самого К. Герда стали экспонатами музея, становлению которого он отдал столько сил и энергии и который теперь носит его имя.

Осенью 1926 г., после отъезда К. Герда на учебу в Москву, музей возглавил Михаил Ильич Ильин (1876–1935) – одаренный, широко образованный для того времени человек. В 1895 г. он окончил Казанскую инородческую учительскую семинарию, там же в 1919-м – двухгодичные курсы историко-философского отделения по подготовке учителей. В начале 1920 г. М.И. Ильин работал редактором газеты «Гудыри» («Гром»), затем преподавал в Можгинском и Ижевском педтехникумах. К середине 1920-х гг. уже были известны его труды на русском и удмуртском языках: «Игры и хороводы вотской молодежи весной», «Первая книга для чтения после букваря», «Изучение вотского края», сборники стихов и др.

С приходом М.И. Ильина пополняются фонды музея, расширяется экспозиция, открывается уголок живой природы. Новый заведующий проводит сверку музейных предметов и заводит новую Книгу поступлений, так как в существующей до него «Описи имущества музея местного края», начатой 28 марта 1921 г., записывались вместе и хозяйственный инвентарь, и музейные предметы. В новой книге под номером один он записывает жернов из Дондыкарского городища, привезенный по просьбе археолога А.П. Смирнова учащимся педтехникума города Глазова В. Алексеевым 28 октября 1926 г. К концу 1927 г. в музее уже насчитывалось 2460 музейных предметов.

В 1927–1928 гг. из Центрального хранилища Государственного музейного фонда в Ижевский музей были переданы живописные и графические работы русских и западноевропейских художников конца XVIII – начала XX в., предметы быта, кабинетной скульптуры и образцы оружия. Музей превращается в настоящий центр культуры. М.И. Ильин добивается изменения его статуса: в 1929 г. музей стал носить новое название Ижевский областной музей краеведения.

1929–1939 гг. Десятилетие надежд и разочарований.

В сентябре 1929 г. на должность заведующего музеем назначается Герасим Федорович Сидоров (1891–1942), выпускник Самарского учительского института, работник аппарата Областного отдела народного образования, хорошо знакомый с деятельностью музея, находившегося тогда в ведении данного учреждения. Перед новым руководителем стояли две основные задачи, требующие обязательного решения: получение более просторного помещения для развивающегося музея и пополнение его фондов, прежде всего этнографическим материалом.

Получение нового помещения оказалось тесно связано с празднованием 10-летия Вотской автономной области. 5 февраля 1931 г. в здании Александро-Невского собора, закрытого для богослужения 26 марта 1929 г., после реконструкции и ремонта начала работать юбилейная выставка. Ответственным за ее организацию стал заведующий музеем Г.Ф. Сидоров. Экспозиция юбилейной кустарной выставки с интересом принята жителями Ижевска и области. По решению делегатов X съезда Советов ВАО и согласно постановлению Облисполкома ВАО здание собора, оборудование и экспонаты выставки были переданы Ижевскому областному музею краеведения. Это сложное хозяйство принял Г.Ф. Сидоров, сдача-прием были завершены 11 апреля 1931 г.

В январе 1932 г. музей получает новое помещение – Михайловский собор, расположенный в центральной части города. Здесь было центральное отопление, водопровод, электричество, просторные сухие подвалы. Площадь собора составляла 529 кв. метров, а прилегающая к нему территория равнялась четырем гектарам. Коллектив сотрудников стал с энтузи-

азмом работать над созданием постоянной экспозиции. Очень быстро были оформлены два исторических раздела («Край до революции 1917 г.»; «Социалистическое строительство»), отделы «Искусство» и «Природа края». В центре бывшего собора на площади 72 кв.м сооружен маятник Фуко (по аналогии с подобным маятником Исаакиевского собора в Ленинграде). В научном архиве музея сохранились письма, свидетельствующие, что в создании археологической части экспозиции оказывал научную и методическую помощь сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук А.П. Смирнов, в свое время принимавший активное участие в археологических раскопках на территории ВАО в 1926–1932 гг.

В связи с изменением статуса автономной области (28 декабря 1934 г. Президиум ВЦИК преобразовал Удмуртскую автономную область в Удмуртскую автономную советскую социалистическую республику – УАССР) с января 1935 г. музей получил другое название – Удмуртский республиканский краеведческий музей. Должность «заведующий» была изменена на «директор».

Музей становится все более популярным среди жителей Ижевска и всей республики. Ежегодно его посещают более 25 тысяч человек. Штат музея вырос до 19 человек (6 из них – научные сотрудники), количество музейных предметов в фондах достигло 17 тысяч. Музей начинает участвовать в выставках за пределами республики: в Тифлисе – в 1935 г. на выставке печати национальностей всего мира, в Таллинне – в 1937 г. на выставке литературы угро-финских народов.

Казалось, музейная жизнь стала налаживаться, но 8 апреля 1937 г. Совнарком УАССР принял постановление, в соответствии с которым «здание б. Михайловского собора, занимаемое в настоящее время Республиканским музеем краеведения, назначить к сносу для освобождения площадки под строительство городского театра». Музею давался срок в 15 дней для освобождения здания и выезда в другое помещение на ул. К. Маркса.

Директор музея Николай Георгиевич Тимофеев (возглавлял музей с января 1937 по февраль 1939 г.) вел неравную борьбу сначала за временный запрет сноса собора, а затем за предоставление музею другого здания с хорошими условиями для музейной работы. Он адресовал свои служебные записки в адрес прокурора УАССР, отдел культпросветработы Удмуртского обкома ВКП (б), направил телеграмму в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР. В ответ на активные действия Н.Г. Тимофеева заместитель наркома просвещения УАССР, в ведении которого находился музей, в специальной записке потребовал, чтобы директор «не чинил препятствия по сносу здания собора».

После того как музей вместе с коллекциями все-таки был выселен в бывшее здание Удмуртского научно-исследовательского института (УдНИИ) по улице К. Маркса, д. 23, абсолютно непригодное для музейной работы (деревянное строение дважды горело, ремонт после пожара не доведен до конца; здесь находились квартиры работников разных ведомств и библиотека УдНИИ), директор продолжает бороться за предоставление музею другого помещения. Он опять обращается с письмами в Музейный отдел Наркомпроса РСФСР и в Наркомпрос УАССР. Вопрос о выделении нового помещения для музея рассматривался на заседании СНК УАССР, но так и не был решен. Лишь Музейный отдел Наркомпроса РСФСР пообещал включить строительство специального здания для музея в Ижевске в план третьей пятилетки. Вскоре, в 1939 г. правительство республики нашло все-таки своеобразный выход из создавшего положения: Республиканский музей краеведения был переведен в город Сарапул и объединен с районным краеведческим музеем.

1939–1945 гг. Без дома.

В течение сентября–октября 1939 г. осуществлялась перевозка фондовых коллекций в Сарапул. Активно развернуть экспозиционно-выставочную и фондовую работу новый объединенный музей не успел – началась Великая Отечественная война. Двухэтажное каменное здание музея (по адресу ул. Первомайская, д. 68) было предоставлено для хранения коллекций музеев, эвакуированных в Сарапул из Ленинграда и его пригородов. Еще не разобранные до конца фондовые коллекции Республиканского краеведческого музея были перенесены в деревянное складское помещение. Все военные годы новые материалы не поступали, сотрудники читали лекции в госпиталях и организовывали небольшие выставки патриотической тематики.

В 1945 г. правительство УАССР решило вернуть коллекции Удмуртского республиканского краеведческого музея в Ижевск и предоставило ему одноэтажное каменное здание с мезонином на улице Ленина (ныне ул. В. Сивкова, д. 180). В течение 1946–1947 гг. был проведен капитальный ремонт здания и осуществлен возврат коллекций. Сотрудница музея Ф.Н. Миронова, которая в то время являлась заведующей фондами краеведческого музея, много лет спустя вспоминала, как тяжело проходила перевозка коллекций на расстояние в 60 километров. Сотрудникам – а это были в основном женщины – не хватало продуктов, они голодали; спали у дороги, охраняя экспонаты; подводы, на которых везли коллекции, часто застревали в грязи, их приходилось вытаскивать и т.д.

Переезд музея из Ижевска в Сарапул и обратно, нахождение в складских, не соответствующих условиям хранения музейных предметов помещениях, не прошли бесследно для его коллекций. Если в 1941 г. на учете состояло 18446 предметов, то в 1949 г. их было только 15636.

1947–1970 гг. Снова в Ижевске, новый подъем.

В 1947 г. работники музея (16 человек, из них 4 научных сотрудника) создали сначала временную экспозицию, состоящую из отдела истории, в котором были представлены и материалы, посвященные Великой Отечественной войне, а также небольшую выставку произведений живописи и скульптуры. Немного позже открыли экспозицию отдела природы.

Для решения своих проблем музей стал активно привлекать общественность. В 1947 г. был создан музейно-краеведческий совет, в него вошли руководители ведущих предприятий и организаций города, сотрудники Удмуртского научно-исследовательского института, участники революционных событий в Ижевске.

В течение последующих лет шла работа по формированию коллекций предметов всех периодов истории края, накапливался опыт построения экспозиций, привлечения населения в музей. Музей продолжал наращивать экспозиционный и научный потенциал, несмотря на материально-технические трудности: дефицит площадей, дискомфортность условий труда, низкая заработная плата, текучесть кадров.

Значительный вклад в становление музея, в частности, в пополнении его археологической коллекции, внес талантливый археолог Владимир Федорович Генинг (1924–1993), работающий заместителем директора музея по науке в 1954–1955 гг. Выпускник Пермского госуниверситета, любимый ученик видного советского археолога О.Н. Бадера, в 1954–1958 гг. он возглавляет Удмуртскую археологическую экспедицию. По мере поступлений новых археологических материалов Владимир Федорович начинает оформлять постоянную экспозицию по древней истории края. Им была сделана первая попытка в истории музеев Удмуртии – создание большой археологической экспозиции. Он успел до поступления в аспирантуру в Казань оформить только ряд тем: «Происхождение человека», «Палеолит», «Мезолит», «Эпоха бронзы», «Эпоха железа». Остальные темы раздела «Первобытно-общинный строй на территории Удмуртии» будут раскрыты в экспозиции позднее его учеником В.А. Семеновым.

Большое внимание В.Ф. Генинг уделяет популяризации знаний об археологии как науке и ее значении в изучении древней и средневековой истории Удмуртии. Он проводит тематические экскурсии «Ранняя история Удмуртии», читает общедоступные лекции на тему «Первоначальное заселение территории Удмуртии», пишет статьи об археологии и археологических памятниках края в местные газеты. В.Ф. Генинг организует археологический кружок при музее, читает спецкурс «История Удмуртии» и курс лекций «Основы археологии» для студентов историко-филологического факультета Удмуртского государственного пединститута.

Даже став маститым ученым, доктором исторических наук, профессором, заместителем директора Института археологии Академии наук Ук-

раинской ССР, В.Ф. Генинг не утратил научной и личной связи с Удмуртией. В конце своей жизни все документы, связанные с археологией Удмуртии, он складывает в ящики, подписывая одним словом «Ижевск», и просит свою дочь Л.В. Чижову отправить их в Краеведческий музей. Людмила Владимировна выполнила просьбу отца. В течение 2002–2003 гг. архив видного ученого был обработан и сдан в фонды Национального музея УР им. К. Герда. Материалы раскопок 1954–1958 гг. и архивные документы ученого позволили в 2004 г. оформить выставку «Древности Прикамья», посвященную 80-летию В.Ф. Генинга и 50-летию Удмуртской археологической экспедиции.

В формировании коллекции «Археология» и в изучении древностей Удмуртии, также в развитие научно-исследовательской работы в музее большой вклад внес археолог В.А. Семенов (1930–1999), на протяжении десяти лет (1959–1969) работавший в должности заместителя директора музея по науке.

В начале 1960-х гг. в музей поступили предметы, связанные с развитием культуры и спорта. Многие из них нашли свое место в новом разделе постоянной экспозиции «Культурное развитие республики в годы послевоенных пятилеток», созданном в 1962 г.

Поскольку в музее не хватало площадей, особое значение приобрели выставки. Их организовывали в различных учреждениях и предприятиях по 7–10 выставок в год. Начали практиковать тиражирование фотовыставок к юбилейным датам партии, революции и комсомола для распространения их по школам, предприятиям.

В 1966 г. благодаря усилиям Министерства культуры УАССР, общественности и коллектива музея была выделена площадь под выставочный зал. В цокольном этаже пятиэтажного дома по адресу Пушкинская, 247 стал работать художественный отдел. Его сотрудники активно и целенаправленно пополняли коллекцию работ удмуртских художников.

В 1960–1970-х гг. в республике наблюдается «музейный бум»: создаются многочисленные школьные музеи, музейные комнаты, ленинские уголки. Начинается новый этап во взаимоотношениях Республиканского краеведческого музея с районными краеведческими и общественными (школьными) музеями – он становится методическим центром. В 1967 г. его сотрудники подготовили специальную лекцию «Как организовать краеведческий музей», с которой выступали перед учителями, завучами и пионервожатыми. Методическая помощь оказывалась Сарапульскому краеведческому музею, краеведческим музеям в городах Глазове и Воткинске, которые позднее, в 1968 и 1972 гг. соответственно, стали филиалами республиканского.

1970–1989 гг. Переезд в Арсенал. Новый адрес – новые экспозиции.

Активная собирательская деятельность работников музея (в 1970 г.

штат музея состоял из 12 научных сотрудников) привела к значительному пополнению фондовых коллекций, насчитывавших уже более 50 тысяч предметов. В середине 1960-х гг. остро встал вопрос о расширении музейных площадей. В деревянном здании фондохранилища, построенном во дворе основного здания в 1949 г., площадью 80 квадратных метров, с печным отоплением, невозможно было создать необходимые условия хранения. Дополнительная площадь нужна была и для новой, более масштабной экспозиции. В 1967 г. Совет Министров УАССР принял постановление – освободить часть производственных площадей Машиностроительного завода в здании бывшего Арсенала (левое крыло корпуса по ул. Коммунаров, д. 287) под экспозицию Удмуртского республиканского краеведческого музея.

Началом освоения нового помещения положила выставка, приуроченная к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. На площади 200 кв.м экспонировались комплексы одежды удмуртов, коллекции медалей досоветского и советского времени, образцы ижевского оружия советского времени, образцы продукции заводов, подарки к 400-летию добровольного присоединения Удмуртии к России (1958), сувениры. Выставка работала с 22 апреля по 10 июня 1970 г. Параллельно шла работа над созданием постоянной исторической экспозиции на площади 600 кв. м, раскрывавшая основные этапы развития края, начиная с II тыс. до н.э. и до 1970 г. Впервые на больших площадях и для того времени за очень короткий срок (5 месяцев) создавалась столь значительная историческая экспозиция. Не хватало экспонатов, опыта научных сотрудников, задержка в изготовлении и установке экспозиционного оборудования. «Работали в авральном режиме, забывая об окончании рабочего времени» – вспоминает ветеран музея Т.Н. Уракова, работавшая в то время заместителем директора по науке. Так велико было желание подготовить экспозицию к юбилею республики. 4 ноября 1970 г. она была торжественно открыта в присутствии работников отделов пропаганды и культуры Удмуртского обкома партии и Министерства культуры УАССР и представителей общественности города. Приспособление остальной площади корпуса Арсенала по улице Коммунаров для нужд музея стало настоящей эпопеей, продолжавшейся до 1989 г.

В 1974 г. происходит переформирование исторической экспозиции, в 1983 г. создается постоянная экспозиция «Природа Удмуртии». В 1980-е гг. организуются крупные тематические и юбилейные выставки: «В союзе братских народов» (1982), «Ради жизни на земле» (1985) «Великая победа» (1985), «Удмуртское народное творчество» (1985), «Дело партии – дело народа» (1986), «Октябрь и Удмуртия» (1987) и др. Выставки оформлялись на больших площадях, с использованием значительного числа экспонатов, как из фондов музея, так и других организаций и предприятий. Многие пред-

меты (продукция заводов и предприятий местной промышленности), взятые на временное экспонирование, позднее передавались в музей.

Выставочная деятельность музея не ограничивалась стенами его нового помещения. Начиная со второй половины 1970-х гг., летом регулярно в сельские районы республики выезжал на музейном автобусе со своей оригинальной экспозицией передвижной музей. Сформировалась и его постоянная структура: тематическая фотовыставка на 8–10 планшетах и комплексы интересных музейных предметов из фондов музея.

В 1988–1989 гг. особенно популярна была передвижная выставка «Народное искусство Удмуртии», рассчитанная на экспонирование предметов этнографии на площади 200 кв.м, работающая за пределами республики. Она демонстрировала самые лучшие материалы из фондов музея в Таллинне, Тарту, Краснотуринске, Червонограде (Львовская область Украины), Коломые (Ивано-Франковская область Украины), Сыктывкаре.

Интересные выставки в городах и селах Удмуртии и за ее пределами, новые формы научно-просветительской работы привели к резкому росту посетителей. В 1987 г. всеми музейными формами было обслужено 227,8 тысячи человек (это самый высокий показатель посещаемости музея за всю его историю).

В 1970–1980-е гг. активно велась собирательская работа. Помимо этнографических экспедиций, проходивших не только в республике, но и в местах компактного проживания удмуртов за ее пределами, были организованы историко-бытовые экспедиции. Музейные сотрудники выезжали в передовые колхозы Удмуртии, на целину в совхоз «Ижевский», в поселок Первомайский Архангельской области – на место работы одной из первых бумагоделательных машин завода «Ижтяжбуммаш». Экспедиции работали в Ростовской области – на местах боев танковой колонны «Колхозник Удмуртии», в Карелии – по местам боевых действий 313-й Петрозаводской стрелковой дивизии, сформированной в городе Ижевске, в Красноярском крае – на место ссылки революционера И.Д. Пастухова и т.д.

Удмуртский республиканский краеведческий музей кроме проведения собственных археологических экспедиций тесно сотрудничает с научными учреждениями и исследователями, занимающимися археологическими изысканиями. В 1978 г. после камеральной, научной обработки и последующей публикации в фонды музея поступили коллекции из Удмуртского государственного университета. Это были первые поступления в музей предметов эпохи мезолита (поселение Степинцы II) и неолита (поселение Новомултанское), полученные в результате многолетних раскопок Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством Р.Д. Голдиной и Т.М. Гусенцовой.

В 1980–1981 гг. начальник археологической экспедиции Удмуртского НИИ при Совете Министров УАССР (ныне Удмуртский ИИЯЛ УрО

РАН) М.Г. Иванова сдала в музей коллекции исследованных ею памятников чепецкой культуры (Гординское I городища Гурьякар IX–XIII вв., Маловенижский могильник X–XII вв.). В 1991 г. сотрудник того же института Л.А. Наговицин передал музею большую коллекцию поселения эпохи неолита и энеолита Аркуль III.

С 1985 г. отделы музея работают по планам научного комплектования фондов разных исторических периодов, утвержденных Ученым советом. Это позволило устранить белые пятна в существующих коллекциях, а также значительно пополнить их новыми предметами и документами. В результате кропотливой работы сотрудников по комплектованию фондов (переписка, личное посещение предполагаемых экспонентов, безвозмездная передача образцов продукции предприятиями, получение экспонатов с республиканских выставок) в музей поступило значительное количество материалов по заранее определенным темам. Если за 1969 г. фонды увеличились на 592 предмета, то в 1980-е гг. ежегодно в среднем регистрировалось по 2300–3000 вновь принятых музейных предметов. К 1989 г. на хранении в музее находилось более 143 тысяч подлинных предметов.

Для популяризации своих богатых коллекций музей стал активно заниматься издательской деятельностью. В 1980-е гг. были изданы каталоги (по оружию, женской национальной одежде, фотографическим и археологическим материалам и т.д.), буклеты по выставкам и постоянным экспозициям (всего 35 названий за 8 лет), а также три выпуска межмузейных научных сборников, посвященных вопросам музейного дела в республике, изучению ее истории и культуры.

С 1994 г. по сегодняшний день: Арсенал – пространство нового музея.

Между тем, по-прежнему, остро стоял вопрос о музейных помещениях. Пока наконец-то не вышло совместное постановление Бюро Удмуртского обкома КПСС, Президиума Верховного Совета УАССР и Совета Министров УАССР от 20 мая 1986 г. за № 153 «О реставрации, капитальном ремонте и использовании площадей памятника промышленной архитектуры начала XIX в. – Арсенала Ижевского оружейного завода ...» [ЦГА УР. Р-551. Оп. 2. Д. 5850. Л. 227]. Согласно данному постановлению, площади Арсенала передавались Удмуртскому республиканскому краеведческому музею и музею ПО «Ижмаш». Для этого необходимо было освободить здание бывшего арсенала от цехов производственного объединения «Ижмаш», подготовить проектную документацию по его реставрации и реконструкции (работа была поручена 4-й мастерской института «Удмуртгражданпроект», главный архитектор проекта Э.В. Аверьянова). Следует отметить, вывод некоторых производств с территории Арсенала начался еще раньше данного постановления.

За многолетнюю историю здание Арсенала утратило первоначальный вид (замкнулось по периметру двухэтажным корпусом, возведенным

под производственные цеха завода; по углам были надстроены вторые этажи, во дворе появились служебные помещения, котельная, трансформаторная подстанция и т.д.). Поэтому на полную реконструкцию и реставрацию Арсенала потребовалось восемь лет (1990–1997). Все это время научный коллектив занимал помещение бывшего магазина (улица Удмуртская, дом 214), а фонды ютились по адресу ул. Сивкова, д. 180.

Восстановление Арсенала происходило в несколько этапов. Началом музейного использования первой очереди отреставрированного здания (по улице Наговицына) стало торжественное открытие 18 мая 1994 г. выставки «Финно-угорский мир». Свои лучшие этнографические коллекции экспонировали национальные музеи народов Поволжья, Приуралья, а также Венгрии. В 1995–1996 гг. в отреставрированном корпусе Арсенала по улице Пушкинской размещаются новые хранилища, куда перевозят фондовые коллекции.

Наконец в 1997 г. Арсенал, уникальный памятник архитектуры русского классицизма первой четверти XIX в., предстал в первоизданной красе. Изначально здание строилось для хранения продукции Ижевского оружейного завода, основанного в 1807 г. Проект был разработан учеником великого зодчего А.Д. Захарова, выпускником Петербургской Академии художеств С.Е. Дудиным (1779–1825). Место для арсенала было выбрано на окраине поселка Ижевский завод, на самом высоком холме. Каменное одноэтажное здание имело П-образную форму, с тремя одинаковыми по площади корпусами, и было раскрыто двором на юг, что способствовало лучшему освещению внутренних помещений и хорошей вентиляции построек. В центре двора располагался корпус для чистки и сборки оружия. От него в корпуса основного здания вели галереи, позволяющие переносить оружие сухим в любую непогоду. Строгое каре с юга было замкнуто стеной с бойницами и караульной палаткой в центре. Приезжавший в октябре 1824 г. в поселок Ижевский завод император Александр I осмотрел в числе других возведенных С.Е. Дудиным зданий и арсенал, наградил архитектора орденом Святого Владимира 4-й степени. В течение многих десятилетий в арсенале, построенном в 1825 г., хранилось, упаковывалось и отправлялось в воинские части ижевское оружие.

В период реконструкции было учтено новое назначение здания, каменную стену с юга заменили декоративными металлическими решетками и воротами по мотивам уральского литья первой четверти XIX в. В образовавшемся уютном дворике планировалось проводить музейные мероприятия. После реконструкции большую часть помещений Арсенала отвели под экспозиционные залы (они занимают 2100 кв. м из 5287 кв. м общей площади). Здесь также расположены фондохранилище, реставрационные и таксидермическая мастерские, административно-хозяйственные, инженерные службы и т.д.

За годы своего существования музей превратился в крупное научно-исследовательское учреждение, сохраняющее уникальные фонды. 17 июля 1995 г. Правительство Удмуртской Республики приняло постановление № 105, в котором говорилось: «В целях совершенствования деятельности музея как хранителя историко-культурного наследия Удмуртии присвоить с 1 июля 1995 г. Республиканскому краеведческому музею статус «Национальный музей Удмуртской Республики».

Отныне музей стал играть роль презентационной площадки республики. Именно здесь открываются крупные юбилейные, официальные выставки, проходят приемы государственного уровня. Представляя Удмуртию за рубежом, музей становится участником международных выставок (Эстония – 1995, 1997; Венгрия – 1995 и 1996 гг.).

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УдГУ

*О.А. Казанцева
Ижевск*

В современном обществе взаимодействие государственных, муниципальных музеев и высших учебных заведений предполагает сотрудничество в области изучения историко-культурного наследия России. Роль музея в современном социокультурном пространстве связана с расширением и углублением его образовательной функции¹. В сфере общего образовательного поля оказывается вуз, музей, студент.

В условиях модернизации высшего образования к специалистам, бакалаврам, магистрам истории в обществе предъявляются высокие профессиональные требования. Профессиональные компетенции, формируемые в процессе обучения студентов на историческом факультете, основаны не только на теоретической подготовке в рамках учебных дисциплин (История Удмуртии, История Урала, История музейного дела в России и за рубежом, История музейного дела в России, История Отечества и т.д.) разделов «культура», но и включают музейно-экскурсионную практику². Ба-

¹ Концепция развития музейной сети Удмуртской Республики / Нац. музей Удмурт. Респ. им. К. Герда. Ижевск, 2011.

² Казанцева О.А. Рабочая программа по дисциплине «История музейного дела в России и за рубежом» (заочная форма обучения) // Рабочие программы и методические рекомендации по дисциплинам специализации «Историческое краеведение и музееведение». Ижевск, 2003. С. 45-54; Казанцева О.А. Общая музеология. Рабочая программа и методические рекомендации для студентов заочного отделения исторического факультета. Ижевск, 2004; Казанцева О.А. Программа курса «История музейного дела в России и за рубежом» на историческом факуль-

зами практик для студентов ИФ являются государственные и муниципальные музеи Удмуртской Республики, России и Украины.

Наряду с традиционными формами в преподавании курсов по музееведению, в учебном процессе применяются инновационные технологии: аудиторные занятия в форме ролевой и деловой игры, использование Интернет-ресурсов в самостоятельной работе студентов и фонда университетской Медиатеки. Одной из новых педагогических технологий проведения занятия с историками по музееведению является тематический аукцион¹. Важную роль играют учебные курсы по музеологии в подготовке не только историков, но и специалистов для социально-культурного сервиса и туризма Удмуртии².

Активному диалогу с музеями способствует открытие образовательных магистерских программ на ИФ: «Археология», «Ранние государства Восточной Европы», «История и культура народов Приуралья: развитие и межкультурное взаимодействие», «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении», «Историко-культурное наследие и развитие современной музеологии»³. Специальные курсы, читаемые на ИФ, посвящены, в том числе, и важным аспектам в области современной методики музееведения, теоретических проблем музеологии, сохранения историко-культурного и всемирного наследия, истории музейного дела в России и за рубежом, этномузеологии, современного экспонирования и проектирования в музеях.

тете УдГУ (г. Ижевск) для студентов заочного отделения // Музей и социум: сб.ст. Сарапул, 2006. С. 39-42; Казанцева О.А. Роль учебных курсов по музеологии в подготовке специалистов для социально-культурного сервиса и туризма // Продвижение имиджа России: (продвижение имиджа Удмуртии: опыт и перспективы): сб. ст. Ижевск, 2007. С. 156-158; Казанцева О.А. Инновационные педагогические технологии и информационные возможности как факторы повышения качества образования студентов-историков Удмуртского государственного университета в области музееведения // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств: сб. ст. Ижевск, 2011. С. 224-229; Казанцева О.А. История музеев Удмуртского государственного университета. Ижевск, 2011; Казанцева О.А. Роль музеев Удмуртского государственного университета в научно-исследовательском процессе вуза // Музеи Евразийских университетов в поддержании и развитии общего образовательного процесса: сб. ст. Томск, 2013. С. 225-234.

¹ Казанцева О.А. Инновационные педагогические технологии и информационные возможности как факторы повышения качества образования студентов-историков Удмуртского государственного университета в области музееведения // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств: сб. ст. Ижевск, 2011. С. 226.

² Казанцева О.А. Роль учебных курсов по музеологии в подготовке специалистов для социально-культурного сервиса и туризма // Продвижение имиджа России: (продвижение имиджа Удмуртии: опыт и перспективы): сб. ст. Ижевск, 2007. С. 156-158.

³ Ютина Т.К. История и культура народов Приуралья: развитие и межкультурное взаимодействие – образовательная программа профессиональной подготовки магистров // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сб. ст. Ижевск, 2012. С. 606.

Среди студентов-магистрантов – директора и научные сотрудники государственных, ведомственных и общественных музеев Удмуртии, что позволяет рассматривать их обучение на ИФ как возможность повышения образования в области музеологии.

Современный государственный и муниципальный музей в обществе – это учреждение, которое не только документирует явления и события, комплектует свои коллекции, сохраняет, экспонирует и исследует их, но и практикует партнерские отношения в своей работе с образовательными учреждениями разного уровня для изучения фондов, проведения совместных мероприятий: конференций, публикаций, выставок и т.д.

Взаимодействие государственных, муниципальных музеев и исторического факультета ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» имеет солидную историю и представлено несколькими направлениями деятельности.

Во-первых, участие специалистов музеев в учебном процессе исторического факультета и проведении учебной музейно-экскурсионной практики и учебных занятий на базе государственных и муниципальных музеев;

во-вторых, подготовка на историческом факультете кадров для работы в государственных и муниципальных музеях;

в-третьих, проведение научных исследований в музеях, использование фондов и библиотеки музеев УР как богатейшего ресурса источников; консультации сотрудников музеев;

в-четвертых, участие ИФ в экспозиционно-выставочной деятельности государственных и муниципальных музеев;

в-пятых, музей как ресурс повышения общекультурной компетенции студентов ИФ.

Рассмотрим более подробно каждое из направлений. На историческом факультете УдГУ традиционно приглашают музейных научных сотрудников из Национального музея УР им. К. Герда для чтения учебных курсов по музееведению. Например, спецкурсы «История музейного дела», «Общая музеология», «Атрибуция музейных предметов» читала ведущий научный сотрудник Национального музея УР им. К. Герда, д.и.н., профессор Т.И. Останина, выпускница исторического факультета¹. Для студентов направления «История» специализированная образовательная магистерская программа «Историко-культурное наследие и развитие современной музеологии», курс «Актуальные проблемы современной музеологии» проводила зам. директора Национального музея УР им. К. Герда

¹ Останина Т.И. Музееведение: Учебная программа курса. Ижевск, 1998; Останина Т.И. Рабочая программа по дисциплине «Музееведение» // Рабочие программы и методические рекомендации по дисциплинам специализации «Историческое краеведение и музееведение». Ижевск, 2003. С. 5-26.

да М.Б. Рупасова, тоже выпускница исторического факультета УдГУ, которая является признанным авторитетом среди профессионалов в области проектной деятельности государственных музеев и экспертом фонда В. Потанина «Меняющийся музей в меняющемся мире» по Приволжскому федеральному округу. Ее знания и практический опыт в области музеологии в значительной степени позволяют студентам ориентироваться в современных проблемах отечественных музеев, понять смысл и разнообразие новых формы работы музея с посетителями, например, крайне важное для общества – проектное направление деятельности современных музеев.

Исторический факультет проводит фондовую и экскурсионную часть музейной практики на базе государственных, муниципальных музеев, с которыми у ИФ заключены договора об организации и проведении практики студентов: ГБУК «Национальный музей УР им. К. Герда» (договор №0167пр), ГУК «Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия им. М.Т. Калашникова» (договор №0168пр), ГУК «Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай»» (договор №0171пр), ГУК «Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств» (договор №0169пр) и г. Сарапула – МУК «Музей истории и культуры Среднего Прикамья» (договор №0170пр).

Цель учебной практики – закрепление и углубление теоретической подготовки в области музеологии обучающихся и приобретение ими компетенций в сфере профессиональной деятельности. Практика в рамках компетентностно-ориентированной программы включает три блока деятельности, которые различаются по срокам, содержанию и формам работы со студентами. Первый блок – лекционный, второй – практическая работа в фондах музеев. Третий – экскурсионный, в ходе которого созданы условия для знакомства с музеями разных профилей в г. Ижевске и за его пределами, например, гг. Санкт-Петербург, Севастополь (Крым, Украина), Елабуга (Республика Татарстан), Чайковский (Пермский край)¹.

С 2012 г. в программе практики был обозначен новый вид деятельности студентов – индивидуальные задания, что, безусловно, повышает ответственность у студентов за проделанную работу. Для студентов-историков М.Б. Рупасова (зам. директора Национального музея УР им. К. Герда по научной работе) прочитала общую лекцию о проектной деятельности в музеях, информация важная для современных молодых лю-

¹ Казанцева О.А., Ютина Т.К. Музейно-экскурсионная практика: музеи Крыма. Учебно-методическое пособие. Ижевск, 2008; + электронный вариант, режим доступа: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/2718>; Казанцева О.А., Ютина Т.К. Дело – музей // Удмуртский университет. 2009. № 10; Останина Т.И. Музееведение: Учебная программа курса. Ижевск, 1998; Останина Т.И. Рабочая программа по дисциплине «Музееведение» // Рабочие программы и методические рекомендации по дисциплинам специализации «Историческое краеведение и музееведение». Ижевск, 2003. С. 5-26; Тарасов С. В музей – на практику // Удмуртский ун-т. 2011. № 10. С. 9.

дей. Под руководством Т.И. Останиной (зав. отделом археологии) студенты ИФ обработали документы фонда фотографий искусствоведа, д.и.н., профессора К.М. Климова. Наполнение базы данных для сенсорного информационного киоска по тематике Великой Отечественной войны, работа в историческом отделе музея – составление по периодической печати хроники событий Удмуртии – далеко не полный перечень работ студентов-историков на практике. Развиваются контакты с музеем под открытым небом – Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Лудорвай» – работа в фондах на территории музея и участие студентов в мероприятиях музея в 2012–2013 гг.).

Организация самостоятельной работы на практике – важная составляющая самообразования студентов. Самостоятельная работа на практике выполнялась под руководством преподавателя или научного сотрудника музея и деятельность студента без участия преподавателя или научного сотрудника музея – подготовка реферата. Самостоятельность студента заключалась в работе с библиографическими списками литературы и электронными базами данных в ЭНБ УдГУ и музеев с целью сбора материала для реферата. По собственному выбору студенты посещали один из музеев города (в том числе и общественные), но как показала практика, чаще всего школьные, в которых студенты учились.

В результате освоения учебной музейно-экскурсионной практики в рамках профессиональных компетенций студенты-историки получают представление о месте и значении музейных коллекций; об аспектах влияния государства на развитие музеев в истории общества. Студенты понимают лексику музейного дела и особенности создания провинциальных музеев России.

В целом, практика направлена на активизацию самостоятельного восприятия и анализа произведений культурного наследия, на практическое закрепление знаний, приобретенных на учебных занятиях в ходе обучения на историческом факультете.

Весомая роль ИФ в формировании кадрового состава государственных и муниципальных музеев отмечена в Концепции развития музейной сети Удмуртской Республики¹. Выпускники ИФ составляют ядро современного коллектива во многих музеях Удмуртии. Например, в Национальном музее УР им. К. Герда работают в настоящее время более 10 сотрудников-выпускников ИФ во главе с директором Р.Ф. Мартыновой: Т.И. Останина, М.Б. Рупасова, Н.В. Валова, О.Е. Широкова, Е.А. Туркевич, Л.Б. Туркевич, С.Н. Брызгалова, А.Ю. Ардышева, К.В. Жукова, М.А. Блинов и многие другие. Возраст музейщиков в диапазоне от 23 до

¹ Валова Н.В. Кадровые ресурсы // Концепция развития музейной сети Удмуртской Республики. Ижевск, 2011. С. 107.

65 лет, что свидетельствует о преемственности поколений кадрового состава музея!

В Музее истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул) много лет работает Н.Л. Решетников, а разные годы работали Г.А. Степанова, О.Г. Лекомцева (Лукас) и многие другие историки.

В музейно-выставочном комплексе стрелкового оружия им. М.Т. Калашникова (г. Ижевск) активно трудятся выпускники-историки во главе с директором музея Н.В. Вечтомовой: В.А. Лекомцев, А.А. Ермаков, А.В. Варнина, В.Н. Аксареева, А.А. Булдакова и другие.

Таким образом, подготовка специалистов для работы в государственных и муниципальных музеях осуществляется на ИФ благодаря реализации специальных курсов в рамках специализации «Историческое краеведение и музееведение», специализированных образовательных магистерских программ и учебной музейно-экскурсионной практике.

Роль музеев Удмуртского государственного университета в научно-исследовательском процессе вуза очевидна¹. Кроме университетских, собственных баз данных и источников, студенты, сотрудники и преподаватели ИФ используют и фонды коллекций государственных, муниципальных музеев для выполнения курсовых, выпускных квалификационных работ студентов, научных публикаций и монографий. Широкий спектр коллекций материальной культуры, как по времени, территории, так и предметной сфере, хранящийся в музеях позволяет разрабатывать самые разнообразные аспекты изучения культуры народов, проживающих на территории современной Удмуртии.

Изучение тематических документов в фондах музея студентами для выполнения научных тем конкретного музея. Подобные работы выполняются, в основном, студентами во время учебной музейно-экскурсионной практики. Консультации сотрудников государственных музеев при выполнении курсовых и выпускных квалификационных работ (специалисты, бакалавры, магистры) – еще одно направление взаимодействия.

Многочисленны контакты в области экспозиционно-выставочной деятельности научных сотрудников государственных музеев и научных сотрудников, студентов и преподавателей ИФ – еще одна грань взаимодействия. Было организовано несколько совместных выставок. Одна из них, например, вГУК «Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств» – «Полцарства за коня» (1991 г.), в Национальном музее им. К. Герда УР – «Тайны старого горшка» (1997 г.). Для постоянной экспозиции по археологии в Национальный музей УР им. К. Герда переданы

¹ Казанцева О.А. История музеев Удмуртского государственного университета. Научное издание. Ижевск, 2011; Казанцева О.А. Роль музеев Удмуртского государственного университета в научно-исследовательском процессе вуза // Музеи Евразийских университетов в подержании и развитии общего образовательного процесса: сб. ст. Томск, 2013. С. 225-234.

на временное хранение предметы из фондов музея «Древняя и средневековая история Камско-Вятского междуречья», что характеризует обмен коллекциями между государственным музеем и университетским, ведомственным музеем.

4 октября 2013 г. в МУК «Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия им. М.Т. Калашникова» открылась выставка «Оружие и цивилизация» на основе археологических материалов, в основном из фондов музея «Древняя и средневековая история Камско-Вятского междуречья». Символично, что в подготовке этой выставки принимали участие студенты, научные сотрудники, преподаватели ИФ, а также научные сотрудники музея – выпускники исторического факультета УдГУ.

Совместные лекции и практические занятия преподавателей исторического факультета и музейных сотрудников в рамках учебных дисциплин в залах государственных музеев УР (Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств, Национальный музей УР им. К. Герда) интереснейшее направление их взаимодействия. Например, при изучении студентами-специалистами темы «Консервация и реставрация в области музейного дела» по дисциплине «История материальной культуры», лекции проводились с привлечением специалиста в области исследования и реставрации ткани В.В. Зубковой (зав. отделом реставрации Национального музея УР им. К. Герда). Общие направления истории реставрационного дела России были озвучены преподавателем вуза, а детали специалистом-практиком. Специалист в области масляной живописи Т.П. Николаева (ГУК «Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств») в реставрационной мастерской музея показала некоторые приемы консервации и предоставила возможность желающим поработать инструментами реставратора.

Значение подобных мастер-классов велико, так как в процессе общения со специалистом студенты могут гораздо больше узнать о профессии реставратора. В какой-то мере, подобные занятия определяют дальнейший профессиональный интерес студентов. Ярким примером, в этом плане, является судьба студентки ИФ – В.Ю. Шульминой, которая специализировалась на кафедре дореволюционной отечественной истории, а затем работала реставратором изделий из ткани в Музее истории и культуры Среднего Прикамья в г. Сарапуле. В настоящее время она – штатный сотрудник ГМЗ «Павловск» (Ленинградская область), художник-реставратор тканей. За время своей работы она вернула к жизни около 2 тыс. памятников для Музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул), государственного Музея истории Санкт-Петербурга, государственного музея-заповедника «Петергоф», Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН и многих других.

Музей и культура студента. Взаимодействие музея и студента с целью повышения общекультурной компетенции складывается из самостоятельного посещения музеев, выставок, освоения учебных дисциплин и музейно-экскурсионной практики. В музее студенты получают новые знания, осваивают практические навыки работы с вещественными, письменными, изобразительными источниками, значительно расширяют свою эрудицию в области культуры, приобретают бесценный опыт работы с источниками. Музей (не только его фонды, но и библиотека) используется как важный и необходимый информационный центр студентами-историками.

Необходимо отметить, что студент в музее – особый посетитель. С одной стороны, его уже трудно чем-то удивить, а с другой стороны, он хотел бы видеть в музее то, что не увидит в кинотеатре или на дискотеке. Музей взял на себя прекрасную возможность повысить уровень художественной культуры студентов, предлагая интересные лекции, авангардные выставки. Совершенно справедливо указывает В.О. Гартиг (зам. директора Удмуртского музея изобразительных искусств) на особые формы работы музея со студентами¹.

Перспектива взаимодействия государственных, муниципальных музеев и исторического факультета УдГУ представляется в расширении границ партнерских отношений: активном вовлечении студентов и преподавателей не только в традиционную – фондовую, экспозиционно-выставочную и экскурсионную работу, но и в проектную деятельность, социальная значимость которой необычайно высока в настоящее время в обществе.

Перспективны тематические междисциплинарные научные исследования творческими коллективами обеих учреждений: вуза и музея. Многие студенты-историки владеют иностранными языками, что является важной, новой гранью для сотрудничества государственных, муниципальных учреждений: музея и вуза – чтение тематических экскурсий для иностранцев.

Таким образом, позитивный диалог между музеями и историческим факультетом УдГУ имеет более чем десятилетний опыт успешного сотрудничества в разных направлениях и имеет, безусловно, перспективу.

¹ Гартиг В.О. Музей в системе образовательной деятельности // Концепция развития музейной сети Удмуртской Республики. Ижевск, 2011. С. 169.

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ЭКСПОЗИЦИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ УР им. К. ГЕРДА

Г.В. Мезрина

Ижевск

Национальный музей УР им. К. Герда – крупнейшее культурно-просветительное и научное учреждение Удмуртии. Число посетителей достигает 110 тысяч в год, ежегодно проводится более 2000 экскурсий. Экспозиции музея охватывают период от первобытнообщинного строя до середины XX в. В нашей экспозиции представлены богатейшие документальные, фотоиллюстративные и вещевые материалы, позволяющие знакомиться с яркими примерами жизни и деятельности земляков. Изучение аудитории нашего музея показывает, что среди посетителей 73% составляют юные граждане: дошкольники, школьники, студенты.

Цель культурно-образовательной деятельности музея – развитие нравственных качеств личности ребенка и подростка. Развивать у детей понимание богатства культурного наследия и воспитывать бережное отношение к нему необходимо с дошкольного возраста. В НМУР им. К. Герда накоплен большой опыт работы с детьми дошкольного возраста: в течение 20 лет работа носит целенаправленный характер, ведётся на договорной основе. В рамках образовательной программой «Азбука краеведения» осуществляется духовно-нравственное воспитание дошкольников на культурных традициях своего народа. Так, в 2012 г. с мероприятиями познакомились дети подготовительных групп 17 ДОУ г. Ижевска. Из 17 предлагаемых тем, каждое ДОУ выбирает 5-6. Дети в дошкольном возрасте эмоциональны и восприимчивы. Большинство занятий цикла проводятся в форме игры. В каждом занятии определены цели, задачи, методы, дается домашнее задание. Дети выражают свои чувства и впечатления от занятий: рисуют, лепят, делают аппликации. Учебный год по программе начинается в октябре, а заканчивается в мае традиционным праздником «Звонкие роднички». Дети показывают всё то, чему научились в музее и детском саду: удмуртские, русские, татарские танцы и песни, стихи, весело кружатся в хороводе с сотрудниками, одетыми в национальные костюмы.

В более широком направлении музей сотрудничает с различными типами школ: общеобразовательными, вспомогательными, лицеями, гимназиями. Аудиторией программы «Наша Родина – Удмуртия» является самая многочисленная категория наших посетителей – младшие школьники. Для них разработаны познавательные-развивающие игры – занятия, где учащиеся – не пассивные слушатели, а непосредственные участники: отвечают на вопросы, рассуждают, двигаются, имитируют действия. На занятии «Рожь да Пшеничка, или Зегай но Чачабей», проводимой на вы-

ставке «Мы – удмурты», дети знакомятся с длинной дорогой хлебного зёрнышка от поля до нашего стола. Весь рассказ ведущего построен как сказка. Дети отгадывают загадки, проигрывают все этапы выращивания хлеба, запоминают некоторые удмуртские слова. В ходе занятия – путешествия «В гости к кукле Зорай», проходящего на той же выставке, ученики прогуливаются по удмуртской деревне, знакомятся с национальной одеждой, бытом и занятиями удмуртов. Ведут это путешествие два музейных педагога с помощью театральной куклы Зорай. Этот приём разнообразил не только форму, но и содержание занятия, ведь информация, поступающая от педагога «интерпретируется» куклой с учётом возрастной психологии детей.

Для детей среднего школьного возраста на выставке «Мы – удмурты» проводится театрализованная экскурсия «В гостях у удмуртов». Этнографический материал иллюстрируется в «лицах», оживляя экспозицию и делая её осязаемой и доступной. Общение с учащимися строится так, что они тоже становятся участниками действия: теоретический путь посвящения в тайны изготовления холста дополняется вполне практическим интерактивным освоением ткацкого производства: школьники плетут пояс, завязывают лапти, помогают удмуртской невесте украсить полог, учат на удмуртской свадьбе танец «Тыпыртон». Таким образом, выполняется задача воспитания в подрастающем поколении национального самосознания, интернационализма, чувства гордости и уважения к традициям народа.

В ходе реализации образовательной программы «Мой город» учащиеся среднего школьного возраста посещают выставку «Города начинались с заводов...», где участвуют в театрализованной экскурсии «Ожившая старина: встречи на улице Базарной». На знакомых с детства улицах играют в путешествие в прошлое: закрывают глаза и отправляются на 100 лет назад. Музейные предметы помогают войти в мир давно ушедших людей: мастеровых ижевского железодельного завода, основателя Ижевского оружейного завода А. Дерябина, талантливого архитектора С. Дудина, знаменитых ижевских оружейников, классной дамы женской гимназии, земского врача, артистки самодеятельного театра. Когда ведущие экскурсии говорят обо всём в настоящем времени, ставят ребят на место героев повествования, это производит на детей огромное впечатление.

В пасхальные дни на этой выставке в рамках программы «Народные праздники» для учеников средних классов проводится праздничное мероприятие «Христос Воскресе». В импровизированной обстановке XX в., ребята не только узнают, как праздновали Пасху, но и участвуют в праздничном действе, получают сувенир на память о празднике в музее. Одно из назначений музея – дарить праздник. Такой праздник дарит дошкольникам и школьникам еще одно мероприятие программы «Народные праздники» – театрализованная экскурсия «Рождественские огни Ижевского завода».

Это путешествие в прошлое, знакомство с традициями празднования Рождества в нашем крае. В течение 15 лет в канун Рождества в большом и светлом зале музея создается яркая, праздничная экспозиция. В сопровождении дамы – ведущей гостям театрализованного действия предлагается прогуляться по улицам посёлка Ижевского завода. Дети учат колядку, заходят в гости к гостеприимным хозяйкам удмуртской избы, купеческого особняка, дома немецкого инженера, работающего на Ижевском оружейном заводе, чтобы услышать рассказы о том, как проводили Святки, готовились к Рождеству. А затем все ребята принимают участие в святочных забавах. Экскурсия пришлась по душе нашим маленьким посетителям, их родителям и учителям. Доказательство тому непрерывающийся поток посетителей на протяжении многих лет в канун Рождества, многочисленные публикации в печати и на телевидении. Возможно, одной из причин её популярности является то, что она удачно совмещает в себе рекреационную и воспитательно-образовательную функции.

Театрализация способствует усилению восприятия и интереса у посетителей. Метод театрализации в экскурсии «Мы ковали Победу в тылу...» позволил добиться эмоционального сопереживания, понимания, сопричастности событиям суровых дней войны наших юных посетителей. «Действующими» лицами в этой экскурсии являются как музейные предметы, так и люди. В экскурсии 4 действующих лица и ведущий. Основа рассказа – подлинные события, биографии. В рассказе каждого героя есть главный экспонат: в «военкомате» – это заявление добровольца, которое дети зачитывают вслух, в «квартире работницы машзавода» – это продуктовые карточки, морковный чай, заводская премия: ботинки огромного размера, в «доме колхозника» – это письмо – «треугольник» с фронта от Героя Советского Союза, хлеб из лебеды, в «окопе на передовой» – это оружие, выпускавшееся в Удмуртии, в «госпитале» – это пуля, извлечённая из сердца бойца главным хирургом госпиталей Удмуртии. Эта эмоциональная экскурсия пользуется огромным спросом, сотрудники музея проводят её дважды в год: в феврале и в мае. Мероприятие – часть образовательной программы для школьников «Славы воинской творцы», в ходе которой дети посещают выставки и мероприятия по военно-патриотической тематике. Встречи с ветеранами войны играют неоценимую роль в духовно – нравственном воспитании, их рассказы о военном времени и боевом пути всегда остаются в памяти учащихся. Совместно с руководителем школьного музея «Герои Советского Союза – наши земляки» Р.М. Сониной создана передвижная выставка «Воспоминания», рассказывающая о подвигах наших земляков в годы Великой Отечественной войны. На протяжении 9 лет она работает в школах Ижевска и соседних сельских районов.

Среди посетителей музейной экспозиции значительно увеличилось число студентов и учащихся средних специальных учебных заведений.

Учебная программа «Краеведение для учащихся ССУЗОВ» разработана для учащихся Ижевского экономико-технологического колледжа (ранее торгово-финансовый колледж) и реализуется на протяжении 12 лет. Занятия проводятся непосредственно в музее. При проведении занятий используются такие формы, как лекции и экскурсии по музейной экспозиции, где учащиеся знакомятся не только с фотографическим, справочным материалом, но и с подлинными вещественными предметами и документами, представленными в разных разделах исторической экспозиции и на музейных выставках. Именно подлинность музейных предметов придает полученным здесь знаниям и достоверность. Проводимые занятия не только углубляют знания студентов по истории Удмуртии, но и способствуют формированию у них образного представления о своеобразии и неповторимости родного края. Учебная программа включает в себя 14 тем и рассчитана на 34 учебных часа. Изучение дисциплины «Краеведение» предполагает и самостоятельную работу учащихся с литературой, энциклопедическими и справочными пособиями, периодической печатью, подготовку к зачетам, а также их знакомство с историческими достопримечательностями города и республики. С целью контроля усвоения знаний программой предусмотрено проведение двух зачетов по пройденным темам.

По программе «Я – гражданин» для студентов и учащихся проводится экскурсия – урок «Государственное строительство в Удмуртии». В программе урока: посещение выставки «Города начинались с заводов...»; пешеходная экскурсия по административному центру Ижевска, в ходе которой знакомятся с этапами становления государственности, современным политическим устройством, функциями государственных структур республики.

Много лет в музее существует театр народного костюма. Программа театра знакомит зрителей с национальной одеждой, традициями и обычаями не только различных групп удмуртов, но и русского и татарского населения края, она отвечает запросам как взрослой, так и детской аудитории.

Посещение музея – неопределимое средство развития положительных эмоций, эстетического вкуса ребенка, его познавательной активности. Мы стремимся, чтобы выставки музея создавали условия для совместного досуга детей и родителей, для общения, на которое так часто не хватает времени. Сориентироваться в экспозиции помогают специально разработанные игровые путеводители: «Прогулка с кафтанчиком» (по выставке «Города начинались с заводов...»), «Вот моя деревня...» (по выставке «Мы – удмурты»). Стимулировать взрослых на совместную работу с ребёнком помогают творческие задания для детей и их родителей по выставкам.

В творческих зонах, расположенных на выставках музея, дети с помощью родителей могут рисовать и закрашивать картинки, собирать пазлы, изготавливать куклы-закрутки, ёлочные игрушки, примерять историче-

ские костюмы, отгадывать загадки и кроссворды, оставлять записи – впечатления в специально отведённых местах.

Таким образом, наряду с другими музеями наш музей всё чаще выходит за рамки привычного экскурсионного показа и становится организатором иных форм культурно-образовательной деятельности: игр – занятий, экскурсий – путешествий, театрализованных экскурсий, музейных праздников. Музей передает детям и молодежи те знания, которые формируют их нравственность на основе традиционной для Отечества духовности, формирует опыт поведения и жизнедеятельности на базе духовно-нравственных ценностей, выработанных культурой народов края.

Культурно – образовательная деятельность нацелена на длительные систематические отношения музея и посетителя. Если у наших юных посетителей появится желание ещё раз прийти в музей, уже одного этого будет достаточно, чтобы считать свою задачу формирования уважительного отношения к истории выполненной.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

*Н.А. Зелинская
Ижевск*

В настоящее время роль региональных культурных учреждений Российской Федерации в образовательной и научно-просветительской деятельности становится все более активной, разнообразной и эффективной. Работники культуры разрабатывают и реализуют новые образовательные стандарты, участвуют в конкурсах на получение грантовой поддержки своей инновационной деятельности.

Региональные учреждения культуры нашей страны следуют современным тенденциям, которые происходят в науке, культуре и образовании. Именно поэтому работники сферы культуры РФ осознают необходимость внедрения новых форм работы и взаимодействия как с другими региональными культурными учреждениями, так и с посетителями, т.е. той целевой аудиторией, в интересах которой функционирует то или иное культурное учреждение того или иного субъекта Российской Федерации. Чтобы оставаться конкурентоспособными в своей деятельности, специалисты, работающие в системе культуры, как в столичных учреждениях, так и на местах, т.е. в регионах, внедряют инновационные современные технологии и образовательные программы

Эти технологии и программы нацелены на повышение качества обслуживания посетителей и передачу им еще большего объема информа-

ции благодаря тому огромному историко-культурному наследию региона, отдельные реликвии которого хранятся в местных культурных учреждениях, в том числе, в архивах, библиотеках, музеях и других культурно-просветительских учреждениях нашей страны.

Автор данной статьи предлагает подробнее акцентировать внимание на музейных учреждениях как организациях, в чьи задачи входит непосредственное взаимодействие с разными группами посетителей посредством истории, культуры, литературы, науки, искусства и других областей знания. Другими словами, музейные учреждения, как столичные, так и региональные, напрямую осуществляют передачу знаний об истории и культуре того или иного региона посетителям, среди которых одну из важных категорий составляют воспитанники детских дошкольных учреждений, учащиеся общеобразовательных школ, гимназий и лицеев, а также, студенты средних специальных учебных заведений и вузов.

Принимая во внимание интересы именно этой категории посетителей, музейные учреждения реализуют новые образовательные и научно-просветительские программы для студентов и школьников. Исходя из этого, можно утверждать, что образовательная функция музеев нашей страны, и в первую очередь, региональных музейных учреждений, является в настоящее время одним из самых приоритетных направлений в работе любого музея.

При этом не следует забывать и о других направлениях работы столичных и региональных музеев, которые они проводят наряду с образовательной деятельностью среди подрастающего поколения. Важно выделить и собирательскую деятельность современных музеев (т.е. выявление предметов музейного значения), и такие функции музеев, как хранение музейных предметов в своих фондах, их изучение, экспозиционную и выставочную работу, которую успешно осуществляют сотрудники столичных и региональных музеев.

Что касается музеев Удмуртии, в настоящее время в нашем регионе функционируют несколько государственных музеев, среди которых можно выделить Национальный музей Удмуртской Республики им. Кузубая Герда, Государственный мемориально-архитектурный комплекс «Музей-усадьба имени П.И. Чайковского», Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия имени М.Т. Калашникова, Удмуртский республиканский музей изобразительных искусств, Архитектурно-этнографический музей-заповедник под открытым небом «Лудорвай», Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар».

Так, Национальный музей Удмуртской Республики имени К. Герда сегодня является крупнейшим культурным, образовательным и научно-просветительским центром региона. Он по праву координирует работу местных и муниципальных краеведческих музеев, расположенных в горо-

дах и сельских населенных пунктах нашей республики. Национальный музей УР им. К. Герда, основанный еще в 1920 г. как краеведческий музей, ведет активную работу в сфере реализации культурных и образовательных программ для студентов и школьников, уделяя большое внимание патриотическому воспитанию подрастающего поколения и формированию активной гражданской позиции у молодежи.

Необходимо подчеркнуть, что образовательные программы Национального музея достаточно разнообразны и варьируются в зависимости от возраста и интересов посетителей музея. Одной из ключевых образовательных программ, разработанных и реализуемых сотрудниками Национального музея УР, является программа под названием «Я – гражданин». Она нацелена на знакомство учащихся школ и студентов с историей возникновения Ижевска как заводского поселка и становлением государственности Удмуртии.

Следует отметить, что к 1150-летию российской государственности в Национальном музее УР им. К. Герда была разработана образовательная программа «Уроки государственности», которая ставит своей целью рассказать молодежи о Государственных символах нашей страны, начиная от государственных символов Российской Империи и заканчивая государственной символикой Российской Федерации. В рамках данной образовательной программы экскурсантов знакомят с историей государственного строительства Удмуртской Республики, начиная с 1917 г.

Ряд образовательных программ, реализуемых Национальным музеем УР, посвящается одной из самых героических страниц в истории советского народа – Великой Отечественной войне. Среди них следует отметить цикл лекций на тему «Удмуртия в годы войны», «Тыл фронту», «Герои Советского Союза – наши земляки», выставку «Великая Отечественная...1942», театрализованную экскурсию «Рассказы о войне», а также передвижную выставку «Воспоминания». О необходимости реализации таких образовательных программ среди подрастающего поколения говорят показатели работы музея, в частности, статистика посещаемости этого учреждения культуры.

Музеем разработана также образовательная программа для воспитанников дошкольных образовательных учреждений под названием «Кладовая истории». Эта программа представляет собой цикл лекций, призванная в доступной игровой форме познакомить дошкольников республики с историей родного края. О необходимости реализации этой программы говорит то, что ребята легко усваивают представленный материал и получают начальные знания по истории нашего региона.

Интересную образовательную программу предлагает и Архитектурно-этнографический музей-заповедник под открытым небом «Лудорвай». Так, образовательные программы для детей и школьников на основе тради-

ционной русской культуры «Круглый год», представляет собой фольклорные интерактивные спектакли, который знакомят детей с жизнью русской деревни. Например, осенью и зимой музей реализует следующие образовательные программы: «Покров батюшка» (программа проводится в октябре), «Кузьминки» (реализуется в ноябре), «Наум – Грамотник» (образовательная программа, которую сотрудники музея реализуют в декабре).

Во время проведения таких программ исполняются народные песни, сотрудники музея рассказывают детям историю того или иного праздника, знакомят их с предметами старинного быта. Детей вовлекают в народные игры, они с радостью разгадывают загадки. В рамках образовательной программы проводятся занятия по рукоделию.

Государственный мемориально-архитектурный комплекс «Музей-усадьба имени П.И. Чайковского» также реализует образовательные программы для детей и подростков. Так, сотрудники музея проводят активную работу как с муниципальными образовательными учреждениями города Воткинска и сельскими школами, так и с дошкольными учреждениями города Ижевска. Особенно востребована среди учащихся школ и воспитанников дошкольных учреждений музейно-педагогическая программа «Школа семьи Чайковских».

Интерес представляют также выездные музейные мероприятия и познавательные занятия для дошкольников, среди которых можно выделить следующие: «Рождественская сказка о непобедимом Щелкунчике», «Звуки музыки», «Широкая Масленица», «Ярмарка в Дымково» и др.

Образовательные программы для дошкольников и учащихся общеобразовательных учреждений и студентов предлагает и Музейно-выставочный комплекс стрелкового оружия имени М.Т. Калашникова. В музее разработаны следующие программы: «Богатыри земли русской» и «Город оружейников». Первая из них – это образовательная программа для дошкольников. Она построена на материале народного эпоса. Патриотизм и воинский подвиг русского народа, раскрываемые на примере эпических героев и выдающихся исторических личностей, представлены во взаимосвязи с предметным миром – музейными экспонатами, которые можно посмотреть в залах музея. Данная программа построена с учетом психологических особенностей детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста. Среди форм проведения занятий музейные работники выделяют рассказ, беседу, просмотр мультимедийных фильмов, аудио-видео материалов, а также использование развивающих игр.

Реализация этой программы осуществляется в учреждениях системы дошкольного образования, кроме того, она может быть использована для организации клубной, кружковой работы в младших классах и во внеклассной работе в общеобразовательных учреждениях. Сотрудники музея ставят следующую цель в ходе реализации программы «Богатыри земли

русской»: патриотическое воспитание детей дошкольного и младшего школьного возраста; знакомство с героическим прошлым Родины; развитие у дошкольников и младших школьников мотивации к познанию историко-культурных традиций народа; развитие интеллектуальных способностей детей.

Образовательная программа для школьников и студентов «Город оружейников» – это уникальная программа, т.к. она основана на региональном материале – оружейной тематике, которая занимает отдельную страницу в истории нашего региона. Программа способствует развитию творческих способностей учащихся и студентов в широком гуманитарном контексте и предоставляет возможность первых профессиональных проб, как в технических, так и гуманитарных видах деятельности. Это многоуровневая модульная программа, которая интегрирована в учебный процесс и проводится во взаимодействии с общеобразовательными учреждениями города и республики. Цели программы – патриотическое воспитание и социальная адаптация подростков; выявление и развитие творческих способностей учащихся; расширение знаний по истории России и Удмуртской Республики; воспитание трудовых резервов для экономики республики; предпрофессиональная подготовка подростков.

Кроме того, важно отметить, что в музее организован лекторий, в рамках которого проводятся уроки-лекции для учащихся 8-9 классов общеобразовательных школ, лекционные циклы «Ижевск – город оружейников», знакомящий школьников и студентов с историей оборонного производства в Удмуртии, в том числе, в Ижевске, и «Знаменитые оружейные конструкторы Ижевска». Также в музее читают лекции для школьников и студентов известные историки, физики, биологи, политологи, экономисты, философы, искусствоведы и конструкторы-оружейники.

Таким образом, музеи Удмуртской Республики разрабатывают и реализуют востребованные временем образовательные программы для воспитанников дошкольных учреждений, учащихся средних образовательных учреждений и студентов с целью формирования знаний по истории и культуре своего родного края, а также патриотического воспитания детей дошкольного и школьного возраста, студентов средних специальных и высших учебных заведений региона. Роль музеев Удмуртии в образовательном пространстве нашего региона является достаточно важной, своевременной и востребованной среди посетителей и не может вызывать сомнений в своей эффективности.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»: ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА РАБОТЫ

*Е.М. Черных
Ижевск*

Вечное всегда носит одежду времени, и одежда эта так срастается с людьми, что порой под историческим мы не узнаем сегодняшнего, нашего, т.е. в каком-то смысле не узнаем и не понимаем самих себя

Настоящее и будущее культуры всегда существует в отношении к прошлому. И у современного информационного общества нет иного пути развития, кроме как через сохранение и передачу духовного опыта человечества. НОЦ «Наследие» был создан в самом конце 2009 г. на базе нескольких подразделений исторического факультета – кафедры археологии и истории первобытного общества, Института истории и культуры народов Приуралья и Музея древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья. В их деятельности одними из основных задач всегда стояли сохранение, изучение и популяризация историко-культурного (прежде всего, археологического) наследия народов УР. В практике работ Камско-Вятской археологической экспедиции, организованной Р.Д. Голдиной в 1973 г. и проводившей масштабные исследования с целью выявления и изучения памятников всех эпох, изначально большое место занимали хозяйственные работы. Они гарантировали финансовую обеспеченность экспедиции, необходимый уровень ее материально-технической базы, позволяли расширять пространственное поле и количественные параметры проводимых работ. Одновременно нарабатывались партнерские связи с хозяйствующими субъектами, государственными и муниципальными органами власти. Вовлечение все эти годы в сферу полевой и камеральной работы археологов университета специалистов различного профиля (географов, биологов, физиков, антропологов и т.д.) обеспечивало интегративный характер всем проводимым мероприятиям и программам. В итоге, к настоящему времени наш коллектив подошел вполне подготовленным к тем новым задачам, что были сформулированы руководством вуза как определяющие характер научной и инновационной деятельности вуза.

Сотрудничество науки и образования в деятельности НОЦ «Наследие» реализуется через организацию на базе кафедры археологии специализации, аспирантуры, а в условиях реформируемого образования и магистратуры. В учебные программы включены курсы по подготовке специалистов, способных выполнять работы по выявлению и изучению археологических памятников, осуществлять мониторинг состояния памятников археологии, проводить охранно-спасательные работы на разрушаемых объектах, готовить аналитические отчеты и экспертные заключения для органов государственной власти. Задача подготовки таких специалистов весьма актуальна. В УР система государственной охраны объектов историко-культурного наследия пока еще находится в стадии формирования, тогда

как потребности хозяйственного освоения, активизация деятельности внешних инвесторов на рынке строительства, масштабные земельные мобилизации ведут к стремительной и безвозвратной утрате памятников археологии. Появление в спектре нашей деятельности новых направлений – промышленной, городской, церковной археологии – требуют адекватной обстановке реакции и со стороны научно-образовательного сообщества. Думаю, министерствам культуры и образования стоит задуматься о перспективах подготовки таких кадров. Грамотные менеджеры в сфере сохранения и использования историко-культурного наследия – социальный заказ не столь уж отдаленного будущего.

Проблема выведения культурного и, в том числе, археологического наследия из сферы узкопрофессиональных интересов ученых на уровень общезначимого дела, ставит на повестку дня задачи формирования в общественном сознании интереса и уважения к национальным древностям, популяризации наследия как реального культурного фундамента национальной истории. Организация вузовского Музея, выставочная деятельность на местах проведения раскопок, в Ижевске, в других городах и за рубежом, пропаганда нашего исторического и культурного наследия – уже давно стали для археологов непреложной задачей. Проведение экскурсий для студентов и школьников, лекций, выполнение курсовых и дипломных проектов, диссертационных исследований обеспечили Музею древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья статус многофункционального центра сохранения и популяризации многонациональной культуры народов Прикамья. Через проектную деятельность в последние годы проводится модернизация существующей экспозиции музея (уникальные экспонаты, хранящиеся в нем, в настоящее время выведены в кольцо сайтов Удмуртского госуниверситета и Ассоциации финно-угорских университетов России как виртуальный музей). Сегодня совместно с ЦКПП отрабатываются научно-прикладные задачи по реставрации и консервации экспонатов основного фонда музея. Иллюстративно-тематическое издание «Наследие народов Прикамья», подготовленное коллективом авторов во главе с Р.Д. Голдиной по материалам музейных коллекций было удостоено Национальной премии РФ в 2007 г. в номинации «За большой вклад в популяризацию археологического наследия». Сотрудниками кафедры и Института ведется активная работа по картированию объектов историко-культурного наследия УР. В тесном сотрудничестве со студентами опубликованы каталоги «Памятники истории и культуры Шарканского района УР как источник по изучению края» (Бодалева М.Н.), «Объекты историко-культурного наследия Завьяловского района УР как источник по истории края» (Ларионова Е.Л., Шапран И.Г.), «Объекты историко-культурного наследия Малопургинского района Удмуртской Республики» (Орлова Т.Е., Шапран И.Г.). Издана первая под-

робная карта археологических памятников одного из самых крупных районов – Каракулинского района (Голдина Р.Д., Черных Е.М.).

Прерогатива охраны и сохранения памятников истории и культуры законодательством РФ отводится государственным органам, имеющим на то юридические полномочия. Ученый в этой системе – не сторонний наблюдатель. На нас лежит ответственность за качественное и своевременное проведение обследований территорий при землеотводах и строительстве, выполнение экспертных оценок предлагаемых хозяйственных проектов. Несогласованные земляные работы зачастую приводят к полному или частичному разрушению памятников археологии. В нашей практике таких примеров более чем достаточно. Но достаточно и позитивного опыта. Так, сотрудниками кафедры и института проводились спасательные аварийные раскопки на территории ОАО «Ижмаш», Троицкого кладбища г. Ижевска, давшие оригинальные материалы по культуре повседневности ижевских обывателей XIX – первой трети XX вв. Такие работы предоставляют уникальную возможность для успешной реализации междисциплинарного подхода к изучению историко-культурного наследия, верификации исторических реконструкций недавнего прошлого. Показательна сама динамика заключения хозяйственных договоров: если в 1973–2000 гг. нами было реализовано около 35 проектов, то за 2001–2010 гг. – уже более 100. К сожалению, доля республиканских договоров среди них все еще мала. Это с очевидностью демонстрирует как недоработки со стороны местных компетентных органов, так и свидетельствует о масштабности предстоящей работы на ниве регионального историко-культурного наследия. Эффективное взаимодействие госорганов охраны, заказчиков строительства и ученых университета пока еще выглядит скорее как желательный, но не действительный результат. В ближайшее время одним из приоритетных направлений будет являться инвентаризация памятников археологии, стоящих на государственной охране, мониторинг их состояния, процедура определения границ территорий памятников, параллельно с обследованием ранее неизученных территорий. Такая работа должна проводиться на ином качественном уровне: с привлечением данных аэрофотосъемок и космического зондирования, с точной привязкой границ памятников с помощью современного высокоточного оборудования. В 2013 г. первый такой опыт был апробирован при определении границ Карлудских городищ в городской черте Ижевска.

Инновационный потенциал данного направления в деятельности НОЦ «Наследие» заложен и в декларируемом государством современном подходе к культурному наследию как уникальному ресурсу для развития территорий и как основы формирования общенациональной идеи. Удмуртское Прикамье является той территорией, на которой аккумулированы уникальные природные и исторические ландшафты, что позволяет сегодня ставить перспективные задачи по вовлечению ее в сферу туристического биз-

неса. А это означает, что на ученых университета ложится ответственность по формированию имиджа привлекательности территории. Своеобразными «полигонами» для такой работы, безусловно, могли бы стать особо охраняемые природные территории Удмуртского Прикамья – Национальный парк «Нечкинский» и Природный парк «Усть-Бельск». Такая работа, конечно, проводится, но силы историков, археологов, географов, биологов разобщены. Назрела необходимость совместных природоохранных и культуроохранных проектов. На сегодняшний день удачным можно признать опыт взаимодействия с администрацией НП «Нечкинский» (проведение краеведческо-археологических экспедиций на Усть-Нечкинских городищах и Гольянском кладбище, издание совместных сборников научных работ, организация выставок) и природным парком «Усть-Бельск» (совместные проекты по изучению и популяризации историко-культурных достопримечательностей парка). Безусловно, сфера изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия гораздо шире тех аспектов, что мною отмечены. Но, смею надеяться, что это лишь начало большого разговора и большой работы.

О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ «ИТАЛЬЯНСКОГО ПУТЕШЕСТВИЯ»

Н.Ю. Старкова
Ижевск

*С Тосканой трудно расставаться,
и невольная мысль о том,
что никогда больше не увидишь ее,
сжимает при этом сердце*

П.П. Муратов

Испытываю стойкий профессиональный интерес кразного рода литературе о путешествиях, начиная с классиков древнегреческой литературы – Геродота, Ксенофонта, Диодора Сицилийского и особенно «Описания Эллады» Павсания¹.

В последние десятилетия литература путешествий исследовалась достаточно подробно и у нас и за рубежом. Путевой очерк – жанр не умираю-

¹ См.: Старкова Н.Ю. Пелопоннесский союз в источниках и историографии: курс лекций. Ижевск, 2010. 338 с.; Старкова Н.Ю. «Описание Эллады» Павсания как источник по внешнеполитической истории Спарты и Пелопоннесского союза // Национальный/социальный характер. Археология идей и современное наследие: мат-лы Всероссийской науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 135-137.

щий, он сохраняет значимость и в настоящее время. В связи с этим заметно возрос интерес к традиции, истории вопроса. Проблема исследования находится на стыке гуманитарных наук, требуя междисциплинарных подходов. В рамках филологических дискуссий много внимания уделяется терминологическим аспектам. Кроме терминов «путевые сообщения», «путевые заметки» со временем появились и другие наименования – «путевой справочник», «путевой очерк», «дорожная новелла», «путевой роман». Отдельные поэты и писатели увеличили этот перечень, предложив и более отвлеченные названия «путевые картины», «путевые эскизы»¹.

Культурологический аспект практики путешествий достаточно часто освещают в свои трудах философы. Бытует мнение о том, что литература путешествий синтезирует функции передачи информации, добытой путешественниками, популяризует научные знания среди широкого круга читателей, воздействует на сознание путем убеждения². В 2009 г. по инициативе Флорентийского общества в Москве был систематизирован объемный материал, касающийся впечатлений российской художественной и научной интеллигенции об этом итальянском городе и его образах³.

В 2012 г. опубликована коллективная монография об истории и развитии литературы о путешествиях в русской культуре, и она начинается разделом именно об итальянских путешествиях⁴. Монография доводит исследования до конца XIX в., поэтому в данной работе ставится задача рассмотреть и более поздний период. Непосредственной областью изучения избраны итальянские путешествия и их культурологическая и мировоззренческая составляющие в XX–XXI вв.

Как представляется, в современных условиях общественных и ментальных трансформаций особенно актуальна постановка вопроса о структурообразующей роли новых впечатлений в становлении и саморазвитии личности. Причем речь идет не о привычных формах современной мобильности, таких как экскурсионные туры, посещение достопримечательностей во время учебы или бизнес-проектов, маршруты выходного дня и т.п. Коренное отличие этих форм от путешествий состоит в том, что, во-первых, изменилось время путешественников для знакомства с достопримечательностями, оно «сжалось» до минимума. Во-вторых, при использовании современных транспортных средств не остается возможностей для «предвкушения» чуда, сразу наступает погружение в иную реальность. И,

¹ Мыртынова О.М. «Итальянское путешествие» Гете. Автореф. дисс. канд. филолг. наук. М., 1995. URL: <http://cheloveknaura.Com/italyanskoeputeshestviegete>

² Черепанова Н.В. Путешествие как феномен культуры. Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Томск, 2006. URL: <http://dissert.com./content/puteshestvie-kak-fenomen-kultury>.

³ Хождения во Флоренцию, Флоренция и флорентийцы в русской культуре: из века XIX–XXI в. М., 2009.

⁴ Золотой век GrandTour: путешествие как феномен культуры. СПб., 2012. 304 с.

наконец, осмысление случившегося не заставляет себя ждать, но, как правило, заканчивается выкладыванием фото в социальных сетях и комментариями в виде так называемых травелогов¹.

Итак, наше исследование посвящено социальным практикам, именуемых путешествиями, и они нашли свое отражение в подробной письменной фиксации пережитого опыта. Основным источником для данной статьи послужили сочинения авторов начала XX в. Удивительным феноменом русской культуры «серебряного века стала мемуарная литература того периода. Своими впечатлениями об Италии делились Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, П.П. Муратов, С.М. Волконский и многие другие.

Периоды присутствия Д.С. Мережковского в Италии хронологически достаточно отдалены друг от друга. Первые туристические поездки относятся к последнему десятилетию XIX в; в 1913 г. он приезжал на один день в Сан-Ремо из Франции, в период эмиграции провел в Италии несколько лет (1932–1937)². Вдохновленный любовью к Италии, Мережковский написал серию новелл о культуре Возрождения в Италии Европе, собранных в книге «Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV в.». Из всех итальянских городов его больше всех привлекает Флоренция: «Я ни о чем думать не могу, как о Флоренции. Я в нее влюблен, как в женщину; да разве она и не женщина, не Мона Лиза!... Я знаю, что Венеция пленительнее, но я больше люблю Флоренцию за то, что она мне кажется прекрасней. Она – серая, темная и очень простая и необходимая. Венеции могло бы и не быть. А что с нами было бы, если бы не было Флоренции!»³.

В череде великих достижений деятелей «серебряного века» выделяются своей оригинальностью записки Павла Муратова «Образы Италии»⁴. Первые два тома вышли в 1911–1912 гг., третий был выпущен в Германии во время расставания автора с Россией. Павел Павлович Муратов (1881–1950) известен как писатель, историк, искусствовед и издатель. «Образы Италии» – соединение всех его талантов в единое целое, это блестящее эссе, одновременно путевые заметки, биографии знаменитых людей и глубокие размышления об истории и художественном наследии Италии⁵. Эта книга о путешествии по Италии, по мнению известного культуролога Клайва Джеймса, безусловный шедевр европейской культуры, своего рода

¹ Жанр «травелога» (от англ. «путешествие») – это отчет о путешествии, не только хронология поездки, но и рефлексия и переживание увиденного. Современный травелог объединяет искусство интеллектуального путешествия со способностью проникать в жизнь и культуру чужой страны.

² URL: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php.id=225>

³ Там же.

⁴ URL: Lib.ru: Классика: Муратов Павел Павлович. Образы Италии.

⁵ П.П. Муратов служил в Библиотеке Московского университета, позже стал хранителем отдела изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея, затем сотрудником Исторического музея.

инициация в духовном становлении европейца. Она продолжает книги «итальянских путешествий» Гете, Грегориуса, Буркхарда, Симондса и др.¹.

Важнейшим источником для исследования феномена итальянского путешествия так же являются «Мои воспоминания» Сергея Волконского², внука декабриста, наследника богатейшей культурной традиции, одного из выдающихся деятелей русской культуры. В свое время он трудился смотрителем императорских театров, с 1921 г. жил в эмиграции. «Мои воспоминания» принадлежат, по общепризнанному мнению, к вершинам русской мемуаристики³. На первый взгляд среди затронутых тем доминируют детали повседневной жизни, родословная княжеской семьи, венценосные покровители и т. д. Но не меньший интерес представляют те страницы, на которых описывается процесс взросления автора, меняющиеся обстоятельства и, особенно, оценивается роль путешествий для становлений личности российского интеллигента.

На основании прочтения и анализа текстов П. Муратова и С. Волконского попытаемся выстроить гипотезу об особой культурологической роли именно итальянских путешествий. По хронологии появления «Образы Италии» появились чуть раньше, во всяком случае, первые два тома, поэтому логично рассмотреть сначала это сочинение.

Павел Муратов заметил, что итальянское путешествие должно быть одним из решительных душевных опытов. Частицу Италии путешественник уносит с собой в свои эпически нищие или буднично-благополучные земли и там, под небом суровым или опустошенным, иначе радуется, иначе грустит и иначе любит. В Италии все для нас важно и все драгоценно. Ощущение ее вечной жизненной стихии – вот то, что составляет истинный смысл итальянского путешествия. Методология Муратова-наблюдателя заключается в том, что фиксируя свои непосредственные наблюдения, он опирается на письменные источники – подробнейшим образом разбирает труды своих предшественников – мемуары Казановы, записки Армана Баше и др.

Автор подчеркивал, что итальянское путешествие, совершенное во времени и пространстве, пролегает в недрах нашего существа, в глубинах души вычерчивая свой ослепительный круг. Рассказывая о силе воздействия итальянского искусства на русского путешественника, автор «Образов Италии» придерживался географического принципа. Так, например, он заметил, что в **Риме**, в короткое время, занятое правлением двух пап,

¹ В 2007 г. вышла в свет монография Клайва Джеймса «Духовная амнезия», над которой автор работал более 40 лет. См.: Clive James. Cultural Amnesia. London – New York, 2007. URL: <http://www.novpol.ru//index.php?id=1232>

² Князь Сергей Волконский. Мои воспоминания. В двух томах. М., 1992.

³ Марина Цветаева. Кедр, Апология. О книге кн. С. Волконского «Родина» // Князь Сергей Волконский. Мои воспоминания... С.14.

Юлия II и Льва X, между 1503 и 1521 гг., как бы осуществилась старая мечта о золотом веке искусств. Мы шире теперь смотрим на Возрождение и знаем его более разносторонне, но годы Рафаэля и Микеланджело удержали свое право на особенное к ним внимание. П.П. Муратов с уверенностью заключил, что на свете нет другого такого явного художественного чуда, как потолок Сикстинской капеллы.

Весьма и весьма нетривиальна оценка роли и места Рафаэля Санти, чье искусство особенно легко сделалось достоянием всех европейских народов. Человечество, может быть, впервые почувствовало свое единство, воспитываясь на Рафаэлевых мифах и на Библии Рафаэля. Величайшая культурная роль его та, что он окончательно разлучил христианскую легенду с ее восточной семитической родиной и привел ее к античному древу.

Болонья была слишком далека от Флоренции не потому, что их разделяют Аппенины, но потому, что между ними лежит, по мнению П.П. Муратова, глубокая духовная пропасть. Во Флоренции – все величие, все гений, все страсть, все край; здесь же – только середина, только талантливость, только восприимчивость, только благоразумие. Этому городу, в котором столько веков течет уютная и приятная жизнь, не удалось совершить ничего великого. Болонья ни в чем не достигла высот творчества, она не дала Италии ни одного гения, ни одного святого, ни одного героя.

Флоренция внушила Данте любовь к миру и к иным мгновениям короткой жизни, ради которых можно забыть даже о пути к блаженству. Не делает ли она более ценным существование каждого из нас, ее мимолетных гостей? Этот город, такой обыкновенный в своих лавках, новых домах, новых улицах, где-то хранит для каждого целый клад еще неизвестных чувств, еще неизведанных до тонкости впечатлений. Но даже обыкновенное скоро перестает быть здесь таким, по мере того, как жизнь путешественника обращается в поклонение, и сам он из простого любопытного становится пилигримом. Флоренция жива, и ее душа не вся в ее картинах и дворцах, она говорит с каждым на языке простом и понятном, как язык родины.

Самое поразительное, на наш взгляд, из наблюдений П. Муратова заключается в следующем: «Камни Флоренции, так кажется, легче, чем камни, из которых сложены другие города»¹. И вот еще что: **«Ближе всего к Флоренции тот, кто любит»**. Для пилигримов любви она священна; в ее светлом воздухе легче и чаще стораец сердце. Счастье любви здесь благороднее, страдание прекраснее, разлука сладостнее. На этом древнем кладбище любви слишком много сожжено великих дум и слишком много пролито драгоценных слез, чтобы не верить здесь в искупление. Флоренция стала местом веры и радости. Каждый, кто смотрит на нее, принимает

¹ Муратов П. Указ. соч.

крещение во имя любви. Старое каждый миг оживает здесь, сливается с новым и в нем снова живет. Во Флоренции наше понятие о человечестве становится облагороженным.

Пиза. По мнению П. Муратова, другой такой площади нет в Италии, первое впечатление от Поля Чудес сильное, полное и чистое. Во всем мире трудно теперь встретить место, где могла бы так чувствоваться, как здесь, прелесть мрамора. Пизанская площадь кажется созданной чудесно и внезапно в одну ночь. За три столетия до Брунеллески здешние зодчие предчувствовали возрождение классических форм и возможность новой органической архитектуры на итальянской земле. История искусства верно оценила их дело, назвав «проторенессансом».

Сан Джиминьяно. П. Муратов вспоминал о пути к маленькому средневековому городку, расположенному на полпути из Флоренции в Сиену. Он подмечает, что зимний сон уже овладел полями. На виноградниках опали последние листья, оливковые рощи уже дали свой последний сбор. Мы были в сердце Тосканы, на пути, соединяющем Флоренцию и Сиену. Мы были высоко, на много верст кругом открылись поля и виноградники Тосканы, побуревшие дубовые леса, дымящие фермы, селения, краснеющие черепицей. Нас окружала священная земля – родина чести и высоты человеческой в прекрасном.

Воспоминания о Сиене в ряду итальянских воспоминаний остаются самым светлым и наиболее дорогим. Вдали от Италии образ этого благороднейшего тосканского города, как ничто другое, заставляет грустить о прошедших и счастливых странствиях. Жизнь в Сиене полна впечатлениями, составляющими истинную радость итальянского путешествия. Только Сиене одной свойственна глубокая чистота образов. Сиена – не кладбище, не мертвый город, как Пиза или Феррара.

Сиена вызывает особую симпатию. Любовь, которую внушает Флоренция, сложнее и восторженнее, тоска по Венеции неотвязнее, чувство Рима так огромно, что оно способно вытеснить все другие чувства. Но ни один из этих городов не мил так сердцу, как Сиена. Все мелкое, будничное и неполное, что приносит с собой современность, бессильно переделывать по-своему этот город. Кажется, что все минутное сгорает здесь в красном огне, которым полыхает Сиена на осеннем закате. В Сиене нет ничего печального, мрачного. Сиена всегда была беднее мыслью, чем Флоренция, но богаче чувством....

Цитирование из «Образов Италии» вполне можно было бы и продолжить, однако сделаем некоторые предварительные выводы. Соглашусь с Клайвом Джеймсом, выразившим радость, что открыл для себя Муратова поздно: необходима зрелость, чтобы понять «послание» этого произведения – принципиально важного урока Европейского гуманизма. «Образы Италии» – это нечто большее, чем эффектная книга по истории итальян-

ского искусства; *это книга посвящения в культуру, книга о роли культуры в нашей жизни, то есть о смысле нашего существования.*

Таким образом, «Образы Италии» – это первая глубокая интерпретация итальянского искусства на русском языке, и несмотря на это, она – программная книга, это не путеводитель, не дорожный дневник, а скорее – реальность, воссозданная воображением автора заново и надолго.

В своих дневниках С.М. Волконский писал: «Странствия! Чувствуете ли, как в этом слове есть что-то внутренне необходимое? Это не выдумка человека, это природе вещей. «Охота к перемене мест» не «весьма мучительное свойство». Это весьма естественное свойство. Перенесение своего «я», распространение своей пространственности – все живое к этому стремится»¹. С.М. Волконский для характеристики своих поездок использовал понятие «странствие». По мнению автора мемуаров, изменение пространственных условий – одна из радостей человеческих... Странствие есть память. Странствование, воспоминание о нем заселяет наши пустые мгновения; никакая пустыня не пуста, когда есть что вспомнить. А никакая память с такой свежестью не сохраняется, как память о странствии.

Всякое свое странствие человек с собой несет, потому что каждое меняет его, после каждого он уже не тот; каждое новое странствие есть новое богатство, и никогда к этому воспоминанию не примешивается сожаление. Странствие – ответ на притягательную силу далеких призывов. Это жажда нового, иного... Странствие – осуществляемость мечты, утомляемость тоски... Но не всегда утоляется тоска; утоление распаляет жажду. Чем больше знаем, тем больше хочется знать; чем больше видим, тем больше хочется видеть².

С.М. Волконский вспоминал, что в первый раз приехал в Италию в 1872 г. осенью, когда ему было двенадцать лет; семья провела зиму во Флоренции. Он написал: «Моя мать, жившая до шестнадцати лет в Италии, знала итальянское искусство как редко кто»³. Впоследствии Италия стала для автора духовной потребностью. Мемуарист изъездил большие и маленькие города. Он заметил, что в особенности «маленькие любил я... Каждый городок со своим собственным лицом, единственным, историей созданным, людьми не повторенным. И вместе с тем на всех общая печать: каменная давность, вековая нетронутость строгих очертаний, нерушимая повторность гражданских обрядов, торговых обычаев».

После описания своих впечатлений от посещения Америки, автор возвращается к теме итальянского путешествия⁴: «...Довольно Востока, тянет домой. Зовет Средиземное море. О колыбель наша, наша духовная

¹ Князь Сергей Волконский... Т. 1. С. 191.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 195.

⁴ Там же. С. 363.

родина! Между Азией. Европой и Африкой, синее, смеющееся: то Эгейское, то Мраморное, то Адриатическое, то Ионическое – и всегда Средиземное. Что прелестнее архипелага между Малой Азией и Грецией? Точно камней набросала природа, чтобы по ним через зыбкую пучину человечество переходило из мира древних созерцаний в кипучий мир мысли и труда. И вот Греция! Не эта, конечно, а та прежняя, давняя, та, что называется «древняя», и почему называется? Что может быть более юно, чем древняя Греция? Когда дедушка рассказывает внукам о молодости своей, он молодеет; так и мы: когда думаем о древней Греции, мы молодеем. Греция – молодость человечества. И блестящая, стройная, с тирсом, с тимпаном, с влажными глазами, прекрасная и мудрая, венчанная лавром, стоит она, божественно-земная, среди Средиземного моря. И все в нее стекается и все в ней зарождается, и все из нее излучается, все прекрасное и все мудрое, все, что было и все, что будет. Всегда она смыкала в себе надежду веков. И когда наступили великие потрясения, когда дрогнула земля под топотом варварских нашествий, когда утрачены были пути и потухли огни, когда и ее священную землю попрала кощунственная пята и святотатственная длань погнула божественную выю, – тогда, во мраке варварских нашествий, зажегши древний факел свой, она через море подала его сестре Италии, и там возжегся факел Возрождения»¹.

Мемуары князя С.М. Волконского были написаны в трудные года потрясений начала XX в., иногда на страницах текста звучит нескрываемая горечь: «...Как ценим мы то, что неизменно; «во дни шатания земли» как ценим то, что не может пошатнуться... И люди, которые не меняются, как ценны. Ценны, как все редкое, редки, как все ценное. Вот почему так дорога Италия, что даже в тех переменах, которые она испытывает, она всегда одна, та самая, что была, потому та самая, что пресыщена прошлым, каждое настоящее мгновение в Италии полно прежних веков. И все мгновения, как бы ни были различны, полны одним: из глубины времен в каждом мгновении живет уважение к предыдущему мгновению. Через сколько потрясений прошла эта страна, но никогда не было занесено на страницы истории их какое-нибудь разрушение памятника; что разрушено, разрушено варварами извне, своих варваров не было. Вся история итальянской культуры есть акт сбережения и уважения»².

...Любовь к прошлому – первый признак культуроспособности, потому что это есть любовь к тому, что не меняется. Прошлое есть; в силу того, что оно было, оно есть, есть и не меняется... В этой недвижности тот покой душевный, который находим в соприкосновении с прошлым. И

¹ Там же. С. 370.

² Там же. С. 371.

воспитательная сила прошлого в том, что учит уважать то, что не меняется. Отсюда воспитательная сила тех стран, у которых большое прошлое»¹.

С.М. Волконский подчеркивал, что из всех городов Италии Флоренция осталась любимой. Он писал, что когда Италия стала духовной потребностью, я объездил большие и маленькие города. Особенно маленькие любил я: Ассизи, Ареццо, Сиена, Сан-Джеминиано, Равенна, Урбино... Каждый городок со своим собственным лицом, единственным, историей созданным, людьми не повторенным. И вместе с тем на всех общая печать: каменная давность, вековая нетронутость строгих очертаний, нерушимая повторность гражданских обрядов, торговых обычаев. И все это неизменно залито переменчивым колыханием то занятой, то праздной толпы. То шум и говор утреннего рынка: под красными, синими, зелеными зонтами яркие пятна моркови, апельсинов, тыквы, томатов, жаровни с хрустящими каштанами, грозди винограда, грохот таратаек, ржание мулов и ослов, ослепительное солнце, запах чеснока, жареного масла и цветов... То вечерняя праздность, праздничное слоняние, на площади военный оркестр, битком набитые кофейни...

Подводя черту под соответствующим разделом мемуаров, Волконский пришел к выводу, что странствие есть одна из форм самоутверждения, это есть в известной степени протест личности против рода. И не странно ли, что именно общностью этого пристрастия отмечается родовая принадлежность. Таковы некоторые важные размышления С.М. Волконского о роли итальянского путешествия.

Итак, следует отметить в заключение наших наблюдений, что любое путешествие – это в первую очередь, образовательный ресурс, кроме того, нравственный опыт и поддержка нравственных критериев для каждого человека. Таким путем человечество приобретает рациональный (и иррациональный!!!) опыт тоже. Так не прерывается связь поколений, и не меняется тезис о приоритете культуры для каждого из европейцев, включая россиян. Итальянское путешествие подтверждает эти тезисы многократно.

Прежде чем перейти к заключительной части наших наблюдений о современном итальянском путешествии и его опыте, еще раз процитируем П. Муратова, который писал: «Мы возвращаемся из Италии с новым мироощущением, слиянности начал и концов, единства истории и современности, неразрывности личности и всемирного, правды вечного круговорота вещей, более древней правды, чем скудная идея прогресса...»²

Р.С. Ноябрь 2012. Личные впечатления от Италии.

СИЕНА. Долгое время название города не вызывало никаких ассоциаций, поскольку на слуху были Рим, Помпеи, Неаполь, Тарент, Сиракузы

¹ Там же. С. 374.

² URL: Lib.ru. Классика: Муратов Павел Павлович. Образы Италии.

и т.д. С этим городом память не связывала ни спартанскую колонию, ни поход Ганнибала, ни маршрут восставшего Спартака, ни эпоху Гражданских войн... Знания об Эпохе Возрождения тоже основывались на таких образах таких городов как Флоренция, Венеция, Верона, Болонья (как очаг международной напряженности и университетского беспокойства наших дней...) Еще я помню изучение процесса объединения Италии, диктатуру Муссолини и Туринскую Олимпиаду в 2006 г. (равно как и Туринскую плащаницу).

В Италию хотелось почему-то не в Рим, изученный до последнего камня по нашим иллюстрированным изданиям, хотелось во Флоренцию, где Данте и Медичи, Микеланджело и Боттичелли.

Полетели! Бегом через Мюнхенский аэропорт, еле-еле успели на перелет до Флоренции. Лететь где-то час, местность вокруг Мюнхена (аэропорта) поделена автодорогами на ровные квадратики полей. Зато почти сразу начались Альпы, оказывается – они огромные. Летели между двух плоскостей облаков как внутри слоеного пирога, на земле было пасмурно, а тут светило Солнце. Снижение высоты – и, о чудо! – горы, зеленые долины, поселки с черепичными крышами. Мир перевернулся – еще вчера на Ижевском вокзале был гололед, а тут зеленое море внизу. Во Флоренции самолет садится буквально в километре от кафедрального собора. В городе нас сразу встретили цветущие цветники и кустистые кусты.

Однако в Сиену приехали под проливным дождем. На автобус стеной надвигалась стена из воды, так и выгрузились, так и добрались с потерей части багажа, с довольно пессимистичным настроением.

В первый раз реальное осознание уже случившегося Чуда пришло в вечерний час, когда в раскатах грома и всплесках молний воссияла в высоте башня Сиенской ратуши. Воссияла как гордая Королева! А в бокал розового тосканского вина в кафе на Ратушной площади также гордо влетела большущая градина, стало очевидно – приехали.

На утро взойшло Солнце и не исчезало в конце ноября 9 дней. Если сравнить солнце в нашей средней полосе России и в Тоскане, то это как лампочка в 50 ватт и 250 ватт.

ВВЕРХ-ВНИЗ... Достаточно быстро пришло осознание, что надо менять базовые привычки и передвигаться придется по пересеченной местности. Сиена – это гора с почти 400 метровой (342 м.) высотой. Кольцом по спирали – улицы, снизу вверх – переулки. По этому рельефу еще что-то и ездит. Быстренько приобрелся навык намертво впечатываться в стену. Зато заблудиться практически невозможно, через каждые 50-100 м. «выглядывает» ратушная площадь или кафедральный собор *Santa Maria la Scala* (в честь Успения Девы Марии).

Помню два момента – первый визит в Университет (один из крупнейших в Италии, 40 тысяч студентов) от самого подножья горы, после

чего не могла отдышаться полчаса. И возвращение из Пизы с железнодорожного вокзала – оказывается, под землей есть эскалатор почти на самый верх через торговые центры и смотровые площадки. Но мы им никогда не пользовались.

Сколько же мы ходили? ... Если бы поставить шагометр, это была бы заявка в книгу рекордов Гиннеса. В перебежках спасала чашка кофе, который в Италии невероятно вкусный. А вот обедать приходилось иногда там, где мы просто падали от бессилия, так как ноги не держали. Маурицио Котта, ведущий европейский политолог, глава Центра политических изменений и Почетный профессор УдГУ, услышав о «Макдоналдсе» не смог удержаться от сарказма: «Это и есть Тосканская кухня...»

ЭТРУСКИ И ВОЛЧИЦА. Академическая выучка не сразу спасала в случае обнаружения памятников истории и культуры для их интерпретаций. Очень часто на колоннах посреди улиц располагалась мраморная волчица с волчатами довольно субтильного вида и даже не злая. Такая же охраняет фонтан на Ратушной площади. На пятый день (!!!) «дошло», что это символ Тосканы, коренных жителей которой римляне именовали тусками или этрусками. А волчицу они просто позаимствовали. Как и многое другое – систему водоснабжения, канализации, пышные гробницы с массой погребального инвентаря и т.д. Этруски – учителя римлян... Музея в Сиене нет, она «специализируется» на средневековье. Надо было ехать в какую-то деревню, где этрусские ценности выставлены. Из Интернет позже узнала, что в Сиене все-таки есть археологический музей... Не в этот раз.

По трубам же, проложенным в глубокой древности, с гор течет прохладная вода, люди пользуются фонтанчиками для питья. Вообще и минеральная вода в бутылках невероятно вкусная, она употребляется в неограниченных количествах. А вот всякие кока-колы не в чести, как и соки в «тетрапаках». Томатный сок в ассортименте ближайшего к отелю супермаркета отсутствовал в принципе.

ПРИРОДА КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ШОК. В самое первое утро после дождя было как-то терпимо – да, из окна открывались газоны и лужайки, с университетской горы – дали и виды Тосканы и холмы, окружившие Сиену кольцом со всех сторон. У офисного здания университета – оливковая роща с противными на вкус зелеными плодами.

Утро следующего дня началось с посещения испанской крепости. В XVI в. испанцы завоевали территорию, построили на возвышенности напротив соборов свой форпост. «Отсель грозить мы будем», – таков лейтмотив всей архитектурной конструкции. Что касается местных жителей, то они тогда посчитали испанцев наглыми захватчиками, о чем свидетельствует соответствующая надпись на стене, что это сооружение варварское.

Вот в этом самом месте встретились в конце ноября первые цветущие розы. Крепость – это огромный квадрат, под стенами которого растут кедры и кипарисы, внутри – какие-то невероятные золотые клены, платаны, каштаны, дубы. На фоне ярко-синего чистого солнечного неба в двадцатиградусную жару не покидало впечатление нереальности происходящего в разгар поздней осени.

На автобусной станции были обнаружены деревья сирени с кистями по 30-40 см... Она раскидистая и готовится в это время года набрать цвет. В саду психиатрической больницы растет чилийская араукария, до сих пор встречавшаяся только в Воронцовском дворце в Алушке как особо ценное и охраняемое растение. В Пизе в бочках висят огромные апельсиновые деревья, увешанные яркими оранжевыми плодами.

И все равно не хватает никаких слов, чтобы описать кипарисовые аллеи, дороги Тосканы в обрамлении огромных сосен, подстриженных определенным образом, красно-желтые по осени виноградники, ползущие по средневековым стенам плющи, летние дворчики и патио, оформленные цветочными горшками и т.д. и т.д.

«ТОНКИЕ» ШТУЧКИ. Прелесть итальянской действительности заключается в том, что тут и там на улицах подстерегают приятные неожиданности. В Сиене повсеместно бирюзовые ставни приделаны к карминно-рыжеватым кирпичным стенам, на веревках болтается постиранное белье, у обочин гнездятся велосипеды и мотороллеры.

Тут и там на высоте поднятой руки приделаны кольца, к которым в доавтомобильную эпоху раньше привязывали лошадей. Конные скачки до сих пор являются визитной карточкой Сиены. Ратушную площадь, выполненную в форме ракушки, засыпают песком – и понеслось!!! 10 городских коммун выставляют свои команды, со штандартам и амуницией, все очень ярко и захватывает дух.

Каждый город имеет свои маленькие традиции – в Пизе варят шоколад ручной работы, в Кремоне с Рождеством совпадает праздник сладкой нуги, где-то практикуются рыцарские бои и проводится знаменитый Венецианский карнавал.

Все это и многое другое предназначено для туристов в том числе, поэтому в лавках с расписной керамикой висят в Сиене объявления: «НЕ КИТАЙ!». В витринах выставлены образцы итальянской индустрии моды – одежда, обувь, аксессуары, сувениры, украшения из мурранского стекла – все, что душе угодно.

Уличные кафе – это иногда четыре стула прямо на проезжей части. Или комната в средневековом подвале со всей соответствующей атрибутикой. Для голубей построены специальные домики на крышах, бродячих котов, в отличие от Рима, нигде не видать, а собаки выгуливаются хозяевами строго на поводках. Под окнами отеля бегают белки, по утрам

поют птички. На старинных стенах сохранились мозаики, фрески, скульптурный декор, в повседневном обиходе используются мраморные полы и мраморные лестницы. В отеле у нас были настоящие мраморные подоконники. Утром (разница с Москвой 3 часа) я пила на них растворимый кофе в компании с Большой Медведицей.

Иногда за скромным фасадом здания может встретиться настоящее чудо. Так было с посещением церкви Святой Люции. Вошли – а там самая уютная из церквей, оформленная в барочном стиле. Но восторженное ощущение возникает от того, что это место одухотворенное многими поколениями молившихся прихожан.

ЛЮДИ И МАШИНЫ. Оказывается, как это увлекательно наблюдать за людьми в привычных для них обстоятельствах. Итальянцы религиозны, в течение воскресного дня они семьями посещают церковь – кто с утра, кто под вечер. Стариков привозят сыновья и дочери, иногда внуки. Вообще, итальянская старость выглядит весьма и весьма достойной, пенсионеры прогуливаются по городу в парадно-выходных костюмах, кашемировых джемперах персиковых оттенков, женщины на булыжных мостовых встречаются преимущественно на каблуках и с макияжем. По средам народонаселение посещает барахолку у стен испанской крепости – перебирают одежду, торгуются с продавцами овощей и фруктов. А какой здесь выбор цветов!!! Солнышко светит, жизнь идет.

Вечером в пиццерию пришли две подружки в возрасте под восемьдесят, заказали пиццу, по бокалу вина. Долго-долго советовались при этом – какое именно выбрать. Сидят, секретничают, кокетничают с официантом, картинка почти идиллическая.

Итальянские люди – это вообще не народ и не толпа, это прежде всего Мужчины и Женщины. И они в большинстве своем очень красивы. Спортивного вида, активные, оживленные, со шлейфом шикарного парфюма, хотя и достаточно много курят. Их прачечные романтично называются «Lavanderia». И в любую погоду обязательным атрибутом одежды является шарф или шейный платок.

Молодежь мобильная, она роится в университетских аудиториях, перемещается в общественном транспорте, фанатеет на футболе, молодые люди сидят (даже лежат...), не пачкаясь, на Ратушной площади. Мы стали невольными участниками двух уличных акций – протестной демонстрации левого толка (красные транспаранты с серпом и молотом) и забастовки медицинских работников (студентов?), свистящих и дудящих у здания университета. Регулярно вечерами какая-то группа товарищей кукарекала на одной из главных улиц в строго определенном месте, что они имели в виду, мы не поняли...

Жители Сиены предпочитают двухколесный транспорт, то есть мопеды всех видов и расцветок. Припаркованы (виртуозно!!!) какие-то

микроскопические автомобильчики: фиатики и мерседесики. Ездят всякие «табуретки». В Сиене нет внедорожников, и никогда не проедет лимузин. Мусоровозы протискиваются, равно как и доставка продуктов в кафе и магазины. Поэтому пешеходы и водители взаимно вежливы, несмотря на отсутствие светофоров в центре.

Что касается гонок на автобусах по горным тоннелям на скорости 120 км/ч, то они запечатлелись в памяти навечно. Искусство управления междугородними автобусами – это вполне самостоятельная тема научного исследования

СОБОРЫ. При приближении к ним испытываешь сразу два потрясения – от вида снаружи и от пространства внутри. Они грандиозны в своих размерах, и, безусловно, доминируют над окружающим пространством. Великолепие мрамора проявляется именно в зависимости от освещения, однажды собор «порозовел» на закате за каких-то 15 минут. Белоснежный на солнце (Каррарский?) мрамор с вкраплениями розового и изумрудно-зеленого на фасаде. Чтобы описать, какие сюжеты изображены в скульптурном декоре, надо там полжизни прожить или, как минимум, отдельный отпуск. Изнутри главные соборы в Сиене, Флоренции и Пизе – это музеи, хотя есть место для молитв, продаются свечи, иногда электрические. В каждом из трех соборов – своеобразный декор купола: либо росписи на евангельские сюжеты, либо ночное звездное небо.

В Сиене внутреннее пространство поделено мощнейшими черно-белыми колоннами на отделы храма, а пол представляет собой мраморные мозаичные сцены из библейской и Сиенской (!) Истории. Отличается в каждом случае и устройство Алтарной стены, в Сиене это бронзовая композиция, а в Пизе – грандиозное изображение Спасителя, выполненное из драгоценных камней и сусального золота. Флорентийский Дуомо посвящен Деве Марии Цветка (дель Флоре), в нем поместилась раритетная роспись алтарной стены, купола и фрески на стенах. Купол уникальный, поскольку изнутри и снаружи по нему ползают туристы. Удивительно, что пускают, но даже наблюдать за этим страшно. На купол флорентийского храма ведут 453 ступеньки, сердечников вежливо предупреждают о потенциальной опасности, но над душой никто не стоит и выбор за тебя не делает.

В Пизанском соборе висит люстра, глядя на которую Галилеей... В Сиенском соборе размещено уникальное книжное собрание: папская библиотека. Двое из пап были родом из Сиены. Поверху, почти под потолком, портретная галерея приближенных к папскому престолу, портретные изображения. При оформлении соборов потрудился Николо Пизано, который изваял кафедры для торжественных речей, естественно, со сценами из Библии.

Пизанский собор расположен на свободном пространстве посреди не Поля Чудес, на фоне зеленой травы он смотрится особенно величественно. В Сиене и во Флоренции городская застройка вплотную приближается соборам и поэтому им немного тесно.

САН-ДЖАМИНИАНО. «Город башен» находится в центре Тосканы, располагаясь на живописной возвышенности между Сиеной и Флоренцией. Его рекомендовал в первую очередь посетить М. Котта как культурно-исторический памятник. Автобус доставил нас за час и 6 евро к стенам старого города. По дороге пейзажи за окном изменились несколько раз – сначала был городок со смешным названием Поджибонси, где в автобус ввалилась целая стая беззаботной итальянской молодежи, он показался после Сиены маленькой Можгой. В полях (в буквальном смысле этого слова) встречались четырехзвездочные отели, видимо для любителей агротуризма. Маршрут проходил мимо торговых центров, производственных павильонов, заметна специализация региона на торговле мебелью.

В Сан-Джаминиано забирались на холм. Есть легенда, что у подножия этой горы местные жители в V в. н.э. остановили гуннов, воодушевленные мужественным епископом. Современный город был основан в XI в., благодаря транзитной торговле процветал в XII–XIV вв., в конце XIV в. эпидемия чумы почти уничтожила его.

В пору своего могущества жители состязались между собой в строительстве башен, всего их было около 70, до наших дней сохранились 14. Вход в эти замечательные конструкции располагался на уровне 3-4-го этажа, откуда выбрасывалась веревочная лестница. А на первых этажах хранились солидные запасы воды и пищи на случай длительного сидения в осаде. Бытует мнение, что выражение «Мой дом – моя крепость» выдумано англичанами, однако, находясь в Сан-Джаминиано, начинаешь в этом сильно сомневаться.

Главной проблемой средневекового города был дефицит питьевой воды, поэтому в итальянских городах на самом почетном месте всегда колодцы. Жители доверили найти источник какому-то лозоходцу, который с веточкой обошел все окрестности. Он указывал на разные места, но ничего не получалось. Городской совет постановил казнить его на площади и разрешил перед смертью исполнить последнее желание бедняги. Тот указал: «Копайте прямо здесь!» И, о чудо, – появилась вода и построили колодец.

Городок облюбован туристами, он какой-то весь умытый, даже в межсезонье здесь слышится русская речь. Сувенирные лавочки поражают своим ассортиментом, продается даже мыло ручной работы с ароматами тосканских трав. Присутствует весьма оригинальный Музей пыток, но в этот раз он был закрыт. Впечатлила смотровая площадка с

видами Тосканы и церковь с фресками Доменико Гирландайо, учителя Микеланджело.

КУЛЬТ СВИНЬИ. Кабан фигурирует буквально на каждом шагу – в сувенирной продукции, на витринах мясных лавок. На главной улице Флоренции сидит бронзовый кабан, пяточок которого надо погладить, чтобы сбылись заветные желания. Он радостно сияет, а очередь приложиться к морде неиссякаема.

Огромные окорока поражают воображение и проверяют на стрессоустойчивость нервную систему простого российского обывателя. Главной кулинарной достопримечательностью тосканской кухни является сыровяленая ветчина под названием «прошутто», которая в России больше известна как пармская. Колбасные изделия из свинины тоже выше всяких похвал. Однажды мы в супермаркете (по акции) купили по 2 кусочка от простого окорока по 165 евро за килограмм. Умопомрачительный вкус и аромат! Все дело в том, что в Тоскане обтает особая порода свиней «чинтас», что буквально является производным от названия Сиена. Они живут на огороженных территориях, в полудиких сообществах, пасутся как кабаны до возраста двух лет. Выглядят забавно – черненькие, пятнистые и лопоухие. Питаются преимущественно желудями. Вот и ответ на вопрос – почему пармскую ветчину никогда не сделать в России.

ФЛОРЕНЦИЯ. Первым делом познакомились с рекой Арно, в ливень первого дня она неслась мощнейшим потоком с гор, когда по мосту мы ехали в Сиену. На Достопримечательности Флоренции было отведено два выходных дня, думалось, что много... После Сиены казалось странным, что улицы прямые и для пешеходов проложены тротуары. На правом берегу реки – исторический центр – Дуомо, Синьория, Баптистерий, Санта Кроче и владения Медичи. Их главный символ – Капелла Медичи, внутри которой День и Ночь Микеланджело. На другом берегу – палаццо Питти, дворец-крепость конкурентов Медичи. Также банкиров. За его воротами скрываются знаменитые ботанические сады Боболи, дойти до которых просто не хватило человеческих сил... Тем более пройти по ним ногами...

На площади Синьории играют уличные музыканты, звучат неаполитанские мелодии, арииз знаменитых итальянских опер. Там же стоит символ города – статуя Давида Микеланджело. Есть закрытый портик с подборкой скульптурных композиций, украшает его подлинник статуи Персея работы Челлини.

У галереи Уффици кривляются очаровательные мимы, особенно хорошенький был Амур. Рядом с ним – сивилла, Тутанхамон и т.д. На улицах Флоренции развернуты ярмарки, продается как продукция местных фермеров, так и многое другое. По городу курсируют коляски, запряженные лошадьми. Туристов здесь значительно больше, несмотря на то, что на дворе – конец ноября. Город на каждом шагу демонстрирует свое великое

прошлое, столько памятников историческим личностям есть разве что в Лондоне.

Запомнился знаменитый Золотой мост (Понто Векьо), сохранившийся с римских времен и единственный уцелевший в годы Второй мировой. Вообще, Флоренция развивалась на основе античного города. Посередине моста высится памятник Бенвенуто Челлини, а весь мост занимают ряды ювелирных лавок. Самый известный бренд – Дом Челлини. Цены соответствующие. С моста наблюдали за экипажами каких-то гребцов, ослепительно светило солнце и показалось на мгновение, что кто-то полез купаться...

МИКЕЛАНДЖЕЛО. Все-таки у всей этой затеи была главная цель – поклониться Мастеру. В музее при храме Санта Мариа дель Флоре находится его скульптурная группа «Пьета». Стоит в нише на лестнице, показалась при встрече миниатюрнее, чем на иллюстрациях. В музее можно подойти, обойти, рассмотреть в деталях. Столпотворения не было и это – слава богу. Скульптор создал эту группу для своего собственного надгробия, она была сделана в Риме, позже «Пьета» оказалась во Флоренции. А надгробие для самого Микеланджело изваял Джорджо Вазари. Покоится Мастер в Санта Кроче, вместе с Галилео Галилеем, Николо Микиавелли, Данте, Россини, Огинским, Энрико Ферми и еще почти со 300 знаменитыми флорентийцами – деятелями культуры и науки. М. Котта назвал это место «Пантеон Итальянской славы». Хочется оспорить – почему Итальянской? Однако только у Микеланджело лежала живая роза...

Новая встреча с Мастером произошла на площади Синьории, где стоит копия статуи Давида. Подлинник хранится в музее Академии во Флоренции. Панно Микеланджело «Тондо Дони» – Мадонна, младенец и Иоанн Креститель встретило нас в галерее Уффици. Выписаны все персонажи рельефно, это особенно заметно по сравнению с книжными иллюстрациями. Картина произвела незабываемое впечатление яркостью палитры. Все-таки, Микеланджело это универсальный талант: «Отраднo спать, отрадно камнем быть...».

А вот творения Боттичелли в смысле колористики чуть-чуть разочаровали. В целом, галерея представляется несколько бестолковым сооружением – Рафаэль с Караваджо были вообще на другом этаже, легко можно проскочить мимо. Зал Тициана закрыт, открыты только двери в него. Но все равно Уффици – это неувядаемая классика. С крыши на смотровой площадке можно любоваться городскими пейзажами.

Что касается Микеланджело, то во Флоренции есть еще площадь, носящая его имя. Она расположена на холме, с которого открывается потрясающий вид на Собор и стоящую рядом с ним колокольню Данте.

Ночью все это имеет феерическую подсветку, жаль, что эти фантастические виды я видела только в Интернете.

ПИЗА. В каждом итальянском городе есть улица Гарибальди. Мимо памятника герою в Пизе пройти невозможно, путь от вокзала к падающей башне идет через площадь Гарибальди. Сам город лежит в котловине, прикрытый мощной горной грядой. Ехали из Сиены на электричках, с пересадкой в Эмполи. Один раз это был трамвайчик из двух вагонов. Ехал по сельской местности, останавливался у каждого столба. Зато видели, как итальянцы ухаживают за грядками с капустой.

В Пизе апельсиновые деревья растут в бочках, на площади идет бойкая торговля шоколадом ручной работы с разнообразными добавками. Люди пьют горячий шоколад, весело смеются, пешеходная улица вся украшена рождественской иллюминацией. Башня показывается внезапно и... действительно падает. Она какая-то вся бело-розовая, как только что помытый младенец. А еще она похожа на воздушное пирожное. Ценен весь комплекс – Собор, баптистерий и Башня на фоне зеленой поляны величиной с футбольное поле. В сувенирах преобладает тема Пиноккио, так как это и есть Поле Чудес.

Вся Италия – это Поле Чудес!!!

НАУЧНЫЙ ТУРИЗМ КАК ФОРМА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ (К 165-летию Аральской экспедиции А.И. Бутакова и 200-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко)

*Д.А. Черниенко
Ижевск – Уфа*

В последние три-четыре десятилетия во многих странах мира, в том числе, в России успешно развивается направление, соединяющее форму активных путешествий с возможностью проведения поисковой работы и полноценных исследований – «научный туризм». В советский период это направление было организовано в начале 1980-х гг. в рамках Географического общества Академии наук. В настоящее время традиции поддерживает Комиссия научного туризма Русского Географического общества (РГО).

Среди известных в СССР и России проектов, например, большой интерес всегда вызывали поездки по местам полярных и арктических экспедиций разных эпох – поиск следов отряда В. Баренца к берегам Новой Земли, В. Русанова по Северному морскому пути, Г. Брусилова на архипелаг Земля Франца-Иосифа, В. Беринга на Камчатку, реконструкция военного похода князя Семена Курбского, в 1500 году пересекшего **Уральские горы**, путешествие Й.-Г. Гранё на Алтай, изучение маршрутов Н. Рериха в

Тибете и многое другое. Подобные проекты привлекают внимание не только профессиональных ученых – историков, этнографов, географов, но и всех, кому интересны загадки прошлого, неожиданные гипотезы, новые открытия, эксклюзивные материалы – журналистам, фотохудожникам, писателям, профессиональным туристам и т.п.

История отечественной науки, факты и события в развитии которой можно было бы сделать объектами специальных исследований, богата и насыщена, почти каждый год связан с какими-либо юбилейными датами. В 2013 г. исполнилось 165 лет с начала проведения научной экспедиции по комплексному изучению и описанию Аральского моря под руководством русского ученого, путешественника, морского офицера А.И. Бутакова (1816–1869). В результате появились первая карта Аральского моря, его подробное навигационно-гидрографическое описание, труды по геологии, флоре и фауне далекого и слабо известного до тех пор региона.

В 2014 г. исполняется 200 лет со дня рождения поэта, писателя, художника, просветителя Т.Г. Шевченко (1814–1861), эта дата внесена в перечень официальных памятных дат ЮНЕСКО, юбилейные мероприятия пройдут в ряде стран, связанных с его жизнью и творчеством – Украине, России, Литве, Казахстане. Два этих памятных события самым непосредственным образом связаны между собой, поскольку Т.Г. Шевченко принимал активное и деятельное участие в знаменитой экспедиции – выдающемся с точки зрения организации, состава участников и научных итогов мероприятии.

Аральский поход начался 11 мая 1848 г. в Орске и завершился 31 октября 1849 г. возвращением части экспедиции в Оренбург. Тарас Шевченко отбывал это время ссылку в качестве рядового Пятого Оренбургского линейного батальона в Орской крепости «без разрешения писать и рисовать». А.И. Бутаков, знавший Т. Шевченко как непревзойденного художника-рисовальщика, лично хлопотал перед высоким начальством в Оренбурге и Петербурге о его прикомандировании к экспедиции для «снятия» (т.е. зарисовок) береговых видов. По признанию самого Т. Шевченко, на время долгого и опасного пути А.И. Бутаков стал для него «другом, товарищем и командиром».

В рамках подготовки к 200-летнему юбилею Т.Г. Шевченко 17–23 сентября 2013 г. был реализован международный научно-просветительский проект¹ – экспедиция «Дорогами Кобзаря», инициато-

¹ Проект стал возможен благодаря финансовой и организационной поддержке Оренбургского областного украинского культурно-просветительского общества им. Т.Г. Шевченко (председатель – Н.П. Науменко), Министерства культуры и внешних связей Оренбургской области, Управлений культуры Актюбинской и Кызыл-Ординской областей Республики Казахстан. Участники экспедиции выражают благодарность всем, кто помогал в преодолении более чем 1800 километрового пути.

рами и участниками которого стали журналист, путешественник, фотограф Николай Хриенко (Украина, Киев) и автор настоящей статьи – член Международной Ассоциации украинистов, Научного общества украинистов им. Т.Г. Шевченко, этнограф, кандидат исторических наук Денис Черниенко (Россия).

Участники проекта ставили задачи посещения исторических мест, связанных с жизнью и творчеством Т. Шевченко в период Аральского похода; ознакомления с состоянием памятников в преддверии 200-летнего юбилея; сбор информации и фотоматериалов для дальнейшей научно-просветительской работы. Нужно принять во внимание, что знаменитый переход 1848 г. состоялся в мае – июне, а поездка по ее следам в сентябре – это, несомненно, разные погодно-климатические периоды и условия, что, тем не менее, не помешало оценить масштаб и сложность осуществленного 165 лет назад мероприятия. Экспедиции предшествовала большая подготовительная работа – уточнение маршрута, знакомство с существующей литературой, сбор предварительных сведений помимо ставших классическими трудов А.И. Макшеева, Л.Н. Большакова, П.В. Жура и других авторов. Значительную помощь оказали материалы водной историко-экологической экспедиции, проведенной в сентябре 1988 г. по реке Сырдарья группой армейских туристов Приволжского военного округа под руководством капитана И.И. Кононова к 140-летию похода А.И. Бутакова.

В исторических источниках сохранились подробные описания экспедиции на Аральское море, которая началась из Орской крепости 11 мая 1848 г. Сложнейшая военно-научная кампания длилась 38 дней (32 перехода). Транспортный обоз, состоявший из более 1500 повозок, конных и пеших отрядов, по данным одного из участников – офицера А.И. Макшеева, прошел 702 версты (почти 750 км.). На пути экспедиции находились важные военно-стратегические пункты России в Средней Азии – форт Карабутак, Уральское укрепление и Раимская крепость. В Карабутаке Т. Шевченко пробыл 21-22 мая 1848 г., сделал первые эскизы крепости, а завершил свои знаменитые акварель и сепию «Форт Кара-Бутак» уже по возвращении в Оренбург осенью 1849 г. Летом 1845 г. на берегу р. Иргиз был возведен еще один важный форпост – Уральское укрепление (Иргизкала). За время трехдневной стоянки 30 мая – 2 июня 1848 г. Т. Шевченко выполнил здесь несколько карандашных набросков крепости. Из Иргиза 3 июня 1848 г. начиналась вторая, самая сложная и опасная часть пути Т. Шевченко на Арал – 14-дневный так называемый «южный поход» через знойные пески западных Каракумов, оазисы и копани (колодцы) к берегам моря. 19 июня 1848 г., когда позади было более месяца изнурительного пути по степи и полупустыне, караван А.И. Бутакова достиг своей конечной цели – Раимского укрепления на р. Сырдарья. В Раимской крепости Т. Шевченко за период Аральской экспедиции находился трижды – в июне-

июле 1848 г., январе-апреле и сентябре-октябре 1849 г., выполнив три рисунка, навсегда сохранивших в истории внешний вид и окрестности гарнизона. В устье Сырдарьи на острове Косарал также был устроен небольшой форт на несколько десятков человек, где размещались база для научной экспедиции А.И. Бутакова и рыболовная ватага. Т. Шевченко провел здесь зиму с 26 сентября 1848 г. до конца января 1849 г., а также находился в апреле-мае, июне-июле и сентябре того же года. Именно отсюда по окончании плавания и всех выполненных работ с конца сентября 1849 г. началось его возвращение назад в Орск и Оренбург.

В Орске (Оренбургская область) участники проекта «Дорогами Кобзаря», прежде всего, познакомились с памятными шевченковскими местами города – библиотекой № 3 им. Т.Г. Шевченко, музеем «Т.Г. Шевченко в Орской крепости» на улице Шевченко – филиалом Орского историко-краеведческого музея, памятником поэту, установленном в 1959 г., мемориальной доской в исторической части города, где находились солдатские казармы и плац, садом им. Шевченко перед бывшим городским училищем. Именно из Орска 17 сентября 2013 г. началась современная научно-просветительская поездка¹ по маршруту знаменитой экспедиции А.И. Бутакова.

В окрестностях Орска есть место, где были сделаны наброски к первой дорожной акварели Т. Шевченко – «Пожар в степи». Первые пять дней караван А.И. Бутакова двигался по долине р. Орь, вдоль ее берегов. По воспоминаниям участников похода, на второй день пути началась «импровизированная иллюминация» – сильный, но завораживающе красивый степной пожар, который оказал на всех большое впечатление. Т. Шевченко вместе со всеми любовался, как «отдельные огоньки постепенно сливались в непрерывные нити, сопровождаемые сильным заревом». По расчетам Л.Н. Большакова, этот случай мог произойти недалеко от современного села Урпия. Однако знакомство с местностью показало, что русло Ори здесь сильно обмелело и заросло, а окружающий естественный ландшафт несколько изменился за прошедшие полтора столетия. Вместе с тем, стоя на тихом берегу Ори, можно было представить как рядом по степи стройными рядами неспешно продвигаются сотни и сотни телег, пехотные роты, казачьи верховые отряды...

19 сентября по дороге к селу Карабутак (Актюбинский район Республики Казахстан) интерес вызвали два места. Во-первых, это живописная долина все той же р. Орь недалеко от населенного пункта Богетсай. По этим землям на высоком правом берегу реки на юго-восток двигались

¹ Следует отметить, что научно-туристические поездки на Аральское море в последнее время предпринимаются неоднократно представителями разных стран мира, что связано с последствиями экологической катастрофы, которые привлекают повышенное общественное внимание.

обозы и люди к концу первой недели Аральского похода. Наблюдения Т. Шевченко над походным бытом могли быть отражены в этот период в новом рисунке – «Дневка экспедиционного транспорта в степи». Во-вторых, озеро Билькопа, которое увидел Т. Шевченко на восьмой день пути. К сожалению, озеро высохло уже много лет назад и сейчас наполняется талой водой лишь в период весеннего потепления. От озера Билькопа до форта Карабутак Т. Шевченко и компании оставалось расстояние одного дневного перехода, когда к всеобщему удивлению недалеко от дороги была замечена местная достопримечательность – одинокое дерево (Джангыс-агач), почитаемое казахами как священное: «...вокруг дерева и на ветках его навешаны ... кусочки разноцветных материй, ленточки, пасма крашенных лошадиных волос и самая богатая жертва – это шкура дикой кошки, крепко привязанная к ветке». Тарас Шевченко, увлекшийся за время похода особенностями степной культуры, запечатлел это дерево в акварели и позднее в знаменитом стихотворении «У бога за дверима лежала сокира». В настоящее время в этих местах подобная традиция уже не встречается.

Форт Карабутак, точнее то, что осталось от некогда мощного укрепления, и примыкавший к нему уже исчезнувший поселок с одноименным названием находятся приблизительно в 40 км от современного села Карабутак. Сюда через многочисленные овраги ведет одна единственная старая степная дорога, проехать по которой можно только в хорошую погоду и только с очень опытным водителем. Ученики местной школы нередко находят в этом историческом месте интересные вещи для районного музея. Река Карабутак, давшая название форту, почти полностью заросла камышом, так что воды совсем не видно. От бывшего небольшого военного гарнизона на 50 человек на высоком обрывистом берегу речки сохранились лишь едва различимые остатки стен, сторожевой башни и внутренних строений. Но на самой высшей точке стоит памятный обелиск из белого мрамора: «Здесь в мае 1848 г. останавливался ссыльный Т.Г. Шевченко – великий украинский поэт-демократ».

Не только остатки древнего форта дышат историей. Весьма познавательным оказался визит и в новое село. Здесь находится средняя школа, которая с 1966 г. носит имя Т.Г. Шевченко. В школьном музее руками учителей и учащихся подготовлена экспозиция, посвященная Великому Кобзарю, украинской традиционной культуре и дружбе народов. Школьники – казахи и русские, с удовольствием и легкостью читают стихи поэта на языке оригинала! На одном из административных зданий в память о пребывании в Карабутаке Тараса Шевченко есть мемориальная доска, в сквере напротив по инициативе сельсовета и совхоза им. Шевченко еще в 1968 г. установлен памятник поэту, в сельском краеведческом музее представлены с любовью оформленный шевченковский уголок, репродукции некоторых картин.

20 сентября путь экспедиции «Дорогами Кобзаря» лежал дальше на юг, в районный центр – поселок Иргиз, расположенный на одноименной реке. В местном краеведческом музее почетное место рядом с портретом художника занимает и его акварель «Укрепление Иргиз-Кала». Сегодня понадобится немало времени, чтобы найти наиболее подходящий ракурс, с которого Т. Шевченко мог хорошо видеть и рисовать крепость, поскольку своенравное русло стремительного Иргиза под высоким правым берегом существенно изменялось. Но если крепость поразила Т. Шевченко своей «грустной наружностью», то окрестности Иргиза оказались более привлекательными. Известно, что на исходе двухнедельного путешествия за несколько дней до прибытия в Иргиз-кала караван А.И. Бутакова остановился на отдых в долине реки, напротив почитавшейся как священное место горы Манэ-аулие, которая «синела вдали, на самом горизонте...».

От современного райцентра Иргиз до аула Шенбертал у подножья горы необходимо проехать на внедорожниках более 70 км по степи и пескам. С давних времен и по настоящее время на вершине горы Манэ-аулие на высоте более 200 метров находится таинственный каменный город мертвых (некрополь), окруженный множеством легенд и загадок. Здесь можно встретить захоронения разных времен с надгробиями, на которых изображены древние тамги и арабские надписи. Аксакалы рассказывают, что сюда даже гоняют скот, чтобы он излечивался от внезапных болезней. Местные жители изредка поднимаются на гору, чтобы почтить предков, помолиться и, загадав желания, повязать разноцветные ленты на редкие кустарники. Эти завораживающие своей широтой и природной мощью степные виды Т. Шевченко неповторимо описал в повести «Близнецы».

Еще более загадочная история связана с рисунком Т. Шевченко, известным под названием «Дустанова могила», поскольку сложно с абсолютной точностью атрибутировать данное место в окрестностях Иргиза. Да и к тому же такие поиски вообще никогда не проводились! Понадобился не один час совещаний и переговоров опытных руководителей и старожилов сначала в здании Администрации Иргизского района, затем в полевых условиях в школе Шенбертала, чтобы наконец-то появились убедительные предположения. Дело в том, что пейзажа, идентичного тому, что изображен на рисунке Т. Шевченко, непосредственно вдоль берегов Иргиза и на расстоянии, указанном в описании маршрута (примерно 20 км от Манэ-аулие), нет. Скорее всего, подобие воды в нижней части рисунка – это не река Иргиз, а большая лощина с талой водой, которых в мае в этой местности остается еще большое количество. На холме «из глины слепленный памятник наподобие саркофага древних...» – могила батыра Дустана. Такая запись сделана собственноручно Т. Шевченко на обороте рисунка. Единственное из современных мест, подходящее по большинству признаков – это некрополь аула Жаныс би, центральную часть которого на естественной возвы-

шенности ныне занимает мавзолей, построенный в XIX в., а рядом находится могила, датированная 1848 г., т.е. временем пребывания тут Т. Шевченко. Древний саркофаг батыра Дустана в этом священном месте не сохранился. Он мог быть застроен более поздними захоронениями, разобран на строительный материал, что нередко практиковалось в степи, или снесен в период борьбы с религиозными предрассудками.

21 сентября 2013 г. экспедиция «Дорогами Кобзаря» совершила более чем 200-километровый переезд от Иргиза до Аральска (Кызыл-Ординская область Республики Казахстан), за время которого уже в полупустынной зоне не встретилось ни одного населенного пункта. В Аральске шевченковские материалы и небольшая библиотека собраны в историко-краеведческом музее. Они рассказывают о плавании экспедиции по Аральскому морю, научных открытиях, жизни путешественников в экстремальных условиях, творчестве художника в это время, а также истории изучения аральского периода в жизни Т. Шевченко. Шевченковедение Казахстана навсегда будет связано с именем Л.В. Сапожниковой (1938–2011) – педагога, историка-краеведа, драматурга, Заслуженного учителя РК, заведующей народным музеем в школе № 14, автора нескольких монографий о пребывании Т. Шевченко на Арале. Школьные поисковые отряды под ее руководством в 1985–1992 гг. побывали во всех местах, где останавливалась экспедиция А.И. Бутакова – так появились уникальные фотодокументы. Значительная часть современной экспозиции музея – это результат многолетних исследований нескольких поколений аральских школьников-«шевченковедов».

Для того, чтобы 22 сентября попасть в Раим из Аральска, экспедиции «Дорогами Кобзаря» понадобилось преодолеть маршрут длиной почти в 250 км на новом надежном «УАЗ»ике краеведческого музея, местами по полному бездорожью. В пути обратили на себя внимание поселок Сапак, на одноименной уже полностью высохшей речке, где на местных копанях останавливались обозы А.И. Бутакова за два дня до прибытия в Раим, и озеро Камышлыбаш – конечный пункт предпоследнего перехода. Т. Шевченко вспоминал, что здесь они шли уже ночью, поскольку дневная температура поднималась до 40 градусов.

Сегодня Раим – небольшой рыболовецкий поселок на 300 человек, расположенный на берегу озера у южного склона песчаного холма. На этом холме высотой более 30 метров в 1847–1854 гг. и стояла знаменитая крепость – первое российское укрепление в Приаралье. Именно здесь, на берегу Сыр-дарьи были спущены на воду для дальнейшего плавания в научных целях по Аральскому морю две шхуны – «Константин» и «Николай», привезенные на телегах в разобранном виде из Орска. В честь пребывания Т. Шевченко в Раиме на вершине холма в мае 1988 г. был установлен обелиск,

на ровной площадке опытный взгляд может еще различить контуры бывших крепостных стен, очертания казарм и других построек.

Конечным пунктом экспедиции «Дорогами Кобзаря» стал небольшой поселок Каратерен (около 150 жителей), отсюда всего несколько километров до некогда знаменитого Кос-арала – настоящей «творческой мастерской» художника, где Т. Шевченко выполнены многие акварели, сепии, карандашные рисунки, наброски, создана значительная часть аральского цикла поэтических произведений (более 70). Теперь по этим рисункам можно воссоздать обстановку и тяжелый быт участников экспедиции. Сегодня моря в районе Каратерена (как и во многих других местах Приаралья) не увидеть, оно ушло на многие десятки километров в результате экологической катастрофы Арала, остров Косарал давно стал сушей, бывшая крепость навсегда засыпана песком. В память о пребывании Тараса Шевченко на этих землях до начала 1990-х гг. сельская школа носила его имя, в школе действовал музей, во дворе на высоком постаменте стоял белый погрудный бюст. В нескольких километрах от Каратерена на том месте, где располагался форт, росло дерево (джида – дикая маслина), посаженное руками Т. Шевченко, и была установлена мемориальная табличка с портретом поэта. В советское время каждый год сюда на экскурсии приезжали учащиеся из Украины, а местных школьников под историческим деревом принимали в пионеры.

Но время многое меняет – не только русло Сыр-дарьи и очертания Аральского моря. Имени Шевченко уже нет в названии школы, со сменой поколений учеников, учителей и директоров постепенно исчез музей, бюст под непрерывными песчаными ветрами начал разрушаться, дерево Шевченко, вероятно, сгорело от удара молнии. Где-то далеко в песках, на дне бывшего моря стоит судно бывшей Аральской флотилии «Т.Г. Шевченко»... Однако, одной из целей экспедиции «Дорогами Кобзаря»-2013 как раз и было возвращение исторической памяти из межвременья. Все материалы по итогам поездки переданы в Астану – в Посольство Украины в Республике Казахстан, а также в Киев – в Национальный музей Т. Шевченко, чтобы к 200-летнему юбилею Кобзаря исторические памятники и места, овеянные славой российской науки и гением Тараса Шевченко, получили надлежащее внимание со стороны специалистов и широкой общественности.

ПУТЕШЕСТВИЯ КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИКА

А.Д. Зорин
Ижевск

В современном мире у исследователей появилась возможность путешествий в разные государства с целью обучения или отдыха. Может ли ученый, посетивший другую страну с целью отдыха, получить определенные знания или материалы, которые можно было бы потом использовать в своей работе? На примере личных поездок автора статьи в Китай и на Кипр можно предварительно отметить некоторые особенности сбора и анализа полученной информации. Выделим следующие этапы работы:

1. Подготовительный этап начинается еще до момента отъезда. Необходимо познакомиться с имеющейся литературой и справочниками по достопримечательностям выбранной страны. Дополнительно целесообразно ознакомиться с последними новостями и комментариями туристов, потому что определенные культурные объекты могут быть закрыты или находиться на ремонте. Отмечаем важную роль интернета в поиске и систематизации необходимой информации. Затем необходимо составить примерный план визита и пребывания в стране. Нужно расставить акценты, что самое важное, менее важное и т.д., распланировать также время для отдыха и посещения исторических достопримечательностей. Даже если вы путешествуете только для отдыха, история и полезная информация находятся вокруг – здания, быт, образ жизни, люди и т.п. Идеальный источник разнообразных знаний – общение с местным населением. Необходимо подобрать вещи и «гаджеты», которые могут понадобиться, например, удобная одежда, обувь, сумка, блокнот и ручка для записей, фотоаппарат и т.п.

2. Основной этап непосредственно связан с получением и первичной обработкой информации. Например, при посещении Китая автор побывал в Суйфэньхэ – небольшом городе на севере страны. Казалось бы, единственным его преимуществом является необычайная скорость застройки. По свидетельствам очевидцев, этот город каждый год выглядит по-новому. Однако за новыми зданиями на узких улицах, в горах, скрывается традиционная культура Китая – буддийские храмы с обилием скульптур и средневековыми архитектурными сооружениями с росписью. Кроме того, в городе находится музей «История Китая», который знакомит путешественника с маньчжурской территорией. Обратило на себя внимание то, что большинство китайцев знает русский язык. В процессе общения можно узнать о том, как сохраняется традиционная культура в современной жизни на бытовом уровне, сильны ли идеи конфуцианства и т.п. В итоге,

можно прийти к выводу, что жители, несмотря на то, что почти все имеют отношение к торговле, все же интересуются историей своей страны.

Кипр (Ларнака – Пафос) также богат античной и средневековой историей. Главным достоинством южного Кипра является государственная забота о сохранности античных исторических объектов, поэтому фотоматериалы или зарисовки в древних городах можно смело использовать на лекциях и семинарах. Туристам предлагаются не только сами архитектурные постройки или фрески, но и специальные планы (реконструкции), которые позволяют представить любой античный город Кипра с высоты «птичьего полета». На Кипре существует много легенд и сказаний (например, самая известная легенда о появлении на кипрском берегу Афродиты из «пены морской»), чтобы с ними познакомиться желательно знание английского языка. Кроме того, в некоторых постройках и помещениях разрешена работа только для ученых или студентов-историков, например, склад в средневековом византийском порту Ларнака, где находятся археологические античные и средневековые находки.

Главными объектами профессионального интереса на Кипре являются:

1) античные греческие и римские города – хорошо сохранились постройки: от храмов до villae римских жителей, фрески, статуи и др.;

2) средневековый Кипр – сохранилось намного меньше материалов, в основном форты, пушки, военный характер построек;

3) Кипр в новое и новейшее время – главным памятником трагической судьбы острова является – город-призрак Фамагуста.

3. Этап научного анализа полученной информации. Материалы путешествий исследователь может использовать на лекциях, семинарах, в личной научной работе. Информативные фото могут стать хорошим приложением, например, к отчету, научному труду или статье. Но самое главное, увидев остатки былой культуры, исследователь может глубже и точнее ее описать, так как он не только читал, но и многое видел лично.

Историк-исследователь, отправляясь в путешествие в другую страну, должен осознавать, что это не только отдых, но и уникальная возможность обогатить, прежде всего, свой жизненный опыт, привнести в учебную практику уникальные материалы по истории и культуре других стран, народов и культур.

AD MEMORIAM

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ И В.Е. МАЙЕРЕ

*А. Бейлис
Назарет, Израиль*

Я учился на историческом факультете в конце 60-х годов прошлого уже века. Потом учился и учил во многих городах России и Белоруссии. Много с тех пор воды утекло. Прошу поверить, без лести, самые светлые и лучшие воспоминания остались от времени, проведенном на нашем родном историческом факультете. Коротко обосную это: доброжелательная атмосфера между всеми и, прежде всего, преподавателями и студентами, присуща далеко не всем ВУЗам. До конца жизни буду благодарен и буду помнить любимых преподавателей – людей высокой культуры, которые обогащали нас не только знаниями, но и своим нравственным обликом. Это, прежде всего, профессора Б.Г. Плющевский, В.Е. Майер и такие преподаватели как В.А. Лоншакова, А.И. Суханов, О.П. Новикова, М.М. Мартынова, декан факультета Николай Иванович Санников и др.

Но слово о Вильгельме (Василии) Евгеньевиче Майере. Как профессор и студент мы были отдалены друг от друга. Но, что помнится: несколько личных разговоров, коротких общений тет-а-тет и то очарование, которое охватывало аудиторию от общения с УЧИТЕЛЕМ. Главная его человеческая черта – обаяние, очень приятная располагающая, а не наигранная, как часто бывает, улыбка. Кто-то из студентов отметил и неоднократно, что к такому преподавателю на экзамен идешь как на праздник. Его прекрасные лекции, особенно по истории культуры и искусства средневековья я хранил и использовал в работе ещё очень много лет. А как легко и приятно было писать за ним лекции. Из случайного общения с ним мы знали: выпускник МГУ, с началом войны рвался на фронт, но Ижевску и институту повезло – получил одну из своих звезд...

В представлении к защите докторской в МГУ был охарактеризован словами, что данный докторант и диссертация в снисхождении не нуждаются. Защита была более чем успешной, но банкет не последовал, думаю, что все понимают, что это значит...

Как-то я спросил: «Сколькими языками Вы владеете?» Он лишь махнул рукой, кому, мол, это нужно и интересно. Я думаю, не забыто, что Василий Евгеньевич обогащал студентов инфака, читая им лекции по истории культуры на изучаемом языке...

Два случая личного общения хорошо врезались в память, как тяжело он переживал события, связанные с общественной травлей А.Д. Сахарова. Я запомнил его слова после партсобрания: «Какая это трагедия...». Как сейчас эти слова звучат в моих ушах со всей высказанной горечью.

Мне пришлось провожать его домой после банкета по окончании института. Разговорились о национальном вопросе. Он с возмущением говорил: «И откуда берется сегодняшний национализм и антисемитизм!», отмечая, что до войны всего этого не было. «В МГУ, где я учился, учились люди разных национальностей, но никогда с этими проблемами в общении, в быту не сталкивались...».

Прекрасной была и семья Василия Евгеньевича. Его жена Б.П. Сысоева вела у нас курс педагогики, который составил наш фундамент понимания и общения с будущими учениками.

Можно было бы вспоминать и вспоминать, но заканчиваю. Хочу почтить память дорогих ушедших уже наших учителей и друзей и передать сердечный привет и наилучшие пожелания живым – берегите себя, будьте здоровы, счастливы, имейте благодарных учеников.

И еще два слова о В.Е. Майере. Своим профессиональным девизом по жизни я считал формулу: учитель – это не тот, кто учит, а тот, у которого учатся. Одним из таких учителей был В.Е. Майер.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ В.Е. МАЙЕРЕ

*Г.П. Кубашев
Ижевск*

В 1944 г. мы приехали в Ижевск из с. Алнаши Удмуртской АССР. Мы – это моя мама Цикото Ядвига Антоновна, я и сестрёнка Лена. Наша мама с 1941 г. работала управляющей Удмуртского отделения Государственного банка СССР. Нам предоставили жильё – две комнаты в деревянном двухэтажном доме на втором этаже на ул. Ленина, 182/а (сейчас – ул. Сивкова). Этот дом стоит и сейчас, правда в ветхом состоянии, но в нём живут люди и ждут его сноса. Дом № 182 – другой, небольшой, стоит непосредственно на ул. Сивкова, а наш № 182/а немножко в глубине.

Если пойти по улице вверх к бывшей 22-й школе (сейчас там медучилище), то первый дом № 184 в 1944 г. был занят детской больницей. Следующий дом № 186 мы, пацаны, называли его «учительским», а фактически это было общежитие для учителей. Эти два дома сейчас в хорошем состоянии и на них висят таблички, что эти дома – памятники архитектуры и имеют названия – «Казённый дом оружейного завода, построенный в начале XIX века». Естественно, что мы, пацаны, общались между

собой постоянно и ходили друг к другу в гости. Но по дому № 186 у меня в памяти осталась только семья одной женщины – Беляевой (не помню её имени и отчества), её сына Юры – он стал капитаном дальнего плавания. У них была угловая комната на первом этаже с окнами на улицу Ленина и детскую больницу. В те же 1940–1950-е гг. на улице Ленина жили в домах №№ 181 и 183 известные в республике профессора в области медицины: Марк Моисеевич Виленский и Борис Николаевич Мультиановский.

Запомнил мальчика Вилю, он был немножко младше меня и как-то меньше принимал участия в наших играх, и ещё двух мальчиков, они были меньше Вили: один, постарше – высокий, худенький, одетый в красную рубаху. По всей видимости, исходя из книги Бориславы Петровны, это были Валера и Толя – братья Вили. Но главное я тогда обращал внимание на интеллигентного мужчину из этого дома. Всегда с портфелем и папкой, в сером костюме или сером пальто, который всегда со мной здоровался и улыбался, что подвергало меня в смущение. Мы же много времени проводили на улице, катались сверху от школы № 22 вниз до ул. Советской: на санках, каталках и самокатах. И уже позже в 1953–1956 гг. я увидел в школе № 22 этого мужчину и понял, что он работает в пединституте и приводит студентов в нашу школу на практику. Сам он тоже иногда присутствовал на уроках. Звали его Василий Евгеньевич Майер. Потом я узнал, что Борислава Петровна – его жена, а Вили, Валера и Толя – их дети. Борислава Петровна иногда вела у нас уроки в школе по русскому языку, замещала при необходимости нашу учительницу Розу Иосифовну Войтус, которая довела нас до окончания 10-тилетки летом 1956 г.

С Василием Евгеньевичем мы стали встречаться реже, но всегда здоровались. В 1960 г. я ушёл служить в ряды Советской Армии. А в 1962 г. маме дали квартиру на улице Красногеройской в доме рядом со школой № 30. На всю жизнь я запомнил доброту, дружелюбие, теплоту по отношению ко мне Василия Евгеньевича. Но в жизни бывают действительно чудеса. Примерно в 1970 г. я был в командировке в Свердловске (ныне – Екатеринбург). Я шёл на посадку по перрону к поезду до Ижевска и у одного вагона стоял Василий Евгеньевич. Он увидел меня, заулыбался и мы с ним проговорили до отхода поезда. Мне сейчас 75 лет. Считаю, что благодаря Василию Евгеньевичу сложились у меня доброе отношение к людям, желание сделать что-то хорошее человеку без всяких корыстных целей. Это я буду помнить всегда.

Фамилия Майер мне встречалась и встречается на протяжении последних лет, и мне стало интересно, кем его наследники, внуки правнуки стали сейчас. И неожиданно в моё 75-летие я получил поздравление от депутата Гордумы по фамилии Майер. Потом оказалось, что директор мехзавода сейчас тоже Майер. С фамилией Майер есть сотрудник на мотозаводе и преподаватель в школе № 30.

Неожиданно в октябре 2013 г. я узнал, что в УдГУ в 2012 г. вышла книга воспоминаний Бориславы Петровны. Я решил найти эту книгу и пошёл в УдГУ, нашёл кафедру, где работал Василий Евгеньевич и милые, добрые преподаватели дали мне эту книгу. Я прочитал её и, вдохновляясь прекрасным её содержанием, написал эти воспоминания.

Вдохновило и удивило то, что у моей мамы Я.А. Цикото и Василия Евгеньевича Майера были общие по жизни ситуации. Во-первых, моя мама родилась в Смоленске в 1912 г., её родители – чистокровные поляки. В семье было 8 детей и все постепенно перебрались в Москву, последними – мама и папа в 1929 г. А по книге Бориславы Петровны, Василий Евгеньевич в начале войны попал в кровопролитные бои под Смоленском. Смоленск, как потом рассказывали родственники мамы, был очень разрушен, сожжены многие дома. У людей сторело всё имущество, документы и т.д. Об этом Василий Евгеньевич, как пишет Борислава Петровна, просил его не спрашивать, видимо ему тяжело было об этом вспоминать.

Во-вторых, моя мама в 1933 г. в Москве вышла замуж за Ивана Васильевича Комиссарова и у них родилась дочь Лена. К сожалению, в 1937 г. он был репрессирован, осужден и отбывал заключение в Магадане. Мама с дочкой выслана на поселение в Удмуртию и из Ижевска её направили в с. Алнаши в Госбанк, где её позже повысили в должности, а в 1944 г. перевели в Ижевск в Удмуртское отделение Госбанка. Неся на себе клеймо «переселенки-выселенки», и находясь на спецучете, как и Василий Евгеньевич, она должна была каждый месяц ходить и отмечаться в НКВД. Это ее очень угнетало, тяготило, унижало. И когда надо было идти отмечаться, она просила свою подругу по работе, в случае ее невозвращения, позаботиться о дочери и сыне (я родился в 1938 г.). Так было до 1956 г., когда все эти дела по СССР были пересмотрены, и почти все пострадавшие были реабилитированы, в том числе и моя мама.

Мама пела в хоре при Госбанке – у нее был хороший голос и слух (видимо, что-то осталось от Смоленской области, в которой вырос русский великий композитор Михаил Иванович Глинка), она награждена знаком отличия Госбанка, и многочисленными грамотами, ушла на пенсию в 1967 г. (не стало ее в 1983 г.).

Вот такие испытания в жизни пришлось пройти Василию Евгеньевичу и Ядвиге Антоновне. Все это они выдержали, и как в стихотворении Расула Гамзатова:

*...Мы все умрем, людей бессмертных нет
И это всем известно и не ново,
Но мы живем, чтобы оставить след
Дом, иль тропинку, дерево или слово...*

ПАМЯТЬ О ВАСИЛИЕ ЕВГЕНЬЕВИЧЕ МАЙЕР

Н.С. Качалина

Ижевск

Недавно, перебирая старые фотографии, я нашла мои «портреты», выполненные рукою Василия Евгеньевича. Было это давно, когда мы были молоды. Я часто вспоминаю этого удивительного человека, человека честного, порядочного во всех отношениях, деликатного и главное – умного и высокообразованного.

В жизни иногда бывает так: хочется вспомнить лицо живущего человека или человека, ушедшего в мир иной. Не получается. Совсем другое с Василием Евгеньевичем. Прошло много лет, как нет с нами этого милого человека, а я четко представляю черты его лица, лица человека, постоянно улыбающегося. На его лице была написана сама доброжелательность. Также отчетливо вспоминается его своеобразная походка: широкий, размеренный шаг, казалось, что он никуда не спешил. При встрече он мило улыбался, сердечно поприветствует, и на душе становилось тепло и радостно от сознания того, что около тебя оказался такой светлый человек.

Встречались мы с Василием Евгеньевичем часто. Обычно это было при входе в наш знаменитый второй корпус или когда поднимались по лестнице, он шел на свой «исторический» четвертый этаж, я – на второй, к своим филологам. Отчетливо вспоминаю его выступления на собраниях, научных конференциях, речь его уверенная, спокойная, правильная, высококультурная. Василий Евгеньевич был ученым с большим научным потенциалом, в вузе он стал первым доктором, доктором исторических наук. Он был настоящим ученым, ученым, который имел свою школу. Сейчас многие из его учеников достойно продолжают дело своего учителя.

Мне очень симпатична ученица Василия Евгеньевича – Наталья Геннадьевна Шишкина. Она многое взяла у своего учителя не только в научном плане, но переняла многие его человеческие качества: честность, добропорядочность, доброжелательное отношение к окружающим ее людям: будь то студенты, которые ее очень ценят и по-настоящему, сердечно любят, коллеги-преподаватели или сотрудники факультета и вуза.

Думая и говоря о Василии Евгеньевиче, не могу не вспомнить один факт. В 1970-е гг. наш факультет проверяла грозная московская комиссия, она называлась Госинспекция Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Инспектирование имело цель: проверить качество подготовки по русскому языку будущих учителей русского языка и литературы. Члены комиссии посещали лекции и практические занятия преподавателей. Студенты проходили тестирование на знание предметов

учебного плана. Работа деканата и факультета в целом была положительно оценена Инспекцией.

Позже на базе нашего факультета была проведена Всесоюзная конференция, куда были приглашены деканы филологических факультетов страны. Я должна была выступить с докладом, поделиться опытом работы факультета. В президиуме конференции была я и Василий Евгеньевич. Я ему сказала, что не смогу следить за временем выступающих докладчиков, мне нужно было обращать внимание на содержание докладов, чтобы, подводя итоги, дать им оценку. Василий Евгеньевич мило улыбнулся и сказал: «Не волнуйтесь, не пропадем. За временем я буду следить». Потом подкладывал мне листочки, писал, что время выступления закончилось. Рядом с Василием Евгеньевичем мне было очень спокойно. Это мелочь, но из мелочей складывается наша жизнь. А таких мелочей, связанных с Василием Евгеньевичем, у меня было много, для меня они были очень значимы, и за них я благодарна этому человеку.

И еще вспоминается, как земля не хотела принимать Василия Евгеньевича. В день его похорон на улице был очень-очень сильный мороз, земля была перемерзшая, рабочим было трудно готовить Василию Евгеньевичу его «вечный последний дом». У всех провожающих Василия Евгеньевича в последний путь было очень тяжело на душе. Многие, не скрывая слез, плакали. Пусть вечно живет память о Василии Евгеньевиче в сердцах всех, кто с ним общался, кто с ним был рядом. Мир и покой его праху.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ О В.Е. МАЙЕРЕ

А.Л. Туркевич
Ижевск

7 марта 2012 г. на историческом факультете Удмуртского государственного университета состоялась презентация книги «Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах»¹, посвященной замечательному ученому, великолепному педагогу, историку с мировым именем Василию (Вильгельму) Евгеньевичу Майеру (1918–1985). Доктор исторических наук, один из первых профессоров в УГПИ–УдГУ, он сделал много для становления исторической науки в Ижевске. Его научные достижения в разработке проблем аграрной истории средневековой Германии были оценены и в Советском Союзе, и за рубежом, а исследования В.Е. Майера актуальны и по сей день. Но судьба никогда не была милостива к этому чело-

¹ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах / сост. Б.П. Сысоева; под общ. ред. Н.Г. Шишкиной. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2012. 418 с.

веку: ему постоянно приходилось бороться, доказывать, отстаивать и только упорным трудом он смог добиться тех высот, которых он достиг. Автор-составитель книги – Борислава Петровна Сысоева, вдова ученого, нестандартно подошла к написанию воспоминаний. Отказавшись от четкого изложения в хронологической последовательности, она предложила читателям яркую мозаику, сложенную из собственных воспоминаний, писем, фотографий, газетных статей и документов, затрагивающих самые разные стороны жизни В.Е. Майера. Борислава Петровна рассказала о непростых сороковых-пятидесятых, о научных и карьерных успехах, о, казалось бы, незначительных бытовых моментах из жизни. Но все это в совокупности создало яркую, насыщенную картину из жизни В.Е. Майера. Прекрасный слог, живой язык, искренность в изложении позволяют читателям окунуться в то время, жить вместе с героями, сочувствовать и переживать.

На презентации книги, проходившей в мемориальной аудитории профессора В.Е. Майера, присутствовали и студенты-историки, и уже состоявшиеся ученые, бывшие когда-то учениками Василия Евгеньевича. Презентация проходила в режиме «эстафеты»: каждый желающий мог выступить, поделиться своими впечатлениями от прочитанного, вспомнить своего учителя и передать слово другому участнику. Первой слово взяла Наталья Геннадьевна Шишкина, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков УдГУ, первая аспирантка В.Е. Майера. Как ответственный редактор книги она отметила, что работа над ней шла крайне непросто: Б.П. Сысоева долго не решалась выставить на суд общественности свои воспоминания и на протяжении почти десяти лет шла упорная работа над их корректировкой и совершенствованием. Сама Борислава Петровна, к сожалению, не смогла присутствовать на мероприятии, но и Н.Г. Шишкина, и многие другие выражали ей искреннюю благодарность за труд, в который, совершенно очевидно, она вложила всю свою душу.

Затем эстафету подхватили Надежда Юрьевна Старкова, декан исторического факультета, кандидат исторических наук, и Семен Демьянович Бунтов, ректор УдГУ, кандидат юридических наук. Надежда Юрьевна отметила, что В.Е. Майер сыграл большую роль в ее становлении как ученого и педагога, а также поделилась своими впечатлениями от книги. Семен Демьянович заметил, что не был близко знаком с прославленным историком, однако от своих учителей, в частности от В.В. Овсиенко, часто слышал имя В.Е. Майера как человека, с которым ассоциируется университетская наука.

Многие из выступавших в тот день отмечали, что Василий Евгеньевич сыграл важную роль в их жизни, оказывая посильную помощь или «наставляя на путь истинный». Так, профессор Николай Иванович Санников, заведующий кафедрой новой и новейшей отечественной истории и

международных отношений УдГУ, кандидат исторических наук, с благодарностью вспомнил уроки немецкого языка, которые с ним проводил В.Е. Майер, помогая готовиться к аспирантским экзаменам.

Маргарита Григорьевна Иванова, археолог, доктор исторических наук, призналась, что в годы учебы в УГПИ даже не задумывалась о научной карьере, видя своим пределом работу учителя в сельской школе. Однако именно В.Е. Майер подтолкнул ее к тому, чтобы заняться историческими исследованиями. Владимир Александрович Чиркин, доктор исторических наук, отметил мудрость и дальновидность своего учителя, который определив ему, казалось бы, узкую и крайне специфичную тему научных изысканий, в конечном итоге оказался прав, поскольку выбранная тема позволила в дальнейшем В.А. Чиркину выйти на новые, более широкие горизонты исследования.

Тимур Петрович Евсеенко, доктор юридических наук, вспоминал, что после окончания исторического факультета, его ждало распределение в село, что для него, городского жителя, было равнозначно ссылке. Но Василий Евгеньевич, войдя в его положение, поспособствовал тому, чтобы тот остался работать на юридическом факультете и, как показало время, волевое решение В.Е. Майера было совершенно оправданным.

Последний аспирант В.Е. Майера Василий Васильевич Иванов, кандидат исторических наук, подчеркнул, что и в Москве, и в Германии имя В.Е. Майера помнят, а его научные работы и по сей день актуальны и востребованы. Наталья Николаевна Бармина, кандидат исторических наук, училась на курсе, которому Василий Евгеньевич последний раз преподавал свой любимый предмет – историю средних веков. Н.Н. Бармина вспоминала, что именно их курс создал мемориальную аудиторию профессора В.Е. Майера, а сама она была первой, кто взялся за изучение научного наследия ученого – этому была посвящена ее дипломная работа.

Завершал презентацию Владимир Емельянович Владыкин, профессор, доктор исторических наук. Он обратил внимание присутствующих, что В.Е. Майер, помимо собственно научной работы, занимался и общественной деятельностью, в частности, возглавлял Общество дружбы СССР-ГДР, где им доводилось работать вместе.

Презентация книги «Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах» в стенах УдГУ прошла успешно. Никто из приглашенных и выступающих не отнесся к этому мероприятию формально. Каждый, кто делился впечатлениями от книги или вспоминал Василия Евгеньевича, делал это искренне и с теплотой. Можно с уверенностью сказать, что память об этом удивительном человеке живет, живет не только на страницах книг, но и в сердцах его учеников и последователей, создавая особую траекторию развития, под названием «Историк и его дело».

СЛОВО О КНИГЕ

*Е.М. Гуца
Ижевск*

Уважаемая Борислава Петровна! С большим интересом и волнением прочитала Ваши воспоминания о Василии Евгеньевиче Майере. Благодарю Вас за эту книгу, ее читать «полезно и приятно» (с. 5).

Триста страниц текста, в котором использовано более трехсот документов из семейного архива. Семейный архив вызывает восхищение. Сохранить столько документов, а затем их систематизировать, перечитать и разумно использовать в данной книге – убедительное подтверждение огромной работы, проделанной Вами. Вы сделали эту работу качественно и доброту, достойно уровня Василия Евгеньевича.

Опубликовав свои воспоминания, Вы, Борислава Петровна, подарили мне, и я уверена, всем кто знал В.Е. Майера, через 25 лет после его смерти, возможность соприкоснуться с внутренним миром и переживаниями умного и прекрасного человека.

В Ваших воспоминаниях Василий Евгеньевич предстает как ученый-исследователь. Многие документы подтверждают как целенаправленно, кропотливо, преодолевая трудности, он шел к своей цели, сознавая: «...то, что я делаю, я рассматриваю не столько как лично мое и твое, а как общественное ... от этого получит пользу то общество, где буду применять свои силы. Прежде всего, институт» (с.107). В этих словах, по-моему, весь смысл его жизни. Первый доктор наук Удмуртского педагогического института – В.Е. Майер, стал его гордостью.

Опубликованные записи из дневников ученого позволяют представить его постоянную работу над самообразованием, чтобы стать таким, каким мы его знали: «высокообразованный интеллигент, профессионал, настоящий университетский профессор» (с. 353). Подробно и документировано Вы написали о его многоплановой общественной деятельности (гл. 12) и лекторской работе (гл. 14), которой он занимался на протяжении всей своей жизни.

С большим интересом прочитала главы о саде-огороде, ваших совместных посадках, о тюльпанах и облепихах. Деревенский мальчишка... любил землю, отдыхал, копаясь на участке, наслаждался красотой природы, совершая длительные прогулки – вроде все как многие из нас. Но, сколько восторженных слов оставил в своих дневниках о местах, где бывал, об удмуртском крае.

Воспоминания написаны с большим тактом. В них столько разумности, искренности и нежности! Ваша совместная жизнь пример взаимной помощи, уважения и преданности: «...мы должны, в первую очередь, ду-

мать не о себе, а друг о друге ... приносить друг другу радости» (с. 107). Близкие по духу люди, единомышленники – Вы достойно дополняли друг друга. Прочитала личные воспоминания жены, а сложился образ достойнейшего гражданина своего Отечества.

Пожалуйста, не сомневайтесь и не задавайте бесконечно себе вопрос: надо ли было опубликовать эти воспоминания? Да, надо. Мы, ученики Василия Евгеньевича, их ждали. Вспоминаю слова В.Е. Владыкина: «Уже столько лет нет его на факультете, а пустота с его уходом осталась...» (с. 353). Ваша книга, это как встреча с Учителем, к ней можно возвращаться и этим Ваши воспоминания, особенно мне, дороги.

Книга подсказывает читателям, как наполнить жизнь глубоким содержанием, развивать свой кругозор, тренировать память, учиться писать, обобщать свой опыт, думать. Уверена, что любой студент исторического факультета, собираясь заняться наукой, найдет в ней нужные ориентиры.

Ваша книга вышла под общей редакцией Н.Г. Шишкиной, под руководством которой преподаватели и студенты истфака целенаправленно работают по сохранению памяти о В.Е. Майере: научные конференции российского и международного уровня, выпуск сборников научных статей, воспоминаний, книг об ученом, открытие мемориальной комнаты. Долго подбирала слова, как оценить огромную личную работу Натальи Геннадьевны. Считаю, что это не только жест благодарности своему Учителю или показатель преданности делу, которому служил В.Е. Майер. Думаю, что это – подвижничество (от слова «подвиг») идея, памяти ученого – черта, которая характерна для лучших представителей российской интеллигенции.

Данная книга займет достойное место среди разнообразной деятельности по сохранению памяти о В.Е. Майере. Спасибо авторам.

1.03.2012 г.

МИР ВОСПОМИНАНИЙ О ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Т.В. Сафонова
Глазов

Уважаемая Наталья Геннадьевна! Получила книгу воспоминаний о В.Е. Майере с дарственной надписью от Вас. Открыв ее, сразу окунулась в мир воспоминаний о замечательном человеке, образ которого возникает передо мной время от времени по грустным и счастливым обстоятельствам. В свое время на 3 курсе он пригласил меня на кафедру и состоялся разговор, в котором он предложил заниматься медиевистикой с перспективой обучения в аспирантуре. Но в те времена другие идеи, дела захвати-

ли – оказалась сначала в археологии, потом работала над дипломом с А.И. Сухановым. И второе событие, которое буквально меня потрясло, и в своей педагогической практике неизменно следую этой модели поведения. На экзамене, который принимал Василий Евгеньевич, я не знала ответ на вопрос по Столетней войне. Так уж видимо готовилась или просто от переизбытка информации произошла блокировка. Такое со мной случалось не раз. Но Василий Евгеньевич поставил отличную оценку, сказал, чтобы хорошо проработала этот вопрос после экзамена. Удивительный пример личностного подхода и так поступаю сама по его примеру, если знаю, что студент старается.

Помню потрясающий случай. Мы с Татьяной Майер (дочерью) были сокурсники, и так случилось, что она удивительным образом опекала меня на 1 курсе. Поскольку я была из Глазова, общежитие не получила, искала жилье, Татьяна сказала: «Если тебе негде будет жить, можешь побыть у нас, места хватит». Такие случаи бывают исключительно редко в жизни и как вспышка возникают в памяти наверно для того, чтобы понимать, что в мире много доброты и в целом хороших людей гораздо больше. То есть в принципе мир прекрасен, потому что есть такие люди как В.Е. Майер, его близкие и родные люди, ученики. Еще одно воспоминание: 1 сентября 1979 г. я получила от Василия Евгеньевича телеграмму с поздравлением по поводу начала учебного года и пожеланиями трудиться на педагогической ниве с успехом. Вот что это такое? Откуда? Наверно свыше даются такие ситуации, которые не дают покоя. И еще помню, что на занятия Василия Евгеньевича ходила всегда. Конспектировала тщательно (ничего не сохранилось в связи с неоднократными переездами). Кстати, именно Таня Майер научила меня правильно конспектировать лекции, выделяя самое главное из услышанного, эти приемы использую по жизни...

Передайте, пожалуйста, Бориславе Петровне, что она создала замечательную, удивительную книгу воспоминаний, которая так широко представляет палитру времени, в котором жил и трудился замечательный Учитель, что лучшего памятника ему наверно никто не сможет создать...

Истфак помню, люблю, ценю во все времена и желаю преподавателям доброго здоровья, благополучия и Ангела Хранителя каждому.

26.04.2012 г.

ОТВЕТЫ В.Е. МАЙЕРА НА ВОПРОСЫ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ¹

1. Майер Вильгельм Евгеньевич.

2. 1918 г. Родился в с. Высокополье Высокопольского района Херсонской области УССР.

3. Немец.

4. Член КПСС.

5. Поступил на истфак МГУ в 1937 г., окончил его в 1945 г.

6. С 7 июля 1941 г. по 12 августа 1941 г. находился в Народном ополчении Москвы, служил рядовым в 21-й дивизии. С начала августа она входила в состав действующей армии. 12 августа, как студент последнего курса, был отправлен в Москву на учебу. К этому времени университет оказался эвакуированным. 17 августа по месту работы (с 1 марта 1941 г. я работал вспомогательным научным сотрудником в ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), продолжая учебу в МГУ), был мобилизован Киевским РК ВКП(б) на сооружение укреплений. До 17 октября 1941 г. активно участвовал в работе стройбата в районе Малоярославца, западнее с. Ильинского. 19 октября 1941 г. был призван в ряды РККА Краснопресненским райвоенкоматом Москвы, где находился на воинском учете. До 13 января 1942 г. служил в 133-м запасном стрелковом полку в окрестностях Йошкар-Олы, куда мы из Москвы добрались пешком. Согласно приказу ГКО от 5 декабря 1941 г. был демобилизован из рядов РКК 13 января 1942 г. и одновременно мобилизован на работу трест «Ижлес». Точно не помню, но вскоре после прибытия в трест был направлен в 133-ю строительную колонну, которая работала на лесозаготовке в Увинском лесопункте Удмуртской АССР. В мае 1942 г. колонна решением ГКО была расформирована. Меня направили на Увинский лесозавод.

В армии был рядовым. Во время перехода из Москвы до Йошкар-Олы выполнял должность помковзвода. В декабре 1941 – январе 1942 гг. проходил обучение на полковых сержантских курсах.

7. Ранений и контузий не имею.

8. Награжден медалью «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина».

9. С мая 1942 г. по 13 января 1943 г. работал такелажником, затем экспедитором по материальному снабжению на Увинском лесозаводе Удмуртской АССР. По согласованию Наркомпроса Удмуртской АССР и треста «Ижлес» был направлен на учительскую работу в Мултанское педучи-

¹ «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: Воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 190-194.

лице (Увинского р-на, Удмуртская АССР), откуда меня 20 июня 1943 г. мобилизовали на работу в 75-й лагерь для военнопленных, который также находился в Увинском р-не, где я работал политинструктором до 20 февраля 1944 г. Здесь меня представили к званию младшего лейтенанта. С 20 февраля 1944 г. и до 30 июня 1945 г. работал вновь учителем Новомульчанского педучилища. Затем до 20 сентября 1945 г. учился в МГУ, после окончания которого был направлен на работу в Удмуртский пединститут. В 1972 г. последний был преобразован в Удмуртский госуниверситет, сейчас он имени 50-летия СССР. С 20 сентября 1945 г. я работаю здесь непрерывно: с 1945 по 1947 г. – асс., с 1947–1956 г. – ст. преп., с 1956 – 1968 г. – доц., затем – проф. После образования университета в 1972 г. стал проректором по научной работе. В 1959–1962 гг. был деканом, в 1962–1964 гг. – с.н.с., с 1964 г. возглавляю каф. всеобщей истории. Кандидатскую диссертацию защитил в МГУ в 1955 г., докторскую – в МГПИ в 1968 г.

На протяжении всей войны на меня самое большое впечатление произвела политическая, воспитательная политика нашей партии. На первых порах я редко участвовал в этой работе, но с января-февраля 1942 г. могу считать себя активным пропагандистом слова партии. Находясь в строительной колонне, в педучилище, на лесозаводе и особенно в лагере для военнопленных, я постоянно читал лекции, проводил беседы не только в своих коллективах, но и в колхозах, цехах завода, на лесопунктах, в госпиталях, школах.

Особенно много мне приходилось выступать на немецком языке. Военнопленным рассказывал биографию нашего вождя В.И. Ленина, изучал с ними работу по диалектике В. Ульбрихта, пересказывал содержание работ и докладов И.В. Сталина, постоянно информировал их о событиях на фронтах, участвовал в создании группы антифашистов, с которыми занимался специально. Хорошо помню время, когда заработал Комитет «Свободная Германия» и начала выходить газета «Свободная Германия», это было 13 июля 1943 г.

Если до августа 1943 г. немецкие военнопленные относились к нашей пропаганде почти безразлично, то с прибытием первых военнопленных в лагерь из-под Курска положение резко изменилось. Потрепанные, деморализованные, недовольные военной муштрой, они воздействовали разлагающе на «старых» пленных. Все поняли, что произошло что-то ужасное, а некоторые – это начало провала. С этого времени отношение к нашей работе изменилось коренным образом. Нас начали спрашивать о колхозах, нашем строе, партии, отношениях к женщинам, вопросах политики. Начали рассказывать о догитлеровском времени. Находились бывшие пионеры, комсомольцы, активисты КПГ. Все более оформлялось стремление, которое может быть охарактеризовано как стремление скорее вернуться домой. Немецкие военнопленные впервые заговаривали не только о возмож-

ной победе Красной Армии, но и о том, что только такая победа положит конец войне. Когда я сообщил, что накануне Октябрьских праздников Красная Армия освободила Киев, впервые военнопленные аплодировали победе нашей армии.

На протяжении войны я переписывался со своим однокурсником, с которым все годы учебы жил в одной комнате общежития, Анатолием Владимировичем Мамонтовым. К сожалению, моя переписка с ним была уничтожена в 1953г.

Толя Мамонтов родом из г. Абдулино, Куйбышевской обл., где по улице Коммунистической, в доме 150 проживали его родители Владимир Иванович и Александра Ивановна. Я с ними регулярно переписывался до 1955г. Во время войны я через них устанавливал связь с Анатолием и его землячкой Клибановой Женей, которая также училась с нами на одном курсе.

Мы с Толей познакомились в августе 1937 г., когда ожидали зачисления в МГУ и несколько дней жили в аудитории на ул. Герцена, д. 5. С тех пор мы прочно подружились. Физически не особенно развитый, он был в учебе исключительно трудолюбив. Он меня научил сидеть в читальном зале или кабинете до 10-11 часов вечера. Учился он отлично. В общественной жизни принимал активное участие, был агитатором. Умел страстно спорить и доказывать. Из карманов его пиджака железнодорожника (отец работал на железной дороге, кажется, учителем; мать работала в общеобразовательной школе) всегда торчали газеты или брошюры. По пути в общежитие (в первом году на 17 трамвае до Останкино, затем на метро до Сокольников) он всегда что-нибудь читал или заучивал латинские тексты. Личными идеалами для него были Ленин и Чернышевский. Любил Герцена и Огарева. Толя сочинял рассказы. Помню, в одном он весьма красочно рассказывал об установлении красного знамени в родном своем городе. Из армии он писал письма, в которых содержалась масса образных выражений и крылатых слов. Одно время у него появилась примета – в день экзамена не заправлять койку. Когда я ему на это намекнул, он тут же сознался, и больше он так не поступал. Вообще он отличался мужеством признавать свои недостатки, чтобы затем упорно трудиться над их преодолением. Но он не щадил и других. Правду он нигде не боялся выкладывать. В армию ушел добровольцем, несмотря на сильную близорукость, прошел курсы переводчика и все время был переводчиком. К концу войны был лейтенантом, имел одну или две «Красные Звезды». Помню, его мама мне писала, что он погиб в Вене 2 мая 1945 г. В него выстрелили из-за угла, в спину. Вполне возможно, что он переписывался с Ж. Клибановой. В 1948 г. я назвал своего сына Анатолием.

Близким моим другом был Митьков Михаил Федорович, с которым мы три года жили в одной комнате в общежитии. В армию он ушел после

третьего курса. Если Толя был блондином с рыжеватым оттенком, то Миша – черный, слегка тронутый оспой, физически он был крепкого телосложения, занимался в авиаклубе, учился очень хорошо. Исключительно работал над собой. Постоянно вел дневник. Много трудился над усовершенствованием своего стиля. Хотел быть писателем. В душе пропагандист. Был тоже агитатором на избирательном участке. Темы наших разговоров почти всегда касались политики. Это не мешало нам говорить по вопросам истории, обсуждать литературные произведения, особенно новинки. Несмотря на то, что почти всегда с нами был Толя, мы с Мишей беседовали много вдвоем. Главным образом, мы тогда говорили о партии, ее истории, настоящем и будущем, о великих ее людях и т.п. Меня особенно поражала логика Миши, его беспокойство о всех политических и партийных делах. Мы говорили о своем отношении к партии. Помню, после в одной из бесед Миша сказал мне: «Я бы тебя, Вилли, рекомендовал в партию». Не помню, как мы подошли к этому вопросу, но в дальнейшем я всегда помнил, что лучший мой товарищ, человек, который за год до войны сменил свою мирную профессию на военную, хотел меня рекомендовать в партию. Он ведь тогда сам еще не был в партии. Следовательно, это был результат наших моральных качеств, общности наших взглядов, идеалов. В самые трудные минуты я помнил о словах своего друга. Они придавали мне твердость. И если я уже тогда, до войны, в душе был коммунистом, то только обстоятельства, от меня независимые, были препятствием вступить в партию раньше 1960-61 гг. Митьков был из Земетчинского р-на Тамбовской обл. Когда и как погиб, не знаю. Мы и до войны не переписывались. Его воинская часть была засекречена. Я знал отца и брата Миши.

Третьим моим близким другом был Мкртычев Осип Мкртычевич с Нагорного Карабаха. Он был лет на восемь-девять старше нас. До учебы он прошел военную службу в кавалерии, был женат и имел двух детей. Сына звали Генрихом. Он тоже ушел за год до войны. На нас он влиял сильно своими привычками. В быту и во всем он был очень аккуратен. От нас он требовал того же. Мы жили с ним первый год в Останкино. Он был старостой комнаты. Мы тогда заняли первое место по чистоте, нашу комнату фотографировали. В общежитии на Стромынке мы жили тоже год вместе, а затем рядом. Мкртычев был по-кавказски резок и категоричен в суждениях. Убеждение ни под каким видом не менял.

Все мы были очень жизнерадостны. Однако за время учебы мы только один раз садились за праздничный стол в общежитии, чтобы отметить День Конституции. Нас было много. Мы пели и декламировали, но пить – мы распили одну бутылку красной наливки. Спирт я сам впервые попробовал по приказу командира в августе 1941г. Постоянно встречался с Колей Майоровым. С ним посещал лекции и беседы по атеизму, бывал на за-

седаниях кружка поэзии. Помню, как он вдохновенно читал свои стихи. Он и Саша Яковлев. Коля был атлетически сложен. На лице выдавались скулы, голос у него обычно был приглушенный. Как сегодня помню, что в одном стихотворении он говорил «о капле мужественной монгольской крови», которая, может быть, и в нем. Он всегда страстно дискутировал.

Коля тоже был в Йошкар-Оле. Оттуда он в декабре 1941 г. отправился в маршевой роте на фронт. Я знал о дне отъезда, но прийти на станцию не смог. Его провожал Арчил Джапаридзе, который мне потом в тот же день рассказал, что Коля сам просился на фронт, настроение у него было бодрое, он пожелал Арчилу не задерживаться, передал привет мне. Эшелон ушел из Йошкар-Олы с песней. Не сомневаюсь, что Коля был одним из запевал. По пути от общежития в Останкино до электрички и обратно он часто пел. Он первый выучил слова «Катюши». Во всяком случае, я от него их узнал. До войны вели дневники А.Мамонтов, М.Митьков и я. Толя и я сдали свои дневники в камеру хранения на Стромынке. Когда я в 1945г. забрал оттуда свои вещи, все оказалось на месте, кроме дневника.

Истфак для меня всегда был вдохновляющим примером. Комсомольские собрания, субботники, работа на станциях, по очистке снега и т.д. – все воспитывало. Запомнился на всю жизнь митинг 22 июня в Коммунистической аудитории, сплоченность, приподнятый тон, вера в победу.

Конечно, я знал почти всех погибших студентов истфака, т.к. год работал после учебы секретарем деканата. Но разве мы тогда думали о смерти.

8.V. 75.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ В.Е. МАЙЕРА¹

1955

1. Майер, В. Е. Уставы (Weistümer) как источник по изучению положения крестьян Германии в конце XV – начале XVI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Е. Майер ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1955. – 19 с.

1956

2. Майер, В. Е. Уставы как источник изучения классовой борьбы в немецкой деревне XV – начала XVI в. / В. Е. Майер // Ученые записки / Удмурт. гос. пед. ин-т. – Ижевск, 1956. – Вып. 9. – С. 125–143.

3. Майер, В. Е. Уставы как источник по изучению положения крестьян

¹ Список составлен по хронологическому принципу Б.П. Сысоевой в 1988 г., дополнен и уточнен Никитиной И.В. в 2013 г.

в Германии в конце XV – начале XVI в. / В. Е. Майер // Средние века : сборник / Ин-т истории. – Москва, 1956. – Вып. 8. – С. 197–216.

4. Майер, В. Е. Характер и ценность уставов (Weistümer) конца XV – начала XVI в. / В. Е. Майер // Ученые записки / Удмурт. гос. пед. ин-т. – Ижевск, 1956. – Вып. 10. – С. 83–98.

1958

5. Майер, В. Е. Борьба двух линий в международной политике. Движение народов за мир : метод. пособие по новейшей истории / В. Е. Майер. – Ижевск, 1958. – 16 с.

1960

6. Майер, В. Е. Что такое христианство? / В. Е. Майер. – Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1960. – 31 с.

1961

7. Майер, В. Е. Древний период в истории Удмуртии : (до III–IV вв. н. э.) / В. Е. Майер // Использование краеведческого материала в курсе истории СССР : в помощь учителю / Удмурт. гос. ун-т, Удмурт. ин-т усовершенствования учителей. – Ижевск, 1961. – С. 5–18.

8. Майер, В. Е. Об одном раннем произведении утопического коммунизма в Германии / В. Е. Майер // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т истории. – Москва, 1961. – Вып. 20. – С. 151–165.

1962

9. Майер, В. Е. Далекое прошлое удмуртского народа / В. Е. Майер, М. М. Мартынова // Книга для чтения по истории Удмуртии : для 5–8 кл. восьмилет. и сред. шк. / ред. Е. А. Матвеев. – Ижевск, 1962. – С. 4–15.

10. Майер, В. Е. Мировое коммунистическое движение – самая влиятельная политическая сила нашего времени / В. Е. Майер. – Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1962. – 27 с.

11. Майер, В. Е. Удмуртская деревня в конце XIX века / В. Е. Майер, А. А. Александров // Книга для чтения по истории Удмуртии : для 5–8 кл. восьмилет. и сред. шк. / ред. Е. А. Матвеев. – Ижевск, 1962. – С. 39–57.

1963

12. Майер, В. Е. Вейстюмер / В. Е. Майер // Советская историческая энциклопедия / АН СССР, Отд-ние ист. наук ; гл. ред. Е. М. Жуков. – Москва, 1963. – Т. 3. – Стб. 30.

13. Германия в XII–XV вв. Аграрные отношения в XII–XV вв. / Ю. Л. Бессмертный, В. Е. Майер, Н. Н. Денисова [и др.] // Хрестоматия по истории средних веков : в 3 т. / под ред. С. Д. Сказкина. – Москва, 1963. – Т. 2 : X–XV века. – С. 440–459.

14. Майер, В. Е. Гримм Якоб / В. Е. Майер // Советская историческая энциклопедия / АН СССР, Отд-ние ист. наук ; гл. ред. Е. М. Жуков. – Москва, 1963. – Т. 4. – Стб. 791.

1964

15. Майер, В. Е. Вопросы аграрной истории Германии XIV–XVI вв. в освещении буржуазных историков ФРГ / В. Е. Майер // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т истории. – Москва, 1964. – Вып. 26. – С. 117–131.

16. Майер, В. Е. Крупная издольная аренда на бывших домениальных землях в Германии в XIV–XVI вв. (преимущественно по материалам Вюртемберга) / В. Е. Майер // Ученые записки / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1964. – Вып. 117. – С. 3–47.

17. Майер, В. Е. Новые издания вейстюмер : (о сб. по истории средневекового крестьянства Германии) / В. Е. Майер // Ученые записки / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1964. – Вып. 117. – С. 107–112.

1965

18. Майер, В. Е. Виноградничество и его место в аграрной истории Германии в XIV–XVI вв. / В. Е. Майер // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т истории. – Москва, 1965. – Вып. 27. – С. 114–138.

19. Майер, В. Е. Имущественное положение крестьянства в Юго-Западной Германии на рубеже XIV–XV вв. : (по стат. данным графства Гогенберг, 1392–1408 гг.) / В. Е. Майер // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т истории. – Москва, 1965. – Вып. 28. – С. 95–118.

20. Майер, В. Е. Крупное овцеводческое хозяйство в Германии в XIV–XVI вв. и появление в нем элементов капиталистического предпринимательства / В. Е. Майер // Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве : сб. ст. : к 80-летию акад. Н. М. Дружинина / АН СССР, Ин-т истории. – Москва, 1965. – С. 85–123.

21. Майер, В. Е. Некапиталистический путь развития / В. Е. Майер // Блокнот агитатора. – 1965. – № 17. – С. 13.

22. Майер, В. Е. [Рецензия] // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т истории. – Москва, 1965. – Вып. 27. – С. 225–229.

Рец. на кн.: Pannach, H. Das Amt Meissen vom Anfang des 14. bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts / H. Pannach. – Berlin, 1960. – Пер. назв.: Мейссенский округ с начала XIV до середины XVI века.

1966

23. Майер, В. Е. Феодальное законодательство Германии XIV–XVI вв. Об отчуждении крестьянских держаний / В. Е. Майер // Ученые записки / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1966. – Вып. 143. – С. 103–111.

1967

24. Майер, В. Е. Изменения в структуре скотоводства Германии в XIV–XVI вв. : (к вопросу о развитии производ. сил преимущественно в р-нах Великой Крестьянской войны 1524–1525 гг.) / В. Е. Майер // Ученые записки / Удмурт. гос. пед. ин-т им. 10 лет УАО. – Ижевск, 1967. – Вып. 15 : История СССР. Всеобщая история. – С. 71–111.

25. Майер, В. Е. Специализация мелких хозяйств города и деревни Гер-

мании в XIV–XVI вв. на выращивании огородных, садовых и некоторых технических культур : (к вопросу о развитии производ. сил) / В. Е. Майер // Ученые записки / Удмурт. гос. пед. ин-т им. 10 лет УАО. – Ижевск, 1967. – Вып. 15 : История СССР. Всеобщая история. – С. 112–141.

1968

26. Майер, В. Е. Исследования кафедры всеобщей истории Удмуртского педагогического института по истории средних веков / В. Е. Майер // Историческая наука на Урале за 50 лет (1917–1967) : материалы 3-й науч. сес. вузов Урал. экон. р-на : (ист. науки) / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Свердловск, 1968. – Вып. 2 : Всеобщая история. – С. 35–39.

27. Майер, В. Е. Развитие производительных сил сельского хозяйства и аграрные отношения в Германии в XIV–XVI вв. : автореф. дис. . д-ра ист. наук. / В. Е. Майер. – Москва, 1968. – 33 с.

28. Майер, В. Е. [Рецензия] // Вопросы истории. – 1968. – № 10. – С. 171–174.

Рец. на кн.: История средних веков : учеб. для ист. фак. гос. ун-тов : в 2-х т. Т. 2. / под ред. С. Д. Сказкина [и др.]. – Москва : Высш. шк., 1968. – 388 с.

1969

29. Из опыта работы по атеистическому воспитанию / Удмурт. ин-т усовершенствования учителей ; науч. ред. В. Е. Майер. – Ижевск : Удмуртия, 1969. – 59 с.

30. Майер, В. Е. Как научить конспектировать произведения В. И. Ленина / В. Е. Майер // Повышать идейность и эффективность партийной учебы. – Ижевск, 1969. – С. 70–79.

31. Майер, В. Е. Проблемы генезиса капитализма в Германии / В. Е. Майер // Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма : материалы науч. сес., Москва, 11-13 мая 1966 г. – Москва, 1969. – С. 143–148.

1970

32. Майер, В. Е. В. И. Ленин об общественном разделении труда как основе процесса развития товарного производства и капитализма : (в связи с определением задач конкрет. исслед. развития земледелия Германии в XIV–XV вв.) / В. Е. Майер // Ученые записки / Удмурт. гос. пед. ин-т. – Ижевск, 1970. – Вып. 21 : История. – С. 199–211.

33. Майер, В. Е. Роль ростовщического капитала в немецкой деревне XIV–XVI вв. / В. Е. Майер // Проблемы генезиса капитализма : к Междунар. конгр. экон. истории в Ленинграде в 1970 г. : сб. ст. / АН СССР, Отделение истории. – Москва, 1970. – С. 57–82.

1971

34. Майер, В. Е. Славное столетие Парижской Коммуны / В. Е. Майер // Блокнот агитатора. – 1971. – № 3. – С. 17–24.

35. Майер, В. Е. Социально-экономические сдвиги в районах произ-

водства и торговли вайдой в Германии XIV–XVII вв. / В. Е. Майер // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 1971. – Вып. 34. – С. 145–162.

1972

36. Майер, В. Е. Производительные силы и сельскохозяйственное производство в Западной Германии в XVIII в. / В. Е. Майер // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, Минск, Гродно, 25–29 сент. 1972. – Минск, 1972. – Вып. 1. – С. 116–119.

1973

37. Майер, В. Е. [Рецензия] // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 1973. – Вып. 36. – С. 195–201.

Рец. на кн.: Смирин, М. М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV–XVI вв.) / М. М. Смирин. – Москва : Наука, 1969. – 408 с.

38. Майер, В. Е. Сельскохозяйственные орудия и агротехника в Германии XIV–XVI вв. / В. Е. Майер // Проблемы германской истории : (материалы симп., состоявшегося в Вологде 15–17 окт. 1971 г.) / Вологод. гос. пед. ин-т, Каф. всеобщ. истории. – Вологда, 1973. – Вып. 2. – С. 160–168.

39. Хрестоматия по истории Удмуртии / под общ. ред. В. Е. Майера ; сост.: Г. К. Аникина, И. А. Боброва (отв. сост.), Р. А. Ислентьева [и др.]. – Ижевск : Удмуртия, 1973. – 272 с.

1974

40. Майер, В. Е. Встреча студентов-археологов : (о IV Урал. науч. студен. археол. конф.) / В. Е. Майер // Вестник высшей школы. – 1974. – № 9. – С. 55.

41. Майер, В. Е. Межфакультетские связи в профессиональной подготовке студентов различных специальностей / В. Е. Майер, Н. В. Малахов, М. М. Мартынова // Совершенствование учебного процесса в вузах : тез. докл. I Респ. науч.-метод. конф. / Удмурт. отд-ние пед. о-ва РСФСР. – Ижевск, 1974. – С. 243–245.

42. Майер, В. Е. Методика обучения студентов конспектированию / В. Е. Майер // Совершенствование учебного процесса в вузах : тез. докл. I Респ. науч.-метод. конф. / Удмурт. отд-ние пед. о-ва РСФСР. – Ижевск, 1974. – С. 125–127.

43. Майер, В. Е. [Реферат] // РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер. 5, История. – 1974. – № 4. – С. 177–179.

Реф. на кн.: Sabeau, D. W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkriegs / D. W. Sabeau. – Stuttgart : Fischer, 1972. – 175 S. – Пер. назв.: Землевладение и общество накануне Крестьянской войны.

44. Майер, В. Е. [Реферат] // РЖ. Общественные науки за рубежом. Сер. 5, История. – 1974. – № 2. – С. 193–195.

Реф. на ст.: Fogler, G. Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft. Betrachtungen über die Entwicklung des Bürgertums in Mittel- und Westeuropa vom 11. bis zum 18. Jahrhundert / G. Fogler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 1973. – № 10. – S. 182–1208. – Пер. назв.: Проблемы развития классов в феодальном обществе. Взгляды на развитие бюргерства в Центральной и Западной Европе в XI–XVIII вв.

45. IV Уральская научная студенческая археологическая конференция : тез. докл. / Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР ; редкол.: В. Е. Майер, Р. Д. Голдина, В. Е. Владыкин [и др.]. – Ижевск : [б. и.], 1974. – 63 с.

1975

46. Майер, В. Е. Источники по истории развития производительных сил в сельском хозяйстве и аграрных отношений в Германии в XIV–XVI вв. / В. Е. Майер // Античная древность и средние века : сб. ст. / Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1975. – Вып. 12. – С. 147–159.

47. Майер, В. Е. Исторические и культурные предпосылки написания первой грамматики удмуртского языка / В. Е. Майер // Вопросы удмуртского языкознания : сб. ст. / Удмурт. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, лит. и яз. при Совете Министров Удмурт. АССР. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 24–34.

48. Кузнецов, П. К. Культурная революция в Удмуртской АССР (1917–1958 гг.) / П. К. Кузнецов ; науч. ред.: В. Е. Майер, А. А. Тронин. – Ижевск : Удмуртия, 1975. – 548 с.

49. Майер, В. Е. [Рецензия] // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 1975. – Вып. 39. – С. 244–249.

Рец. на кн.: Norden, A. Herrscher ohne Krone / A. Norden. – Berlin, 1974. – 250 S. – Пер. назв.: Некоронованные властители.

1976

50. Володарский, В. М. Проблемы раннебуржуазной революции в Германии в новом коллективном труде историков ГДР / В. М. Володарский, В. Е. Майер, А. Л. Ястребицкая // Средние века : сборник / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 1976. – Вып. 40. – С. 294–300.

Рец. на кн.: Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution / Autorenkollektiv: A. Laube, M. Steinmetz, G. Fogler (Leiter) ; Bildredaktion in Zusammenarbeit mit den Autoren: R. Weber. – Berlin : Dietz, 1974. – 416 S.

51. Самсонов, В. И. Атеистов воспитывает школа / В. И. Самсонов ; науч. ред. В. Е. Майер. – Ижевск : Удмуртия, 1976. – 144 с.

1977

52. Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья : (сб. ст.) / Удмурт. гос. ун-т ; редкол.: В. Е. Майер, Р. Д. Голдина, В. Е. Владыкин, М. Г. Иванова. – Ижевск : [б. и.], 1977. – 168 с.

53. Majer, W. E. Soziale und ökonomische Wandlungen im Bereich der

Waidproduktion und des Weidhandels in Deutschland während des 14. bis 17. Jahrhunderts / W. E. Majer // Magdeburger Beitrage zur Stadtgeschichte. – Magdeburg, 1977. – H. I. – S. 43–60.

1979

54. Майер, В. Е. Деревня и город Германии в XIV–XVI вв. : (развитие производ. сил) / В. Е. Майер. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. – 168 с.

Рец.: 1) Барг, М. А. // Вопросы истории. – 1981. – № 5. – С. 139–141 ; 2) Володарский, В. М. // Средние века. – Москва, 1981. – Вып. 44. – С. 294–297 ; 3) Harder-Gersdorff, E. // Hansische Geschichtsblätter. – Köln-Wien, 1982. – Jg. 100. – S. 141 ; 4) Held, W. // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. – Berlin, 1982. – Bd. 4. – S. 210–213.

Реф.: Ястребицкая, А. Л. // РЖ. Общественные науки в СССР. Сер. 5, История. – 1979. – № 6. – С. 117–119.

55. Майер, В. Е. Модернистские тенденции религий и церквей на современном этапе : метод. материал в помощь лектору / В. Е. Майер ; Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР. – Ижевск, 1979. – 16 с.

56. Майер, В. Е. «Прусский путь» развития капитализма в Заэльбской Германии : историография проблемы (ГДР, 50–60-е гг.) / В. Е. Майер // Проблемы генезиса капитализма : сб. ст. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 1979. – С. 3–33.

57. Майер, В. Е. [Реферат] // Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма : реф. сб. – Москва, 1979. – Ч. 2. – С. 37–40.

Реф. на: Fogler, G. Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft : Betrachtungen über die Entwicklung des Bürgertums in Mittel- und Westeuropa vom 11. bis zum 18. Jahrhundert / G. Fogler.

58. Majer, W. E. Soziale und ökonomische Wandlungen im Bereich der Waidproduktion und des Weidhandels in Deutschland während des 14. bis 17. Jahrhunderts / W. E. Majer // Europäische Stadtgeschichte in Mittelalter und früher Neuzeit / hrsg. von W. Mägdefrau. – Weimar, 1979. – S. 227–236.

1981

59. Майер, В. Е. Важный источник по истории крестьянской общины в Удмуртии / В. Е. Майер // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. : сб. ст. / НИИ при Совете Министров Удмурт. АССР. – Ижевск, 1981. – С. 36–60.

60. Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв. : сб. ст. / НИИ при Совете Министров Удмурт. АССР ; редкол.: В. Е. Владыкин, М. В. Гришкина, В. Е. Майер (отв. ред.). – Ижевск : [б. и.], 1981. – 156 с.

61. Майер, В. Е. К истории взаимосвязи феодальной крепости и средневекового города Германии с X по XVI в. / В. Е. Майер // Античная древ-

ность и средние века. Античный и средневековый город / Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1981. – С. 120–134.

62. Майер, В. Е. Общинные владения и традиции средневековых городов Германии в XIII–XVII вв. / В. Е. Майер // Средневековый город : межвуз. науч. сб. / редкол.: В. А. Ермолаев [и др.]. – Саратов, 1981. – Вып. 6. – С. 36–40.

63. Майер, В. Е. [Рецензия] // Историографический сборник : межвуз. науч. сб. / редкол.: Г. Д. Бурдей [и др.]. – Саратов, 1981. – Вып. 6(9) : Методологические проблемы исторической науки. – С. 140–157.

Рец. на кн.: Mägdefrau, W. Der Thiringer Städtebund im Mittelalter. – Weimar, 1976. – Пер. назв.: Тюрингский союз городов в средние века.

64. Майер, В. Е. [Рецензия] // Вопросы истории. – 1981. – № 1. – С. 136–140.

Рец. на кн.: История средних веков : учеб. для ист. фак. гос. ун-тов : в 2 кн. / под общ. ред. С. Д. Сказкина. – Москва : Высш. шк., 1977.

65. Майер, В. Е. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте / В. Е. Майер // Культура эпохи Возрождения и Реформация / АН СССР, Науч. совет по истории мировой культуры. – Ленинград, 1981. – С. 123–130.

66. Майер, В. Е. Формы и характер крестьянских движений в Германии XIV–XV вв. : доклад на 11-м коллоквиуме историков СССР и ГДР / В. Е. Майер // Вопросы истории. – 1981. – № 12. – С. 151.

1983

67. Аграрная история эпохи феодализма : сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР ; редкол.: В. Е. Майер, К. Д. Авдеева, Б. Г. Плющевский [и др.]. – Ижевск : [б. и.], 1983. – 180 с.

68. Майер, В. Е. Историческое прошлое удмуртского народа / В. Е. Майер // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1983. – № 3. – С. 236–237 ; Удмуртская правда. – 1983. – 16 янв.

69. Майер, В. Е. Крестьяне Германии к востоку от Эльбы в XII–XV вв. / В. Е. Майер // Античная древность и средние века / Урал. гос. ун-т. – Свердловск, 1983. – С. 105–120.

Рец. на кн.: Материалы по этногенезу удмуртов : сб. ст. / НИИ при Совете Министров УАССР. – Ижевск : [б. и.], 1982. – 175 с.

70. Майер, В. Е. Община в Германии в XIII–XVII вв. / В. Е. Майер // Аграрная история эпохи феодализма : сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия УдГУ. – Ижевск, 1983. – С. 75–86.

1984

71. Методические разработки по истории средних веков для студентов II курсов исторического факультета / сост. В. Е. Майер ; Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР. – Ижевск, 1984. – 44 с.

72. Программа спецкурса «История западноевропейской культуры

XIV–XV вв.» / сост. В. Е. Майер ; Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР. – Ижевск, 1984. – 10 с.

1985

73. Майер, В. Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма / В. Е. Майер. – Москва : Высш. шк., 1985. – 190 с.

Рец.: Vogler, G. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 1987. – № 12. – S. 11–24.

74. Майер, В. Е. Немецкие крестьяне к востоку от Эльбы в XII–XV вв. / В. Е. Майер // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI–XVI вв.) / Вологод. гос. пед. ин-т. – Вологда, 1985. – С. 36–53.

75. Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. : сб. ст. / НИИ при Совете Министров Удмурт. АССР ; редкол.: М. В. Гришкина, В. Е. Майер (отв. ред.), Л. С. Христолюбова. – Ижевск : [б. и.], 1985. – 132 с.

76. Майер, В. Е. Формы и характер крестьянских движений в Германии XIV–XV вв. / В. Е. Майер // Феодалная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII–XV вв. : [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 1985. – С. 194–221.

1986

77. Майер, В. Е. Крестьянство в немецких землях к западу от Эльбы и в Австрии в XVI – середине XIX веков / В. Е. Майер // История крестьянства в Европе : Эпоха феодализма. В 3 т. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 1986. – Т. 3 : Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. – С. 126–146.

78. Майер, В. Е. Немецкое крестьянство в XI–XIII вв. / В. Е. Майер // История крестьянства в Европе : Эпоха феодализма : в 3 т. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 1986. – Т. 2. – С. 168–184.

79. Смирин, М. М. Немецкое крестьянство в XIV – начале XVI веков / М. М. Смирин, В. Е. Майер // История крестьянства в Европе : Эпоха феодализма : в 3 т. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 1986. – Т. 2. – С. 366–381.

80. Голдина, Р. Д. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Р. Д. Голдина, Н. В. Водолаго ; науч. ред. В. Е. Майер. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 173 с.

1992

81. Майер, В. Е. Памфлеты эпохи Великой Крестьянской войны в Германии : учеб. пособие / В. Е. Майер, В. В. Иванов. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 1992. – 94 с.

2005

82. Вайстюм Бингенхейма, 1554 : [из неопубликованного наследия] / пер. В. Е. Майера // Историк и его дело : межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т, Рос. о-во интеллект. истории, Ижев. отд-ние [и др.]. – Ижевск,

2005. – Вып. 4. – С. 159–166. – Сер. памяти проф. В. Е. Майера.

2007

83. Майер, В. Е. Мартин Лютер и рост социально-политического сознания народных масс в Германии в 1517–1521 гг. / В. Е. Майер ; подгот. к печати В. В. Иванова // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – № 7 : История. – С. 171–186.

2009

84. Майер, В. Е. Ответы на вопросы Совета ветеранов войны исторического факультета МГУ / В. Е. Майер // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...» : воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / МГУ им. М. В. Ломоносова [и др.]. – Москва, 2009. – С. 190–194.

ЛИТЕРАТУРА О В.Е. МАЙЕРЕ

1. Шишкина, Н. Человек большой души / Н. Шишкина // Удмуртский университет. – 1974. – 4 июля.

2. Белова, Е. Работа под его руководством – радость / Е. Белова // Удмуртский университет. – 1978. – 7 декабря.

3. Владыкин, В. Е. Самый большой титул / В. Е. Владыкин // Удмуртский университет. – 1978. – 7 декабря.

4. Санников, Н. И. Достойны подражания такие его черты, как... / Н. И. Санников // Удмуртский университет. – 1978. – 7 декабря.

5. Тронин, А. А. Майер не кабинетный ученый... / А. А. Тронин // Удмуртский университет. – 1978. – 7 декабря.

6. Ученый-педагог : [о В. Е. Майере] // Удмуртская правда. – 1978. – 7 декабря.

7. Шишкина, Н. Г. Быть учителем / Н. Г. Шишкина // Удмуртский университет. – 1978. – 7 декабря.

8. Бессмертный, Ю. Л. Памяти В. Е. Майера (1918–1985) / Ю. Л. Бессмертный // Средние века / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – 1986. – Вып. 49. – С. 332–333.

9. Васильев, М. Памяти учителя / М. Васильев // Удмуртский университет. – 1988. – 4 марта.

10. Владыкин, В. Е. Профессор В. Е. Майер и его исследования по проблемам аграрной истории / В. Е. Владыкин // Проблемы аграрной истории Удмуртии : сб. ст. / Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО АН СССР. – Ижевск, 1988. – С. 5–14.

11. Научные труды В. Е. Майера / сост. Д. В. Шушарин // Средние века / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. – 1988. – Вып. 51. – С. 338–340.

12. Список научных трудов доктора исторических наук, профессора

В. Е. Майера / сост.: Б. П. Сысоева-Майер, В. В. Иванов // Проблемы аграрной истории Удмуртии : сб. ст. / Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО АН СССР. – Ижевск, 1988. – С. 14–19.

13. Владыкин, В. Е. Профессор В. Е. Майер – ученый и педагог / В. Е. Владыкин, Н. Г. Шишкина // Проблемы германской истории (эпоха феодализма) : межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР. – Ижевск, 1989. – С. 5–22.

14. Из воспоминаний о Вильгельме Евгеньевиче Майере / А. И. Немировский, М. М. Фрейденберг, А. Н. Вахрушев [и др.] // Проблемы германской истории (эпоха феодализма) : межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т им. 50-летия СССР. – Ижевск, 1989. – С. 143–152.

15. Карпикова (Голованова), Н. Н. Военнопленные питались лучше, чем охрана / Н. Н. Карпикова (Голованова) // Неделя Удмуртии. – 1993. – 17 декабря.

16. Голдина, Р. Д. [Первая встреча с В. Е. Майером на раскопе] // Силуэты растаявших веков / Р. Д. Голдина. – Ижевск, 1996. – С. 36, 46–47.

17. Кафедра истории древнего мира и средних веков // 65 лет историческому факультету / отв. ред. М. М. Мартынова. – Ижевск, 1996. – С. 29–32.

18. Шишкина, Н. Г. Профессор В. Е. Майер. Опыт анализа педагогической концепции / Н. Г. Шишкина // Исторический факультет: история, современное состояние и перспективы : тез. докл. Респ. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию УГПИ-УдГУ / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак. – Ижевск, 1996. – С. 52–54.

19. Список научных трудов доктора исторических наук, профессора В. Е. Майера (1918–1985) / сост.: Б. П. Сысоева-Майер, В. В. Иванов // Вестник Удмуртского университета. – 1998. – Спец. вып.: Всеобщая история : к 80-летию профессора В. Е. Майера. – С. 18–21.

20. Шишкина, Н. Г. Научно-педагогическое наследие профессора В. Е. Майера / Н. Г. Шишкина, В. Е. Владыкин // Вестник Удмуртского университета. – 1998. – Спец. вып.: Всеобщая история : к 80-летию профессора В. Е. Майера. – С. 3–18.

21. Владыкин, В. Е. Майер Вильгельм Евгеньевич / В. Е. Владыкин // Удмуртская Республика = Удмурт Элькун : энциклопедия / гл. ред. В. В. Туганаев. – Ижевск, 2000. – С. 468.

22. [Кафедра истории древнего мира и средних веков] // Удмуртский государственный университет : (альбом) / ред. Л. Ф. Тюкина. – Ижевск, 2000. – С. 45.

23. Майер Вильгельм (Василий) Евгеньевич (1918–1985) // Призвание / сост.: Н. П. Долгина, В. И. Петровский ; под ред. Н. П. Кралиной. – 2-е доп. и испр. изд. – Ижевск, 2001. – С. 104–105.

24. Наука в Удмуртском университете в 1972–2001 гг. // Пузанов, В. В. История Удмуртского государственного университета : крат. очерки,

1931-2001 / В. В. Пузанов, И. В. Верижникова. – Москва ; Ижевск, 2001. – С. 152–153.

25. Шишкина, Н. Г. Наследие профессора В. Е. Майера / Н. Г. Шишкина // Вестник Удмуртского университета. – 2001. – Спец. вып.: Очерки. Эссе. Воспоминания. – С. 20–30.

26. Штрихи к портрету В. Е. Майера / материал подгот. Н. Филинова // Вестник Удмуртского университета. – 2001. – Спец. вып.: Очерки. Эссе. Воспоминания. – С. 30–33.

27. Владыкин, В. Е. В Ижевск, к Майеру / В. Е. Владыкин // Историк и его дело : материалы науч. чт. памяти проф. В. Е. Майера, 6 декабря. 2001 г., Ижевск / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков. – Ижевск, 2002. – Вып. 1. – С. 3–8.

28. Разбаков, С. Г. Анализ *Urkunden* позднесредневековой Германии как компонент источниковедческого мастерства В. Е. Майера / С. Г. Разбаков // Историк и его дело : материалы науч. чт. памяти проф. В. Е. Майера, 6 декабря. 2001 г., Ижевск / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков. – Ижевск, 2002. – Вып. 1. – С. 63–66.

29. Шишкина, Н. Г. Кафедра истории древнего мира и средних веков УдГУ : (из опыта руководства) / Н. Г. Шишкина // Диалоги о прошлом : материалы семинара-совещания преподавателей истории древнего мира и средних веков, Казань, 8-10 октября 2001 г. / редкол.: Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинцев. – Казань, 2002. – С. 57–61.

30. Владыкин, В. Е. В Ижевск, к Майеру... // Мон / В. Е. Владыкин. – Ижевск, 2003. – С. 241–248.

31. Владыкин, В. Е. Это был человек добрейшей души. : в декабре В. Е. Майеру исполнилось бы 85 лет / В. Е. Владыкин, Н. Г. Шишкина // Удмуртская правда. – 2003. – 2 декабря.

32. Историк и его дело : [к 85-летию д-ра ист. наук, проф. В. Е. Майера] / материалы подгот. Н. Халявин // Удмуртский университет. – 2003. – 22 декабря.

33. Кананин, В. А. Майер Вильгельм Евгеньевич / В. А. Кананин // Историки Урала XVIII–XX вв. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии, Урал. гуманитар. ин-т. – Екатеринбург, 2003. – С. 212–213.

34. Крылов Е. В. Жизнь на взлете / Е. В. Крылов // День. – 2003. – 11 декабря.

35. Мельникова, О. М. В. Е. Майер и развитие археологии в Удмуртском государственном университете / О. М. Мельникова // Историк и его дело : сб. науч. ст., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. В. Е. Майера (1918–1985) / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории древнего мира и сред. веков. – Ижевск, 2003. – Спец. Вып. – С. 13–20.

36. Профессор Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич : к 85-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / сост.: Н. Г. Шишкина, Н. Ю. Стар-

кова, Д. А. Черниенко ; ред. Л. М. Васильева ; Науч. б-ка УдГУ. – Ижевск, 2003. – 52 с.

37. Шишкина, Н. Г. Кафедра истории древнего мира и средних веков: из века минувшего в век нынешний / Н. Г. Шишкина // Историк и его дело : сб. науч. ст., посвящ. 85-летию со дня рождения проф. В. Е. Майера (1918–1985) / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории древнего мира и сред. веков. – Ижевск, 2003. – Спец. Вып. – С. 3–13.

38. Шишкина, Н. Г. Майер Вильгельм Евгеньевич / Н. Г. Шишкина // Историки Урала, XVIII–XX вв. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии [и др.]. – Екатеринбург, 2003. – С. 210–211.

39. Халявин, Н. В. Историк и его дело / Н. В. Халявин // Удмуртский университет. – 2003. – 22 декабря.

40. Владыкин, В. Е. Майер Вильгельм Евгеньевич / В. Е. Владыкин // Удмуртская Республика = Удмурт. Элькун : энциклопедия / гл. ред. В. В. Туганаев. – Ижевск, 2004. – С. 474.

41. Черниенко, Д. А. Майеровские чтения на истфаке / Д. А. Черниенко // Удмуртский университет. – 2004. – 27 декабря.

42. Вильгельм Майер: состоявшаяся жизнь // Номенклатура : сб. биограф. очерков / под общ. ред. А. В. Васильева, В. А. Шаталова. – Ижевск, 2005. – Гл. 5. – С. 341–349.

43. Котова, Л. В. Вайстюм Бингенхеймской марки и другие переводы В. Е. Майера / Л. В. Котова // Историк и его дело : межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т, Рос. о-во интеллект. истории, Ижев. отд-ние [и др.]. – Ижевск, 2005. – Вып. 4. – С. 150–158. – Сер. памяти проф. В. Е. Майера.

44. Ренев, Е. Немецкие армии Сталина / Е. Ренев // Московский комсомолец в Ижевске. – 2005. – 13–20 апреля.

45. Соловьева, В. Д. По праву памяти / В. Д. Соловьева // Удмуртский университет. – 2005. – 26 апреля.

46. Шишкина, Н. Г. Василий Евгеньевич Майер : педагогическое наследие / Н. Г. Шишкина // Инновационные процессы в сфере образования и проблемы повышения качества подготовки специалистов : материалы Междунар. науч.-метод. конф., Ижевск, 30–31 марта 2005 г. / Удмурт. гос. ун-т, Учеб.-метод. совет. – Ижевск, 2005. – Т. 2. – С. 158–162.

47. Вильгельм (Василий) Евгеньевич Майер (1918–1985) // Большая наука. УдГУ : коллектив. автопортрет / Е. Ф. Шумилов. – Ижевск, 2006. – С. 91–94.

48. Зорина, А. А. Медиевистика в Удмуртском университете: традиции и перспективы / А. А. Зорина, Н. Г. Шишкина // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики : материалы науч. конф., 5–7 окт. 2006 г. / РАН, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 2006.

49. Малышев, М. Ю. История и культура Германии в образовательном процессе на историческом факультете УдГУ / М. Ю. Малышев, Н. Ю.

Старкова // Российские немцы: история и современность : материалы науч.-практ. конф., 3 декабря. 2004 г., Ижевск / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак. [и др.]. – Ижевск, 2006. – Вып. 5. – С. 97–104.

50. Орлова, А. И. Традиции советско-германских культурных и научных связей / А. И. Орлова // Российские немцы: история и современность : материалы науч.-практ. конф., 3 дек. 2004 г., Ижевск / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак. [и др.]. – Ижевск, 2006. – Вып. 5. – С. 88–97.

51. Пантюхин, Л. А. Воспоминания о В. Е. Майере : (из записок Л. А. Пантюхина, студента ист. фак. УГПИ 1948–1952 гг.) Л. А. Пантюхин // Российские немцы: история и современность : материалы науч.-практ. конф., 3 декабря. 2004 г., Ижевск / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак. [и др.]. – Ижевск, 2006. – Вып. 5. – С. 142–151.

52. Фанасова, М. А. Воспоминания о В. Е. Майере / М. А. Фанасова // Российские немцы: история и современность : материалы науч.-практ. конф., 3 декабря. 2004 г., Ижевск / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак. [и др.]. – Ижевск, 2006. – Вып. 5. – С. 151–153.

53. Шишкина, Н. Г. Василий Евгеньевич Майер: историк и его дело / Н. Г. Шишкина // Средние века / РАН, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 2006. – Вып. 67. – С. 216–245.

54. Иванов, В. В. Памяти Вильгельма (Василия) Евгеньевича Майера (6.12.1918 – 10.02.1985 гг.) / В. В. Иванов // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – История. – С. 169–170.

55. Зорина, А. А. Кафедра истории древнего мира и средних веков: прошлое, настоящее, перспективы / А. А. Зорина, Н. Ю. Старкова, Н. Г. Шишкина // Историческая наука в УГПИ–УдГУ, 1931–2006 гг. : историогр. очерки / Удмурт. гос. ун-т ; отв. ред. О. М. Мельникова. – Ижевск, 2007. – С. 57–82.

56. Зорина, А. А. Научная школа В. Е. Майера в контексте подготовки профессиональных историков-медиевистов / А. А. Зорина, Н. Г. Шишкина // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе / РАН, Ин-т всеобщ. истории. – Москва, 2007.

57. Зорина, А. А. Проблемы региональной истории в творчестве профессора В. Е. Майера / А. А. Зорина, Н. Г. Шишкина // Общественно-политическая мысль и духовная жизнь народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.) : проблемы изучения / Казан. гос. ун-т. – Казань, 2007.

58. Малышев, М. Ю. Историческому факультету 75 лет / М. Ю. Малышев // Историческая наука в УГПИ–УдГУ, 1931–2006 : историогр. очерки / Удмурт. гос. ун-т ; отв. ред. О. М. Мельникова. – Ижевск, 2007. – С. 5–6.

59. Сысоева-Майер, Б. П. Из переписки с учителем и другом / Б. П. Сысоева-Майер // Историк и его дело : межвуз. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории древ. мира сред. веков [и др.]. –

Ижевск, 2007. – Вып. 6.– С.172–202.

60. Владыкин, В. Е. «...из Германии туманной привез учености плоды» / В. Е. Владыкин // И Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ : сб. ст. Междунар. науч-практ. конф. : к 90-летию со дня рождения проф. В. Е. Майера / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак. [и др.]. – Ижевск, 2008. – С. 292–300.

61. Владыкин, В. Е. Майер Вильгельм Евгеньевич / В. Е. Владыкин // Удмуртская Республика = Удмурт Элькун : энциклопедия / гл. ред. В. В. Туганаев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Ижевск, 2008. – С. 459–460.

62. Иванов, В. В. Из научного наследия В. Е. Майера (6.12.1918–10.02.1985) / В. В. Иванов // Вестник Удмуртского университета. Сер. история и филология. – 2008. – Вып. 2. – С. 164–165.

63. Майер Вильгельм Евгеньевич // Удмуртская Республика = Удмурт Элькун : энциклопедия / гл. ред. В. В. Туганаев ; ред. В. Н. Ившин]. – 2-е изд., испр., доп. – Ижевск, 2008. – С. 459.

64. Памяти учителя / коллеги и ученики // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ : сб. ст. Междунар. науч-практ. конф. : к 90-летию со дня рождения проф. В. Е. Майера / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак. [и др.]. – Ижевск, 2008. – С. 3–4.

65. Халявин, Н. Историк и его дело / Н. Халявин // Удмуртия. Регион 18. – 2008–2009. – № 6/1. – С. 8–9.

66. Черниенко, Д. А. Вошел в историю / Д. А. Черниенко // Удмуртский университет. – 2008. – 30 декабря. – С. 13.

67. Шепталин, А. А. Немцы на территории Удмуртии в годы Второй мировой войны / А. А. Шепталин // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ : сб. ст. Междунар. науч-практ. конф. : к 90-летию со дня рождения проф. В. Е. Майера / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак. [и др.]. – Ижевск, 2008. – С. 376–381.

68. Шишкина, Н. Г. Методика проведения экзаменов и зачетов (из опыта профессора В. Е. Майера) / Н. Г. Шишкина // Проблема качества исторического образования в системе высшей школы : сб. науч. ст. и сообщ. / Казан. гос. ун-т. – Казань, 2008. – С. 201–207.

69. Зорина, А. А. Содержание и формы организации научно-педагогической деятельности на кафедре истории древнего мира и средних веков / А. А. Зорина // Наука Удмуртии. – 2009. – № 6. – С. 105–134.

70. Панфилов, А. Видеть в каждом студенте коллегу / А. Панфилов // Удмуртская правда. – 2008. – 12 декабря.

71. Письма учителю и другу. Из научного наследия профессора В. Е. Майера / подгот. к публ. и коммент. Б. П. Сысоевой-Майер // Средние века / Ин-т всеобщ. истории РАН. – Москва, 2009. – Вып. 70 (1-2) : Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. – С. 316–355.

72. Пономарёв, К. А. Из воспоминаний о Вильгельме Евгеньевиче Майере // *Личность в истории : мемуары, избранное* / К. А. Пономарёв. – Ижевск, 2009. – С. 301–304.

73. Черниенко, Д. А. Историк и время (из научной переписки профессора В. Е. Майера) / Д. А. Черниенко // *Диалог со временем.* – 2009. – № 28. – С. 166–175.

74. Шишкина, Н. Г. Развитие научно-педагогических традиций профессора В.Е.Майера кафедрой истории древнего мира и средних веков УдГУ / Н. Г. Шишкина // *Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия : материалы Всерос. науч. конф.* / Ин-т всеобщ. истории РАН. – Москва, 2009. – С. 165–167.

75. Гуца, Е. М. Вспоминая учителя. Слово о В. Е. Майере / Е. М. Гуца // *Историк и его дело : межвуз. сб. науч. тр.* / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред веков [и др.]. – Ижевск, 2010. – Вып. 8. – С. 149–153.

76. Сысоева-Майер, Б. П. В. Е. Майер в годы Великой Отечественной войны : (по воспоминаниям) / Б. П. Сысоева-Майер // *Великая Отечественная война в нашей памяти : сб. Воспоминаний* / ГОУВПО «Удмуртский государственный университет», Совет ветеранов. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2010. – С. 6–17.

77. Шишкина, Н. Г. Методика чтения специальных курсов на кафедре истории древнего мира и средних веков исторического факультета Удмуртского государственного университета / Н. Г. Шишкина // *Историческое образование в высшей школе: формирование специалиста и гражданина : материалы Всерос. науч.-практ. конф.* / Изд-во Казан. ун-та. – Казань, 2010. – С. 259–262.

78. Шишкина, Н. Г. Некоторые проблемы социальной истории позднесредневековой Германии в трудах В. Е. Майера / Н. Г. Шишкина, С. Г. Лукина // *Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследие : материалы Всерос. науч. конф.* / Ин-т всеобщ. истории РАН. – Москва, 2010. – С. 272–273.

79. Шишкина, Н. Г. Размышления В. Е. Майера о творческом характере подготовки к экзаменам и зачетам / Н. Г. Шишкина // *Историк и его дело : межвуз. сб. науч. тр.* / Удмурт. гос. ун-т, Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред веков [и др.]. – Ижевск, 2010. – Вып. 8. – С. 144–149.

80. Безносова, О. М. Фонд Василия Евгеньевича Майера в ГКУ «Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики» / О. М. Безносова // *Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та.* / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 59–67.

81. Благодарная память : воспоминания о В. Е. Майере / А. И. Орлова, А. А. Благодатских, Е. А. Любимова [и др.] // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 101–104.

82. Бондарева, Е. О. Природно-географический фактор в исследованиях В. Е. Майера: к постановке проблемы / Е. О. Бондарева // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 88–94.

83. Васильев, А. Состоявшаяся жизнь / А. Васильев, В. Любич // Вспоминая былые годы... : сб. воспоминаний к 80-летию УГПИ–УдГУ / ФГБОУ «Удмуртский государственный университет», Совет ветеранов. – Ижевск, 2011. – С. 167–173.

84. Ворожцов, С. С. Профессор В. Е. Майер и Удмуртия: нить, связавшая судьбу / С.С. Ворожцов // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 27–33.

85. Зорина, А. А. В. Е. Майер и традиции преподавания истории средних веков в Удмуртском государственном университете / А. А. Зорина, Н. Г. Шишкина // История средних веков : учеб. пособие для студ. ист. фак. ун-тов. / Казан. гос. ун-т, Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2011. – С. 26.

86. Леконцев, П. В. Невольники войны / П. В. Леконцев // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 37–47.

87. Лукина, С. Г. Профессор В. Е. Майер об изменениях в социальной структуре крестьянства в позднесредневековой Германии / С. Г. Лукина // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 76–80.

88. Макаров, Л. Д. В. Е. Майер о вопросах религии и атеизма (предварительные наблюдения) / Л. Д. Макаров // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 94–100.

89. Мельникова, О. М. История Удмуртии, локальная история, историческое краеведение: проблемы развития регионального знания (к постановке проблемы) / О. М. Мельникова // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 11–16.

90. Мерзлякова, Л. В. Профессиональная педагогическая этика и культура преподавателя вуза: взгляд современников на опыт В. Е. Майера / Л. В. Мерзлякова, М. Г. Савельева // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 74–76.

91. Останина, Т. И. Материалы профессора В. Е. Майера в фондах Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда / Т. И. Останина // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 67–74.

92. Пислегин, М. Новый Мултан: начало научно-педагогической деятельности В. Е. Майера / отец М. Пислегин // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 25–27.

93. Пудов, А. И. Развитие образования и сферы культуры в Увинском районе в годы Великой Отечественной войны / А. И. Пудов // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный универ-

ситет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 33–37.

94. Старкова, Н. Ю. Исторический факультет УдГУ в год восьмидесятилетнего юбилея: традиции и новации / Н. Ю. Старкова // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 5–11.

95. Туркевич, А. Л. Майеровские чтения – 2011 / А. Л. Туркевич // Удмуртский университет. – 2011. – 25 октября.

96. Туркевич, А. Л. Научные связи профессора В. Е. Майера (по переписке и автографам) / А. Л. Туркевич // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 81–88.

97. Туркевич, А. Л. Полемика В. Е. Майера с западногерманскими историками о проблемах аграрного развития Германии в позднесредневековье / А. Л. Туркевич // Наука в УГПИ – УдГУ: история, современное состояние, перспективы : материалы науч. конф., Ижевск, 21 апр. 2011 г. / Удмурт. гос. ун-т, Упр. развитием науч. и инновац. деятельности, Центр истории образования, науки и культуры УдГУ. – Ижевск, 2011. – С. 121–130.

98. Шапран, И. Г. К вопросу об источниковой базе для создания аналитической биографии В. Е. Майера // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 53–59.

99. Шишкина, Н. Г. В Ижевском отделении РОИИ состоялся Круглый стол «Профессор Василий Евгеньевич Мейер и изучение локальной истории Удмуртии» 20 сентября 2011 г. с. Новый Мултан Удмуртской Республики / Н. Г. Шишкина, О. М. Мельникова, Н. Ю. Старкова // Вестник Российского общества интеллектуальной истории. – 2011. – № 24. – С. 17–18.

100. Шишкина, Н. Г. Ученый. Эпоха. Память / Н. Г. Шишкина // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 48–52.

101. Шумилов, Е. Ф. Просветители Увинского края / Е. Ф. Шумилов // Историк и его дело : материалы респ. круглого стола «Профессор Василий Евгеньевич Майер и изучение локальной истории Удмуртии», посвящ. 80-летию Удмурт. гос. ун-та. / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.]. – Ижевск, 2011. – Вып. 9. – С. 17–21.
102. Юшкова, Е. Майер и Удмуртия: нить, связавшая судьбу / Е. Юшкова // Увинская газета. – 2011. – 4 октября. – С. 4.
103. Юшкова, Е. Нить, связавшая судьбу / Е. Юшкова // Удмуртская правда. – 2011. – 14 октября.
104. Шишкина, Н. Г. Профессор В. Е. Майер как просветитель и популяризатор исторической науки / Н. Г. Шишкина, А. Л. Туркевич // Историческая наука и образование в условиях современных вызовов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 22–23 нояб. 2012 г. – Казань, 2012. – С. 147–149.
105. Лукина, С. Г. Социальная история средневековой Германии XIV–XVI вв. : по материалам вайстюмов / С. Г. Лукина // Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Историк. Текст. Эпоха». – Екатеринбург, 2012.
106. Майер Вильгельм (Василий) Евгеньевич (1918–1985) // Пудов, А. И. Народное образование Увинского района: история, известные педагоги, учительские династии / А. И. Пудов. – Ува ; Ижевск ; Сарапул, 2012. – С. 164–176.
107. Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах / ФГБОУ «Удмуртский государственный университет», Ист. фак., Каф. истории древ. мира и сред. веков [и др.] ; сост. Б. П. Сысоева ; под общ. ред. Н. Г. Шишкиной. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2012. – 418 с.
108. Туркевич, А. Л. Автографы и дарственные надписи на книгах из библиотеки профессора В. Е. Майера (как дополнительный источник к биографии ученого) / А. Л. Туркевич // История. Международные отношения = International relations : альманах науч. работ студентов и аспирантов / ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2012. – Вып. 5. – С. 137–142.
109. Туркевич, А. Л. Прекрасный слог, живой язык / А. Л. Туркевич // Удмуртская правда. – 2012. – 5 июня.
110. Харламова, В. Люди и события, встречи и факты / В. Харламова // Удмуртский университет. – 2012. – 27 марта.
111. Шишкина, Н. Г. Немецкое происхождение профессора В. Е. Майера в контексте Великой Отечественной войны: тернистый путь к профессиональному мастерству / Н. Г. Шишкина, А. Л. Туркевич // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. Л. П. Репина. –

Москва, 2012. – С. 77–80.

112. Туркевич, А. Л. «Вот правда, с которой я вступаю в новую жизнь» : историк в дневнике, дневник как история / А. Л. Туркевич // Диалог со временем. – 2013. – № 43. – С. 170–179.

113. Краснова, В. Искусство быть историком и человеком / В. Краснова // Удмуртский университет. – 2013. – 3 декабря. – С. 5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бейлис Александр – выпускник исторического факультета УдГУ 1970 г., учитель истории, свободный исследователь (Назарет, Израиль)

Белошапка Наталья Владимировна – доцент кафедры политологии и политического управления УдГУ, кандидат исторических наук

Бондаренко Наталья Александровна – доцент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, кандидат педагогических наук (Москва)

Галямичев Александр Николаевич – заведующий кафедрой истории средних веков Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, профессор, доктор исторических наук (Саратов)

Гуца Евгения Михайловна – учитель истории, Заслуженный учитель Российской Федерации (Ижевск)

Евсеенко Тимур Петрович – профессор кафедры теории и истории государства и права УдГУ, доктор юридических наук

Елистратова Наталья Николаевна – доцент Рязанского воздушно-десантного командного училища им. генерала армии В.Ф. Маргелова, кандидат педагогических наук (Рязань)

Зелинская Наталья Александровна – доцент кафедры профессионального иностранного языка факультета профессионального иностранного языка УдГУ, магистр искусств

Зорин Алексей Дмитриевич – аспирант Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского Отделения РАН

Зорина Анна Александровна – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков УдГУ, кандидат исторических наук

Ивонин Юрий Евгеньевич – заведующий кафедрой всеобщей истории Смоленского государственного университета, профессор, доктор исторических наук (Смоленск)

Ильинский Сергей Игоревич – заместитель начальника отдела по взаимодействию с общественными объединениями Управления по внутренней политике Администрации Президента и Правительства Удмуртской Республики, кандидат исторических наук

Казанцева Ольга Алексеевна – доцент кафедры археологии и истории первобытного общества УдГУ, кандидат исторических наук

Качалина Надежда Семеновна – декан филологического факультета УГПИ–УдГУ в 1964–1974 гг., кандидат филологических наук

Крылов Евгений Валерьевич – доцент кафедры политологии и политического управления УдГУ, кандидат исторических наук

Кубашев Геннадий Павлович – ученик Б.П. Сысоевой, сосед семьи Майеров в 1950–1960-х гг.

Лекомцева Надежда Витальевна – доцент Института повышения квалификации и переподготовки работников образования УР, кандидат педагогических наук

Макаров Леонид Дмитриевич – старший научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ, доктор исторических наук

Мезрина Галина Владиславовна – заведующая отделом музейной педагогики Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда

Останина Таисия Ивановна – старший научный сотрудник Национального музея Удмуртской Республики им. К. Герда, доктор исторических наук

Пантюхина Татьяна Викторовна – доцент кафедры археологии и всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета, кандидат исторических наук (Ставрополь)

Пушкарева Вера Викторовна – доцент кафедры новой и новейшей истории и международных отношений УдГУ, кандидат исторических наук

Сафонова Татьяна Витальевна – профессор кафедры педагогики Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко, доктор педагогических наук

Старкова Надежда Юрьевна – декан исторического факультета Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков

Сукина Людмила Борисовна – заведующая кафедрой гуманитарных наук НОУ ВПО «Институт программных систем «УГПИ им. А.К. Айламазяна», кандидат культурологи, доцент (Переяславль-Залесский)

Туркевич Андрей Львович – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета

Харламова Ирина Владимировна – учитель ИЗО и МХК МБОУ «Хореографический лицей № 95» г. Ижевска

Черниенко Денис Аркадьевич – председатель Ижевского отделения Российского общества интеллектуальной истории, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук

Черниенко Ирина Борисовна – доцент кафедры психолого-педагогического и гуманитарного образования Уфимского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, кандидат исторических наук (Уфа)

Черных Елизавета Михайловна – доцент кафедры археологии и истории первобытного общества УдГУ, кандидат исторических наук

Чиркин Владимир Александрович – профессор кафедры теории и истории государства и права УдГУ, доктор исторических наук

Чуракова Екатерина Алексеевна – консультант отдела по взаимодействию с общественными объединениями Управления по внутренней политике Администрации Президента и Правительства Удмуртской Республики

Шишкина Наталья Геннадьевна – заведующая кафедрой истории древнего мира и средних веков Удмуртского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент

Штенникова Елена Геннадьевна – доцент кафедры музыкального искусства Института искусства и дизайна УдГУ, кандидат педагогических наук

Ютина Татьяна Карловна – доцент кафедры археологии и истории первобытного общества УдГУ, кандидат исторических наук

Научное издание

**ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ
В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ:
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ**

Сборник статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессора В.Е. Майера (1918–1985)

Серия «Историк и его дело». Выпуск 10

*Публикуется в авторской редакции
Отпечатано с оригинал-макета*

Компьютерная верстка и техническая редакция –
А.Л. Туркевич, Д.А. Черниенко

Подписано в печать _____
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Усл.печ.л. 17,5.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4.
Тел./ факс: +7 (3412) 500-295 e-mail: editorial@udsu.ru